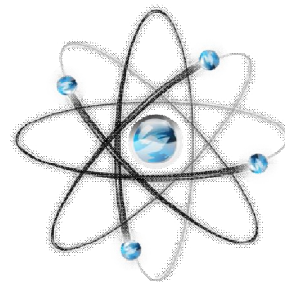

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ
ISSN 2303-9868**

**Meždunarodnyj
naučno-issledovatel'skij
žurnal**

**№2 (33) 2015
Часть 2**

Периодический теоретический и научно-практический журнал.
Выходит 12 раз в год.
Учредитель журнала: ИП Соколова М.В.
Главный редактор: Миллер А.В.
Адрес редакции: 620075, г. Екатеринбург, ул. Красноармейская, д. 4,
корп. А, оф. 17
Электронная почта: editors@research-journal.org
Сайт: www.research-journal.org

Подписано в печать 12.03.2015.
Тираж 900 экз.
Заказ 25013
Отпечатано с готового оригинал-макета.
Отпечатано в типографии ООО "Компания ПОЛИГРАФИСТ"
623701, г. Березовский, ул. Театральная, дом № 1, оф. 88.

Сборник по результатам XXXVI заочной научной конференции Research Journal of International Studies.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Полное или частичное воспроизведение или размножение, каким бы то ни было способом материалов, опубликованных в настоящем издании, допускается только с письменного разрешения авторов.

Номер свидетельства о регистрации в Федеральной Службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: **ПИ № ФС 77 – 51217.**

Члены редколлегии:

Филологические науки: Растягаев А.В. д-р филол. наук, Сложеникина Ю.В. д-р филол. наук, Штрекер Н.Ю. к.филол.н., Вербицкая О.М. к.филол.н.

Технические науки: Пачурин Г.В. д-р техн. наук, проф., Федорова Е.А. д-р техн. наук, проф., Герасимова Л.Г., д-р техн. наук, Курасов В.С., д-р техн. наук, проф., Оськин С.В., д-р техн. наук, проф.

Педагогические науки: Лежнева Н.В. д-р пед. наук, Куликовская И.Э. д-р пед. наук, Сайкина Е.Г. д-р пед. наук, Лукьянова М.И. д-р пед. наук.

Психологические науки: Мазилев В.А. д-р психол. наук, Розенова М.И., д-р психол. наук, проф., Ивков Н.Н. д-р психол. наук.

Физико-математические науки: Шамолин М.В. д-р физ.-мат. наук, Глезер А.М. д-р физ.-мат. наук, Свистунов Ю.А., д-р физ.-мат. наук, проф.

Географические науки: Умывакин В.М. д-р геогр. наук, к.техн.н. проф., Брылев В.А. д-р геогр. наук, проф., Огуреева Г.Н., д-р геогр. наук, проф.

Биологические науки: Буланый Ю.П. д-р биол. наук, Аникин В.В., д-р биол. наук, проф., Еськов Е.К., д-р биол. наук, проф., Шеуджен А.Х., д-р биол. наук, проф.

Архитектура: Янковская Ю.С., д-р архитектуры, проф.

Ветеринарные науки: Алиев А.С., д-р ветеринар. наук, проф., Татарникова Н.А., д-р ветеринар. наук, проф.

Медицинские науки: Медведев И.Н., д-р мед. наук, д.биол.н., проф., Никольский В.И., д-р мед. наук, проф.

Исторические науки: Меерович М.Г. д-р ист. наук, к.архитектуры, проф., Бакулин В.И., д-р ист. наук, проф., Бердинских В.А., д-р ист. наук, Лёвочкина Н.А., к.исп.наук, к.экон.н.

Культурология: Куценков П.А., д-р культурологии, к.искусствоведения.

Искусствоведение: Куценков П.А., д-р культурологии, к.искусствоведения.

Философские науки: Петров М.А., д-р филос. наук, Бессонов А.В., д-р филос. наук, проф.

Юридические науки: Грудыца Л.Ю., д-р юрид. наук, проф., Костенко Р.В., д-р юрид. наук, проф., Камышанский В.П., д-р юрид. наук, проф., Мазуренко А.П. д-р юрид. наук, Мещерякова О.М. д-р юрид. наук, Ергашев Е.Р., д-р юрид. наук, проф.

Сельскохозяйственные науки: Важов В.М., д-р с.-х. наук, проф., Раков А.Ю., д-р с.-х. наук, Комлацкий В.И., д-р с.-х. наук, проф., Никитин В.В. д-р с.-х. наук, Наумкин В.П., д-р с.-х. наук, проф.

Социологические науки: Замараева З.П., д-р социол. наук, проф., Солодова Г.С., д-р социол. наук, проф., Кораблева Г.Б., д-р социол. наук.

Химические науки: Абдиев К.Ж., д-р хим. наук, проф., Мельдешов А. д-р хим. наук.

Науки о Земле: Горяинов П.М., д-р геол.-минерал. наук, проф.

Экономические науки: Бурда А.Г., д-р экон. нау, проф., Лёвочкина Н.А., д-р экон. наук, к.ист.н., Ламоттке М.Н., к.экон.н.

Политические науки: Завершинский К.Ф., д-р полит. наук, проф.

Фармацевтические науки: Тринеева О.В. к.фарм.н., Кайшева Н.Ш., д-р фарм. наук, Ерофеева Л.Н., д-р фарм. наук, проф.

Екатеринбург - 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ НАУКИ / AGRICULTURE	4
РЕЗУЛЬТАТИВНЫЙ МЕТОД ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА МЯСА	4
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА ПЛОДОРОДИЯ ЗОНАЛЬНЫХ ТИПОВ И ПОДТИПОВ ПОЧВ ПРЕДГОРНОЙ ПРОВИНЦИИ ЗАПАДНОГО ПРИКАСПИЯ И ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ДЕГРАДАЦИИ ЗЕМЕЛЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ	7
ГИДРОГУМАТ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ РЕЗИСТЕНТНОСТИ РАСТЕНИЙ IN VITRO	8
ПОДБОР И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ СОРТОВ И ГИБРИДОВ ПЕРЦА ПО ПРОДУКТИВНОСТИ И ХОЗЯЙСТВЕННО-ЦЕННЫМ ПРИЗНАКАМ В УСЛОВИЯХ ДАГЕСТАНА	10
ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ БИОГУМУСА ПОД СТОЛОВУЮ СВЕКЛУ В УСЛОВИЯХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ	12
ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ДОЗ МЕДИ ПОД ТЫСЯЧЕЛИСТНИК ОБЫКНОВЕННЫЙ (ASPHLEA MILLEFOLIUM L.) НА ЛУГОВО-ЧЕРНОЗЕМНОЙ ПОЧВЕ В УСЛОВИЯХ ЮЖНОЙ ЛЕСОСТЕПИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ	13
ПРИМЕНЕНИЕ КОМПОНЕНТНЫХ КОРМОВЫХ ДОБАВОК ИЗ МЕСТНЫХ РАСТИТЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ	15
К ВОПРОСУ СЕЛЕКЦИИ КАРТОФЕЛЯ В МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ	17
ВЛИЯНИЕ КОРМОВОЙ ДОБАВКИ ИЗ ФЕРМЕНТИРОВАННОГО СТЛАНИКА НА МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ КРОВИ КРУПНОГО РОГАТОГО СКОТА В МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ	18
ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЧИСТОПОРОДНЫХ ТЕЛОК АЙРШИРСКОЙ ПОРОДЫ ПРЕДНАЗНАЧЕННЫХ ДЛЯ РЕМОНТА СТАДА КОРОВ АДАПТИРОВАННЫХ К УСЛОВИЯМ МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ	20
ВЫРАЩИВАНИЕ РАННЕГО КАРТОФЕЛЯ	22
УРОЖАЙНОСТЬ И ХОЗЯЙСТВЕННО-ЦЕННЫЕ КАЧЕСТВА НОВЫХ ПЕРСПЕКТИВНЫХ СОРТОВ КАРТОФЕЛЯ	23
НЕКОТОРЫЕ ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И ПРОДУКТИВНЫЕ КАЧЕСТВА КОРОВ РАЗНОЙ КРОВНОСТИ ПО ДЖЕРСЕЯМ	25
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORY	27
РИММА ИВАНОВА – «СТАВРОПОЛЬСКАЯ ДЕВА» - ГЕРОЙ I МИРОВОЙ ВОЙНЫ	27
РАННЯЯ ИСТОРИЯ ХРИСТИАНСКО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОЮЗА ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ/ГДР В РАБОТАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ	29
ЕВРОПЕЙСКАЯ СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ КАК ГЛАВНЫЙ ФАКТОР ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ПЕТРА I И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЬ РОССИИ	33
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИТЕТА ПО ДЕЛАМ ЦАРСТВА ПОЛЬСКОГО ПРИ ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ (1831-1832) КАК УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ПРАКТИКА	35
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ / PHILOSOPHY	36
ФУНКЦИИ ФИЛОСОФИИ В КУЛЬТУРЕ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА	36
ЕВРАЗИЙСКИЙ ФРОНТИР В БАЙКАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ТРАНСГРАНИЧЬЯ	38
РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ПРЕДМЕТ СУЩНОСТИ МЕНТАЛИТЕТА	40
СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА	41
КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ СО-БЫТИЯ Я И ТЫ	46
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PHILOLOGY	47
ПОИСК КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ В КОРПУСЕ Р.М.РИЛЬКЕ В УСЛОВИЯХ ОГРАНИЧЕННОГО ДОСТУПА К РЕФЕРЕНТНОМУ КОРПУСУ	47
СЛОВО «ЕЩЁ»: СТЕРЕОТИПЫ И РЕАЛЬНОСТЬ	49
ТЕКСТ КАК ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ	50
АНТРОПОМОРФНЫЕ МЕТАФОРЫ ГРУППЫ «БОЛЕЗНЬ» В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ НЕФТЕГАЗОВОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЕ	51

ФАКТОРЫ ЭКСПРЕССИВНОСТИ ДИВЕРГЕНТНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ С ИНВЕРСИЕЙ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ (СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ) (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО, УКРАИНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)	53
METONYMIC TRANSFERS IN THE ENGLISH, RUSSIAN AND TURKISH LANGUAGES	57
АНАФОРА КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ ЭКСПРЕССИИ В ЦЕНТРАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ	58
ANTHROPOMORPHIC CHARACTER OF METAPHORICAL MODELS OF PERSONIFICATION IN NOVELS BY T. PRATCHETT	59
ВЫРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ ИМПЕРСОНАЛЬНОСТИ МЕСТОИМЕНЯМИ ТРЕТЬЕГО ЛИЦА ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	61
<u>ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАУКИ / GEOGRAPHY</u>	<u>63</u>
ФИНАНСОВЫЕ АСПЕКТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КИТАЯ В ОБЛАСТИ ТУРИЗМА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ	63
<u>ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ / JURISPRUDENCE</u>	<u>64</u>
ОСОБЕННОСТИ СЕМЕЙНОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ ЛИЦ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ	64
ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩИЕ ВИНУ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В СОВЕРШЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ	65
THE CRIME AGAINST HUMANITY IN INTERNATIONAL LAW AND SERBIAN CRIMINAL LAW	67
THE CRIME OF GENOCIDE IN THEORY AND PRACTICE OF CRIMINAL LAW OF REPUBLIC OF SERBIA	72
ПРОЦЕСС ВИКТИМИЗАЦИИ В РАМКАХ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ РЕЛИГИОЗНОЙ ГИГИЕНЫ НАСЕЛЕНИЯ	76
ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В СФЕРЕ ОКАЗАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ ПОСРЕДСТВОМ ПРИНЦИПА ПРОЗРАЧНОСТИ	78
МЕТОДЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ РАВНОДОСТУПНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ	80
<u>ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ / ARTS</u>	<u>82</u>
ПЕЙЗАЖ В ТВОРЧЕСТВЕ ЭЖЕНА ДЕЛАКРУА	82
РОЛЬ ИСКУССТВА В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ДАГЕСТАЦЕВ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД	84
<u>АРХИТЕКТУРА / ARCHITECTURE</u>	<u>86</u>
ЦВЕТОВОЕ РЕШЕНИЕ ИНТЕРЬЕВА КВАРТИРЫ	86
ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ НОВОЙ АРХИТЕКТУРНОЙ ТИПОЛОГИИ – ЦЕНТРОВ ДОСУГОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ	88
<u>ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PSYCHOLOGY</u>	<u>90</u>
СИСТЕМА МОНИТОРИНГА СПЕЦИАЛИСТОВ ОПЕРАТОРСКОГО ПРОФИЛЯ В ГОРНОДОБЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ	90
ИЗУЧЕНИЕ РАЗЛИЧИЯ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ РОССИЙСКИХ И ВЬЕТНАМСКИХ СТУДЕНТОВ	91
ВЛИЯНИЕ САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ НА ЧАСТОТУ И ФОРМЫ ВОЗНИКАЮЩИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ	93
ПСИХОЛИНГВИСТИКА: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ	94
LACK OF KNOWLEDGE AND ATTITUDES TOWARD PEOPLE WITH EPILEPSY AMONG HIGH SCHOOL STUDENTS AND THEACHERS IN R. OF MACEDONIA	96
PSYCHOLOGICAL COUNSELLING IN TREATMENT FOR IN VITRO FERTLIZATION	98
<u>СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / SOCIOLOGY</u>	<u>100</u>
СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «КОМАНДА»	100
ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СПОРТИВНОЙ ПРАКТИКИ В МЕНЕДЖМЕНТЕ	102
ЗАЩИТА ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ	104

Алейников А.Ф.

Профессор, доктор технических наук, Сибирский физико-технический институт аграрных проблем, Новосибирский государственный технический университет

Работа выполнена при поддержке РФФИ грант №12-08-00396-а и СО РАН (междисциплинарные интеграционные проекты М51 и К41).

РЕЗУЛЬТАТИВНЫЙ МЕТОД ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА МЯСА

Аннотация

Проведён сравнительный анализ электрических методов определения качества мясного сырья со свойствами NOR, PSE и DFD с точки зрения достоверности анализа и возможности технической реализации быстродействующего портативного прибора. Показаны преимущества и недостатки этих методов. Научно обоснован новый метод импедансной спектроскопии. Обработка метода проводилась на экспериментальной установке.

Ключевые слова: метод, мясо, качество, импеданс, идентификация

Aleinikov A.F.

Professor, Doctor of Technical Sciences, Siberian Physical-Technical Institute of Agrarian Problems, Novosibirsk State Technical University

PRODUCTIVE METHOD FOR EVALUATING MEAT QUALITY

Abstract

Comparative analysis of methods for determining electric meat quality according to NOR, PSE and DFD indices has been carried out from the viewpoint of reliability of analysis and feasibility of a portable device. Advantages and disadvantages of these methods have been revealed. The new impedance spectroscopy method has been scientifically proved. The researches were conducted on experimental electric parameters.

Keyword: method, meat, quality, impedance, classification

Контроль качества мяса и мясного сырья является одной из первоочередных задач, так как от объективности оценки свежести сырья зависит качество выдаваемой потребителю продукции, в целом, и её себестоимость.

Существующие методы оценки качества мясного сырья трудоёмки, требуют применения дорогостоящего оборудования. Время проведения оценки длительное и не позволяет использовать традиционные методы для отбраковки покупателем поставляемого мясного сырья [1].

Анализ методов определения качества мяса и мясного сырья показал, что наиболее простыми и эффективными являются методы, основанные на измерении электрических свойств животной ткани [2].

Из электрических методов оценки качества мяса широко распространён кондуктометрический метод. Кондуктометрический метод обладает высокой чувствительностью и малой трудоёмкостью. Его недостаток, заключающийся в поляризации электродов при измерении сопротивления образца мяса, ограничивает его применение. Влияние структуры и химического состава анализируемого образца на результаты определения показателей качества, а также зависимость выходного сигнала от плотности, температуры и влажности мяса вызывают обоснованные сомнения в целесообразности разработки на основе этого метода достоверного анализатора качества продуктов.

«Импедансная спектроскопия» основана на пропускании через исследуемый образец мяса слабых переменных токов различной частоты и измерении электропроводности образца [2]. В дальнейшем определяют зависимости его полного электрического сопротивления (импеданса) от частоты тока, по которым судят о качестве продукта. Преимуществом этого метода является универсальность в определении разнообразных показателей качества мяса (содержание влаги, жира и др.). С помощью этого метода возможно определение степени свежести различных мясных продуктов из говядины, телятины, свинины, курятины и длительность хранения мясных продуктов [3,4]. К недостаткам этого метода следует отнести большой объём операций при построении графиков зависимостей сопротивления на различных частотах и сложность их анализа при проведении классификации мяса по признакам качества. Действительно, для конкретного вида мяса необходимо построить не менее 100 графиков (требуемое число выборок) исследуемых трёх образцов с признаками NOR (нормальное), PSE (бледное, мягкое, водянистое) и DFD (тёмное, жёсткое, сухое) [5], а в дальнейшем корректно применить методы математической статистики (корреляционный, ковариационный, регрессионный и др.) и осуществить классификацию мяса по трём признакам. Кроме того, результат оценки свежести мяса зависит от расположения его волокон в исследуемом образце.

Цель исследований – создание производительного метода определения качества мяса и мясного сырья, пригодного для быстрой идентификации исследуемого образца мяса по его признакам.

Процедура оценки качества мяса основана на ранее разработанном нами методом импедансной спектроскопии [5]. В этом методе определялись функциональные зависимости импеданса z мяса от частоты f во всём диапазоне частот для образцов мяса с признаками NOR (нормальное), PSE (бледное, мягкое, водянистое) и DFD (тёмное, жёсткое, сухое). Затем из полученных зависимостей выбирали несколько первых f_{1i} и вторых f_{2i} частот и измеряли полное электрическое сопротивление (импедансы) образцов на всех этих частотах. Классификация по признакам качества осуществлялась путём анализа множества отношений значений импеданса – безразмерных коэффициентов $k_i = \frac{z_{f_{1i}}}{z_{f_{2i}}}$.

В разработке предлагаемого метода выбор первой и второй фиксированных частот измерения осуществляют путём определения общих интервалов функциональных зависимостей с выраженными динамическими изменениями импеданса (они характеризуют течение реакций с нарушением окислительно-восстановительных процессов). При этом первую частоту выбирали из диапазона, отражающего процесс разрушения клеточных мембран и развитие окислительных процессов, ускоряющих дальнейшую деградацию клеточных культур. Эта деградация проявляется себя в гармоническом колебании значений импеданса исследуемого образца с нарастающей амплитудой в зависимости от частоты. Вторую частоту выбирали из диапазона, характеризующего интенсивность гликолитических превращений в процессе автолиза мышечной ткани, которая также проявляется в динамике изменения значений импеданса исследуемого образца в зависимости от частоты.

Образцы для исследований отбирали в соответствии с ГОСТ 7269–79 «Мясо. Методы отбора образцов и органолептические методы определения свежести». Мясо отбирали из туш говядины и свинины. У приготовленных образцов определялась pH по ГОСТ Р 51478–99 «Мясо и мясные продукты метод определения концентрации водородных ионов (pH)» с помощью цифрового pH -метра «Анион». В мясе с признаками PSE концентрация водородных ионов лежала в пределах $pH=5,0\div5,5$; с признаками DFD – $pH=6,6\div7,0$; с признаками NOR – $pH=6,0\div7,2$. Образцы мяса для исследований приготавливали как с поперечной, так и с продольной ориентацией волокон. При проведении исследований использовалась экспериментальная исследовательская установка [6].

Основным измерительным прибором установки является измеритель иммитанса МНИПИ Е7-20-1, позволяющий измерять сопротивление, ёмкость, индуктивность и другие электрические параметры по четырехточечной мостовой схеме на частотах 25 Гц

– 1МГц. Прибор предназначен для измерения параметров объектов, представляемых параллельной или последовательной двухэлементной схемой замещения, при синусоидальном напряжении. Была изготовлена специальная кювета для образцов мяса, в который вкалывали токовые и потенциальные электроды. На токовые электроды подавался синусоидальный сигнал выбранной частоты с измерителя импеданса, а с потенциальных электродов снимался выходной сигнал, несущий информацию о значении импеданса образца мяса.

Полученные функциональные зависимости импеданса для признаков *NOR*, *PSE* и *DFD* были подвергнуты анализу с целью выявления интервалов зависимостей, не удовлетворяющих условиям монотонности функции с выраженными динамическими изменениями импеданса, характеризующими течение реакций в образцах с нарушенным автолизом. На всём диапазоне частот от 1 кГц до 1 МГц были выявлены два интервала, удовлетворяющим поставленным условиям. Первый интервал частот охватывает диапазон частот от 27 до 32 кГц для мяса со свойствами *PSE* (рис. 1).

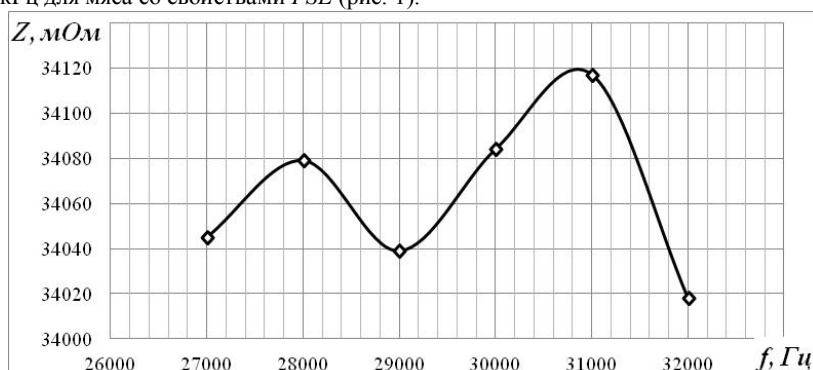

Рис. 1 – зависимость импеданса образца мяса со свойствами *PSE* и продольным расположением волокон от частоты тока

Колебания проводимости образца в этом диапазоне частот характеризуют нарушение окислительно-восстановительных процессов мяса с признаком *PSE*, связанное ещё и с патологией животного. Эти колебания обусловлены процессами деградации тканей исследуемого образца, при которых размеры межклеточных пространств обычно уменьшаются, и сопротивление их току заряженных частиц существенно возрастает [9].

Действительно, известно, что в мясе *PSE* очень быстро происходит разрушение клеточных мембран. А это вызывает развитие окислительных процессов в липидах, которые лавинообразно ускоряют дальнейшую деградацию клеточных структур [1].

В мясе же со свойствами *NOR* таких изменений не происходит, и течение автолиза носит классический характер (рис. 2).

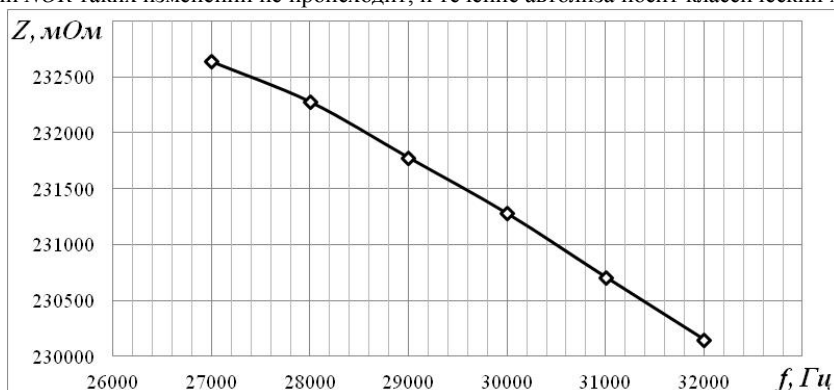

Рис. 2 – зависимость импеданса образца мяса со свойствами *NOR* и продольным расположением волокон от частоты тока

Окислительные процессы малой интенсивности отмечаются и в мясе *DFD* (рис. 3), но из-за высоких значений его *pH* и водосвязывающей способности, лавинообразной деградации клеточных структур не происходит.

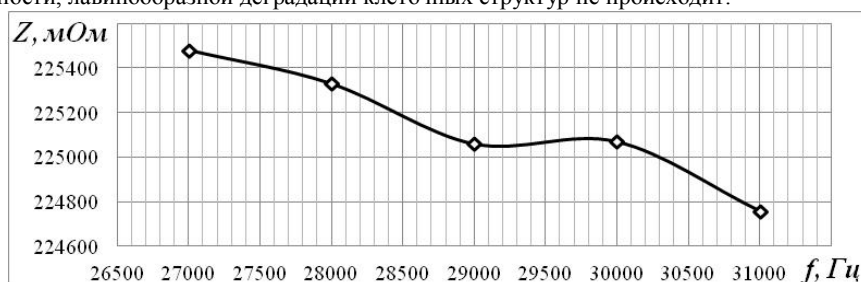

Рис. 3 – зависимость импеданса образца мяса со свойствами *DFD* и продольным расположением волокон от частоты тока

Зависимость импеданса со свойствами *DFD* имеет ярко выраженную выпуклость в направлении увеличения импеданса. Наблюдаемое увеличение проводимости на этом интервале частот связано с распадом аденозинтрифосфорной кислоты (АТФ) и гликогена. Действительно, особенности процессов автолиза в мясе *PSE* и *DFD* рассматривают на основе представлений о скорости гликолиза и характера протеолиза в мышечной ткани на клеточном уровне.

Второй интервал частот f_{21} охватывает диапазон частот от 115 до 118 кГц для мяса со свойствами *PSE* (рис. 4).

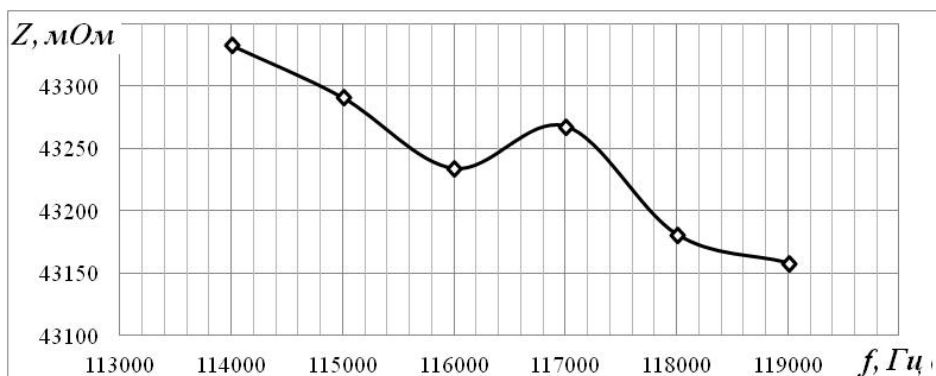

Рис. 4 – зависимость импеданса образца мяса со свойствами PSE и поперечным расположением волокон от частоты тока

Во многих случаях в мясе с признаками PSE процесс распада гликогена и расщепления АТФ происходит очень быстро, когда резко возрастёт содержание молочной кислоты (через час после убоя). Именно ускоренный гликолиз в тканях животных после убоя делает мясо экссудативным и бледным.

Так как в процессе этой реакции расходуется часть иммобилизованной воды в образце мяса, электропроводность несколько повышается, что и отражает выпуклость зависимости и размер между точкой перегиба выпуклости и наклонной асимптоты зависимости, представленной на рисунке 5.

В мясе со свойствами NOR, как и в PSE-мясе, имеется достаточное количество гликогена, но процесс автолиза в нём идёт классическим путём – распад гликогена, протекающий путем «фосфоролита», замедляется в течение нескольких суток за счёт накопления молочной кислоты, и зависимость, приведённая на рис. 5, носит монотонно убывающий характер. Объясняется это тем, что в мясе со свойствами DFD имеется незначительное количество гликогена после убоя, основные запасы гликогена израсходованы до убоя, образования молочной кислоты не происходит, pH мяса остаётся на одном уровне в течение нескольких суток, и поэтому мясо приобретает плотную консистенцию и тёмный цвет [1].

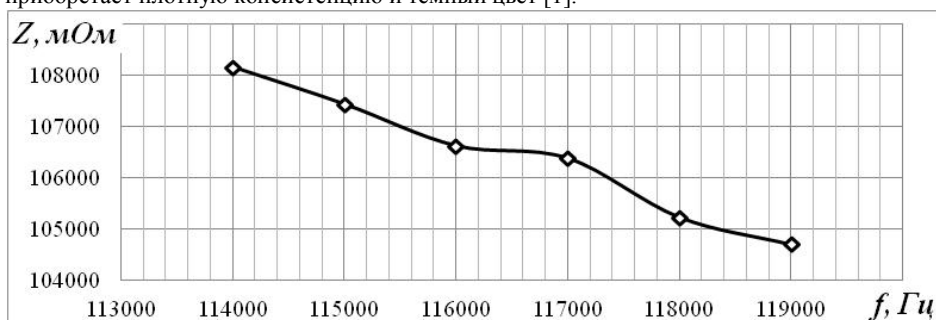

Рис. 5 – зависимость импеданса образца мяса со свойствами NOR и поперечным расположением волокон от частоты

Проведенные с помощью разработанного метода исследования различных видов мяса и мясного сырья показали, что критерии классификации мяса с признаком NOR (на любых произвольно выбранных двух частотах в диапазоне обоснованных интервалов) имеют значения $k_i \geq 1,9$; у мяса с признаком DFD – значения $k_i = 1,4 \div 1,8$; у мяса с признаком PSE – значения $k_i \leq 1,3$.

Таким образом, предлагаемый метод позволяет оценить качество и классифицировать говядину по группам NOR, PSE и DFD, обеспечить достоверность полученных результатов, снизить трудоёмкость процедуры оценки и создать компактный неэнергоёмкий прибор для оценки качества мяса и мясных продуктов.

Литература

1. Лисицын А.Б., Липатов Н.Н., Кудряшов Л.С. и др. Теория и практика переработки мяса / под общ. ред. А.Б. Лисицына. – 2-е изд. – М.: Эдиториал сервис, 2008. – 308 с.
2. Алейников А.Ф., Пальчикова И.Г., Чугуй Ю.В. Обоснование экспресс-метода оценки свежести мясного сырья // Сиб. вест. с.-х. науки. – 2012. – №5. – С. 83-90.
3. Алейников А.Ф., Пальчикова И.Г., Гляненько В.С., Чугуй Ю.В. Экспресс-метод оценки качества мяса // Сиб. вест. с.-х. науки. – 2013. – № 6. – С. 71-79.
4. Оценка качества говяжьего фарша / А. Ф. Алейников, И. Г. Пальчикова, В. С. Гляненько, Ю. В. Чугуй // Сиб. вест. с.-х. науки. – 2014. – № 1. – С. 115-118.
5. Алейников А.Ф., Гляненько В.С., Пальчикова И.Г., Чугуй Ю.В. Оценка степени свежести мяса методом импедансной спектроскопии // Сиб. научн. вест. – 2012. – № 16. – С. 299-303.
6. Установки для оценки степени свежести мяса / А. Ф. Алейников, И.Г. Пальчикова, Ю.В. Обидин, Е.С. Смирнов, В.С. Гляненько, Ю.В. Чугуй, А.Н Швыдков // Достижения науки и техники АПК. – 2013. – 4. – С. 74-77.

References

1. Lisicyan A.B., Lipatov N. N., Kudrjashov L.S. i dr. Teorija i praktika pererabotki mjasna / pod obshh. red. A.B. Lisicyna. – 2-e izd. – M.: Jeditorial servis, 2008. – 308 s.
2. Alejnikov A.F., Pal'chikova I.G., Chuguj Ju.V. Obosnovanie jekspress-metoda ocenki svezhesti mjasnogo syr'ja // Sib. vest. s.-h. nauki. – 2012. – №5. – S. 83-90.
3. Alejnikov A.F., Pal'chikova I.G., Gljanenko V.S., Chuguj Ju.V. Jekspress-metod ocenki kachestva mjasna // Sib. vest. s.-h. nauki. – 2013. – № 6. – S. 71-79.
4. Ocenka kachestva govjazh'ego farsha / A. F. Alejnikov, I. G. Pal'chikova, V. S. Gljanenko, Ju. V. Chuguj // Sib. vest. s.-h. nauki. – 2014. – № 1. – S. 115-118.
5. Alejnikov A.F., Gljanenko V.S., Pal'chikova I.G., Chuguj Ju.V. Ocenka stepeni svezhesti mjasna metodom impedansnoj spektroskopii // Sib. nauchn. vest. – 2012. – № 16. – S. 299-303.
6. Ustanovki dlja ocenki stepeni svezhesti mjasna / A. F. Alejnikov, I.G. Pal'chikova, Ju.V. Obidin, E.S. Smirnov, V.S. Gljanenko, Ju.V. Chuguj, A.N Shvydkov // Dostizhenija nauki i tehniki APK. – 2013. – 4. – S. 74-77.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА ПЛОДОРОДИЯ ЗОНАЛЬНЫХ ТИПОВ И ПОДТИПОВ ПОЧВ ПРЕДГОРНОЙ ПРОВИНЦИИ ЗАПАДНОГО ПРИКАСПИЯ И ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ДЕГРАДАЦИИ ЗЕМЕЛЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ*Аннотация*

В статье изложены теоретические и практические основы воспроизводства плодородия почв. В зональном аспекте рассматривается состояние почвенного покрова, сложившегося в результате многолетнего воздействия на почвы и рекомендации по сохранению её плодородия.

Ключевые слова: почва, плодородие, удобрения, эрозия, склон, обработка.

Alichayev M.M.¹, Sultanova M.G.²

¹Candidate of Agricultural Sciences, FSBSI Dagestan research Institute of agriculture, ²Senior Researcher, FSBSI Dagestan research Institute of agriculture.

THEORETICAL BASES OF REPRODUCTION FERTILITY OF ZONAL TYPES AND SUBTYPES OF SOILS IN THE PIEDMONT WEST OF THE PIEDMONT PROVINCE OF THE CASPIAN SEA AND THE PREVENTION OF DEGRADATION OF AGRICULTURAL LANDS*Abstract*

The article describes the theoretical and practical basics of reproduction of soil fertility. In the zonal aspect the state of the soil cover is under consideration, formed in the result of long-term impacts on soils and recommendations for the conservation of its fertility.

Keywords: soil fertility, fertilizers, erosion, slope, development.

Большой урон народному хозяйству горно-земледельческих районов наносят процессы водной склоновой эрозии почв. По данным М.А.Баламирзоева (1982) общая площадь почв подверженных эрозии в предгорьях составляет 433,0 тыс.га, а площади потенциально эрозионно-опасных земель 80%.

Эрозия почв здесь вызывается в основном стоком дождевых и ливневых вод и имеет далеко не одинаковый характер проявления в зависимости от рельефа местности, экспозиции склонов, проективного покрытия растительностью и конечно же хозяйственной деятельностью человека.

По мере продвижения с Юга на Север годовая сумма осадков в предгорьях возрастает от 3250 до 600 мм, из которых в среднем 24% теряется на поверхностный сток. Причем небольшая доля осадков (37%) участвует в формировании стока в районах северо-западного предгорья, что соответственно в 1,7 и 2,0 раза больше, чем в центральных и юго-восточных предгорьях. Такая ситуация, естественно, создает увеличение эрозионной опасности в направлении с Юго-востока на Северо-запад. Однако фактическое состояние развития процессов эрозии почв не соответствует характеру географического распределения осадков и стока, что связано, прежде всего с морфометрией поверхности и особенно защищенностью почвенного покрова растительностью. Нашими исследованиями установлено, что эрозионное расчленение рельефа предгорий возрастает с Северо-запада на Юго-восток (табл.1). При этом преобладание на территории центральных и юго-восточных предгорий склонов круче 8, составляющих, соответственно 79 и 70% обусловило наибольшее развитие эрозии в этих регионах. Так общая площадь эродированных земель (табл.2) в юго-восточных предгорьях составляет 258,5 тыс.га (58,3), центральных -297,9 тыс.га (60,4), северо-западных -28,4 тыс.га (36,9%).

Объем многолетней эрозии на пастбищных землях, в среднем составляет в юго-восточном предгорье 760 м³/га, против 520 м³/га в центральном и 294 м³/га в северо-западном предгорье.

Неправильная эксплуатация склоновых земель и несоблюдение агротехнически богарного почвозащитного земледелия ускорили развитие эрозионных процессов, особенно на пашне. Пахотные земельные угодья, подверженные эрозии, потеряли до 10-15 см плодородного слоя почвы. На таких почвах в фермерских хозяйствах ежегодно недополучают по 4-5ц/га зерна и кормов.

Таблица 1 - Распределение земель по крутизне склоно в вpredгорьях, %.

Подзоны	крутизна склонов, градусы									
	0-2	2-5	5-8	8 - 12	12-16	16-20	20-25	25-30	30-45	>45
Юго-восточная	16,7	8,1	5,2	2,5	2,4	4,5	17,2	17,0	11,3	15,0
Центральная	11,2	4,2	5,6	13,7	10,7	15,3	11,2	9,7	7,7	10,7
Северо - западная	-	0,9	6,3	12,1	4,3	4,7	2,8	2,3	13,8	6,8

Таблица 2 - Распределение эродированных земель в предгорьях Дагестана

Подзоны	Общая площадь в границах админ. районов, тыс.га	в т. ч по степени эродированности, тыс. га				
		слабо	срдне	сильно	весьма сильно	всего эродировано
Юго -восточная	260,2	97,86	99,53	46,98	14,09	258,46
Центральная	439,49	181,55	80,99	13,96	21,38	297,88
Северо - западная	76,97	18,37	6,90	1,06	2,07	28,41

В связи с этим, в горно-земледельческих районах возрастает роль агротехнических приемов регулирования поверхностного стока, предотвращения смыва, восстановления и повышения плодородия эродированных почв.

Результаты многолетних научных исследований показывают, что проведение отвальной вспашки и посева зерновых культур поперек склонов с крутизной до 4⁰ сокращает сток на 200 м³/га.

Эффективными агроприемами при возделывании озимых после колосовых предшественников на склонах круче 5⁰ являются безотвальная (30-32см) и комбинированная (20-22 см) обработка. В центральных предгорьях на эродированных каштановых почва безотвальная обработка позволяет уменьшить смыв почвы в 1,5 раза, повысить урожай озимой пшеницы на 2,2 ц/га. Комбинированная обработка (отвально-безотвальная) на бурых лесных остепненных почвах в более увлажненных районах северо-западных предгорий способствует пополнению запасов почвенной влаги в метровом слое на 140-200 м³/га и повышению урожая озимой пшеницы на 2,2- 3,1 ц/га.

При подготовке почвы для посева озимых более эффективной является комплексная обработка почвы - полосная отвальная вспашка (30-32 см) шириной 2,8 м через 20 м плюс двукратное дискование (12-14 см), что способствовало снижению жидкого стока на 20%, смыва почвы - на 43% и прибавке урожая в 2,5-3,7 ц/га (16-18%) по сравнению с отвальной вспашкой.

Лучшими агротехническими приемами зяблевой обработки являются комбинированно-ступенчатая (20-22) и (30-32) см и комбинированная обработка (30-32 см). На фоне указанных обработок эрозионные процессы прекращаются полностью в осенний и сокращаются на 56-70% в весеннее -летний периоды. Содержание влаги в метровом слое почвы возрастает на 5-10 мм, а урожай зерна на 4-5 ц/га.

В деле охраны почв от эрозии решающее влияние оказывают почвозащитные свойства растительности. Так, посевные посевы сокращает смыв в 2,2- 2,5 раза.

Известно, что плодородие почв тесно связано с их биологической активностью. Индикаторами последней могут служить как численность микрофлоры, так и интенсивность ряда микробиологических процессов. Следовательно, мероприятия по увеличению биологической активности почвы являются эффективными и для повышения урожайности сельскохозяйственных культур. Одним из эффективных средств повышения плодородия эродированных почв является использование органических и минеральных удобрений. В исследованиях К.К. Магомедова, Д.У. Джабраилова (1975) внесение NP в дозах 40 и 80 кг д.в. увеличивает их общую биогенность (сумма аммонификаторов, актиномицетов и грибов соответственно на 6,8 млн./г почвы. Однако дальнейшее увеличение дозы NP до 120 кг. Д.в. снижает биогенность почвы на 2,8 млн./г по сравнению с N₈₀P₈₀.

Повышению биологической активности почв способствует внесение органических удобрений в сочетании с минеральными. Так, внесение N₆₀P₈₀K₃₀ плюс навоз 30 т/га увеличивает содержание аммонификаторов в почве в 1,7 раз, а при внесении 60 т/га содержание их увеличивается почти в два раза, азотобактера - в 2,2-2,5; CO₂ - продуцирующей способность почвы в 2,5 и 3 раза, урожай озимой пшеницы в 2 и 2,5 раза соответственно по сравнению с контролем. Результаты исследований подтверждают, что эродированные почвы в первую очередь нуждаются во внесении органики.

В противоэрозионном отношении наиболее эффективным приемом оказалось культурное задернение (райгас пастбищный), затем черезрядный посев сидератов (озимая рожь), на третьем месте - односторонняя обработка междурядий поперек склона.

Анализ содержания почвенной влаги показал, что наибольшей степени иссушают почву сидераты. Влажность почвы в 80-сантиметровом слое на варианте без орошения на 5,6% ниже, чем при содержании почвы под черным паром.

Таким образом, эффективное использование земель на основе дифференцированного применения комплекса почвозащитных мероприятий является важным условием охраны почв и повышения плодородия.

Литература

1. Баламирзоев М.А. Эффективное использование предгорных земель. Махачкала, Даг. кн. изд. 1982. 96с.
2. Магомедов К.К., Джабраилов Д.У. Плодородие эродированных почв предгорий Дагестана. Земельные и растительные ресурсы Дагестана. Том 2. Махачкала, 1975 г. с. 21-28.

References

1. Balamirzoev M.A. Jeffektivnoe ispol'zovanie predgornyh zemel'. Mahachkala, Dag. kn. izd. 1982. 96s.
2. Magomedov K.K., Dzhabrailov D.U. Plodorodie jeroDIROVANNYH pochv predgorij Dagestana. Zemel'nye i rastitel'nye resursy Dagestana. Tom 2. Mahachkala, 1975 g. s. 21-28.

Аникина И.Н.

Кандидат сельскохозяйственных наук, Павлодарский государственный университет им. С.Торайгырова
ГИДРОГУМАТ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ РЕЗИСТЕНТНОСТИ РАСТЕНИЙ IN VITRO

Аннотация

В статье рассматривается влияние препарата Гидрогумат на повышение массы регенерантов картофеля. Применение препарата Гидрогумат в составе культуральной среды Мурасиге-Скуга позволит повысить адаптационные свойства культуральных растений.

Ключевые слова: регуляторы роста, культуральные растения, гуминовые кислоты, резистентность.

Anikina I.N.

Candidate of Agriculture Science, Pavlodar State University S. Toraygyrov
GIDROGUMAT AS A FACTOR OF INCREASING THE RESISTANCE OF PLANTS IN VITRO

Abstract

The article discusses the effect of the drug Gidrogumat to increase the mass of regenerated potatoes. Use of a preparation consisting Gidrogumat culture medium of Murashige-Skoog will improve the adaptivity of the culture of plants.

Keywords: growth regulators, plant culture, humic acid, resistance.

Применение в первичном семеноводстве биогенных регуляторов роста растений, способствующих значительному повышению коэффициента размножения ценного оздоровленного материала, являются важным экономическим фактором повышения рентабельности сельскохозяйственного производства. В том числе многие ученые настаивают на актуальности использования регуляторов роста для сокращения потерь при пересадке пробирочных растений в нестерильные условия. В последнее время вышло много работ, в которых продемонстрирован положительный эффект оказываемый гуминовыми кислотами и их производными на растения, в том числе известен стимулятор роста растений Гидрогумат [1].

Препарат Гидрогумат относится к новейшему поколению регуляторов роста растений гуминовой природы, технология производства которых базируется на более глубокой переработке торфяного сырья.

Действующие вещества Гидрогумата представлены широким спектром биологически активных соединений, при этом на долю модифицированных гуминовых кислот приходится около 60 %, фульвокислот – 8–10 %, гуминоподобных веществ – 9–10 %, аминокислот (глицин, лизин, треонин, метионин, тирозин и др) и биогенных аминов (тирамин и др.) – около 2–3 %, низкомолекулярных органических кислот (янтарная, малоновая, яблочная, щавелевая, и др.) – 18–20 %, фенолкарбоновых кислот (салициловая, бензойная, феруловая, кумаровая, ванилиновая, галловая и др.) – до 2 %. Биофизические исследования Гидрогумата показали, что препарат способствует активизации дыхательных, транспортных, энергетических и обменных процессов в клетках растений. Усвоение растениями питательных элементов проходит значительно быстрее, усиливается белковый, фосфорный и нуклеиновый обмен, фотосинтез, что в конечном итоге повышает уровень содержания ферментов, пигментов, витаминов и положительно сказывается на размножении, росте и развитии растений, их урожайности и качестве сельскохозяйственной продукции.

Биохимическими исследованиями установлено, что препарат активизирует работу цитокининов, гиббереллинов и ауксинов – эндогенных регуляторов роста, содержащихся в самих растениях. Этим обуславливается эффективность применения Гидрогумата на ранних стадиях роста растений: повышение энергии прорастания семян, их всхожести, более раннее прохождение начальных фаз развития.

Важным свойством Гидрогумата является антиоксидантная активность. Это свойство определяет высокую активность Гидрогумата как препарата, повышающего устойчивость растений к неблагоприятным факторам внешней среды (засуха, заморозки, загрязненность почвы пестицидами, избыточными дозами удобрений), а также к негативным изменениям в организме растения, возникающим при стрессовых состояниях. Гидрогумат также повышает устойчивость растений к грибным и бактериальным инфекциям, что обусловлено его иммуномодулирующими свойствами.

Гидрогумат обладает высокими сорбционными свойствами и эффективно связывает метаболиты, выделяемые растениями в процессе жизнедеятельности, снимая «усталость» почвы, возникающую при выращивании растений в монокультуре и на почвах, бедных гумусом. Эти свойствами свидетельствуют о перспективности применения Гидрогумата в культуральных средах. Гидрогумат кроме того, что активизирует рост и развитие растений, увеличивает урожайность зерновых культур на 12-17%, картофеля – на 10-18%, зеленой массы кормовых культур – на 30-40%, повышает устойчивость растений к неблагоприятным условиям, повышает иммунитет растений и снижает их заболеваемость.

Благоприятное влияние гуминовых препаратов отмечено многими исследователями, и на биометрические показатели роста, и на качество растительной продукции [2]. Тем не менее, влияние данных препаратов на процессы адаптации культуральных растений до сих пор не изучено в полной мере. Необходимо провести дополнительные исследования, для того, чтобы установить, каким образом применять гуминовые удобрения на культуральных растениях.

Основные принципы, полученные из теоретических аргументов, следующие: наличие в удобрениях субстанций хиноидной природы оказывает стимулирующее влияние на растения; способность гуминовых субстанций к мелкодисперсной растворимости в воде приводит к повышенной способности их проникновения в растения, при их поступлении в растение быстро нормализуется синтез белков, углеводов, ферментов. Они влияют на фотосинтез и активизируют включение минеральных макро- и микроэлементов в биосинтез, т.е. проявляют свойства биологически активных веществ. Нами заложен лабораторный опыт по изучению влияния препарата Гидрогумат (10% в.р.) на рост и развитие культуральных растений картофеля при введении его следующих концентраций в среду Мурасиге – Скуга. Объектом исследования являлись регенеранты картофеля сорта Невский.

Исследования проводились по следующим вариантам опыта:

Вариант 1 - 0,2 мг/л гидрогумата на 1 л среды;

Вариант 2 - 0,5 мг/л гидрогумата на 1 л среды;

Вариант 3 - 1 мг/л гидрогумата на 1 л среды;

Вариант 4 - 1,5 мг/л гидрогумата на 1 л среды;

Вариант 5 - без препарата гидрогумат.

Опыт проводился на 20 растениях в 5 кратной повторности с использованием в качестве основы культуральной среда Мурасиге-Скуга (модификация ВНИИКХ) в которую вводились дозировки маточного раствора Гидрогумат (10% в.р.). Питательная среда содержит органические компоненты ИМК 1 мг/л, гидролизат казеина 100 мг/л, сахарозу 20 г/л, витамины С, В1, В6, РР. В качестве показателя повышения резистентности мы рассматривали массу культуральных растений, так как этот показатель согласно нашим предыдущим исследованиям оказывает значительное влияние на приживаемость при пересадке *in vivo* [3].

Исследования показали, что под действием Гидрогумата при введении его в качестве компонента в среду Мурасиге-Скуга значительно повышалась масса культуральных растений (Рисунок 1).

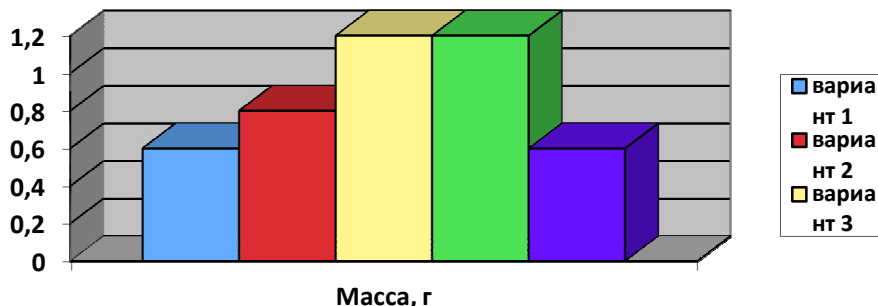

Рис. 1 - Влияние препарата Гидрогумат (10% в.р.) на массу культуральных растений с.Невский

Масса растений в варианте 1 практически была равной массе в контроле, то есть в варианте без применения препарата Гидрогумат, следовательно данная концентрация не эффективна для повышения массы растений *in vitro*. По сравнению с контролем, в варианте 2 как и в варианте 3 масса растений была больше контроля на 100%. Что говорит о значительном стимулирующем действии данного препарата на массу культуральных растений.

Как показали результаты опыта, под воздействием препарата Гидрогумат активизируется ферментативная активность клеток растения, улучшается проникновение элементов минерального питания из питательного раствора в растения и как итог наблюдается значительное повышение процесса биосинтеза растения *in vitro*, то есть масса культуральных растений является показателем эффективности использования питательных веществ культуральной среды растением.

Важным моментом увеличения коэффициента размножения меристемных растений является повышение их резистентности при микроклональном размножении. Применение препарата Гидрогумат в дозировке 1-1,5 мг/л в среде Мурасиге - Скуга при микроклональном размножении позволит повысить коэффициент размножения ценного биотехнологического материала растений и значительно повысить эффективность семеноводческой работы. Применение в питательных средах биологически активных веществ, активизирующих метаболизм растительных тканей и процессы биосинтеза значительно повышают эффективность тиражирования, кроме того они позволяют подготовить культуральные растения к пересадочному стрессу и другим условиям питания при дальнейшей передаче *in vivo*.

Литература

1. Орлов А.Н. Использование регуляторов роста для повышения фотосинтетического потенциала и урожайности картофеля / А.Н. Орлов, А.А. Володышин // Физиолого-биологические аспекты обработки семян сельскохозяйственных культур. – Ульяновск. - 2003. - С. 137-144.
2. Вахмистров Д.Б. Поверхностная активность гуминовых кислот - одна из причин их стимулирующего действия на рост растений // Физиология растений. - 1989. - Т.36. - С.980-989.
3. Аникина И.Н. Использование Гумата натрия в качестве компонента культуральной среды // Вестник Семипалатинского государственного университета им. Шакарима. – 2013. - № 3. - С.76 -79.

References

1. Orlov A.N. Ispol'zovanie reguljatorov rosta dlja povysheniya fotosinteticheskogo potentsiala i urozhajnosti kartofelja / A.N. Orlov, A.A. Volodyshin // Fiziologo-biologicheskie aspekty obrabotki semjan sel'skohozjajstvennyh kul'tur - Ul'janovsk. - 2003.- S. 137-144.
2. Vahmistrov D.B. Poverhnostnaja aktivnost' guminovyh kislot - odna iz prichin ih stimulirujushhego dejstvija na rost rastenij / M. Fiziologija rastenij. - 1989. - T.36. - S.980-989.
3. Anikina I.N. Ispol'zovanie Gumata natrija v kachestve komponenta kul'tural'noj sredy// Vestnik Semipalatinskogo gosudarstvennogo universiteta im. Shakarima. – 2013. - № 3. - S.76 -79.

Ахмедова П.М.¹, Алилов М.М.²

¹Кандидат сельскохозяйственных наук, старший научный сотрудник, ФГБНУ Дагестанский НИИСХ, ²Кандидат сельскохозяйственных наук, заведующий аналитической лаборатории, ФГБНУ Дагестанский НИИСХ.

ПОДБОР И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ СОРТОВ И ГИБРИДОВ ПЕРЦА ПО ПРОДУКТИВНОСТИ И ХОЗЯЙСТВЕННО-ЦЕННЫМ ПРИЗНАКАМ В УСЛОВИЯХ ДАГЕСТАНА

Аннотация

Определена длительность вегетации, установлена продолжительность межфазных периодов, дана оценка урожайности и химическому составу подобранных сортов.

Ключевые слова: Сорта, перец, фенологические наблюдения, межфазные периоды, урожай, биохимический состав, масса плода.

Akhmedova P.M.¹, Alilov M.M.²

¹Candidate of agricultural Sciences, senior researcher, FSBSI Dagestan research Institute of agriculture; ²Candidate of agricultural Sciences, head of analytical laboratory, FSBSI Dagestan research Institute of agriculture.

SELECTION AND COMPARATIVE STUDY OF THE VARIETIES AND HYBRIDS OF PEPPER BY PRODUCTIVITY AND ECONOMICALLY VALUABLE CHARACTERISTICS IN TERMS OF DAGESTAN

Abstract

The duration of the growing season is determined, the duration of interphase periods is set, the estimation of yield and chemical composition of selected varieties is given.

Keywords: Varieties, pepper, phenological observations, interphase periods, yield, biochemical composition, the mass of fruit.

Овощная продукция обеспечивает 15-20% потребностей человека в растительном белке, 50-60% в углеводах и витаминах, 60-70% в минеральных солях и природных антиоксидантах. Употребляется она, в основном, в свежем виде, поэтому очень важно получать экологически безопасные овощи. Весомую долю занимают в частности сладкий перец.

Перец является одной из важнейших овощных культур. Ценность его обусловлена высокими пищевыми, диетическими и лекарственными свойствами. В плодах перца накапливается большое количество витаминов, в том числе аскорбиновой кислоты, каротина, Р - активных веществ.

Целью наших исследований является: подбор сортов и гибридов перца с высокими потребительскими качествами, обладающих комплексной устойчивостью к вредителям и болезням.

Исследования проводятся в хозяйстве Деличобан Дербентского района. Овощной участок расположен в прибрежной части древне каспийской террасе на высоте 20м над уровнем моря. Большое влияние здесь на климат оказывает Каспийское море, которое смягчает температуру и увлажняет воздух.

Сумма активных температур составляет здесь 4000 – 4100⁰С, среднегодовая температура воздуха 12⁰С, зимних месяцев выше 0⁰С, июня +28 – 38⁰С, абсолютный минимум -18⁰С, абсолютный максимум в июле 40⁰С. Лето жаркое, но относительная влажность довольно высокая 70 – 75%. Осень теплая, продолжительная, зима короткая и мягкая. Снежный покров неустойчивый. Осадки выпадают в количестве 350-500 мм. Минимум их приходится на начало весны и вторую половину лета. Максимум на конец лета и осень.

По климатическим показателям район проведения исследований является засушливым. При небольшом количестве осадков почва получает много тепла, что ведет к отрицательному балансу влаги. Поэтому здесь выращивания перцев без многократных поливов невозможно.

Почвы опытных участков светло-каштановые по механическому составу тяжелые, суглинистые. Эти почвы характеризуются благоприятными воздухопроницаемыми свойствами, а также глубоким залеганием грунтовых вод. Запас органических веществ в них не велик. В верхнем пахотном слое они составляют 2,8%. Валого азота в почве - 0,75%, гидролизуемого азота 3,2 мг, подвижного фосфора 2,5 мг обменного калия 40-95 мг на 100 г почвы.

С целью изучения продуктивности, хозяйственно-ценных признаков и устойчивости к вредителям и болезням в условиях республики Дагестан коллекционным методом были посажены 12 сортов и гибридов сладкого перца отечественной и зарубежной селекции.

Исследуемые сорта возделывались как рассадная культура по схеме 70х30.

Предшественник – капуста белокочанная. Агротехника общепринятая в хозяйстве.

Метеорологические наблюдения проводились по периодам роста и развития изучаемой культуры: от посадки до цветения; от начала технической зрелости до конца уборки;

Влажность почвы определялась весной перед посадкой и в конце вегетации.

Фенологические наблюдения. Отмечалось время посева семян на рассаду, всходов (единичное и массовое), высадки рассады в грунт, начало цветения, появление плодов, спелость (техническая и биологическая), дата всех сборов урожая.

Биохимические исследования.

1. Содержание сухого вещества (термостатно-весовым методом).

2. Содержание аскорбиновой кислоты (по Мурри И.К.).

3. Содержание органических кислот (методом титрования).

4. Содержание общих сахаров (по Бертрану).

5. Содержание нитратов (дисульфифеноловым методом).

6. Содержание каротинов (хроматографическим методом).

Структура урожая. Учет урожая проводился сплошным методом с разделением на товарную и не товарную продукцию.

Степень поражения болезнями. Определение проводилось глазомерно, по пятибальной системе:

Статистическая обработка данных по урожаю проводилась согласно рекомендациям «Методики полевого опыта» Доспехов Б.А. 1985г.

Результаты исследования

Данные, полученные в результате фенологических наблюдений (табл.1) позволяют разделить перцы по срокам созревания на 4 группы:

1 группа – сверхранние. Биологическая спелость 24-30 июля (Оранжевое чудо, Болгарский - 79, Колобок, Пионер).

II группа – ранние. Биологическая спелость 03-05 августа. (Ласточка, Богатырь, Белозерка, Виктория).
 III группа – среднеранние. Биологическая спелость 08-10 августа. (Калифорнийское чудо, Подарок Молдовы).
 IV группа – поздние. Биологическая спелость 18-22 августа. (F₁Арамис, Желтый слон).

Таблица 1 - Данные фенологических наблюдений за ростом и развитием сладкого перца (среднее за 2013-2014 гг.)

Название сорта	Посев – всходы	Всходы – цветение	Всходы	
			техническая спелость	биологическая спелость
1. Подарок Молдовы (контр)	17	03.06	20.17=127 дн.	10.08
2. Оранжевое чудо	12	24.05	02.07=113 дн.	24.07
3. Калифорнийское чудо	16	01.06	16.07=125 дн.	08.08
4. Виктория	15	01.06	15.07=124 дн.	05.08
5. Богатырь	14	30.05	13.01=122 дн.	04.08
6. Белозерка	14	30.05	13.07=122 дн.	04.08
7. Ласточка	14	29.05	12.01=121 дн.	03.08
8. Болгарский-79	12	22.05	21.06=112 дн.	29.07
9. Колобок	12	23.05	01.07=115 дн.	29.07
10. Пионер	12	23.05	02.07=116 дн.	30.07
11. F ₁ Арамис	15	07.06	24.07=134 дн.	18.08
12. Желтый слон	19	15.06	01.08=136 дн.	22.08

Наибольший период вегетации имели сорта F₁Арамис, Желтый слон до 200 дней. Подарок Молдовы (контр.) до 150 дней.

Анализ урожайности (табл.2) показывает сорта: Калифорнийское чудо, Виктория, Богатырь, Белозерка, Ласточка, Желтый слон – существенно превышают контроль сорт Подарок Молдовы (21,4т/га);

Сорта: Колобок, Пионер – уступают контролю.

Сорта: Оранжевое чудо, Болгарский – 79, F₁Арамис – превышают контроль, но не существенно.

Таблица 2 - Сравнительная оценка урожайности сортов и гибридов перца (среднее за 2013-2014 гг.)

Сорт	Общая урожайность, т/га	В том числе урожайность				Средняя масса плода, г.
		товарных плодов, т/га	%	нетоварных плодов, т/га	%	
1. Подарок Молдовы(контр)	21,4	19,6	92	1,2	8	70
2. Оранжевое чудо	24,8	23,6	95	1,2	5	235
3. Калифорнийское чудо	36,6	34,6	95	2,0	5	114
4. Виктория	29,0	27,7	96	1,3	4	80
5. Богатырь	35,2	34,1	97	1,1	3	165
6. Белозерка	34,1	33,0	97	1,1	3	106
7. Ласточка	32,4	31,2	96	1,2	4	80
8. Болгарский-79	28,7	27,6	96	1,1	4	60
9. Колобок	19,1	17,7	93	1,4	7	115
10. Пионер	20,2	18,6	92	1,6	8	75
11. F ₁ Арамис	27,5	25,8	94	1,7	7	260
12. Желтый слон	31,4	30,1	96	1,3	4	170
НСР _{0,5} = НСР _% =	1,53т/га 5,23%					

Важно получить не только высокий урожай плодов, но и плоды хорошего качества. Содержание витамина «С» в плодах перца является одним из решающих факторов питательной ценности и лечебно-профилактических свойств, который варьирует в зависимости от сорта и приемов агротехники (табл.3).

Таблица 3 - Биохимический состав плодов изучаемых сортообразцов перца (среднее за 2013-2014 гг.)

Сорт	Сухие вещества, %	Сумма сахаров, %	Вита мин С, мг%	Каро тин, мг%	Нитра ты, мг/кг
1. Подарок Молдовы	7,24	3,23	156,82	1,92	36,4
2. Оранжевое чудо	7,41	3,64	166,70	2,14	31,7
3. Калифорний-ское чудо	8,26	4,10	191,41	2,46	32,8
4. Виктория	2,60	3,61	152,36	1,72	33,2
5. Богатырь	8,20	4,02	186,43	2,18	34,6
6. Белозерка	8,12	4,00	181,67	1,97	30,8
7. Ласточка	8,01	3,96	179,53	1,88	33,7
8. Болгарский-79	7,57	3,71	164,71	2,01	30,2
9. Колобок	7,31	3,44	150,82	1,98	31,7
10. Пионер	7,51	3,48	161,63	1,87	32,8
11. F ₁ Арамис	7,62	3,56	178,81	2,02	34,6
12. Желтый слон	8,31	4,16	201,33	2,51	33,7

Плоды изучаемых сортообразцов во время массового сбора содержали 7,74 – 8,31% сухих веществ. Содержание витамина «С» колебалось от 150,82 до 201,33 мг %.

Результаты данных показывают сорта Калифорнийское чудо, Богатырь, Белозерка, Ласточка, Желтый слон, F₁Арамис отличаются высоким содержанием сухого вещества (8,01-8,31%). Содержание витамина С у этих сортов колебалось от 178 до 201,33мг%.

Одним из основных требований, предъявляемых к сортам, является их устойчивость к болезням.

Практика показывает, что недобор урожая овощных культур от болезней значительно больше, чем потери от вредителей.

Уровень вредоносности болезней тесно связано с наблюдением агроприемов в период выращивания.

Многие инфекционные заболевания перцев начинают развиваться еще в поле и интенсивно прогрессирует в процессе краткосрочного хранения. К их числу относятся все вирусные и микоплазменные заболевания, а для перца – это вертициллез и альтернариоз.

В наших исследованиях на сортах со средней полевой устойчивостью – Подарок Молдовы, Колобок, Пионер, F₁Арамис, Желтый слон признаки болезней начали проявляться в начале III декады июля. На сортах Оранжевое чудо, Калифорнийское чудо, Виктория, Богатырь, Белозерка, Ласточка, Болгарский-79 признаки болезней проявлялись в III декаде августа, уже после массового сбора.

Учет пораженных растений проводили визуально по пятибалльной шкале:

0 – отсутствие болезней у растений;

1 – повреждение отдельных растений;

2 – повреждение 10-25% растений;

3 – повреждение 25-35% растений;

4 – повреждение 35-50% растений;

5 – повреждение свыше 50% растений.

Данные, полученные нами в результате наблюдений, позволили разделить перцы по устойчивости к болезням на 2 группы:

1. Средняя восприимчивость – Подарок Молдовы, Колобок, Пионер, F₁Арамис, Желтый слон.

2. Низкая восприимчивость – Оранжевое чудо, Калифорнийское чудо, Виктория, Богатырь, Белозерка, Ласточка, Болгарский-79 менее 10% растений данных сортов поражаются различными заболеваниями.

Выводы

1. В результате исследований изучаемые сорта были разделены на 4 группы.

2. Фенологическими наблюдениями установлено, что техническая спелость в среднем изучаемых сортов перца наступает на 120-е сутки.

3. В условиях равнинного Дагестана максимальный урожай среди изучаемых сортов перца обеспечивает сорта Калифорнийское чудо (36,6 т/га), Богатырь (35,2 т/га), Белозерка (34,1 т/га), Ласточка (32,4 т/га), Желтый слон (31,4 т/га).

4. Химический анализ плодов перца показал: сорта Калифорнийское чудо, Богатырь, Белозерка, Желтый слон, имеют повышенное содержание витамина «С» выше 200,00 мг%.

Литература

1. Алпатьев А.В. Перцы и баклажаны. М.: изд-во «Московский рабочий», 1953.-С.11.

3. Бухаров А.Ф. Характер наследования признаков, определяющих отделяемость плодов у перца //Генетика. №4,- С.21.

4. Гикало Г.С., Гиш Р.А. Морфологические признаки и наследование хозяйственно ценных признаков перца//Аграрная наука. - 2000. - №1.-С.26.

5. Доспехов Б.А. Методика полевого опыта. М.: Колос, 1979,- 416с.

References

1. Alpat'ev A.V. Percy i baklazhany. M.: izd-vo «Moskovskij rabochij», 1953.-С.11.

3. Buharov A.F. Harakter nasledovaniya priznakov, opredelajushhih otdeljaemost' plodov u perca //Genetika. №4,- S.21.

4. Gikalo G.S., Gish P.A. Morfologicheskie priznaki i nasledovanie hozjajstvenno cennyh priznakov perca//Agrarnaja nauka. - 2000. - №1.-S.26.

5. Dosphehov B.A. Metodika polevogo opyta. M.: Kolos, 1979,- 416s.

Ахметова А.Ж.

ФГБОУ ВПО «Омский государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина»

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ БИОГУМУСА ПОД СТОЛОВУЮ СВЕКЛУ В УСЛОВИЯХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Аннотация

Проведены исследования по применению биогуруса под столовую свеклу на лугово-черноземной почве Западной Сибири. Установлено положительное влияние биогуруса на продуктивность данной культуры.

Ключевые слова: столовая свекла сорта Бордо, биогурус и минеральные удобрения.

Akhmetova A.Z.

FGBOU VPO «Omsk State Agrarian University them. P.A. Stolypina»

EFFICIENCY OF APPLICATION FOR BIOHUMUS BEET IN WESTERN SIBERIA

Abstract

Conducted research on the application of vermicompost under beets on meadow-Chernozem soils of Western Siberia. Ustavleno positive effect of vermicompost on the productivity of this crop.

Keywords: beet varieties of Bordeaux, vermicompost and mineral fertilizers.

Свекла столовая в настоящее время занимает около 6% всей площади овощных культур. Как растение пищевого назначения столовая свекла имеет для нас особую ценность. Она содержит богатый набор питательных веществ. Только сахаров в ее корнеплодах более 10%, а пектиновых веществ в ней больше, чем в моркови и яблоках. В свекле имеются белки, многие витамины, органические кислоты. Она богата минеральными солями фосфора, калия, марганца, железа, магния, есть в ней и кобальт, который участвует в образовании витамина В₂, и другие микроэлементы. Хорошо реагирует на внесение удобрений [1-5].

Биогурус – это натуральное органическое удобрение, полученное путем переработки различных органических субстратов дождевыми червями. Он содержит полный набор питательных веществ (макро- и микроэлементов), полезной микрофлоры, необходимых для полноценного роста и развития растений. Не токсичен, не содержит вредных примесей, позволяет получать экологически чистую сельскохозяйственную продукцию. Биогурус легко усваивается растениями и обладает пролонгированным действием. Вместе с тем, препарат не содержит патогенную микрофлору, яйца гельминтов, семена сорных растений и тяжелые металлы, поэтому его смело можно использовать в сельском хозяйстве [3].

Целью исследований является изучение эффективности применения разных доз биогуруса под столовую свеклу в условиях Западной Сибири.

Исследования по проводились в 2013-2014 гг. на опытном поле и лаборатории диагностики минерального питания и качества сельскохозяйственных культур ФГБОУ ВПО ОмГАУ им. П.А. Столыпина. Сорт столовой свеклы - Бордо, почва – лугово-черноземная маломощная малогумусовая тяжелосуглинистая. Содержание в пахотном слое почвы опытного участка нитратного азота и подвижного фосфора - среднее, обменного калия - высокое.

Расположение делянок на опытном участке систематическое. Площадь делянок - 2 м²; учётная площадь – 2 м². Повторность вариантов в опыте трёхкратная, расположение вариантов – последовательно в один ярус. Биогумус вносили в дозах 2, 4, 6, 8 т/га, минеральные – в эквивалентных по основным элементам минерального питания. Формы удобрений – аммиачная селитра, суперфосфат двойной, хлористый калий, биогумус.

Данные исследований позволяют сделать вывод о высокой отзывчивости столовой свеклы на применение минеральных удобрений и биогумуса в условиях Западной Сибири (таблица).

Таблица 1 - Действие биогумуса и минеральных удобрений на урожайность столовой свеклы (2013-2014 гг.)

Вариант	Урожайность, т/га			Прибавка	
	2013 г.	2014 г.	средняя	т/га	%
Контроль	82,3	59,3	70,8	-	-
2 т/га	97,8	77,1	87,5	16,7	23,6
4 т/га	99,0	71,4	85,2	14,4	20,3
6 т/га	106,0	63,0	84,5	13,7	19,4
8 т/га	139,0	71,2	105,1	34,3	48,4
N ₁₆ P ₁₈ K ₁₆	100,1	64,4	82,3	11,5	16,2
N ₃₆ P ₃₈ K ₃₆	101,0	77,2	88,7	17,9	25,3
N ₄₈ P ₅₄ K ₄₈	99,5	67,0	83,3	12,5	17,7

При сравнении применения доз биогумуса наибольшая прибавка получена от внесения 8 т/га (прибавка урожая составила 34,3 т/га при средней урожайности в контрольном варианте 70,8 т/га). Также можно сказать, что внесение минеральных удобрений позволяет сформировать высокую прибавку урожая - при внесении N₆₄P₇₂K₆₄ прибавка составила 38,9 т/га.

Действие биогумуса в сравнении с эквивалентными дозами минеральных удобрений в целом не хуже.

Наиболее эффективным является совместное внесение биогумуса и минеральных удобрений в варианте 2 т/га + N₁₆P₁₈K₁₆ – прибавка составила 35,6 т/га или 50,3 % к контрольному варианту.

Таким образом, на лугово-черноземной почве в условиях Западной Сибири установлена эффективность применения биогумуса под столовую свеклу.

Литература

1. Бобренко И.А. Оптимизация минерального питания кормовых, овощных культур и картофеля на черноземах Западной Сибири: дис. доктора с.-х. наук / И.А. Бобренко. – Омск, 2004. – 446 с.
2. Ермохин Ю. И. Оптимизация минерального питания сельскохозяйственных культур (на основе «ПРОД») : монография / Ю. И. Ермохин, И. А. Бобренко. – Омск : Изд-во ФГОУ ВПО ОмГАУ, 2005. – 284 с.
3. Ермохин Ю.И. Применение органических удобрений в Западной Сибири: учеб. пособие / Ю.И. Ермохин, И.А. Бобренко. – Омск: Изд-во ФГОУ ВПО ОмГАУ, 2008. – 124 с.
4. Лихоманова Л.М. Диагностика минерального питания, эффективности применения удобрений и качества корнеплодов столовой свеклы: Дис. канд. с.-х. наук: 06.01.04. - Омск, 1986. – 214 с.
5. Лихоманова Л.М. Нитраты в овощной продукции открытого грунта / Л.М. Лихоманова, Н.К. Трубина // Роль России и Сибири в развитии экологии на пороге XXI века: Материалы Международной конференции по экологии. - Омск, 1997. - С. 164-165.

References

1. Bobrenko I.A. Optimization of mineral nutrition of forage crops, vegetables and potatoes on chernozems of Western Siberia: Dis. doctor of agricultural Science / I.A. Bobrenko. - Omsk, 2004. - 446 p.
2. Ermokhin Y.I. Optimization of mineral nutrition of crops (based on the "PROD"): monograph / Y.I. Ermokhin, I.A. Bobrenko. – Omsk: publishing house FGBOU VPO OmGAU, 2005. - 284 p.
3. Ermokhin Y.I. The use of organic fertilizer in Western Siberia: Proc. Manual / Y.I. Ermokhin, I.A. Bobrenko. – Omsk: publishing house FGBOU VPO FSEIHPЕ OmGAU, 2008. - 124 p.
4. Lihomanova L.M. Diagnosis of mineral nutrition, effectiveness of fertilizers and quality of red beet root crops: Dis. Cand. agricultural Sciences: 06.01.04. - Omsk, 1986. - 214 p.
5. Lihomanova L.M. Nitrates in vegetables open ground / L.M. Lihomanova, N.K. Trubina // The role of Russia and Siberia in the development of ecology at the threshold of the twenty-first century: Proceedings of the International Conference on Ecology. - Omsk, 1997. - S. 164-165.

Ерёменко Е.И.¹, Тищенко Н.Н.²

¹Студентка, ²Доцент кафедры, кандидат сельскохозяйственных наук, Омский государственный аграрный университет
ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ДОЗ МЕДИ ПОД ТЫСЯЧЕЛИСТНИК ОБЫКНОВЕННЫЙ (ACHILLEA MILLEFOLIUM L.) НА ЛУГОВО-ЧЕРНОЗЕМНОЙ ПОЧВЕ В УСЛОВИЯХ ЮЖНОЙ ЛЕСОСТЕПИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Аннотация

В статье рассмотрено – изучение влияния меди на формирование урожая тысячелистника обыкновенного (*Achillea Millefolium l.*) на лугово-черноземной почве в условиях южной лесостепи западной Сибири. Установлен оптимальный уровень содержания минеральных элементов питания в растениях.

Ключевые слова: тысячелистник обыкновенный, медь, урожайность.

Еremenko E.I.¹, Tishchenko N.N.²

¹Studentka, ²Dotsent department, Candidate of Agricultural Sciences, Omsk State Agrarian University

EFFICIENCY OF USING DIFFERENT DOSES OF COPPER UNDER YARROW (ACHILLEA MILLEFOLIUM L.) ON MEADOW -CHERNOZEM SOILS IN THE CONDITIONS OF SOUTHERN FOREST STEPPE OF WESTERN SIBERIA

Abstract

In the article - the study of the effect of copper on the yield formation yarrow (*Achillea Millefolium l.*) On the meadow chernozem soil conditions of southern forest-steppe of Western Siberia. The optimal level of mineral elements in power plants.

Keywords: yarrow, copper, productivity.

Тысячелистник обыкновенный (*Achillea Millefolium L.*) – многолетнее травянистое растение; вид рода Тысячелистник (*Achillea*) семейства Астровые, или Сложноцветные (*Asteraceae*), типовой вид этого рода.

Тысячелистник обыкновенный используется в медицине, ветеринарии, в кулинарии, а также данная культура нашла свое применение в садоводстве.

Цель исследования - выявить влияние расчетных доз меди на урожайность тысячелистника обыкновенного на лугово-черноземной почве.

Актуальность темы обусловлено тем, что значимость лекарственных трав в современной медицине, точнее в её отрасли – фитотерапии, достаточно высокая, однако в условиях Западной Сибири отсутствуют рекомендации по возделыванию тысячелистника обыкновенного с целью получения высоких урожаев с качеством, соответствующим требованиям Государственной Фармакопии. В связи с этим на кафедре агрохимии ОмГАУ в 2004 году были начаты исследования по изучению влияния минеральных удобрений на урожайность и качество лекарственных растений.

Объектами исследований служили: тысячелистник обыкновенный (*Achillea Millefolium L.*), почва, макро- и микроудобрения, связанные в едином комплексе агротехнических мероприятий и метеорологических условий.

Полевой опыт был заложен в мае 2012 г. Предшественником тысячелистника был чистый пар. Полевой опыт закладывали по следующей схеме: 1. Без удобрений (контроль); 2. Фон (N₁₃₅P₄₅K₄₅); 3. Фон + 0,25 ПДК Cu (2,3 кг д.в./га); 4. Фон + 0,5 ПДК Cu (4,8 кг д.в./га); 5. Фон + 0,75 ПДК Cu (7,2 кг д.в./га); 6. Фон + ПДК Cu (10 кг д.в./га).

Проводимый опыт – однофакторный. Фактором, определяющим величину урожая в опыте, являлись различные дозы меди. Опыт был заложен в четырехкратной повторности. Размещение вариантов систематическое. Общая площадь делянки 5,0 x 2,0 м, учетная площадь делянки 5,0 x 2,0 м.

Формы минеральных удобрений, используемых при закладке полевого опыта: аммиачная селитра (N - 34 %), двойной гранулированный суперфосфат (P₂O₅ - 37,0 %), калий хлористый (K₂O - 60,0 %), ацетат меди ((CH₃COO)₂Cu - 32 %).

Содержание элементов питания в почве до посадки: N-NO₃ - 9 мг, P₂O₅ - 60, K₂O - 138 мг на кг слоя почвы 0-30 см (2% уксусная кислота); Cu - 0,3 мг/кг (ПДК - 3 мг/кг).

Таблица 1 - Влияние меди на урожайность абсолютно сухого вещества тысячелистника обыкновенного в 2012-2014 гг.

Вариант опыта	Урожайность, т/га			Средняя урожайность, т/га	Урожайность за 3 года, т/га
	2012 г.	2013 г.	2014 г.		
Контроль	0,53	6,43	16,5	7,82	23,46
N ₁₃₅ P ₄₅ K ₄₅ (фон)	0,81	6,62	20,5	9,31	27,93
Фон+0,25ПДК Cu	1,07	7,39	21,4	9,95	29,86
Фон+0,50ПДК Cu	1,14	7,74	21,2	10,03	30,08
Фон+0,75ПДК Cu	1,27	8,64	22,6	10,84	32,51
Фон+ПДК Cu	1,20	8,27	21,9	10,46	31,37
НСР ₀₅	0,11	0,5	0,5		

При анализе урожайных данных по годам проводимых исследований, следует отметить их резкое отличие, что связано с формированием корневой системы в первый год роста и развития культуры, а также неблагоприятными погодными условиями 2012 г. (высокая температура воздуха, недостаток осадков).

По данным полевого опыта 2012-2014 гг. по внесению расчетных доз меди под тысячелистник обыкновенный было установлено, что наибольшая урожайность (32,51 т/га) формируется на варианте с применением меди в дозе 7,2 кг д.в./га. Об этом свидетельствует установленная высокая функциональная связь общей урожайности от доз применяемой меди (уравнение 1).

$$Y = 0,39Cu + 28,48; \quad r = 0,86 \quad (1)$$

Уравнения свидетельствуют о том, что каждый килограмм разового внесенного медного удобрения увеличивает урожайность тысячелистника обыкновенного на 0,39 т/га (рисунок 1). Коэффициент корреляции равен 0,86, что говорит о положительной динамике медных удобрений и увеличении урожайности при их использовании.

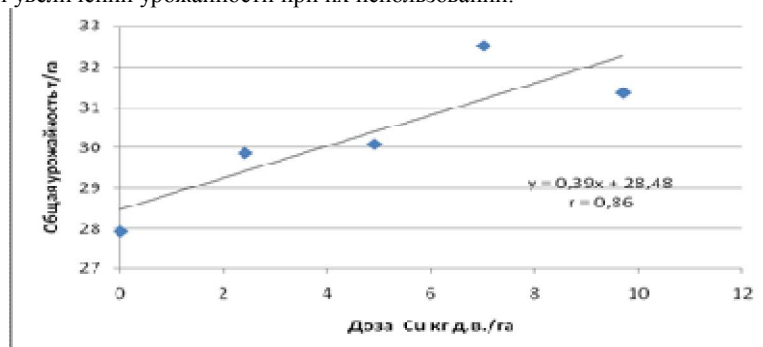

Рис. 1 – Зависимость общей урожайности тысячелистника обыкновенного от внесения различных доз меди, 2012-2014 гг.

Таким образом, по результатам исследований можно сделать вывод о том, что внесение меди в почву в дозе 0,75 ПДК (7,2 кг д.в./га) является наиболее эффективным.

Литература

1. К вопросу о применении удобрений под лекарственные культуры / Н.Н. Тищенко / Наука и образование в XXI веке: сб. науч. трудов по материалам Межд. науч. – практ. конф. 30 сентября 2013 г. Часть 31. – Тамбов: Изд-во ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2013. – С. 139-140

2. Метод определения урожайности тысячелистника обыкновенного (*Achillea Millefolium L.*) по химическому составу растений / Ю.И. Ермохин, Н.Н. Тищенко // Агрохимия. – 2014, №6. – С. 89-93.

References

1. On the question of the application of fertilizers for medicinal culture / N.N. Tishchenko / Science and education in the XXI century : Sat. scientific. works on the material between . Sci. - Pract. Conf. September 30, 2013 Part 31 - Tambov Univ Trooz "Business Science - Society", 2013. - p. 139-140.

2. The method of determining the yield of yarrow (*Achillea Millefolium L.*) on the chemical composition of plants / Y.I. Ermokhin, N.N. Tishchenko // Agrochemistry. - 2014, №6. - p. 89-93.

ПРИМЕНЕНИЕ КОМПОНЕНТНЫХ КОРМОВЫХ ДОБАВОК ИЗ МЕСТНЫХ РАСТИТЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ

Аннотация

Эффективность применения компонентных кормовых добавок на основе натуральных растительных компонентов определяется огромным количеством содержащихся в них биологически активных веществ различного действия, достаточными запасами, простотой заготовки и экономической выгодой, полученной в результате их ввода в рационы кур-несушек.

Ключевые слова: куры-несушки, продуктивные качества, компонентные кормовые добавки, качество яйца, перевариваемость питательных веществ корма.

Ignatovich L.S.¹, Korzh L. W.²

¹Scientist, ²Junior scientist, Dept. of Animal Husbandry, FSBSI Magadan Research Agricultural Institute

COMPONENT FEED ADDITIVES FROM ABORIGINAL PLANT RESOURCES

Abstract

Efficiency of use of component feed additives on the basis of natural vegetational components is determined by the huge content of biologically active substances with various activity, sufficient stocks of the components, simplicity of their procurement and economic profit got owing to their introduction into laying hen diets.

Keywords: Laying hens, productive qualities, component feed additives, quality of egg, feed nutrient digestibility.

В ближайший период времени российское птицеводство имеет наиболее благоприятные шансы для внесения весомого вклада в обеспечение населения продуктами питания. В России белок яиц и мяса птицы в общем объёме потребления протеинов животного происхождения составляет более 30%, в том числе яичный – 10%, что сопоставимо с количеством белка, потребляемого из рыбных продуктов. В этой связи яичное производство, как сектор агропромышленного комплекса, имеет огромное значение в реализации программы продовольственной безопасности страны, так как куриные яйца содержат значительное количество ценных ингредиентов, необходимых для организма человека. Кроме обеспечения потребности человека в животном протеине и незаменимых аминокислотах одно куриное яйцо удовлетворяет суточную потребность человека в жире – на 7%; фосфолипидах – на 50%; витаминах А, D, К, В₂, В₄, В₁₂ – от 5 до 100%; йоде – на 15-20%; в цинке и меди – до 10%.

В условиях обострения конкурентной борьбы дальнейшее наращивание производства птицеводческой продукции, а в частности яиц, невозможно без широкого внедрения ресурсосберегающих технологий, которые в наибольшей степени позволяют реализовывать генетический потенциал продуктивности птицы и обеспечивают снижение себестоимости продукции [1,2].

На современном этапе развития птицеводческой отрасли сложились определённые требования к кормлению кур-несушек, к ним относятся: использование естественных стимуляторов роста; отказ от кормовых антибиотиков для получения экологически чистой продукции; применение кормовых средств, не уступающих по биологической ценности дорогостоящим кормам. Применение в современных рационах кур-несушек, местных нетрадиционных растительных ресурсов отвечает всем этим требованиям, кроме того, все нутриенты, входящие в состав растительных компонентов, находятся в неантагонистических сочетаниях.

В роли компонентов, входящих в состав кормовых добавок мы использовали муку из бурых морских водорослей (ламинарии), дикорастущих лекарственных растений (иван-чай узколистный, вейник Лангсдорфа, мятлик луговой, крестовник резедолистный), шишек и хвои стланика кедрового.

Целесообразность применения в рационах кур-несушек компонентных кормовых добавок, состоящих из местных растительных ресурсов, побудила нас получить необходимые сведения о химическом составе, биологической ценности этих компонентов и эффективности их действия на организм кур-несушек.

Мука из бурых морских водорослей и мука из дикорастущих лекарственных растений обладают огромным спектром действующих веществ, они содержат в своём составе витамины: А, С, Е, К, группы В; микроэлементы: железо, марганец, медь, фосфор, калий, магний; каротин а так же большой набор аминокислот, в том числе незаменимых – лизин, метионин, серин, валин, треонин, фенилаланин, лейцин, изолейцин тирозин, триптофан, треонин, цистин и др.

Отличительной особенностью бурых морских водорослей является присутствие заметных количеств йодоаминокислот, являющихся гормональными веществами. Это моно- и дийодтирозин, дийодтиронин и дийодтироксин. Установлено, что в ламинарии содержатся такие редкие по своей природе биологически активные вещества, как таурин, цитрулин, хондрин и их соединения, играющие важную роль в обмене веществ организма. Водорослевые углеводы представлены специфическими полисахаридами, а так же водорастворимыми сахарами. Из полисахаридов следует отметить альгиновую кислоту, водорослевый крахмал, целлюлозу (альгулёзу). Из низкомолекулярных углеводов в довольно больших количествах содержится сахарный спирт маннит и его производные.

Травяная мука отличается от других растительных компонентов высоким уровнем каротиноидов, жиро- и водорастворимых витаминов. Ценность витаминов, поступающих в организм птицы в составе травяной муки, заключается в том, что они находятся в определённом соотношении, что имеет большое значение. Каротин в травяной муке содержится в нескольких формах, наиболее активной является β-каротин, так как в процессе биосинтеза из него образовывается две молекулы витамина А, из других форм – только одна. Количество β-каротина в травяной муке составляет 68-83% от суммы каротиноидов. Известно мнение учёных и практиков о так называемом «факторе травяной муки», заключающимся в целебных свойствах неизученных трав.

В этих компонентах содержится большое количество дубильных веществ, алкалоидов, а так же биологически активных веществ разнообразного состава обладающих болеутоляющими, антисептическими, обволакивающими, противовоспалительными и успокаивающими свойствами [3,4,5].

В состав муки из шишек и хвои стланика кедрового входит большое количество как органических, так и минеральных веществ: дубильные вещества катехинового ряда, липиды, фосфолипиды, фитостерин, триглицериды; содержится большое количество жирных кислот: каприновая, пальмитиновая, стеариновая, олеиновая, линолевая, арахиновая, лигноцериновая и др.

В ней обнаружено 23 минеральных элемента, не обладающих питательной ценностью, но являющихся катализаторами многих биохимических реакций, протекающих в организме, а так же 14 аминокислот, оказывающих различное действие на организм: триптофан, изолейцин+лицин, валин, лизин, метионин, гистидин, цистин+цистеин, тирозин, аргинин, серин, глицин, пролин.

Мука из хвои стланика кедрового является одним из лучших поставщиков каротина, витаминов Е, Н, РР, группы В, стеринов – источников витамина D. В её состав входят компоненты, повышающие иммунитет, обладающие бактерицидным, антимикробным и противовосполительным действием. [6,7].

Одним из важнейших действующих веществ растительных компонентов, является филлохинон (присутствующий в растениях витамин К), он обуславливает нормальное состояние свёртывающей системы крови, его недостаток замедляет свёртывание крови, алиментарная его недостаточность особенно проявляется при клеточном содержании кур, когда практически исключена каппрофагия. Недостаток его увеличивается при применении в кормах кокцидиостатиков, антибиотиков, угнетающих рост микрофлоры в толстом кишечнике.

Лечебное и стимулирующее действие нутриентов, содержащихся в компонентах кормовых добавок, на организм птицы связано так же с наличием в ней биологически активных веществ разнообразного состава, относящихся к различным классам химических соединений: алкалоидов, кумаринов, сапонинов, слизей, флавоноидов, фитонцидов, пектинов, гликозидов. Они влияют на всасывание питательных веществ из желудочно-кишечного тракта, усиливают работу сердца, нервной системы, выводят продукты обмена веществ и обеспечивают соответствующие реакции действия гормонов, ферментов и витаминов, поддерживают кислотно-щелочное равновесие в крови, принимают участие в построении тканей организма и т.д.

Совместное их влияние активизирует все жизненно важные функции организма птицы, в том числе обменные процессы и процессы, влияющие на увеличение продуктивных качеств кур и качество производимой продукции, что, в свою очередь, способствует повышению экономических показателей производства продукции (яйца).

Экспериментальная часть исследований выполнялась в производственных условиях ООО «Птицефабрика Дукчинская» (г. Магадан). Длительность опыта составила 90 дней.

Материалом для исследований куры-несушки кросса Хайсекс коричневый. Контрольная группа птицы получала основной рацион кормления, применяемый в хозяйстве (ОР), опытным группам в основной рацион включались компонентные кормовые добавки согласно схеме опыта (табл.1).

Таблица 1 - Схема опыта

Группы	Рацион кормления
1 (к)	ОР
2	ОР с 2,5% травяная мука + 0,5% мука из шишек стланика кедрового + 0,4% мука из бурых морских водорослей (ламинария)
3	ОР с 2,5% травяная мука + 0,5% мука из хвои стланика кедрового + 0,4% мука из бурых морских водорослей (ламинария)

Данные, полученные в результате проведенных исследований, свидетельствуют о том, что применение в рационах кур-несушек компонентных кормовых добавок способствует повышению валового сбора яйца и яйценоскости на начальную несушку на 5,2-5,9%; выхода яичной массы – на 13,0-14,4%, интенсивности яйцекладки на 4,6-5,2%.

Обогащение рационов компонентными кормовыми добавками позволило повысить среднюю массу яйца в среднем на 5,0% ($P \leq 0,001$). Возросли так же потребительские свойства яиц: концентрация сухих веществ увеличилась на 2,2-3,5% ($P \leq 0,01$); сырого жира – на 1,5-5,5% ($P \geq 0,05$); сырого протеина – на 2,6-3,9% ($P \leq 0,01$); БЭВ – на 0,4-6,7% ($P \leq 0,05$). Концентрация каротиноидов в желтке яйца в группе 2 возросла в 1,4 раз ($P \leq 0,001$); в группе 3 – в 1,6 раз ($P \leq 0,001$).

Возросли переваримость (использования) питательных веществ корма организмом кур-несушек, так переваримость протеина возросла на 2,4-2,9%, жира – на 3,0-7,5%; БЭВ – на 2,3-4,6%; использование азота – на 4,4-11,3%.

Затраты корма на 10 штук яйца снизились на 5,0-5,5%, на 1 кг яичной массы – на 11,5-12,6%; получен экономический эффект в расчете на 1000 штук яиц в сумме 485,6-545,1 руб., в зависимости от состава компонентной добавки.

Более высокие показатели продуктивности достигнуты в опытной группе птицы 3, получавшей в основном рационе муку из хвои стланика кедрового; так за счёт увеличения массы яиц и интенсивности яйцекладки яичной массы в этой группе получено больше на 10,3%, чем в группе 2, получавшей муку из шишек стланика кедрового. Так же в группе 3 были более высокие показатели повышения потребительских свойств продукции (яиц): содержание сырого жира на 4,0%, сырого протеина – на 6,3%, каротиноидов – на 13,2%, чем в группе 2.

После обработки, полученных в результате исследования, данных был проведен дисперсионный анализ влияния ввода компонентных кормовых добавок на яйценоскость кур-несушек (методом однофакторных равномерных дисперсионных комплексов). На основе расчётов сделан вывод, что из всех действующих факторов, определяющих повышение яйценоскости кур-несушек, 43,8% приходится на действие кормовых добавок. Между коррелируемыми признаками имеется средняя прямая связь $k=0,622$ ($P \geq 0,05$) [8].

На основании данных, полученных в результате эксперимента, с целью увеличения эффективности производства рекомендуется ежедневное включение в рационы кур-несушек всех возрастных и продуктивных периодов компонентных кормовых добавок из местных растительных ресурсов, состоящих из травяной муки дикорастущих лекарственных растений, шишек или хвои стланика кедрового и бурых морских водорослей.

Литература

1. Инновации в кормлении // Птицеводство. – 2013. – № 5. – С. 27-35.
2. Фисинин, В.И. Свежий взгляд на важную проблему / В.И. Фисинин, А.Ш. Кавтарашвили // Птицеводство. – 2014. – № 5. – С.2-9.
3. Старикова, Н.П. Биологически активные добавки: состояние и проблемы: монография / Н.П. Старикова – Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2005. – 124 с.
4. Частухина, С. Лекарственные и пищевые растения Колымы / С. Частухина. – Магадан: АО «МАОБТИ», 1995. – С. 78-85.
5. Попов, А.П. Лекарственные растения в народной медицине / А.П. Попов // «Здоров'я» Киев. – 1969. – С.108-110.
6. Савин, И.М. Оценка адаптационных и стимулирующих свойств шелухи шишек *PINUS KORAIENSIS* на курах-несушках: автореф. дис. канд. биол. наук: 03.00.16, 06.02.02 / И.М. Савин; Благовещенск. Дальневосточный Гос. аграрный ун-т. – Благовещенск, 2006. – 22 с.
7. Биохимическая характеристика хвойных пород Сибири в связи с ростом и морфогенезом / ответственный редактор д-р с.-х. наук Поздняков Л.К. – Издательство «Наука» Сибирское отделение, Новосибирск, 1974. – 137с.
8. Плохинский, Н. А. Руководство по биометрии для зоотехников / Н.А. Плохинский – М.: Колос, 1969. – 255 с.

References

1. Innovazii v kormlenii // Ptizewodctwo. – 2013. – № 5. – С. 27-35.
2. Fisinin, W.I. Cwegii wzgljad na wagnuju problemu / W.I. Fisinin, A. Sh. Kawtarashwili // Ptizewodctwo. – 2014. – № 5. – С.2-9.
3. Starikowa, N.P. Biologicheski aktiwnie dobawki: coctojanie i problemi: monografija / N.P. Starikowa – Habarowsk: RIZ HGAEP, 2005. – 124 с.
4. Chactuhina, S. Lekarstwennie i pishewie rastenija Kolimi / S. Chactuhina. – Magadan. – АО «МАОБТИ», 1995. – С. 78-85.
5. Popow, A.P. . Lekarstwennie rastenija w narodnoi medizine / A.P. Popow // «Zdorow'ia» Kiev. – 1969. – С.108-110.
6. Sawin, I. M. Ozenka adaptazionnih i stimilirujushih cwoictw sheluhi shishek *PINUS KORAIENSIS* na kurah-nesushkah: awtoref. dis. kand. biol. nauk: 03.00.16, 06.02.02 / I. M. Sawin; Blagoweshensk. Dalnewostochnii Gos. agrarnii un-t. – Blagoweshensk, 2006. – 22 с.
7. Biohivicheskaja harakteristika hwoinih porod Sibiri w swjazi c rostom i morfogenezom / otwetstwenii redactor d-r s-h nauk Pozdnjakow L. K. – Izdatelstwo «Наука» Sibirskoe otdelenie, Nowosidirsk, 1974. – 137с.
8. Plohinskii, N.A. Rukowodstwo po biometrii dlja zootehnikow / N. A. Plohinskii – М.: Kolos, 1969. – 255 с.

Кордабовский В. Ю. ,

Заведующий группой отдела внедрения инновационных технологий в сельскохозяйственное производство отдела агроэкологии, Федеральное государственное бюджетное научное учреждение Магаданский научно-исследовательский институт сельского хозяйства

К ВОПРОСУ СЕЛЕКЦИИ КАРТОФЕЛЯ В МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация

Излагаются вопросы селекции картофеля в Магаданской области. Показаны перспективные гибридные комбинации для дальнейшей селекционной работы.

Ключевые слова: селекция, картофель, гибриды, сорт.

Kordabovsky V.Y.

Head of the group on Organization and Introduction of Innovation Technologies into agricultural production Department of agroecology, FSBSI Magadan Research Agricultural Institute

ON THE ISSUE POTATO SELECTION IN MAGADAN REGION

Abstract

The questions concerning potato selection in Magadan region are expounded. The promising hybridous combinations are given for a further selection work.

Keywords: selection, potato, hybrids, variety.

Лимитирующим фактором возделывания картофеля на Крайнем Северо-Востоке является обеспеченность растений теплом, что определяет специфику местного картофелеводства. Основное производство культуры сосредоточено на северном побережье Охотского моря, с достаточно суровыми природно-климатическими условиями. Для нормального роста, развития и полного вызревания сортов картофеля различных групп спелости сумма среднесуточных температур выше 10°C за вегетационный период должна находиться в следующих диапазонах: для ранних и среднеранних – 1000 – 1400, для среднеспелых - 1400 – 1600, для среднепоздних и поздних – 1600 – 2200°C [1]. В колымском регионе этот показатель составляет всего 950°C [2]. Сумма среднесуточных температур выше 5°C с их продолжительностью за весну, лето и осень 100-120 дней, доходит лишь до 1300°C. Средняя температура июля 11,0 - 13,5°C [2]. Клубнеобразование у картофеля начинается в конце второй декады июля и продолжается до конца вегетации, которая прекращается не естественным отмиранием ботвы, а ранними заморозками в третьей декаде августа - первой декаде сентября.

Но недостаток тепла и короткий период вегетации компенсируются очень важным положительным климатическим показателем – длительным световым периодом. Продолжительность световой части суток в июне-августе составляет 17,5 - 20 часов, а их сумма – 1582 - 1840 часов [2].

Исследованиями установлено, что продуктивность фотосинтеза и отток питательных веществ из листьев при полярном дне выше, чем при укороченном, а в условиях пониженных температур воздуха и почвы растение меньше отражает и пропускает лучистой энергии, но больше поглощает ее, особенно в области красных и ближайших инфракрасных лучей, а также зеленых лучей спектра [3].

В районах Крайнего Севера происходит фотоадаптация картофеля к продолжительному световому дню. Здесь он относительно быстро проходит все фазы развития, быстрее развивает мощную ботву, обильно цветет и при сравнительно коротком безморозном периоде может давать высокие урожаи. На юге продолжительный день замедляет клубнеобразование, а на севере-ускоряет [4].

Формирование запасов фитомассы в поясе северного сельскохозяйственного производства создаются четырьмя основными особенностями, характерными только для северных широт: способность растений ускорять биохимические процессы при повышении температуры окружающей среды от минимума до оптимума; повышенным положительным балансом между накоплением органического вещества и расходом его на дыхание; продолжительным днем в теплое время года; повышенным количеством солнечной радиации в летние месяцы [2].

Несмотря на требования определенного агроклиматического комплекса, картофель способен под воздействием специфических условий Магаданской области изменять в некоторой степени свою природу, соответственно отвечать на эти условия, приспосабливаться к ним - адаптироваться. Это объясняется высокой пластичностью культуры, в различной степени выраженной у разных сортов. Поэтому определяющим фактором в получении высоких урожаев картофеля на Колыме являются не климатические условия, а правильный подбор сортов. Здесь важно внедрить холодостойкие, скороспелые сорта и применять правильную индивидуальную сортовую агротехнику.

На протяжении ряда лет ФГБНУ Магаданский НИИСХ осуществляет расширенную программу по созданию зональных сортов картофеля нового поколения. Основным направлением в селекционной работе является получение ранних сортов с коротким вегетационным периодом. Раннеспелость картофеля должна сочетаться с высокой урожайностью и качеством продукции, способностью более полной реализации биологического и хозяйственного потенциала, адаптивностью к стрессовым факторам и болезням.

Для получения нового интенсивного сорта необходим правильный подбор родительских пар, способных обеспечить высокий выход хозяйственно-ценных форм. Нами в селекционный процесс включались комбинации, родительские пары которых представлены ранними, среднеранними и среднеспелыми сортами: Жуковский ранний, Удача, Крепыш, Барака, Памяти Осиповой, Накра, Дар, Аусония. Лина, Амадеус, Гранола. Верба, Адретта, Raga, Сантэ, Пост -86, Романо и др. Использовались различные вариации с материнскими формами и опылителями: Адретта × Аусония, Жуковский ранний × Аусония, Аусония × Верба, Удача × Аусония, Барака × Аусония, Аусония × Жуковский ранний, Накра × Raga, Лина × Аусония, Удача × Амадеус и ряд других.

В результате проведенной научно-исследовательской работы определены гибридные комбинации, селекционные исследования по которым наиболее перспективны для создания новых высокоадаптивных сортов картофеля. Это такие как Накра × Raga, Дар × 1198-2, Барака × Аусония, Памяти Осиповой × 946 – 3, Удача × Аусония, 81.14/61 × Аусония. Следует отметить, что комбинации, где сорт Аусония взят в качестве опылителя, дают более продуктивные гибриды, по сравнению с вариациями, в которых этот же сорт выступает в качестве материнской формы.

Выделенные гибриды, несмотря на крайне неблагоприятный вегетационный период 2014 года (в процессе клубнеобразования количество выпавших осадков превысило среднегодовой показатель в 7 раз, частично подтопив посадки картофеля) показали не только высокую продуктивность (таблица 1), но и надежную устойчивость к фитофторозу – самому агрессивному заболеванию в регионе.

Таблица – 1 Основные показатели продуктивности селекционных гибридов (2014 год)

Гибриды	Урожайность, ц/га	Товарность, %	Средний вес товарного клубня, гр	Содержание крахмала, %
Барака×Аусония	307,1	96,6	125,3	11,9
Накра × Raga	238,0	95,8	74,2	12,0
Дар ×1198-2	251,3	97,1	95,8	10,8
81.14/61 × Аусония	253,5	97,0	73,5	12,3
Памяти Осиповой ×946-3	245,6	90,8	69,6	12,1

Полученные результаты дают основание продолжать селекционную работу по созданию новых интенсивных сортов картофеля для климатической зоны Магаданской области.

Литература

1. Сорта картофеля, возделываемые в России: 2009. Ежегодное справочное издание. – М.: Агроспас, 2009. - С. 5.
2. Хлыновская Н.И. Агроклиматические основы сельскохозяйственного производства Севера. Л.: Гидрометеоздат, 1982. – С.13, С.27, С.34, С. 19-20.
3. Иосифович Н.Л., Татарченков М.И. Земледелие Магаданской области. – Магадан: кн. изд-во, 1968. С. 50 - 51.
4. Бурлака В.В. Картофелеводство Сибири и Дальнего Востока. – М., Колос, 1978. – С. 14.

References

1. Sorta kartofelja, vzdelyvaemye v Rossii: 2009. Ezhegodnoe spravocnoe izdanie. – М.: Agrosapas, 2009. - S. 5.
2. Hlynovskaja N.I. Agroklimaticheskie osnovy sel'skhozajstvennogo proizvodstva Severa. L.: Gidrometeoizdat, 1982. – S.13, S.27, S.34, S. 19-20.
3. Iosifovich N.L., Tatarchenkov M.I. Zemledelie Magadanskoj oblasti. – Magadan: kn. izd-vo, 1968. S. 50 - 51.
4. Burlaka V.V. Kartofelevodstvo Sibiri i Dal'nego Vostoka. – М., Kolos, 1978. – S. 14.

Кузьмина И.Ю.

ФГБНУ Магаданский НИИСХ

ВЛИЯНИЕ КОРМОВОЙ ДОБАВКИ ИЗ ФЕРМЕНТИРОВАННОГО СТЛАНИКА НА МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ КРОВИ КРУПНОГО РОГАТОГО СКОТА В МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация

Проведены исследования по применению кормовой добавки из ферментированного стланика в рационах кормления крупного рогатого скота, применение которых положительно влияет на резистентность и показатели крови.

Ключевые слова: Магаданская область, ферментированный стланик, крупный рогатый скот, показатели крови, резистентность.

Kuzmina I.Y.

FSBSI Magadan Agricultural Research Institute

INFLUENCE OF FEED ADDITION OF FERMENTED CEDAR ELFIN WOOD NEEDLES ON MORPHOLOGICAL INDICES OF CATTLE BLOOD IN MAGADAN REGION

Abstract

The research was carried out on application of fermented cedar elfin wood needles in cattle diets, an use of which influences positively on the blood and resistance indices of cows.

Keywords: Magadan region, fermented cedar elfin wood needles, cattle, blood and resistance indices.

Важным вопросом, стоящим перед учеными Северо-Востока в последнее время, становится дело изучения резервов местной кормовой базы и разработки системы кормления крупного рогатого скота (КРС) для данного региона. Древесными кормами можно частично восполнить недостаток грубых кормов в рационах жвачных животных с целью повышения оптимального количества клетчатки. Применение кормовых добавок (КД) из пихты в рационах дойных коров стимулирует молочную продуктивность, сокращает сервис-период, повышает иммунитет, обладает бактерицидным, антимикробным, противовоспалительным действием. В древесной зелени ели сибирской и сосны обыкновенной содержится значительное количество токоферола (витамин Е) – 0,04-0,057 мг/г и витамина С – около 1,3 % [2]. По данным Всемирной организации здравоохранения ЮНЕСКО, растение регулирует кровообращение и лечит болезни кровеносной системы [1,4]. Введение 2 мл на голову в сутки водного раствора экстрактивных соединений пихты повышало удои на 19% по сравнению с контролем, 0,3 кг/сут хвойной муки – на 3,7 % [3].

Лабораторией ФГБНУ МНИИСХ изучалось содержание микроэлементов в кедровом стланике, распространенном на Дальнем Востоке (таблица 1). По содержанию меди изученные образцы практически не отличаются от сеянных и дикорастущих травянистых растений.

Таблица 1 - Содержание микроэлементов в кедровом стланике на, мг\кг сухого вещества

Вид растительности	Микроэлементы			
	Cu	Zn	Mn	Fe
ветки	5,7	48,9	338,0	407,0
хвоя	2,5	25,3	592,0	352,0

Один из перспективных способов обработки грубых кормов – применение ферментных препаратов, расщепляющих некрахмалистые полисахариды и глюкотеины кормов до низкомолекулярных питательных веществ, а крахмал – до мальтозы и дисахаридов.

В прибрежной зоне Магаданской области в качестве стимулирующей КД скорректированной в соответствии с потребностями животных и пополнения рациона КРС витаминами группы В, Д, Е, и микроэлементами (медь, цинк, кобальт, марганец), каротином и клетчаткой с целью повышения защитных функций организма и продуктивности возможно за счет отходов от производства новогодних елок и самих елок (хвоя кедрового стланика).

Для проведения опыта подготовлено 260 кг сухой хвои кедрового стланика. Технология получения ферментированного стланика состоит из сушки хвои в специально оборудованном складском помещении на сетчатых стеллажах и измельчение. Измельченная хвоя ферментировалась препаратом «ЭМ-Вита». Препарат «ЭМ-Вита» представляет жидкий полифункциональный микробиологический препарат. В его состав входят молочнокислые бактерии, дрожжи, продукты жизнедеятельности микроорганизмов. Использование препарата «ЭМ-Вита» в питании КРС способствует развитию полезной микрофлоры, которая, заселяя желудочно-кишечный тракт, успешно борется с патогенными микроорганизмами, обезвреживает токсины, принимает активное участие в синтезе витаминов и аминокислот.

С целью изучения влияния КД на физиологическое состояние и продуктивность коров после отела был проведен научно-хозяйственный опыт в КФХ «Комарово» (г. Магадан). Опыт проведен в стойловый период. Для экспериментальных исследований были отобраны 10 коров голштинской породы, разделенные по принципу аналогов на две равные группы. При подборе в группы учитывались породность, возраст, срок осеменения. Животные обеих групп получали хозяйственный рацион, состоявший из силоса и комбикорма. К основному рациону коров опытной группы добавляли КД ежедневно в течение 95 дней - 550 г на голову в сутки. Основной рацион для дойных коров обеспечен ЭКЕ и обменной энергией на 72,42, 72,62 % соответственно. Уровень протеинового питания ниже требуемых показателей (74,75 % от нормы). На 1 ЭКЕ приходится переваримого протеина – 55,89 г (37,67 % от нормы). «Сырой» клетчатки 1490 г, что составляет 49,65 % от нормы. «Сырого» жира коровы получают выше нормы 256,2г (113,87%).

Изучение молочной продуктивности коров показало, что введение в рацион КД оказало положительное влияние на суточный удой коров. Контрольные дойки проводили 4 раза в течение опыта. Применение КД повышает величину надоев на 13,63 %, а относительно среднего надоя по стаду на 8,78 %, на достоверную величину.

Данные морфологических исследований показывают, что по изученным показателям состояние коров в опытных группах, в сравнении с коровами контрольной группы, улучшилось (таблица 2). За период опыта содержание эритроцитов в крови коров обеих групп опускается ниже нормы (4,06 – 4,19 млн/мм³). В контрольной группе спад составил 54,07%, в группе, получавшей КД – 36,71%.

Таблица 2 - Изменение морфологических показателей крови коров, в среднем по группе, М±m

Показатель	Основной рацион			Кормовая добавка			
	20.01	13.03	23.04	20.01	13.03	23.04	
Эритроциты, млн/мм ³	8,84±0,77	4,64±1,09	4,06±2,52	6,62±0,28	4,12±0,35	4,19±1,01	
СОЭ, мм/ч	2,20±0,37	1,80±0,49	2,67±1,58	1,60±0,24	1,80±0,37	0,80±0,58	
Hb, г/100 мл	9±0,71	10,60±1,08	8,67±5,01	9±0,63	10±0,84	8±0,32	
Лейкоциты, тыс/мм ³	2,80±0,42	6,12±0,92	5,47±3,20	2,96±0,77	5,64±0,39	3,84±0,60	
Нейтрофилы	Палочкоядерные, %	8,40±1,29	3,40±1,69	5,33±3,20	6,80±0,73	3,60±1,33	5,20±1,98
	Сегментоядерные, %	18,80±2,44	20,20±0,73	20,33±11,87	21±2,43	20±0,84	22,20±3,92
	Юные, %	0,00±0,00	0,00±0,00	0,00±0,00	1,00±0,45	0,00±0,00	0,00±0,00
Лимфоциты, %	67,40±3,12	69,60±1,96	65,67±38,05	63,60±2,16	68,00±1,58	67,0±4,44	
Моноциты, %	3,4±0,93	3,4±1,17	3±1,83	5±1,67	5±1,52	2,6±1,03	
Эозинофилы, %	2±0,55	3,40±0,75	5±3,83	2,60±0,75	3,4±1,78	3±1,1	

Количество лейкоцитов в крови коров обеих групп в начале опыта находится ниже физиологической нормы (2,8-2,96 тыс/мм³). К середине опыта наблюдается повышение количества лейкоцитов в контрольной группе на 118,57%, в опытной на 90,54%. Снижение количества лейкоцитов, характерное для последующей стельности, отмечалось у коров обеих групп. У коров на основном рационе спад составил 10,62%. У коров, получавших КД, наблюдалось снижение количества лейкоцитов в крови на 31,91%.

Содержание палочкоядерных нейтрофилов в крови коров обеих групп начале опыта было выше нормы. В течение опыта происходит снижение содержания палочкоядерных нейтрофилов в контрольной группе на 36,55%, в опытной на 23,53%, оставаясь выше нормы.

За период опыта в крови коров обеих групп происходит повышение числа сегментоядерных нейтрофилов. В крови животных группы, получившей КД, происходит увеличение сегментоядерных нейтрофилов на 5,71%, в контроле на 8,13%.

Количество моноцитов в начале опыта находилось ниже нормы в крови животных контрольной группы (3,4%). За период опыта уровень моноцитов снизился в контрольной группе на 11,76%, в опытной группе на 48%.

Количество лимфоцитов в крови животных в начале опыта было выше физиологической нормы в контрольной группе (67,40%). За период опыта уровень лимфоцитов снизился в контрольной группе на 2,57%, оставаясь незначительно выше нормы. В группе, принимавшей КД, количество лимфоцитов повысилось на 5,35%.

В целях повышения общей резистентности и молочной продуктивности крупного рогатого скота в период раздоя в Приохотской зоне Магаданской области может служить кормовая добавка на основе кедрового стланика ферментированного препаратом «ЭМ-Вита», обогащающая кормовые рационы протеином, клетчаткой, микроэлементами, ферментами, молочнокислыми бактериями, дрожжами и витамином С.

Литература

1. Баженов, В. Хвойные растения – целители / В. Баженов. - М.: ООО «АСС-Центр», ООО ИКТЦ «ЛАДА», 2006. – 62-65 с.
2. Журавлева, Л.Н., Рубачевская Л.П. Химический состав пропанбутановых экстрактов древесной зелени пихты сибирской / Сб. статей по материалам научно-практической конференции. Т. III Химико-лесной комплекс – проблемы и решения. – Красноярск: СибГУ, 2002.- С. 11-20.
3. Конобеев, В.Н. Биомасса леса – дополнительный источник кормов / В.Н. Конобеев // Лесное хозяйство. – 1980. - №8. – С. 68-69.
4. Старикова, Н.П. Биологически активные добавки: состояние и проблемы: монография. – Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2005. – С.92.

References

1. Bazhenov, V. Hvoynye rasteniya – tselitily / V. Bazhenov. - M.: ООО «ASS-Tsentр», ООО ИКТТС «LADA», 2006. – 62-65 s.
2. Zhuravleva L.N., Rubachevskaya L.P. Himicheskiy sostav propanbutanovykh ekstraktov drevesnoi zeleni pithy sibirskoi / sb. Statei po materialam nauch.-praktich. konf. T. III, Himiko-lesnoy kompleks – problemy i reshenia. – Krasnoyarsk: SIBGU, 2002.- S. 11-20.
3. Konobeev, V.N. Biomassa lesa – dopolnitelnyi istochnik kormov / Lesnoe hozyaistvo. – 1980. - №8. – S. 68-69.
4. Starikova, N.P. Biologicheski aktivnyye dobavki : sostoyanie I problemy: monografiya. – Habarovsk: RITS HGAEP, 2005. – S.92.

Лыков А. С.

Федеральное научное учреждение «Магаданский научно-исследовательский институт сельского хозяйства»
**ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЧИСТОПОРОДНЫХ ТЕЛОК АЙРШИРСКОЙ ПОРОДЫ ПРЕДНАЗНАЧЕННЫХ ДЛЯ
РЕМОНТА СТАДА КОРОВ АДАПТИРОВАННЫХ К УСЛОВИЯМ МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ**

Аннотация

Основным предметом изучения являлись чистопородные телки айрширской породы, предназначенные для ремонта основного стада.

Проведен анализ интенсивности роста и развития подопытных телок во все периоды их выращивания. Изучены воспроизводительные способности телок по результатам искусственного осеменения.

Вскрытые закономерности могут быть использованы в селекционном процессе для получения желательного ремонтного молодняка айрширской породы в условиях Магаданской области.

Ключевые слова: Айрширская порода, телка, живая масса, воспроизводство.

Lykov A. S.

Federal State Budgetary Scientific Institution, Magadan Research Agricultural Institute

**PECULIARITIES OF DEVELOPING PUREBRED AYRSHIRE HEIFERS INTENDED FOR REPLACEMENT OF A COW
HERD ADAPTED TO CONDITIONS OF MAGADAN REGION**

Abstract

Purebred Airshire heifers intended for replacement of a dairy herd, were the main subject of the study. Analysis of the growth rate of Ayrshir heifers for all periods of their raising has been conducted. Reproductive abilities of the heifers have been studied on the basis of the results of their artificial insemination.

Revealed regularities can be used in a selection process to obtain a desirable Ayrshire replacement young cattle in conditions of Magadan region.

Keywords: Ayrshire breed, heifer, body weight, reproductive ability.

Впервые животные айрширской породы были завезены в хозяйства Магаданской области в 1969 году. Поскольку животные легко адаптировались, и опыт их разведения показал, что в экстремальных условиях севера у них проявляется высокая молочная продуктивность, решено было продолжить разведение животных этой породы. В 1982 году айрширская порода была утверждена плановой для разведения в совхозах региона [1].

В результате проводимого поглотительного скрещивания холмогорского скота с айрширским, чистопородного разведения и многолетней целенаправленной селекции в совхозах области была создана популяция айрширов, отвечающая требованиям промышленной технологии, хорошо приспособленная к экстремальным условиям Севера Дальнего Востока.

По данным породного учета 1990 года, поголовье айрширов достигало 17070 голов и составляло 46,5% от всего разводимого скота. По итогам бонитировки того же года, удой за 305 дней последней лактации коров айрширской породы по области составлял 4016 кг молока жирностью 3,65%, а на племенных фермах – 4979 кг жирностью 3,67%.

В настоящее время в Магаданской области отсутствует собственная племенная база. Основное поголовье крупного рогатого скота сосредоточено в крестьянско-фермерских хозяйствах, которые сами решают, коров какой породы разводить. Поголовье животных айрширской породы (с подтвержденной родословной) сократилось до 400 голов, в основном это коровы, имеющие 2 - 5 лактаций. Большая часть их сосредоточена в муниципальном унитарном сельскохозяйственном предприятии «Новая Армань». В этом хозяйстве сохранился племенной учет и на животных заводят карточки формы 2-мол., в которых учитывается родословная. Поэтому, это сельхозпредприятие выбрано для проведения научно-производственного опыта по выращиванию чистопородного ремонтного молодняка айрширской породы.

На ферме хозяйства было организовано искусственное осеменение коров семенем чистопородных айрширских быков (до этого, в течение шести лет, в хозяйстве использовали семя красно-пестрых голштинов). Закуплена сперма быков проверенных по качеству потомства, улучшателей (А1В1). За прошедший период получено 27 чистопородных телок айрширской породы предназначенных для направленного выращивания, как ремонтных.

Полученные телки соединили в себе генотипы быков с высоким потенциалом молочной продуктивности и матерей уже адаптированных к существующим условиям кормления и содержания.

Предварительный анализ роста и развития чистопородных телок айрширской породы на ферме МУСХП «Новая Армань» показал, что в период от рождения до 6-месячного возраста подопытные телки имели недостаточный среднесуточный прирост живой массы. Среднесуточный привес за этот период составил 529 граммов. Особо низким оказался этот показатель у телок в период от рождения до 3-х месяцев - всего 410 граммов (таб.1). Это было обусловлено недостаточным кормлением и неудовлетворительными условиями содержания молодняка в конце стойлового периода.

С началом пастбищного периода уровень кормления молодняка был значительно повышен, что отразилось на приросте живой массы подопытных телок. За период с 3-х до 6-месячного возраста телки имели среднесуточный привес 650 граммов. Улучшение условий кормления и содержания позволило чистопородным телкам айрширской породы достичь к 6-месячному возрасту средней живой массы - 123,8 кг, к 9-и 12-месяцам соответственно 184,3 и 232,1 кг. Наибольший среднесуточный прирост был у телок в период от 6-и до 9-месячного возраста - 672 грамма (таб. 2).

Таблица 1 - Среднесуточный прирост живой массы телок разных генотипов

Возрастной период, мес.	Айрширская порода, n = 10		Айрширская x голштинская кр/п., 1-е поколение, n = 10	
	Среднесуточный прирост живой массы, г	Относительная скорость роста, %	Среднесуточный прирост живой массы, г	Относительная скорость роста, %
0 - 3	410	78,5	430	77,6
3 - 6	650	61,8	704	62,8
6 - 9	672	39,3	640	35,7
9 - 12	531	23,0	534	22,4
0 - 12	558	156,2	577	134,4

Таблица 2 - Динамика живой массы телок разных генотипов

Возраст	Айрширская порода, (n = 10)		Айрширская x голштинская кр/п, 1-е поколение, (n = 10)	
	Средняя живая масса (M±m), кг	Коэффициент вариации (Cv), %	Средняя живая масса (M±m), кг	Коэффициент вариации (Cv), %
При рождении	28,5 ± 0,3	3,5	30,5 ± 0,7	7,1
3 месяца	65,3 ± 0,3	1,4	69,2 ± 1,7	7,8
6 месяцев	123,8 ± 1,5	3,9	132,6 ± 2,5	6,0
9 месяцев	184,3 ± 1,6	2,6	190,2 ± 2,2	3,5
12 месяцев	232,1 ± 1,7	2,3	238,3 ± 2,6	3,3

Показатели изменчивости живой массы (среднее квадратическое отклонение и коэффициент вариации) в подопытной группе были наивысшими у животных в 6-месячном возрасте (Cv = 3,9±1,59%). Это указывает на то, что отбор айрширских телок из всех изученных возрастов в базовом хозяйстве по живой массе наиболее предпочтительно проводить в возрасте 6 месяцев.

Показатели повторяемости живой массы выясняли путем определения коэффициента корреляции этого показателя у телок при рождении и в возрасте 6, 9, и 12 месяцев. Коэффициент корреляции этого показателя при рождении и в 6 месяцев оказался положительным (+0,183), но статистически недостоверным при данной численности выборки. В 9 месяцев корреляция положительная (+0,390) и статистически достоверная (tr > 2). Связи между живой массой телок при рождении и в 12-месячном возрасте не выявлено. Проявляется криволинейный характер связи данного признака с возрастом. Живая масса телок в базовом хозяйстве и ее корреляция с возрастом обусловлена в большей степени хозяйственными условиями в разные периоды выращивания подопытных телок.

Динамика промеров и индексов телосложения показала, что развитие подопытных телок идет нормально, с формированием у телят хорошо выраженного молочного типа телосложения. Наблюдается снижение с возрастом индексов длинноности и перерослости и увеличение индекса растянутости (таб. 3). Показатели изменчивости экстерьерных промеров в группе подопытных телок небольшие (у телок в 3-х месячном возрасте коэффициент вариации находится в пределах от 0,6 до 10,7%, у 6-месячных - 0,9–5,6%), что свидетельствует об их высокой породной однородности.

Сравнение динамики роста и развития чистопородных телок айрширской породы и помесных телок 1-го поколения проводилось при одинаковом уровне кормления и содержания животных.

Чистопородные телки при рождении и далее в возрасте 3 и 6 месяцев имели живую массу меньше своих сверстниц с ½ долей крови по айрширской породе на 6 - 7%, в возрасте 9 и 12 месяцев на 3,2 и 2,7% соответственно. Это обусловлено породной принадлежностью животных и проявлением эффекта гетерозиса. Живая масса телок обеих генотипов находится в пределах нормы для контрольных возрастов.

Таблица 3 - Индексы телосложения подопытных чистопородных телок

Индексы	Айрширская порода, n = 10	
	В возрасте 3 мес.	В возрасте 6 мес.
Длинноности	55,9	53,0
Растянугости (формата)	116,1	120,6
Грудной (широкогрудости)	54,7	52,7
Сбитости (компактности)	104,7	107,8
Костистости	16,9	16,3
Тазо-грудной	79,9	72,3
Перерослости	102,7	105,4

В нашем случае породная принадлежность телок достоверно влияет на уровень живой массы при рождении, 6, 9 и 12 месяцев с вероятностью P > 0,99, в возрасте 3 месяца с вероятностью P > 0,95.

В течение выращивания до 6-месячного возраста чистопородные телки имели среднесуточный прирост живой массы ниже помесных на 7,2%, с 6-и до 12-месячного возраста телки обеих групп имели примерно одинаковые привесы. Относительная скорость роста показывает, что уровень живой массы телок обеих групп увеличивался равномерно. Относительная скорость роста за период от рождения до 6 месяцев у телок обеих генотипов была примерно одинаковой. Только в возрасте с 6-и до 9-и месяцев чистопородные телки имели преимущество в энергии роста на 3,6%. За весь период выращивания до 12-месячного возраста чистопородные телки превзошли полукровных по относительной скорости роста на 21,8%.

Подконтрольные телки должны были осеменены в возрасте 18 месяцев (с живой массой не менее 300 кг), но неудовлетворительные хозяйственные условия привели к увеличению возраста плодотворного осеменения у чистопородных животных в среднем до 24,8 месяца, а у помесей до 25 месяцев. Раньше этого возраста телки не имели необходимой живой массы.

Для сравнения воспроизводительных способностей телок разных генотипов по результатам искусственного осеменения, дополнительно к подопытной группе, была подобрана группа полукровных по айрширской породе животных.

Существенной разницы между группами телок разных генотипов в возрасте плодотворного осеменения не выявлено (в пределах статистической ошибки).

Разница между показателями средней живой массы плодотворного осеменения по группам тоже незначительна и составляет 6%. Эта разница обусловлена породными особенностями сравниваемых животных (таб. 4).

Все вышеперечисленные статистические показатели достоверны с вероятностью P > 0,99.

Позднее осеменение (соответственно поздний отел) и недостаточная живая масса телок для этого возраста (70% от стандарта породы), говорят о том, что организация выращивания телок и нетелей в хозяйстве находится на низком уровне.

Процент оплодотворяемости телок от первого осеменения, по группе подопытных чистопородных телок был выше среднего по стаду (средний по стаду составляет 76%) на 7% и на 5% выше среднего по группе полукровных телок. Индекс осеменения (количество осеменений на одно оплодотворение) наилучший по группе чистопородных телок, он ниже среднего по стаду (средний по стаду – 4,2) на 1,4, и ниже среднего по группе телок с генотипом ½ по айрширской породе на 0,6. Высокая изменчивость этого

показателя в обеих группах телок говорит о существующих проблемах воспроизводительных функций у подопытных животных, что является следствием их неправильного кормления в период выращивания от рождения до плодотворного осеменения.

В условиях Магаданской области для достижения чистопородными айрширскими телками к возрасту первого осеменения (16–17 месяцев) живой массы не менее 300–315 кг необходимо получать среднесуточные привесы молодняка до 6-месячного возраста не менее 650 граммов, с 6- до 12-месячного возраста не менее 600 граммов.

Таблица 4 - Воспроизводительные способности телок разных генотипов

Порода, генотип	Живая масса при плодотворном осеменении		Возраст плодотворного осеменения		Оплодотв. от первого осеменения, %	Индекс осеменения	
	кг	Cv,%	месяцев.	Cv,%		раз	Cv,%
Айршир. ч/п, (n = 10)	286,5±5,2	1,8	24,8±0,6	6,7	83,0	2,8±0,03	37,5
½ айршир. Х ½ голшт. кр/п (n = 10)	304,9±3,5	1,2	25,0±0,4	4,5	78,0	3,4±0,05	53,2

После отела, на втором месяце лактации, планируется оценить морфофункциональные свойства вымени подопытных первотелок.

Литература

1. Бахитов А. Х. Повышение эффективности подбора при разведении айрширского скота. Новосибирск, 1993. - С. 3.

References

1. Bahitov A. H. Povyshenie effektivnosti podbora pri razvedenii ayrshirskogo skota. Novosibirsk, 1993. – S. 3.

Сердеров В.К.¹, Алилов М.М.²

¹Кандидат сельскохозяйственных наук¹; ²Кандидат сельскохозяйственных наук², Федеральное государственное бюджетное научное государственное бюджетное учреждение Дагестанский научно-исследовательский институт сельского хозяйства имени Ф.Г. Кисриева E-mail: niva1956@mail.ru.

ВЫРАЩИВАНИЕ РАННЕГО КАРТОФЕЛЯ

Аннотация

Приведены результаты исследований по изучению технологии выращивания и формирования урожая раннего картофеля.

Ключевые слова: картофель, технология возделывания, поверхностные посадки.

Serderov V.K.¹, Alilov M.M.²

¹Candidate of agricultural sciences, ²Candidate of agricultural sciences², Federal state scientific institution, Dagestan scientific research Institute of agriculture farm name F.G. Kisriev, E-mail.ru: niva1956@mail.ru.

THE CULTIVATION OF EARLY POTATOES

Abstract

The results of researches on studying the technology of cultivation and yield formation of early potatoes are given.

Keywords: potato cultivation technology, surface planting.

Ранний картофель – ценнейший пищевой продукт. Он отличается прекрасными вкусовыми качествами, хорошими кулинарными свойствами и высоким содержанием питательных веществ и витаминов. Особенно богат ценными витаминами ранний свежее вскопанный картофель, содержащий в своем составе витамины: С, В, В1, В2, А, РР, К. Для удовлетворения суточной нормы организма человека в витамине С достаточно 200 – 300 г жаренного или варенного молодого картофеля летней уборки.

Ранний картофель, в условиях равнинной зоны Северного Кавказа может дать хороший урожай, около 20 т/га, в первой декаде июня, а к концу месяца – до 30 и более т/га.

Клубни зимних запасов к этому времени становятся дряблыми изросшими, с малым содержанием витаминов. Они становятся малопитательными и менее вкусными. Содержание витамина С, по мере хранения, уменьшается в 3 – 3,5 раза и более.

Заменить молодой картофель в это время другими овощами затруднительно. Поэтому важно обеспечить население полноценным ранним картофелем в летнее время.

Культура раннего картофеля имеет большое агротехническое значение, так как после его уборки поле можно сравнить с чистым паром без сорняков, что благоприятно влияет, как предшественник, для последующей культуры.

За последние годы наблюдается постоянный рост удельного веса населения городов и промышленных центров. В связи с этим, вопрос снабжения населения картофелем особенно ранним, приобретает особое значение.

Важную роль в повышении урожайности картофеля принадлежит агротехнике. В странах развитого картофелеводства она достигла довольно высокого уровня. Несмотря на определенную дифференциацию агротехники в разных странах, существует ряд приемов возделывания картофеля, которые эффективны почти во всех климатических условиях.

Проведенными научными исследованиями доказано, что для появления дружных и хорошо развитых всходов картофеля необходима, чтобы температура почвы, на глубине залегания посадочных клубней, была 12⁰С. Такая температура в почве в равнинной зоне бывает (в зависимости от погодных условий) во второй половине марта – в начале апреля.

Весенние солнечные лучи быстро прогревают, в первую очередь, верхний слой почвы, а для достижения, до оптимальной температуры, более глубоких слоев уходят – 7 – 12 дней.

Чтобы использовать прогретый верхний слой почвы для быстрого роста и развития растений была разработана технология «поверхностные посадки» картофеля.

Суть предлагаемой технологии заключается в следующем: весной на заранее подготовленную почву, при ручной посадке, мотыгой проводят борозды на глубину 2 – 3 см через каждые 70 см в которые раскладывают клубни на расстоянии 30 см друг от друга и сверху закрывают почвой слоем 4 – 6 см, образуя гребни; а при механизированной посадке - картофелесажалку необходимо регулировать так, чтобы высаживаемые клубни находились на поверхности почвы и дисковые сошники сажалки закрывали их почвой, образуя невысокие гребни из прогретого верхнего слоя почвы, создавая оптимальную температуру для роста и развития растений.

После появления всходов Важным агротехническим приемом выращивания раннего картофеля является двукратное рыхление с окучиванием, которое проводят после появления всходов. При этом всходы полностью закрываются почвой, где они защищены от ночных кратковременных, весенних заморозков и способствуют уничтожению сорняков.

Дальнейший уход заключается в своевременных поливах, в зависимости от влажности почвы и защите растений от вредителей и болезней.

Для изучения эффективности предлагаемой технологии возделывания раннего картофеля в равнинной зоне Дагестана был заложен полевой опыт:

В схему опыта вошли следующие варианты:

1. Районированная в республике гребневая технология возделывания картофеля (70х30 см).
2. Новая технология «поверхностные посадки».
3. Ресурсосберегающая технология – разработанная сотрудниками Дагестанского НИИ сельского хозяйства (авторское свидетельство 2133221).

4. Астраханская ленточно-гребневая технология.

Повторность – 3-х кратная, площадь делянки 28 м².

Сорт – районированный в Дагестане – Волжанин.

Полученные данные наших исследований приведены в таблице 1.

Таблица 1. Влияние технологии выращивания на урожайность раннего картофеля

№ п/п	Варианты (технология)	Урожайность по годам:							
		2012 год		2013 год		2014 год		В среднем	
		т/га	%	т/га	%	т/га	%	т/га	%
1.	Гребневая (контроль)	13,3	100	24,1	100	31,0	100	22,8	100
2.	Поверхностные посадки	16,2	122	33,5	139	39,3	127	29,7	130
3.	Ресурсосберегающая технология	15,7	118	29,6	123	30,3	98	25,2	111
4.	Астраханская ленточно-гребневая	14,6	109	21,2	100	-	-	19,4	85
	НСР ₀₅	2,96		4,20		4,07			

Приведенные исследования показали, что применение на равнинной зоне технологии «Поверхностные посадки» способствовало появлению более ранних и дружных всходов, опережающих остальные варианты на 5 – 6 дней, формированию более развитой надземной массы, что в конечном итоге способствовало более раннему накоплению клубневой массы и повышению урожайности раннего картофеля.

Уборку провели в конце (26 числа) июня, при зеленой ботве.

Как показали исследования, технология возделывания картофеля «Поверхностные посадки» способствовало увеличению урожайности раннего картофеля, по сравнению с контролем на 6,9 т/га или 30%.

Кроме увеличения урожайности, технология «Поверхностные посадки» имеют и другие преимущества, которые связаны с тем, что во время посадки образуется невысокие гребни, после появления всходов проводя двукратное окучивание, образуются высокие гребни и глубокие борозды. Картофельные гнезда сформировавшимися урожаем, при этом, остаются на уровне поверхности участка (в середине гребня), при этом создаются хорошие условия для аэрации клубней во время полива, а также способствует облегчению уборки.

Выводы

1. Разработана новая технология возделывания раннего картофеля «поверхностные посадки», основным элементом которого является использование фактора разницы температурного режима почвы – прогретого верхнего слоя для ускорения появления всходов, и дальнейшего роста и развития растений.

2. Разработанная сотрудниками института технология способствует появлению более ранних и дружных всходов, формированию более развитой надземной массы и в конечном итоге увеличению урожайности, по сравнению с контрольным вариантом на 30%.

Литература

1. Браун Э.Э. Ранний картофель. Алма – Ата. Кайнар. 1983. 104 с.
2. Галимов А.Х. Опыт выращивания картофеля на узких грядах. Сборник научных трудов Даг. НИИСХ. Махачкала 2007. Стр 59 – 60.
3. Коринец В.В. и др. «Технология производства картофеля в Астраханской области» (рекомендации ВНИИ орошаемого овощеводства и бахчеводства). Астрахань, 2007. 8 стр.
4. Сердеров В.К. Агротехника возделывания раннего картофеля в Дагестане. – Махачкала: ИД « Народы Дагестана», 2015. – 92 с.

References

1. Braun Je.Je. Rannij kartofel'. Alma – Ata. Kajnar. 1983. 104 s.
2. Galimov A.H. Opyt vyrashhivaniya kartofelja na uzkih grjadah. Sbornik nauchnyh trudov Dag. NIISH. Mahachkala 2007. Str 59 – 60.
3. Korinec V.V. i dr. «Tehnologija proizvodstva kartofelja v Astrahanskoj oblasti» (rekomendacii VNII oroshaemogo ovoshhevodstva i bahchevodstva). Astrahan', 2007. 8 str.
4. Serderov V.K. Agrotehnika vzdelyvaniya rannego kartofelja v Dagestane. – Mahachkala: ID « Narody Dagestana», 2015. – 92 s.

Сердеров В.К.¹, Алилов М.М.², Атамов Б.К.³

¹Кандидат сельскохозяйственных наук, доцент; ²Кандидат сельскохозяйственных наук, доцент; ³Младший научный сотрудник Дагестанский научно-исследовательский институт сельского хозяйства имени Ф.Г. Кисриева

УРОЖАЙНОСТЬ И ХОЗЯЙСТВЕННО-ЦЕННЫЕ КАЧЕСТВА НОВЫХ ПЕРСПЕКТИВНЫХ СОРТОВ КАРТОФЕЛЯ

Аннотация

В статье приведены результаты исследований новых сортов картофеля в высокогорной зоне, с целью изучения и внедрения в производство новых перспективных сортов с комплексом хозяйственно-ценных качеств.

Ключевые слова: картофель, сорта, урожай, качество клубней.

Serderov V.K.¹, Alilov M.M.², Atamov B.K.³

Candidate of agricultural Sciences, associate Professor, Candidate of agricultural Sciences, associate Professor Junior research fellow F.G. Kisriev Dagestan research Institute of agriculture

PRODUCTIVITY AND QUALITY CHARACTERISTICS OF NEW PERSPECTIVE VARIETIES

The article presents research results of new varieties of potatoes in the Alpine zone, in order to study and introduce new varieties with complex economically valuable traits into production.

Keywords: potato, varieties, yield, tuber quality.

Картофель один из основных выращиваемых культур во всем мире, как в промышленных хозяйствах, так и на частных приусадебных участках и

является самым значительным растительным пищевым продуктом среди злаковых растений, а также источником незаменимых пищевых и физиологически активных веществ, таких как витамины, макро-, микроэлементы, аминокислоты, углеводы и многие другие.

По универсальности использования в народном хозяйстве картофель занимает ведущее место среди других сельскохозяйственных культур. Картофель – это ежедневный продукт питания человека, сырье для технической переработки, ценный корм для многих сельскохозяйственных животных.

За последние годы наблюдается постоянный рост удельного веса населения городов и промышленных центров. В связи с этим, вопрос снабжения населения свежим и качественным картофелем, приобретает особое значение.

По данным органов статистики (ЦСУ) площади посадок картофеля в республике составляет 21,9 тыс. га, и валовой сбор составляет 336,5 тыс. тонн при урожайности 15,3 т/га. Производимые в республике объемы производства картофеля не удовлетворяют потребности населения в продовольственном картофеле, поэтому на рынках городов значительная часть реализуемого картофеля – в основном импортного производства из стран дальнего и ближнего зарубежья, а также, из других регионов Российской Федерации.

Основная задача, стоящая перед сельхозпроизводителями состоит в обеспечении населения республики качественным продовольственным картофелем и в необходимых объемах.

Высокие и устойчивые урожаи этой ценной культуры в основном зависят от условий агротехники, подбора сорта и качества посадочного материала, а также от правильного применения средств защиты растений от вредителей и болезней.

Одним из условий выращивания качественного продовольственного картофеля является использование для посадки районированных и рекомендованных Дагестанским НИИСХ, перспективных, прошедших апробацию в регионе, сортов картофеля, так как, урожайность и качество клубней, наряду с другими факторами, во многом, зависит и от подобранного для посадки сорта.

Исходя из этого, целью наших исследований было изучение и внедрение в хозяйствах республики новых перспективных сортов картофеля, адаптированных к природно-климатическим условиям зоны возделывания и превосходящих по урожайности и хозяйственно-ценным признакам районированных сортов.

Для этого нами, сотрудниками Дагестанского НИИСХ им. Кисриева Ф.Г. были заложены полевые опыты на высокогорном полигоне института «Журахский», с. Урсун, М.О. «Журахский район», (на высоте более 2000 метров над уровнем мирового океана) по экологическому сортоиспытанию.

Контролем служил районированный в Дагестане сорт среднераннего созревания Волжанин.

Полученные данные по результатам исследований приведены в таблице 1.

Как показали исследования, за 4 года экологического испытания лучшие показатели были у сортов Предгорный, Невский, Рика и Жуковский ранний. Эти сорта превысили по урожайности контрольный сорт Волжанин, соответственно, на 9, 10, 19 и 25%.

Для полноценной оценки перспективных сортов, учет урожайности и определение товарности картофеля недостаточно, необходимо также и определения качественных показателей, в первую очередь кулинарные и потребительские качества клубней.

Для оценки потребительских и кулинарных качества клубней, была организована дегустация перспективных сортов картофеля.

Результаты оценки приведены в таблице 2.

Таблица 1 - Урожайность картофеля в питомнике сортоизучения

№ №	Название сорта	Урожайность, т/га				В среднем	
		2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	т/га	%
1.	Волжанин контроль	37,0	17,4	28,3	30,8	28,1	100
2.	Аврора	12,5	17,3	32,7	30,5	23,2	83
3.	Василек	24,2	15,0	38,6	39,2	29,3	104
4.	Владикавказ	31,7	18,7	29,2	31,8	27,8	99
5.	Дина	29,8	18,7	35,6	36,3	30,1	107
6.	Елизавета	23,2	21,7	34,7	35,4	28,7	102
7.	Жуковский ранний	28,8	27,0	34,4	32,4	30,7	109
8.	Невский	40,4	28,9	30,7	34,3	33,6	119
9.	Предгорный	40,4	31,5	29,0	39,2	35,0	125
10.	Рика	22,9	28,9	33,9	38,1	31,0	110
11.	Сказка	22,4	13,9	34,3	37,1	26,9	96
12.	Удача	20,4	20,3	39,4	28,2	27,1	96
	НСР ₀₅	2,3	4,2	5,1	3,4		

Сорт картофеля Волжанин широко распространен в хозяйствах Республики Дагестан и занимает больше половины от площади, занятых под картофелем, посадок. Он имеет, относительно, хорошие вкусовые и потребительские качества и пользуется спросом среди населения республики.

Однако, из исследуемых нами сортов – Владикавказ, Дина, Жуковский ранний, Невский и Предгорный отличились от контроля более высокими потребительскими и кулинарными качествами клубней.

Таблица 2 - Оценка потребительских качеств и кулинарного типа сортов (в баллах, по методике ВНИИКСХ)

№№	Сорта картофеля	Консистенция мякоти	Мучнистость (рассыпчатость)	Влажность (водянистость)	разваримость	Запах	Вкус
1.	Волжанин контроль	5,1	5,3	7,4	5,8	6,0	6,3
2.	Аврора	4,9	4,9	5,6	4,9	4,6	5,0
3.	Василек	5,0	3,3	4,4	3,6	4,0	3,3
4.	Владикавказ	5,4	5,1	6,1	5,4	6,2	6,6
5.	Дина	6,0	4,3	4,9	5,6	6,2	6,6
6.	Елизавета	5,9	5,0	6,9	5,1	4,4	5,3
7.	Жуковский ранний	4,8	5,0	6,0	4,9	6,0	6,3
8.	Невский	6,0	5,3	7,4	6,3	6,2	6,6
9.	Предгорный	6,0	5,3	7,4	6,4	6,2	6,6
10.	Рикеа	4,7	3,7	5,3	5,1	4,6	5,1
11.	Сказка	4,4	4,1	6,6	4,3	4,6	5,2
12.	Удача	5,2	4,1	5,4	5,6	5,2	6,0

Из этих сортов, высокой урожайностью по сравнению с контрольным сортом, отличились Жуковский ранний, Невский и Предгорный.

По результатам наших исследований, внедрение в производство этих перспективных сортов картофеля, имеет огромное значение в повышении эффективности отрасли в Республике Дагестан.

ВЫВОДЫ

1. Для внедрения в хозяйствах республики необходимы новые перспективные сорта, приспособленные к местным условиям среды и с комплексом хозяйственно-ценных качеств.

2. В Республике Дагестан перспективными сортами с хозяйственно-ценными признаками оказались отечественные сорта: Жуковский ранний, Невский и Предгорный.

Литература

1. Анисимов Б.В., Мусин С.М., Трофимец Л.Н. Сорта картофеля, возделываемые в Российской Федерации. Каталог. М. 1993. 112 с.

2. Галимов А.Х., Сердеров В.К. Результаты сортоизучения на равнинной зоне Дагестана для получения раннего урожая картофеля. В кн. «Научное обеспечение инновационного развития земледелия и растениеводства РД». Материалы Республиканской научно-практической конференции. 11-12 сентября, 2013г. Махачкала, 2013. с. 43-44.

References

1. Anisimov B.V., Musin S.M., Trofimec L.N. Sorta kartofelja, vzdelyvaemye v Rossijskoj federacii. Katalog. M. 1993. 112 s.

2. Galimov A.H., Serderov V.K. Rezul'taty sortoizuchenija na ravninnoj zone Dagestana dlja poluchenija rannego urozhaja kartofelja. V kn. «Nauchnoe obespechenie innovacionnogo razvitija zemledelija i rastenievodstva RD». Materialy Respublikanskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 11-12 sentjabrja, 2013g. Mahachkala, 2013. s. 43-44.

Чавтараев Р.М.¹, Алилов М.М.²

¹Кандидат сельскохозяйственных наук, доцент; ²кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, Дагестанский научно-исследовательский институт сельского хозяйства

НЕКОТОРЫЕ ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И ПРОДУКТИВНЫЕ КАЧЕСТВА КОРОВ РАЗНОЙ КРОВНОСТИ ПО ДЖЕРСЕЯМ

Аннотация

В статье изложены результаты скрещивания кавказских бурых коров с джерсейским быком, приведены данные о продуктивных качествах и некоторых физиологических показателях помесных коров разной ($1/2$, $1/4$ и $1/8$) кровности по джерсеям.

Ключевые слова: скрещивание, помеси, продуктивность, физиологические показатели.

Chavtaraev R.M.¹, Alilov M.M.²

¹Candidate of agricultural sciences, ²candidate of agricultural sciences, Dagestan Scientific Research Institute Institute of Agriculture

SOME PHYSIOLOGICAL FEATURES AND PRODUCTIVE QUALITY COWS OF DIFFERENT KROVNOSTI ON DZHERSEYAM

Abstract

The article presents the results of crossing the Caucasian brown cows with dzherseyskim bull, presents data on productive qualities and non-physiological indicators which crossbred cows Miscellaneous ($1/2$, $1/4$ and $1/8$) krovnosti on dzherseyam.

Keywords: cross-breeding, hybrids, productivity, physiologists-cal indicators.

Кавказская бурая порода скота, автором которой является Дагестанский НИИКСХ, районирована для разведения в предгорной и горной зонах республики. Уже после утверждения в 1960 году породу продолжительное время совершенствовали в направлении повышения молочной продуктивности. Для этой цели завозили быков швицкой породы из Тульской и Смоленской областей, глубоководную сперму кавказских бурых быков из Армении, швицких быков отечественной и американской селекции. Однако все эти попытки не дали ощутимого результата и причиной этому явились своеобразные природно-климатические условия горной зоны; высота дислокации скота над уровнем моря, неполноценное по сочным кормам, а порой и недостаточное по питательности кормление в осенне-зимне-ранневесенний период. К тому же эта работа не сопровождалась целенаправленным отбором, подбором, изучением качественных показателей молока и их корректировкой. В связи с этим не удалось избежать отрицательных последствий и в настоящее время жирность молока кавказских бурых коров не отвечает требованиям инструкции по бонитировке, поэтому, наряду с увеличением количества выдаваемого молока, особую остроту приобрел вопрос об увеличении его жирности.

В связи с вышеизложенным было решено изучить возможность повышения жирномолочности кавказских бурых коров путем их скрещивания с джерсейским быком.

В хозяйствах горной зоны, как и в целом по республике скрещивание кавказских бурых коров с джерсейским быком не проводили и его результаты не были изучены, как не изучены и многие вопросы, связанные с приспособленностью помесных животных к разведению в горной зоне, их способность потреблять и эффективно использовать корм горных пастбищ и т.д.

Все исследования проводили с соблюдением общепринятых методик (А.И. Овсянников, 1976) жирность молока определяли индикатором - анализатором жира ИАЖЦП - 0,02.

На одной из ферм СПК Б.Аминова Кулинского района Республики Дагестан, расположенном на высоте более 2500м над уровнем моря, было проведено осеменение коров глубоководной спермой быка джерсейской породы Якоба, индивидуальный номер 4940. Удой матери Якоба составил 5371 кг молока жирностью 6,05 %.

Телята рождались крепкими, активными и ни в чем не уступали чистопородным животным.

Полученный помесный молодой (1/2 крови по джерсеям) от рождения и почти до восьмимесячного возраста несколько отличался от чистопородных животных. В целом они имели такую же масть, как кавказские бурые, но отличались тем, что нос, лоб и затылочная часть головы у помесных телят были светлыми, так же как и полоса неравномерной ширины (10-15 см) вдоль позвоночника. Это отличие со временем сгладились, и взрослые животные по масти не отличались от чистопородных. Помесные телята с 1/4 и 1/8 долями крови джерсеев ничем не отличались от кавказских бурых.

Наблюдения показали, что помесные телята росли и развивались также как и чистопородные, болели не больше последних, перемещались по горным пастбищам и потребляли пастбищный корм, так же как и чистопородные.

По достижении телками случного возраста они были покрыты кавказским бурым быком и после отела было начато изучение молочной продуктивности и жирности молока чистопородных и помесных коров сверстниц.

Взрослые животные почти не уступают чистопородным по живой массе, имеют более ярко выраженные формы экстерьера характерные для молочного типа, хорошо развитое вымя с сосками цилиндрической формы.

Результаты изучения продуктивных качеств подопытного поголовья коров приведены в таблице 1.

Таблица 1 - Продуктивные качества подопытных коров

Порода, генотип	Живая масса, кг	Удой, кг	Мдж	Мдб	Удой в пересчете на 4% молоко	Кол-во жира	Кол-во белка
	М ± m	М ± m	М ± m	М ± m	кг	кг	кг
I лактация							
Помеси 1/2 крови	318,3 ±8,41	1618,6 ±13,1	4,99 ±0,15	4,04 ±0,12	2019,2	80,8	65,4
Помеси 1/4 крови	319,4 ±7,63	1619,2 ±10,7	4,63 ±0,21	3,91 ±0,15	1874,2	75,0	63,3
Помеси 1/8 крови	321,6 ±9,12	1623,7 ±9,8	4,42 ±0,18	3,79 ±0,11	1794,2	72,0	61,5
Кавказские бурые	324,1 ±6,81	1611,2 ±8,6	3,82 ±0,16	3,32 ±0,09	1538,7	61,5	55,5
II лактация							
Помеси 1/2 крови	346,3 ±10,3	1893,5 ±16,2	4,98 ±0,09	4,03 ±0,11	2357,4	94,3	76,3
Помеси 1/4 крови	347,4 ±11,1	1894,1 ±11,8	4,62 ±0,11	3,88 ±0,08	2187,7	87,5	73,5
Помеси 1/8 крови	348,5 ±10,3	1875,6 ±18,1	4,47 ±0,13	3,71 ±0,10	2072,5	82,9	69,6
Кавказские бурые	352,5 ±9,1	1783,5 ±13,2	3,80 ±0,16	3,31 ±0,09	1698,8	67,9	59,0
III лактация							
Помеси 1/2 крови	391,3 ±11,5	2010,1 ± 10,3	4,94 ±0,08	4,03 ±0,09	2482,5	99,3	81,0
Помеси 1/4 крови	390,8 ±10,3	2006,7 ±13,8	4,61 ±0,12	3,92 ±0,11	2312,7	92,5	78,7
Помеси 1/8 крови	392,6 ±9,8	1976,9 ± 1,25	4,47 ±0,09	3,81 ±0,08	2209,2	88,4	75,3
Кавказские бурые	395,8 ±12,1	1931,6 ± 11,4	3,81 ±0,13	3,34 ±0,12	1839,8	73,6	64,5
В среднем							
Помеси 1/2 крови		1841,1	4,97	4,03	2286,4	91,5	74,2
Помеси 1/4 крови		1840,0	4,62	3,92	2141,7	85,7	71,8
Помеси 1/8 крови		1825,4	4,44	3,77	2025,3	81,1	68,8
Кавказские бурые		1775,4	3,81	3,32	1692,4	67,7	59,7

МДЖ – массовая доля жира

МДБ – массовая доля белка

Как видно из данных приведенных в таблице 3 помесные коровы с 1/2, 1/4 и 1/8 долями крови уступали по живой массе кавказским бурым коровам по первой лактации 2,5-5,8 кг по второй лактации 4,0-8,2 кг и по третьей 3,2-5,0 кг. По удою за 305 дней в среднем за три лактации помесные коровы с 1/2 долей крови джерсеев превосходили помесей с 1/4 долей крови на 1,1 л, помесей с 1/8 долей крови на 15,7 л и кавказских бурых на 65,7 л. На втором месте по этому показателю были помеси с 1/4 долей крови и на третьем с 1/8 долей крови, т.е. все помесные коровы превосходили кавказских бурых. В таком же порядке, соответственно помеси с 1/2, 1/4 и 1/8 долей крови превосходили кавказских бурых; по массовой доле жира на 1,16%, 0,81% и 0,53%; по массовой доле белка на 0,71%, 0,6% и 0,45%; по удою в пересчете на четырехпроцентное молоко на 594 кг, 449,3 и 332,9 кг; по количеству молочного жира на 23,8 кг, 18,0 кг и 13,4 кг; по количеству молочного белка на 14,5 кг, 12,1 кг и 9,1 кг.

Известно, что с увеличением высоты над уровнем моря животные вынуждены приспосабливаться к разреженности воздуха и уменьшению содержания кислорода в нем по С.Г. Азарову (1943) пятью способами: учащением дыхания, более глубокими вдохами, повышением количества красных кровяных телец, повышением процента гемоглобина, повышением способности гемоглобина связывать кислород.

Исследования проведенные Дюрстом и Мозером позволили им выяснить как изменяются физиологические показатели, в частности частота дыхания, в зависимости от высоты над уровнем моря. Так, по их данным частота дыхания на высоте 450 м над уровнем моря составляет 19 единиц, на высоте 1400 м 22 единицы, а на высоте 2000 м уже 27 единиц.

Результаты изучения физиологических показателей у кавказских бурых и помесных коров приведены в таблице 2.

Различия в частоте дыхания и пульса у коров кавказской бурой породы и помесей с 1/2, 1/4 и 1/8 долями крови джерсеев сравнительно не велики. Так, по частоте дыхания в зависимости от времени года различия в показателях помесей с 1/2, 1/4 и 1/8 долями крови джерсеев и кавказскими бурыми составили 0,2; 0,1 и 0,0, летом 0,8; 0,5 и 0,2, осенью 0,6; 0,3 и 0,2, зимой 0,2; 0,1 и 0,1 (различия не достоверны при P<0,9), а по частоте пульса различия составили соответственно весной 0,4; 0,3 и 0,2, летом 0,8; 0,6 и 0,6, осенью 0,6; 0,4 и 0,3 и зимой 0,2; 0,1 и 0,1 (различия не достоверны при P<0,9). Некоторые различия отмечены также между группами помесных коров. Помеси 1/2 превосходили на небольшую величину (различия не достоверны при P<0,9), помесей 1/4 и 1/8 как по частоте дыхания, так и по частоте пульса.

Таблица 2 - Физиологические показатели подопытных коров

Группы коров	Период года	Температура, С° М±т	Частота дыхания, мин М±т	Частота пульса, мин М±т
Помеси $\frac{1}{2}$ по джерсеям	весна	381±0,51	29,6±0,41	68,3±0,91
	лето	38,3±0,35	34,9±0,26	72,1±1,02
	осень	38,0±0,63	25,2±0,61	67,5±0,49
	зима	38,0±0,29	24,1±0,48	66,4±0,81
Помеси $\frac{1}{4}$ по джерсеям	весна	38,2±0,38	29,5±0,73	68,2±0,75
	лето	38,1±0,41	34,6±0,89	71,9±0,95
	осень	38,0±0,65	24,9±0,46	67,3±0,48
	зима	38,0±0,39	24,0±0,88	66,3±0,61
Помеси $\frac{1}{8}$ по джерсеям	весна	38,1±0,73	29,4±0,91	68,1±0,93
	лето	38,2±0,68	34,3±0,65	71,9±0,76
	осень	38,0±0,52	24,8±0,77	67,2±0,49
	зима	38,0±0,83	24,0±0,58	66,3±0,87
Кавказские бурые на равнине	весна	38,2±0,65	29,4±0,73	67,9±1,11
	лето	38,3±0,81	34,1±0,45	71,3±0,84
	осень	38,0±0,58	24,6±0,83	66,9±0,68
	зима	38,0±0,31	23,9±0,64	66,2±0,51

Как у помесных так и у кавказских бурых коров в летний период отмечалась повышенная температура, частота дыхания и пульса. На основании исследования физиологических показателей, можно сделать заключение о том, что эти показатели у коров всех подопытных групп изменялись в пределах нормы, с учетом высоты над уровнем моря, но у помесей с джерсеями ($\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{8}$) они были несколько выше, чем у кавказских бурых сверстниц и это видимо указывает на более интенсивный обмен веществ у помесных животных. Можно также предположить, что эти различия являются следствием влияния наследственных факторов.

Полученные результаты показали, что помесные животные в сравнении с кавказскими бурыми имеют незначительные различия по температуре тела, частоте дыхания и пульса, а также по живой массе и показателям роста молодняка, но превосходят последних по фактической молочной продуктивности, жирности молока, содержанию сухих веществ и белка.

Полученные в исследованиях результаты дают основание рекомендовать скрещивание кавказских бурых коров в горной зоне с быками джерсейской породы. Скрещивание кавказских бурых коров с джерсейским быком может быть использовано в товарных стадах, где оно дает увеличение жирности молока более чем до 4,9% и при создании стада или типа кавказского бурого скота с повышенным до 4,4 - 4,45%,% содержанием жира в молоке. При этом с целью сохранения живой массы, молочной продуктивности и мясных качеств на уровне исходной материнской породы при одновременном повышении жирномолочности целесообразно применять метод вводного скрещивания с использованием быков джерсейской и кавказской бурой пород скота.

Литература

1. Азаров С.Г. Крупный рогатый скот: учебник /С.Г.Азаров –М.: Огиз. Сельхозизд. 1943 с.27-33.
2. Дюрсти и Мозер – цитируются по Азарову С.Г. (1943).
3. Овсянников А.И. Основы опытного дела. М. «Колос», 1976.

References

1. Azarov S.G. Krupnyj rogatyj skot: uchebnik /S.G.Azarov –M.: Ogiz. Sel'hozizd. 1943 s.27-33.
2. Djursti i Mozer – citirujutsja po Azarovu S.G. (1943).
3. Ovsjannikov A.I. Osnovy opytnogo dela. M. «Kolos», 1976.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORY

Александрова А.А.

Студент; Московский государственный областной гуманитарный институт

РИММА ИВАНОВА – «СТАВРОПОЛЬСКАЯ ДЕВА» - ГЕРОЙ I МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация

В статье рассмотрено соотношение понятий военной и гендерной истории, а также подвиг русской медсестры – героини Первой мировой войны Риммы Ивановой. Подвиг в данном контексте понятие собирательное, не единичное, и речь в статье пойдет о ее пребывании на фронте и в тылу. Будет рассмотрен весь неоценимый вклад Риммы Ивановой в победу в локальных сражениях и ее биография, через призму понятийно-категориального аппарата гендерной истории.

Ключевые слова: гендерная история, Римма Иванова, Первая мировая война.

Alexandrova A.A.

Student; Moscow state regional humanitarian institute

RIMMA IVANOVA – "THE STAVROPOL MAIDEN" - THE HERO OF THE I WORLD WAR

Abstract

In article the ratio of concepts of military and gender history, and also a feat of the Russian nurse – the heroine of World War I Rimma Ivanova is considered. The feat in this context concept collective, not single, and the speech in article will go about its stay at the front and in the back. All invaluable contribution of Rimma Ivanova to a victory in local battles and its biography, through a prism of the conceptual and categorial device of gender history will be considered.

Keywords: gender history, Rimma Ivanova, World War I.

Россия на протяжении своей многовековой истории участвовала во многих вооруженных конфликтах. Многие, имея огромные амбиции, пытались сломить наш народ. «Россия — карлик, я поставлю её на колени!» — говорил Карл 12-й, XVIII век. В итоге Швеция навсегда лишилась статуса великой державы. «Я покорю отсталую Россию!» — изречение Фридриха, середина XVIII века. Как результат, в 1759 году русская армия вошла в Берлин. «Россия — колосс на глиняных ногах!» — заявлял Наполеон, а в 1814 году русская армия взяла Париж. «Я завоюю СССР к концу года!» — имел смелость сказать Гитлер, и, я думаю, никому не стоит напоминать, чем все закончилось. Но всем этим агрессивным политикам была противопоставлена храбрость и доблесть русских солдат и офицеров. За их мужество были учреждены многие награды, но среди них есть и особо ценные. Так в 1769 году императрицей Екатериной II в честь Святого Георгия для отличия офицеров за заслуги на поле боя и выслугу в воинских чинах был учрежден Орден Святого Георгия — высшая военная награда Российской империи. Орден имел четыре степени. Не считая Екатерины II, возложившей на себя знаки первой степени за учреждение Ордена, и Александра II, сделавшего то же самое в честь празднования столетия Ордена, за все время известно всего 23 человека, имевших честь удостоиться первой степени. Всего разных степеней Ордена удостоились более 10 тысяч человек. Особую роль в награждении этим орденом играли женщины, которые имели честь быть представленными к этой награде: вышеупомянутая Екатерина II, королева обеих Сицилий Мария-София-Амалия, являвшаяся иностранкой так и не получившей на руки награду, и герой Первой мировой войны Римма Иванова. Согласитесь, имя последней женщины терзается на фоне таких величественных особ, но не стоит делать поспешных выводов, ведь не имена делают историю, а поступки. Необходимо отметить, что Римма Иванова историками не изучалась, в основном ее личность рассматривалась ставропольскими краеведами и таким образом исследование данной темы является актуальным для исторической науки.

Сегодня в науке происходят большие перемены, появляются новые предметные области, трансформируются давно знакомые историкам дисциплины и направления исторической науки, поэтому я провожу историческое исследование жизни Р. Ивановой в пространстве традиционной дисциплины исторической науки «военная история» и предметного поля актуального исторического знания «гендерная история». Для того чтобы сравнить эти предметные области, необходимо выделить признаки, по которым мы и произведем дальнейшую дифференциацию. Итак, «военная история», как указывает С.И. Маловичко, в одноименной статье в книге «Теория и методологии исторической науки: терминологический словарь под редакцией А.О. Чубарьяна, (2014 год) является дисциплиной классической модели исторической науки, предметом изучения которой, в том числе, является практика существования социума в условиях ведения войны.

Гендерная история, отмечает А.Г. Суприянович, — это предметное поле постнеклассической модели исторической науки, предметом исследования которой являются межполовые различия, в том числе, история женщин.

Римма, названная так в честь древнего великомученика, родилась 15 июня 1894 году в городе Ставрополе. Ее родители — Михаил Павлович и Елена Никоноровна. Отец — казначей Ставропольской духовной консистории, коллежский асессор. Римма с детства была общительной, возможно за счет старшего брата, рано научившего ее читать. Кроме этого, уже с тех лет она мечтала стать солдатом, что для многих звучало абсурдно.

В 1902 году Римма стала ученицей ставропольской Ольгинской женской гимназии, где училась на отлично. Тогда, в гимназийские годы, она совершила первый подвиг: спасла тонущего мальчика.

Закончив гимназию, Римма собиралась в Петербург на Высшие экономические курсы, но сочтя аргументы родителей верными, пошла, работать народной учительницей в село Петровское Ставропольской губернии. Дела в земском училище, в котором ей предстояло работать, были плохи: не было даже собственного помещения. Однако Римме этот факт не помешал сделать Петровское училище одним из лучших во всей губернии.

Возможно Римма успешно продолжала бы карьеру учителя, если бы не Первая мировая война. В ставропольской губернии полным ходом шла мобилизация, и, наблюдая это, Римма захотела на фронт. Вдохновленная легендарной «кавалерист-девицей» Надеждой Дуровой, она рассказала о своей идее родственникам, получив шквал неодобрительных слов в ответ. Однако, ее родители предложили выход — пройти курсы сестер милосердия. Так она и поступила. Римма отправилась к первому месту службы — в ставропольский епархиальный госпиталь № 2. 20 ноября она получила свидетельство об окончании курсов за № 620, в котором говорилось о том, что она прослушала краткосрочные курсы для подготовки сестер милосердия. <1, с. 117>

После успешного окончания курсов Римма приступила к тяжелой работе. За несколько месяцев в госпиталь поступило около 150 раненых, учитывая, что ставропольские лазареты считали резервными перед открытием Кавказского фронта. 18 октября 1914 года начались боевые действия между Россией и Турцией и поток раненых резко увеличился. Римма выполняла много функций, в том числе и операционной медсестры. После выздоровления многие воины благодарили ее, даже слали письма.

Время, проведенное в лазарете, помогло понять Римме, что это не для нее, что ей необходимо другое. Как итог, несмотря на сопротивление родителей, она осуществила свою детскую мечту: коротко остригшись, сменив имя на Римма Михайлович, она отправилась на фронт добровольцем. Римма поступила на службу в 83-й Самурский полк, квартировавшийся долгое время в Севастополе. По прибытии в полк, она раскрыла командиру свою тайну, попросившись на передовую. Командир пытался отговорить ее, призывая остаться служить в тылу на перевязочном пункте. Римма согласилась, но на условии, что регулярно будет выходить на фронт.

Первое испытание на ее плечи выпало в феврале 1915, когда 3-й Кавказский корпус в составе 12-й армии под командованием Плеве П.А. начал наступление. Данный маневр закончился победой русских войск огромной ценой человеческих жертв. Тогда прошла первое боевое крещение Риммы. Первые георгиевские награды нашли Римму летом 1915 года — это были Георгиевские медали 3-й и 4-й степеней за ее самоотверженный труд. За время службы в 83-м пехотном Самурском полку она спасла с поля боя около 600 человек. Офицеры называли ее неустрашимой.

После недолгого отпуска она отправилась в Киев. Там, в штабе округа ее должны были направить в полк. Конечно, она хотела вернуться в тот самый 83-й Самурский, но по дороге в Киев она заехала в расположение 105-го пехотного оренбургского полка, где младшим врачом служил ее брат. После недолгих разговоров Римма решила остаться там, но с условием работы на передовой.

Тогда дела на только что созданном Западном фронте шли неплохо. Ожесточенные бои заканчивались победами русских войск. «Чувствую себя хорошо! Сейчас спокойно. Не беспокойтесь, мои родные. Целую. Римма. 8. IX. 15», — писала родным с фронта героиня.

9 сентября 1915 года полк находился на окраине деревни Мокрая Дуброва в Минской губернии, полил дождь, и русские войска попали под массированную артиллерийскую атаку и готовились перейти в контратаку. Командир роты дал команду, и цепь солдат поднялась из окопов, а вместе с ними и Римма. Случилось страшное — рота нарвалась на засаду — пулеметный огонь «максимов», сразу же убивших двух офицеров. Начали падать замертво один за другим солдаты, остальные, оставшись без командиров, судорожно оглядывались, не зная что делать дальше. Но тут все увидели как маленькая фигурка в сером халате с красным крестом с криком «братцы, за мной!» показала впереди цепи. Осознав, что их любимая медсестра пошла в атаку, солдаты, разразившись громогласным «ура», ринулись в атаку, несмотря на не прекращающийся огонь пулеметов. Уже через полминуты вражеская позиция была захвачена, но этой победе не радовался никто, ведь какой ценой она далась — Римма Иванова была смертельно ранена разрывной пулей в бедро. В тот день весь полк оплакивал гибель своей любимицы. Винил себя в смерти Риммы ее брат Владимир.

В журнале боевых действий полка появилась запись: «В бою 9 сентября Римме Ивановой пришлось заменить офицера и увлечь за собой храбростью солдат. Все это произошло так просто, как умирают наши герои». <1, с. 120>

После отпевания Риммы было принято решение просить Георгиевскую думу Западного фронта о представлении Риммы Ивановой, медсестры-героини, к ордену Святого Георгия 4-й степени. Вышестоящее руководство одобрило данное решение, дело осталось за одобрением самого Николая II, которое 17 сентября 1915 года отразилось в указе о посмертном награждении Риммы Ивановой орденом Святого Георгия 4-й степени.

24 сентября 1915 года гроб с телом героини прибыл в Ставрополь. Много народу пришло встречать этот поезд, чтобы отдать последние почести Римме. В надгробной речи протоиерей Симеон Никольский сказал: «Город наш, город Ставрополь! Какой славы сподобился ты! Франция имела свою Орлеанскую деву Жанну д'Арк. Россия имеет Ставропольскую деву — Римму Иванову. И ее имя отныне будет навечно жить в царствах мира». Один из офицеров-сослуживцев написал о Римме безыскусные, но трогательные стихотворные строки:

Под адский шум и визг носилась смерть над боем,
Ища все новых жертв; рекой струилась кровь,
Стон, крики и «ура» сплошным сливались воем,
И только по полю святая шла Любовь.
Шла женщина без страха и сомненья,
Склоняясь к страждущим и нежною рукой
Спешила облегчить великие мученья
Иль лаской проводить страдальца на покой...<1, с. 121>

Несмотря на провокации председателя Германского Красного Креста, высказывавшегося по поводу недопустимости подобных действий для медсестры, говорившего о том, что на поле боя она должна была соблюдать нейтралитет, Римма Иванова навсегда останется в истории как герой, оставивший свою жизнь на полях сражений, во имя победы.

Я уже упоминала, что Римма вдохновлялась действиями русской «кавалерист-девицы» Надежды Дуровой. По моему мнению, стоит провести небольшое сопоставление этих личностей. Именно сопоставление, а не сравнение, ведь сравнивать их вряд ли целесообразно. Дело в том, что Надежда Дурова занималась исключительно военным делом, в отличие от медсестры Ивановой.

Дурова подалась на фронт в мужском облике и успешно там действовала. Она участвовала в битвах при Гутшадте, Гейльсберге, Фридланде, всюду обнаруживала храбрость. За спасение раненого офицера в разгар сражения была награждена солдатским Георгиевским крестом и произведена в унтер-офицеры. Выдало ее письмо отцу, в котором она просила прощения за причиненную боль. Отец же, задействовав все свои связи, попытался вернуть Надежду в родительский дом. Слух о «кавалерист-девице» дошел до императора Александра I, после чего в полку ее лишили оружия и свободы, доставили лично к Александру. Император, пораженный самоотверженным желанием женщины служить родине на военном поприще, разрешил ей остаться в армии. А чтобы родня больше не смогла её найти, перевёл её в Мариупольский гусарский полк в чине подпоручика под именем Александра Андреевича, производным от его собственного, и разрешил обращаться к нему с просьбами. В Отечественную войну 1812 года при Бородине была контужена в ногу, после лечения служила ординарцем у Кутузова, который знал ее секрет. В итоге, в 1816 году Надежда вышла в отставку. После своей славной военной карьеры она занималась литературой: Пушкин хвалил ее мемуары, в последствие Надежда стала писать.

Из вышесказанного понятно, что судьбы у этих героинь без сомнения разные, но то желание служить Родине, которое проявили обе женщины – несомненно заслуживает высшей похвалы общества и понимания со стороны историка.

Литература

1. Бондаренко В. В. Герои Первой мировой войны. - М.: Молодая гвардия, 2013.
2. https://ru.wikipedia.org/wiki/Иванова,_Римма_Михайловна.
3. https://ru.wikipedia.org/wiki/Дурова,_Надежда_Андреевна.
4. Никольский С. Памяти героини долга сестры милосердия Риммы Михайловны Ивановой. Ставрополь, 1916.
5. Христинин Ю. Н. Сестра милосердия. Ставрополь, 1987.
6. Христинин Ю. Н. ...Не ради наград, но ради токмо родного народу / Военно-исторический журнал. 1994. № 1.
7. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян - М.: Аквилон, 2014.

References

1. Bondarenko V. V. Geroi Pervoj mirovoj vojny.- M.: Molodaja gvardija, 2013.
2. https://ru.wikipedia.org/wiki/Ivanova,_Rimma_Mihajlovna.
3. https://ru.wikipedia.org/wiki/Durova,_Nadezhda_Andreevna.
4. Nikol'skij S. Pamjati geroini dolga sestry miloserdija Rimmy Mihajlovny Ivanovoj. Stavropol', 1916.
5. Hristinin Ju. N. Sestra miloserdija. Stavropol', 1987.
6. Hristinin Ju. N. ...Ne radi nagrad, no radi tokmo rodного narodu / Voенno-istoricheskij zhurnal. 1994. № 1.
7. Teorija i metodologija istoricheskoy nauki. Terminologicheskij slovar'/Otv. red. A. O. Chubar'jan - M.: Akvilon, 2014.

Добровольский Е.С.

Аспирант кафедры истории и философии Череповецкого государственного университета.

РАННЯЯ ИСТОРИЯ ХРИСТИАНСКО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОЮЗА ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ/ГДР В РАБОТАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Аннотация

В данной статье автор раскрывает основные направления научного осмысления процессов становления и ранней истории Христианско-демократического союза в Восточной Германии/ГДР представителями различных поколений отечественной исторической школы.

Ключевые слова: Христианская демократия, советская зона оккупации, Германская Демократическая Республика, отечественная историография.

Dobrovolsky E.S.

Post-graduate student of history and philosophy department of Cherepovets State University.

THE EARLY HISTORY OF CHRISTIAN-DEMOCRATIC UNION IN THE EASTERN GERMANY/GDR IN WORKS OF DOMESTIC RESEARCHES

Abstract

In this article, the author reveals some basic directions of scientific comprehension of processes of formation and early history of the Christian-democratic union in the eastern Germany/GDR by the representatives of various generations of domestic historical school.

Keywords: Christian democracy, Soviet occupation zone, German Democratic Republic, domestic historiography.

Формирование партийно-политической системы Восточной Германии/ГДР было обусловлено рядом как внутренних, характерных для советской зоны оккупации факторов, так и внешних – началом холодной войны, где одной из главных причин стала германская проблема. Христианско-демократический союз (ХДС) принадлежал к новым партиям, и не повторял

католическую партию Центра. Поэтому организационное становление союза заняло определенное время, на что указывали в своих работах не только немецкие, но и отечественные историки.

В научной литературе осмысление процесса становления и ранней партийно-политической деятельности восточногерманского ХДС происходило на протяжении всего послевоенного периода. Не окончено оно и сегодня. Традиционно всю имеющуюся литературу по данному вопросу можно условно разделить на два этапа: советская историография (с 1950-х до конца 1980-х гг.) и современная российская историография (с начала 1990-х гг. по настоящее время). Это деление обусловлено широтой и доступностью вовлечения в исследовательскую сферу новых источников, а также разностью подходов и интересующей проблематикой ранней истории ХДС.

В советской историографии Христианско-демократический союз мало интересовал исследователей. Это относится не только к ХДС ФРГ, но и ХДС ГДР. Даже процесс образования партии в 1945 г. не получил должного освещения. Это связано с тем, что союз у советских историков ассоциировался с буржуазной партией крупного капитала, не заслуживающего внимания. Основной акцент был поставлен на изучение истории Социалистической единой партии Германии (СЕПГ). Это можно объяснить тем, что ядром новой партийной системы, сложившейся в первый послевоенный период (1945 – 1949 гг.) в Восточной Германии была именно эта партия.

Наибольшее внимание историками уделялось внешнеполитическим установкам ХДС/ХСС в контексте холодной войны, когда христианские партии неизменно связывались с «рваншизмом» и «милитаризмом», что было характерно для советской историографии 50-60 гг. XX в. Данные подходы содержатся в работах М.С. Восленского, А.А. Галкина и Д.Е. Мельникова [1].

Также в этот период советскими историками предпринимаются первые попытки изучения истории ГДР и его партийно-политической системы. Эти труды лишь отчасти затрагивают вопросы становления ХДС в Восточной Германии. Характерные для указанного периода оценки содержатся в трудах Г.Г. Котова, А.Б. Вебера, Г.К. Горшковой, Н.И. Салехова, М.М. Волова [2]. В них отражены тенденции формирования партийной программы ХДС в аграрном секторе, промышленности в условиях социалистического строительства в советской зоне оккупации. Особое внимание исследователи уделяли нежеланию христианских демократов участвовать в политических и гражданских инициативах СЕПГ, на примере Народного конгресса, образования ГДР. Хотя союз являлся членом блока антифашистско-демократических партий

В 1970-е гг. в связи с появлением научного сборника «Ежегодник германской истории» отмечается всплеск интереса к истории Германии, не являлась исключением и тематика истории ХДС. Советские германисты, сохраняя приверженность официальным установкам, более взвешенно подходят к использованию фактов ранней истории союза. В это время была заложена основа фундаментальных разработок исследуемой проблемы. А.И. Борозняк, С.Д. Давидович [3] попытались дать теоретического осмысление становления блока ХДС/ХСС, роли СВАГ в антифашистско-демократических преобразованиях в Восточной Германии. А.С. Завьялов [4] сосредоточился на целостном анализе буржуазных партий в СЗО, рассматривая социальный состав, социально-экономическую и политическую программу политических партий. Исследуя ХДС, автор приходит к выводу несостоятельности союза в первые послевоенные годы, но с явными перспективами в будущем.

В 70-е гг. появился исследовательский интерес к вопросу взаимоотношений церкви и власти в ФРГ и ГДР. В работах Л.Д. Ходорковского [5] дается анализ действий католической церкви в среде рабочего класса.

К 80-м гг. в советской историографии заметна тенденция увеличения интереса к ранней истории ГДР, ее партийно-политической системы, религии, рабочему классу. Но в целом тематика исследований осталась та же. Такую задачу, как дать полную объективную оценку деятельности союза в Восточной Германии/ГДР советские историки перед собой не ставили. В эти годы появляется целый ряд монографий, но их авторы рассматривали лишь некоторые аспекты формирования первичных организаций, главным образом в Берлине, и роста на этой базе Восточногерманского ХДС. Этими проблемами занимались И.С. Колесниченко, С.Л. Сокольский и другие [6].

В научный оборот вводятся первые исследования мемуарного характера по данному вопросу. На страницах научных журналов появляются воспоминания начальника отдела пропаганды(информации) СВАГ С.И. Тюльпанова и заместителя Главноначальствующего СВАГ К.И. Ковалева [7].

Также в этот период предпринимается новый подход в изучении антифашистско-демократических партий в Восточной Германии И.В. Павловским [8]. По сравнению с работой Волова он расширяет рамки исследования до 1949 г. и приводит новые сведения о работе блока в социально-экономической сфере. По его мнению, гегемония КПГ/СЕПГ в блоке антифашистских партий установилась не сразу, а только в 1948 г., когда блок уже потерял свое значение, поэтому в 1945 – 1947 гг. ХДС имел все шансы стать сильной оппозиционной партией. Также новый подход в вопросах взаимоотношений церкви и власти прослеживается у Л.В. Михайловой [9].

Анализ отечественной историографии советского периода показывает, что советские ученые, не имея возможности дать полную характеристику основным событиям становления ХДС в Восточной Германии, наметили главные исследовательские направления, которые легли в основу дальнейших научных разработок по данной проблематике.

В постсоветское время в российской историографии значительного интереса к истории ХДС не наблюдалось. Отечественная историография формировалась в условиях либерализации общественно-политической сферы и экономики и отказа от марксистско-ленинской методологии. Если раньше в трудах исследователей ранняя история восточногерманского ХДС представлялась статичной, то в связи с изменением политической обстановки в СССР ряд ученых предприняли попытку переосмыслить историю христианской демократии и пересмотреть догматический подход в оценке событий. Хотя в работах периода «перестройки» и сохранялся классовый подход в трактовке событий, однако интерпретация фактов стала более плюралистичной.

Новые подходы в изучении вопроса предприняты авторами учебных пособий по истории Германии, выпущенных в России в нулевые годы. Так историки А.Ю. Ватлин, А.И. Патрушев, Н.В. Павлов, Ю.В. Галактионов [10] уделяют большое внимание ушедшему в прошлое «первому государству рабочих и крестьян на немецкой земле». В пособиях представлены все важные страницы политической истории ХДС в Восточной Германии/ГДР, повторяются выводы советских историков о важности аграрной реформы в зоне и последующем снятии А. Гермеса и В. Шрайбера.

Особого внимания заслуживает труд М.И. Орловой [11] по истории ГДР. Исследовательница проследила всю историю республики от рождения до «краха» в 1990 г. Историк уделяет внимание процессу трансформации ХДС из буржуазной партии в политический придаток СЕПГ. По мнению автора, внутрипартийные разногласия в союзе всегда были сильны, особенно между центральным руководством и земельными группами. В этих разногласиях Орлова фокусирует большое внимание на фигуре ГугоХикмана.

Также появляются новые труды по истории политического католицизма и истории христианской церкви в Германии. В.Г. Забалуев, Л.И. Бровко и А.Ю. Чередникова [12] не обходят стороной и проблемы биконфессионализма в послевоенной Германии. Исследователи позитивно оценивают новый союз, появившейся в поверженной Германии и объединявший христиан перед лицом новых вызовов и угроз. Одновременно появляются труды по разным сферам политической и экономической жизни Восточной Германии/ГДР. Р.Ю. Болдырев занимался правовыми и экономическими аспектами жизнедеятельности СЗО [13]. М.Ю. Морозова занималась политическими процессами в зоне, анализируя партийно-политическую ситуацию и место в ней ХДС. Ценность работы состоит в том, что историк отмечает реальный шанс ХДС одержать победу, но после трансформация партийной системы вызвала сведение буржуазных партий до уровня партий трансмиссии. Деятельностью управления пропаганды СВАГ занимался С.Н.

Мудров [14]. Историк рассматривает становление и развитие политической ситуации в СЗО. По мнению автора, буржуазные партии рассматривались как нежелательные элементы в политической системе, так как ориентировались в своих программах и лозунгах на Запад и не могли служить интересам жителей Восточной Германии. Проведению школьной реформы в Восточной Германии уделила внимание Н.П. Тимофеева [15].

Предметно деятельностью Восточногерманского ХДС в первые годы его существования, равно как и деятельностью блока ХДС/ХСС в ФРГ занимается Б.В. Петелин [16]. В своих работах автор рассуждает о роли Аденауэра, Кайзера, Нушке и других «демократов первого часа» в строительстве биконфессиональной партии советской зоны оккупации. Отмечает значение СВАГ в создании Берлинской партии, роль СЕПГ в трансформации союза.

На основе документов из немецких архивов и публикаций немецких историков, Б.В. Петелин анализирует первые годы ГДР и роль ХДС в это время. Исследователь считает, что союз превратился из партии, проповедующей идеи христианского социализма в партию социалистических христиан. Одна из статей автора посвящена ранее не изученному в отечественной историографии эпизоду истории союза – «ХДС в изгнании», которая действовала в Западном Берлине под руководством Я. Кайзера.

В вышедшей в 2014 г. монографии Б.В. Петелина [17] на обширном документальном материале с привлечением ранее неопубликованных источников представляется история ХДС в 1945 – 1952 гг. в лицах. Автором предпринята попытка показать союз как триединство христианской демократии на всей территории Германии. К. Аденауэр – ФРГ, О. Нушке – ГДР. Я. Кайзер – своеобразный мост между Востоком и Западом, социализмом и капитализмом.

Не менее важной тематической группой данного периода являются источники личного происхождения и сборники архивных документов. На основе данных ГАРФ, РГАСПИ, АВП РФ российскими историками были подготовлены объемные сборники документов по истории СВАГ [18]. В них документально отражены все политические шаги оккупационной администрации по становлению нового порядка в Восточной Германии и переводу ее на демократический путь развития. Ряд документов посвящены взаимоотношениям ХДС с СЕПГ и СВАГ, в основном это документы, предоставленные отделом пропаганды (информации) СВАГ. Но многие архивные источники до сих пор остаются не опубликованными. Мемуарная литература советских офицеров СВАГ полно представлена монографиями и журнальными публикациями. К.И. Коваль, М.И. Семиряга, А.А. Галкин [19] своими воспоминаниями внесли большой вклад в изучение не только партийно-политической системы Восточной Германии/ГДР в целом, но и ранней истории ХДС, в частности.

Анализ отечественной историографической литературы показал, что ранняя история ХДС не нашла отражения в большом количестве изысканий. Тем не менее, в новейшей отечественной историографии наблюдается увеличение интереса к деятельности союза, однако еще далеко не все вопросы получили научную оценку и должное освещение в научных трудах. К ним относятся, отношение восточногерманских христианских демократов к германскому вопросу, их роль в его решении, взаимоотношение земельных союзов ХДС между собой по важным политическим вопросам в советской зоне оккупации/ГДР, анализ социальной структуры ХДС в процессе трансформации союза из оппозиционной партии в политического попутчика СЕПГ.

Литература

1. Восленский М.С. Внешняя политика и партии ФРГ. - М.: Институт международных отношений, 1961. – 343 с.; Он же. «Восточная» политика ФРГ. 1949 – 1966 гг. – М.: Наука, 1967. – 428 с.; Галкин А.А. Мельников Д.Е. СССР, западные державы и германский вопрос (1945 – 1965 гг.). – М.: Наука, 1966. – 263 с.
2. Котов Г.Г. Аграрные отношения и земельная реформа в Германии. – М.: Политиздат, 1956. – 468 с.; Вебер А.Б. Крестьянство и городские средние слои в послевоенной Германии 1945 – 1949 гг.: Дис. канд. ист. наук. – М., 1956; Горшкова Г.Н. Движение немецкого народного конгресса за единство Германии и мирный договор. 1947 – 1949. М.: ИМО, 1959. – 272 с.; Салехов Н.И. Роль рабочего класса ГДР, его партий, профсоюзов в социалистическом преобразовании деревни 1945 – 1960 гг. М.: Политиздат, 1965; Волов М.М. Создание блока антифашистско-демократических партий в Восточной Германии и его деятельность (май 1945 – апрель 1946 гг.): Дис. канд. ист. наук. – Саратов, 1969.
3. Борозняк А.И. К истории формирования ХДС/ХСС // Ежегодник германской истории. 1973. – М.: Наука, 1974. – С. 317 – 338.; Давидович С.Д. СВАГ и предпосылки антифашистско-демократических преобразований в Восточной Германии (1945 – 1949) // Ежегодник германской истории. 1973. – М.: Наука, 1974. – С. 21 – 38.
4. Завьялов А.С. К истории идейно-политического развития буржуазно-демократических партий ГДР // Ежегодник германской истории. 1974. – М.: Наука, 1975. – С. 28 – 52.
5. Ходорковский Л.Д. Политический клерикализм в ФРГ. Церковные и светские отношения. – М.: Наука, 1970. – 176 с.; Он же. Католицизм и рабочий класс Германии 1871 – 1933. – М.: Наука, 1978. – 334 с.
6. Колесниченко И.С. Битва после войны. – М. Воениздат, 1987. – 240 с.; Сокольский С.Л. Христианско-демократический союз ФРГ: социология и политика. – М.: Наука, 1983. – 264 с.; История Германской Демократической Республики. – М.: Наука, 1979. – 535 с.
7. Тюльпанов С.И. В первые послевоенные годы на немецкой земле // Новая и новейшая история – 1984.- № 2. – С. 121 – 136; №4. – С. 104 – 124.; Коваль К.И. На посту заместителя Главноначальствующего СВАГ 1945 – 1949 // Новая и новейшая история. – 1987. - №3. – С. 140 – 144.
8. Павловский И.В. Блок антифашистско-демократических партий в Восточной Германии (1945 – 1949): Автореф. дис. канд. ист. наук. – М. 1990.
9. Михайлова Л.В. Католическая церковь и рабочий класс ФРГ. – М.: Наука, 1980. – 159 с.
10. Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. – М.: РОССПЭН, 2002. – 336 с.; Патрушев А.И. Германия в XX веке: Учеб. Пособие. – М.: Дрофа, 2004. – 432 с.; Павлов Н.В. История современной Германии, 1945 – 2005. – М.: АСТ: Астрель, 2006. – 511 с.; История Германии: Учеб. Пособие для студентов вузов: В 3 т. Т.2: От создания Германской империи до начала XXI в. / Под ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005 – 624 с.
11. Орлова М.И. ГДР: рождение и крах. – М.: МГУ, 2000. – 126 с.
12. Забалуев В.Г. Германский политический католицизм как предшественник христианской демократии // Новая и новейшая история – 1994. - №3. – С. 43 – 58.; Бровко Л.И. Церковь и третий рейх. – СПб.: Алетейя, 2009. – 472 с.; Чередникова А.Ю. Женские религиозные организации в Советской зоне оккупации (СОЗ): 1945 – 1949 гг. // Вестник Поморского университета – 2010. №3. – С. 25 – 32.
13. Болдырев Р.Ю. Советская оккупационная политика в Восточной Германии (1945 – 1949). Дис. канд. ист. наук. – Архангельск. 2004.; Он же. История создания и особенности Конституции ГДР 1949 г. // Актуальные проблемы правовой науки. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 2. – Архангельск, 2002. – С. 7 – 12.; Он же. Аграрная реформа 1945 г. в Восточной Германии и ее итоги // XIII Ломоносовские чтения. Сб. научных трудов. – Архангельск, 2001. – С. 56 – 65.
14. Мудров С.Н. Деятельность управления пропаганды Советской военной администрации в Германии в 1945 – 1947 гг. Автореф. дис. канд. ист. наук – Ярославль. 2010.
15. Тимофеева Н.П. Немецкая интеллигенция и политика реформ: система образования в Восточной Германии 1945 – 1949 гг. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1996. – 160 с.
16. Петелин Б.В. К. Аденауэр, Я. Кайзер и судьба ХДС в Восточной Германии // Вопросы истории – 2009. - №8. – С. 112 – 119.; Он же. Восточногерманский ХДС между Аденауэром и СВАГ // 1948 год в германской истории: Материалы конференции. –

М.: РОССПЭН, 2009. С. 108 – 118.; Он же. Восточногерманский ХДС и социалистический выбор ГДР 1945 – 1952 годов // Власть и общество в условиях диктатуры: Исторический опыт СССР и ГДР. 1945 – 1965: материалы науч.-практ. конф. – Архангельск: Поморский университет, 2009. – С. 44 – 54.; Он же. «ХДС в изгнании»: из истории Христианско-демократического союза Германии // Новая и новейшая история. – 2012. - №6. – С. 75 – 85.; Он же. Христианские «демократы первого часа» о судьбах Германии в 1945 – 1949 гг. // Европа во Второй мировой войне: история, уроки, современность. – Витебск, 2005. – С. 207 – 210.; Он же. Якоб Кайзер: политик в тени Аденауэра // История идей и история общества. – Нижневартовск: НГГУ, 2009. – С. 143 – 147.

17. Петелин Б.В. Ранняя история Христианско-демократического союза: Конрад Аденауэр – Якоб Кайзер – Отто Нухке. 1945 – 1952 гг. – Череповец: ЧГУ, 2014. – 207 с.

18. СВАГ и религиозные конфессии советской зоны оккупации Германии. 1945 – 1949 гг. – М.: РОССПЭН, 2006. – 591 с.; Советская Военная Администрация Германии (СВАГ) и С.И. Тюльпанов. 1945 – 1949 гг. Сб. документов. – М.: АИРО-XXI; СПб.: «Дмитрий Буланин», 2006. – 352 с.; За антифашистскую демократическую Германию: 1945 – 1949. Сб. документов. – М.: Политиздат, 1969 – 703 с.; Советская политика в отношении Германии, 1944 – 1954. Документы. – М.: РОССПЭН, 2011 – 751 с.; СССР и германский вопрос. 1941 – 1949: Документы из российских архивов в 4-х т. – М., 2000 – 2012.

19. Коваль К.И. Последний свидетель. «Германская карта» в холодной войне. – М.: РОССПЭН, 1997. – 447 с.; Семиряга М.И. Как мы управляли Германией. – М.: РОССПЭН, 1995. – 400 с.; Из истории деятельности СВАГ. Интервью с бывшим сотрудником доктором исторических наук А.А. Галкиным // Новая и новейшая история – 2011. - №5. – С. 165 – 184.

References

1. Voslenskij M.S. Vneshnjaja politika i partii FRG. – М.: Institut mezhdunarodnyh otnoshenij, 1961. – 343 s.; On zhe. «Vostochnaja» politika FRG. 1949 – 1966 gg. – М.: Nauka, 1967. – 428 s.; Galkin A.A. Mel'nikov D.E. SSSR, zapadnye derzhavy i germanskij vopros (1945 – 1965 gg.). – М.: Nauka, 1966. – 263 s.

2. Kotov G.G. Agrarnye otnoshenija i zemel'naja reforma v Germanii. – М.: Politizdat, 1956. – 468 s.; Veber A.B. Krest'janstvo i gorodskie srednie sloi v poslevoennoj Germanii 1945 – 1949 gg.: Dis. kand. ist. nauk. – М., 1956; Gorshkova G.N. Dvizhenie nemeckogo narodnogo kongressa za edinstvo Germanii i mirnyj dogovor. 1947 – 1949. М.: IMO, 1959. – 272 s.; Salehov N.I. Rol' rabocheho klassa GDR, ego partij, profsojuzov v socialisticheskom preobrazovanii derevni 1945 – 1960 gg. М.: Politizdat, 1965; Volov M.M. Sozdanie bloka antifashistsko-demokraticeskikh partij v Vostochnoj Germanii i ego dejatel'nost' (maj 1945 – aprel' 1946 gg.): Dis. kand. ist. nauk. – Saratov, 1969.

3. Boroznjak A.I. K istorii formirovanija HDS/HSS // Ezhegodnik ger-manskoj istorii. 1973. – М.: Nauka, 1974. – S. 317 – 338.; Davidovich S.D. SVAG i predposylki antifashistsko-demokraticeskikh preobrazovanij v Vostochnoj Germanii (1945 – 1949) // Ezhegodnik germanskoj istorii. 1973. – М.: Nauka, 1974. – S. 21 – 38.

4. Zav'jalov A.S. K istorii idejno-politicheskogo razvitiya burzhuzno-demokraticeskikh partij GDR // Ezhegodnik germanskoj istorii. 1974. – М.: Nauka, 1975. – S. 28 – 52.

5. Hodorkovskij L.D. Politicheskij klerikalizm v FRG. Cerkovnye i svetskie otnoshenija. – М.: Nauka, 1970. – 176 s.; On. zhe. Katolicizm i rabochij klass Germanii 1871 – 1933. – М.: Nauka, 1978. – 334 s.

6. Kolesnichenko I.S. Bitva posle vojny. – М. Voenizdat, 1987. – 240 s.; Sokol'skij S.L. Hristiansko-demokraticeskij sojuz FRG: sociologija i politika. – М.: Nauka, 1983. – 264 s.; Istorija Germanskoj Demokraticeskoj Respubliki. – М.: Nauka, 1979. – 535 s.

7. Tjul'panov S.I. V pervye poslevoennye gody na nemeckoj zemle // Novaja i novejschaja istorija – 1984. - № 2. – S. 121 – 136; №4. – S. 104 – 124.; Koval' K.I. Na postu zamestitelja Glavnonachal'stvujushhego SVAG 1945 – 1949 // Novaja i novejschaja istorija. – 1987. - №3. – S. 140 – 144.

8. Pavlovskij I.V. Blok antifashistsko-demokraticeskikh partij v Vostochnoj Germanii (1945 – 1949): Avtoref. dis. kand. ist. nauk. – М. 1990.

9. Mihajlova L.V. Katolicheskaja cerkov' i rabochij klass FRG. – М.: Nauka, 1980. – 159 s.

10. Vatlin A.Ju. Germanija v HH veke. – М.: ROSSPJeN, 2002. – 336 s.; Patrushev A.I. Germanija v HH veke: Ucheb. Posobie. – М.: Drofa, 2004. – 432 s.; Pavlov N.V. Istorija sovremennoj Germanii, 1945 – 2005. – М.: AST: Astrel', 2006. – 511 s.; Istorija Germanii: Ucheb. Posobie dlja studentov vuzov: V 3 t. T.2: Ot sozdanija Germanskoj imperii do nachala XXI v. / Pod red. B. Bonvecha, Ju.V. Galaktionova. – Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2005 – 624 s.

11. Orlova M.I. GDR: rozhdenie i krah. – М.: MGU, 2000. – 126 s.

12. Zabaluev V.G. Germanskij politicheskij katolicizm kak predshestvennik hristianskoj demokratii // Novaja i novejschaja istorija – 1994. - №3. – S. 43 – 58.; Brovko L.I. Cerkov' i tretij rejh. – SPB.: Aletejja, 2009. – 472 s.; Cherednikova A.Ju. Zhenskie religioznye organizacii v Sovetskoj zone okkupacii (SOZ): 1945 – 1949 gg. // Vestnik Pomorskogo universiteta – 2010. №3. – S. 25 – 32.

13. Boldyrev R.Ju. Sovetskaja okkupacionnaja politika v Vostochnoj Ger-manii (1945 – 1949). Dis. kand. ist. nauk. – Arhangel'sk. 2004.; On zhe. Istorija sozdanija i osobennosti Konstitucii GDR 1949 g. // Aktual'nye problemy pravovoj nauki. Mezhdvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. Vyp. 2. – Arhangel'sk, 2002. – S. 7 – 12.; On zhe. Agrarnaja reforma 1945 g. v Vostochnoj Germanii i ee itogi // XIII Lomonosovskie chtenija. Sb. nauchnyh trudov. – Arhangel'sk, 2001. – S. 56 – 65.

14. Mudrov S.N. Dejatel'nost' upravlenija propagandy Sovetskoj voennoj administracii v Germanii v 1945 – 1947 gg. Avtoref. dis. kand. ist. nauk – Jaroslavl'. 2010.

15. Timofeeva N.P. Nemeckaja intelligencija i politika reform: sistema obrazovanija v Vostochnoj Germanii 1945 – 1949 gg. – Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, 1996. – 160 s.

16. Petelin B.V. K. Adenauer, Ja. Kajzer i sud'ba HDS v Vostochnoj Ger-manii // Voprosy istorii – 2009. - №8. – S. 112 – 119.; On zhe. Vostochnogermanskij HDS mezdu Adenauerom i SVAG // 1948 god v germanskoj istorii: Materialy konferencii. – М.: ROSSPJeN, 2009. S. 108 – 118.; On zhe. Vostochnogermanskij HDS i socialisticheskij vybor GDR 1945 – 1952 godov // Vlast' i obshhestvo v uslovijah diktatury: Istoricheskij opyt SSSR i GDR. 1945 – 1965: materialy nauch.-prakt. konf. – Arhangel'sk: Pomorskij universitet, 2009. – S. 44 – 54.; On zhe. «HDS v izgnanii»: iz istorii Hristiansko-demokraticeskogo sojuza Germanii // Novaja i novejschaja istorija. – 2012. - №6. – S. 75 – 85.; On zhe. Hristianskie «demokraty pervogo chasa» o sud'bah Germanii v 1945 – 1949 gg. // Evropa vo Vtoroj mirovoj vojne: istorija, uroki, sovremennost'. – Vitebsk, 2005. – S. 207 – 210.; On zhe. Jakob Kajzer: politик в тени Adenauera // Istorija idej i istorija obshhestva. – Nizhnevartovsk: NGGU, 2009. – S. 143 – 147.

17. Petelin B.V. Rannaja istorija Hristiansko-demokraticeskogo sojuza: Konrad Adenauer – Jakob Kajzer – Otto Nushke. 1945 – 1952 gg. – Cherepovec: ChGU, 2014. – 207 s.

18. SVAG i religioznye konfessii sovetskoj zony okkupacii Germanii. 1945 – 1949 gg. – М.: ROSSPJeN, 2006. – 591 s.; Sovetskaja Voennaja Administracija Germanii (SVAG) i S.I. Tjul'panov. 1945 – 1949 gg. Sb. dokumentov. – М.: АИРО-XXI; СПб.: «Дмитрий Буланин», 2006. – 352 s.; За antifashistskiju demokraticeskiju Germaniju: 1945 – 1949. Sb. dokumentov. – М.: Politizdat, 1969 – 703 s.; Sovetskaja politika v otnoshenii Germanii, 1944 – 1954. Dokumenty. – М.: ROSSPJeN, 2011 – 751 s.; SSSR i germanskij vopros. 1941 – 1949: Dokumenty iz rossijskikh arhivov v 4-h t. – М., 2000 – 2012.

19. Koval' K.I. Poslednij svidel'. «Germanskaja karta» v holodnoj vojne. – М.: ROSSPJeN, 1997. – 447 s.; Semirjaga M.I. Kak my upravljali Germaniej. – М.: ROSSPJeN, 1995. – 400 s.; Iz istorii dejatel'nosti SVAG. Interv'ju s byvshim sotrudnikom doktorom istoricheskikh nauk A.A. Galkinym // Novaja i novejschaja istorija – 2011. - №5. – S. 165 – 184.

Кузнецов Д.В.

Кандидат исторических наук, доцент Омский Государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина
**ЕВРОПЕЙСКАЯ СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ КАК ГЛАВНЫЙ ФАКТОР ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ПЕТРА I И
ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЬ РОССИИ**

Аннотация

В статье рассматривается проблема европейской секуляризации, которая являлась главным фактором преобразовательной политики Петра I. Как показывает автор, эта политика в конечном итоге привела к масштабным и существенным изменениям как всего государственного-политического и отчасти даже социального строя России, так и самого культурно-генетического кода, духовного склада и характера Российской цивилизации.

Ключевые слова: «Просвещение», модернизирующееся государство, западничество, «чужебесие», «западнoid», романо-германская ориентация, подражательность, национальная и культурная идентификация, «кризис души», константа, догоняющая модель

Kuznetsov D. V.

Candidate of historical sciences, Omsk State Agrarian University, PA Stolypin
**EUROPEAN SECULARIZATION AS THE MAIN FACTOR TRANSFORMATIVE POLICY OF PETER I AND ITS
IMPACT ON THE HISTORICAL WAY RUSSIA**

Abstract

The article deals with the problem of European secularization, which is the main factor transformative policies of Peter I. As the author shows, this policy eventually led to large-scale and substantial changes as the entire state-political and even in part social order Russia as well as of the cultural and genetic code, spiritual warehouse and character of the Russian civilization.

Keywords: «Enlightenment», modernize the state, Westernism, «chuzhebesie», "zapadnoid", Romano-German orientation, imitativeness, national and cultural identity, "crisis of the soul", constant, catch-up model.

Реформами Петра I и всем дальнейшим ходом исторического развития Россия была выведена из состояния политической и культурной изоляции, активно включившись в историческую жизнь европейской цивилизации. С этим временем связаны первые массовые вояжи русских за границу, впоследствии превратившиеся в нечто напоминающее паломничество правоверных в Мекку. Тогда же разворачивается широкое привлечение иностранцев на русскую службу. Петр приглашает из-за границы различных специалистов, мастеров и ремесленников, деятелей науки и искусства. Начинается активное знакомство русского общества с европейской культурой и бытом, пробуждается интерес к гражданскому и политическому устройству западных стран.

«В западничестве, - как писал прот. Г.П. Флоровский о Петре, - он не был первым, не был и одиноким в Москве XVII в.... Петр застаёт в Москве уже целое поколение, выросшее и воспитанное в мыслях о Западе, если и не в западных мыслях... Новизна петровских реформ не в западничестве, но в секуляризации» [6, с. 350].

Заставив дворянство говорить на иностранных языках, Петр сделал доступными для формировавшегося русского общества передовую европейскую культуру и идеологию. В этой связи необходимо указать на следующее весьма важное обстоятельство. Как известно, в первой половине и середине XVIII века господствующим направлением в развитии общественной мысли европейских стран было Просвещение. Поэтому именно просветительские идеи стали знаменем политической идеологии «модернизирующегося» русского государства.

Однако, «в широко распахнутое Петром “окно в Европу” ворвался не только ветер европейского просвещения, но и тлетворный смрад „чужебесия“» [3, С. 162]. Неуважение же к своему родному привело наш народ в состояние тяжелейшего психического недуга – *чужебесия*. Чужие понятия расстраивали наши связи с понятиями собственными. Насильственный характер преобразований Петра прервал и деформировал естественный ход подлинного просвещения страны: «Толчок, данный этим властителем, надолго задержал у нас истинные успехи цивилизации. Наши опыты в изящных искусствах, скопированные с произведений иностранцев, сохранили между ними и нами в течение двух веков ту разницу, которая отделяет человека от обезьяны» [5, с. 791]. А уже применительно к нашему времени была высказана по сути эта же мысль, хотя и в другой форме: «Русский человек сегодня - это «западнoid», т.е. существо без роду и без племени, примитивное, подражательное, насквозь прагматизированное».

Попытка революционными методами привить России чуждые ей ценности западного мира, ценой отказа от собственной национальной культуры, явилась огромной ошибкой, из-за которой страна впала в «кризис души» и навсегда потеряла свои самобытные традиции и моральные устои. Народ развращался, делился на классы, заменяя традиционные русские религиозно-православные ценности, на ценности светской гуманистической культуры. «Если Россия до Петра Великого, - писал русский мыслитель Н. Трубецкой, - по своей культуре могла считаться чуть ли не самой даровитой продолжательницей Византии, то после Петра Великого, вступив на путь „романо-германской“ ориентации, она оказалась в хвосте европейской культуры, на задворках цивилизации» [5, с. 793 - 794].

А другой мыслитель XIX века, Улыбышев справедливо указал на отсутствие творческого начала в петровских реформах, выразившееся в их подражательности: «Петр Великий, несмотря на исключительные таланты, обладал скорее гением подражательным, нежели творческим. Заставляя варварский народ принять костюм и нравы иностранцев, он в короткое время дал ему видимость цивилизации. Но эта скороспелая цивилизация была также далека от истинной, как эфемерное тепличное растение от древнего дуба, возвращенного воздухом, солнцем и долгими годами как оплот против грозы и памятник вечности» [5, с. 788].

Подражательность и несамостоятельность в сферах культурной и идеологической, проявившаяся в феномене европейской секуляризации, которая получила свое развитие и распространение в России в ходе реформ Петра, неизбежно привела и к подражательности и несамостоятельности в сфере государственного строительства, а с ними и к десакрализации главнейших принципов власти и государственности. «Перефразируя слова Ф.М. Достоевского, подчеркнем, что как только народ теряет уверенность, что только в нем одном заключена вся полнота человеческой правды, он теряет способность к государственному имперскому строительству. Для России ситуация сложилась еще более трагично. Утрата ощущения, что власть в России есть носитель этой единой и Святой Истины свершилась тогда, когда на плечи русского народа уже легла имперская ноша. В 1721 году, с объявлением Петром в России империи для народа не сразу, но скоро стало ясно, что власть видит себя отныне только как светский авторитарный институт по западному образцу. Быть империей и официально слить империей в рамках европейской политической системы XVIII столетия оказалось не одно и то же. Власть сама отказывалась от ноши священноначалия Царского служения...

С утратой элитой национально-культурной самоидентификации, с отчуждением государствообразующего народа, в его подавляющей массе, от Трона и, соответственно, от государства, между тремя составными частями традиционного государственного организма в России, трона, дворянства и крестьянской массы стали образовываться буферные зоны, которые заполнил чужеродный элемент. Между тронem и национальным дворянством образовалась немецкая прослойка, между дворянами и массой народа выросло чудовище безродной интеллигенции, как раковая опухоль для некогда могучего организма. Государство было обречено» [2, с. 295].

Если в Московской Руси власть воспринималась как священная носительница христианского идеала и последняя наследница истинного православного царства, то после Петра власть определяла себя в России, как «европейское начало». Если для

русского человека, времен царствования Московского, европеец был убогим варваром и еретиком, то в империи, эмансипировавшееся от государства и народа дворянство, а за ним и бюрократия стали испытывать буквальный страх и отвращение к своей, уже неполноценной в их глазах, природной русскости. К правительству эти круги тяготели только по причине того, что желали в нем видеть последовательного европейца в бескрайней азиатской пустыне. Традиционная русская государственность погружалась во мрак ночи, под покровом которой народ ждала одурманивающая оргия керенщины, поножовщина большевизма и брутальный грабёж эпохи постсоветских „реформ“» [2, с. 260].

Петр I не изменил направления реформирования социальной жизни, избранного его предшественниками, и сам ничего не придумал. Но он отказался от эволюционного перехода: поддался идее быстротечного времени, опасался промедлить, не успеть, не совладать со временем. Практика постоянных и поспешных реформ придала по своей сути эволюционным преобразованиям революционный характер, что отрицательно сказалось на их результате.

Попытка революционными методами привить России чуждые ей ценности западного мира ценой отказа от собственной национальной культуры предопределила её направление. Характер и способ осуществления всех последующих преобразований русской жизни: все они проводились верховной властью. По приказу через насилие, правящие слои навсегда отрекались от собственной национальной культуры, народ обрекался на страдания. Всё, что вводилось сверху, вызывало у народа подозрения, высшей власти он не доверял. И в итоге каждая реформа оборачивалась очередным провалом.

Реально Петр совершил только три важнейших деяния:

1. Невероятно усилил государство и уничтожил все социальные слои и группы людей, которые были от него относительно независимы.

2. Невольно упростил общество и подчинил его государству.

3. Окончательно завершил начавшийся еще при его отце раскол общества на две части.

В свете этих положений становится понятным и приобретает особый смысл и значение вывод А. Головатенко о том, что «реформы Петра стали исходным пунктом двух во многом противоположных процессов. Именно в начале XVIII века получило мощный импульс *огосударствление общественной жизни*. Но одновременно потрясения петровской эпохи и внезапное расширение культурного горизонта образованных слоев русского общества, стимулировали *развитие критического отношения к социальному и политическому строю* созданной Петром империи. Эта вторая тенденция таила в себе большой антигосударственный потенциал. Либеральные вельможи екатерининского времени, вольнолюбивые офицеры – декабристы, мыслители николаевской эпохи, революционеры и радикально настроенные интеллигенты пореформенной России – все эти оппозиционные властям силы складывались в новой культурной среде, характерные черты которой проявились именно при Петре Великом. Конечно, и до Петра существовала интеллектуальная оппозиция власти, но не было условий, превращавших оппозицию в неизбежность и выталкивающих в ее ряды многих ярких представителей политической и культурной элиты. Глубина противостояния бюрократического государства и значительной части этой элиты бывала различной, было немало попыток примирения двух начал – государства и общества, были времена, (...) способствовавшие компромиссу, но трагическая раздвоенность национального организма оставалась постоянной чертой отечественной действительности» [1, с. 88]. Этот важный вывод является ключевым для понимания многих глубинных процессов, происходящих в послепетровский период и определявших весь дальнейший ход отечественной истории, вплоть до нашего времени. Он показывает, что этими реформами были заложены глубокие внутренние противоречия в системе государственного устройства и общественных отношений, приведшие Россию к краху в 1917 г.

Именно изменение души народа, его ценностей, является огромной ошибкой, из-за которой страна впала в «кризис души» и навсегда потеряла свои самобытные традиции и моральные устои. Из записей о первых экспедициях в Европу мы видим, насколько она погрязла в пошлом разврате, скрывающемся за ширмой роскошных балов и фальшивого этикета. Можно ли сопоставить Русскую веру с этими мнимокрасивыми излишествами – очевидно нет! Вера давала народу надежду, была и «этикетом», и образом жизни, это то, что делало людей равными и соединяло их в единое целое перед лицом всеобщих бед.

Очевидно, здесь вся суть вопроса заключается в том, что национальный менталитет любого народа имеет ценностное ядро – константу, вокруг которой концентрируется обобщенный национальный тип человека. Формируясь исторически, веками, этот менталитет определяет национальную модель экономического и социального поведения – культуру потребления, производства и соответствующие мотивации. Попытки же насильственного воздействия на менталитет личности чрезвычайно пагубны и практически нереализуемы. Они и вызвали раскол нации в России в XVII – XVIII вв. и наряду с другими факторами способствовали массовой люмпенизации населения в XX в.

В этой связи уместно привести мнение С.В. Перевезенцева. Поставив вопрос, почему XX столетие явилось таким трагическим для России и русского народа, он отвечает на него так: «*главная причина состояла в том, что именно в XX столетии произошло коренное изменение ценностных ориентиров жизни России и русского народа, на Земле. Вернее, не изменение, а подмена этих смысловых и ценностных ориентиров. Именно в прошлом веке наиболее расцвел тот процесс, который в России начался еще реформами Петра I, - замена традиционных русских религиозно-православных ценностей ценностями светской гуманистической культуры. Именно в XX в. Россию бросили в борьбу за овладение материальным миром, отправили в безудержную гонку за физическим бессмертием*» [4, с. 444]. Это привело к последствиям, по большей мере негативного характера. В итоге Россия получила то, последствия чего она «расхлебывает» до сегодняшнего дня. Ко всем известным бедам, постигшим страну и народ, добавилась еще одна – самая страшная. Сегодня со всей остротой встал вопрос уже не о сохранении, а о выживании самого русского народа.

Таким образом, подводя итог следует заметить, что европейская секуляризация, главным инициатором и вдохновителем которой явился Петр, привела к масштабным и существенным изменениям как всего государственно-политического и отчасти даже социального строя России, так и самого культурно-генетического кода, духовного склада и характера Российской цивилизации. В эпоху Петра, Русь Московская стала превращаться в Россию императорскую, блестящую и могущественную только внешне, но внутренне духовно обедненную, опустошенную. «Вот Россия, прославленная в победах Петра Великого! Блистательная и просвещенная в век Екатерины Великой! Победоносная и сияющая в веке Серебряном! Но почему всегда в русских душах не проходит тайная тревога, что все равно, как ни великолепна Россия, в чем-то не жива, не дышит? В чем-то отлучена от Света и Правды. В нестерпимой тоске и сумасшествии ее гениев и пророков – Сумарокова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого, Достоевского, Мусоргского, Врубеля, Лескова – звучит отчаянный вопль: „Со Христом крестилась, а во Христа не облеклась“, предвидение какого-то отлучения и предчувствие за то великих испытаний и наказаний» [7, с. 180]. Это и обусловило своеобразие пути исторического развития России, послужив в дальнейшем основой для различного рода потрясений и катастроф, ибо каждый раз следствием реформ, проводившихся в рамках петровской квазимодернизаторской, евро-крепостнической, абсолютистской модели, оказывалась еще большая архаизация системы общественных отношений. Именно она явилась решающим фактором, повлиявшим на то, что в России сложилась *догоняющая модель*, обусловившая ее существенное отставание от передовых стран Европы.

Литература

1. Головатенко А. История России: спорные проблемы. М. Школа-Пресс. 1994. 237 с.
2. Ларионов В.Е. Городова М.Н. Священное наследие. М.: Алгоритм. 2010. 576 с.
3. Мавродин В.В. Петр I. М., Воениздат. 162 с. [с картой]

4. Перевезенцев С.В. Смысл русской истории. М. Вече. 2003. 496 с.
5. Петр Великий: pro et contra. СПб., РХГИ. 1024 с.
6. Флоровский Г. Петербургский переворот // Из истории русской культуры. - Т. IV. (XVIII – начало XIX века). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 349 - 413.
7. Шорникова И.Н., Шорников В.П. Боярыня Морозова. Самара. 2007. 192 с.

References

1. Golovatenko A. Istorija Rossii: spornye problemy. M. Shkola-Press. 1994. 237 s.
2. Larionov V.E. Gorodova M.N. Svjashhennoe nasledie. M.: Algoritm. 2010. 576 s.
3. Mavrodin V.V. Petr I. M., Voenizdat. 162 s. [с kartoj]
4. Perevezencev S.V. Smysl russkoj istorii. M. Veche. 2003. 496 s.
5. Petr Velikij: pro et contra. SPb., RHGI. 1024 s.
6. Florovskij G. Peterburgskij perevorot // Iz istorii russkoj kul'tury. - Т. IV. (XVIII – nachalo XIX veka). М.: Jazyki russkoj kul'tury, 2000. S. 349 - 413.
7. Shornikova I.N., Shornikov V.P. Bojarynja Morozova. Samara. 2007. 192 s.

Эпштейн Э.Е.

Студент, Национальный Исследовательский Университет Высшая Школа Экономики (Москва, Россия)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИТЕТА ПО ДЕЛАМ ЦАРСТВА ПОЛЬСКОГО ПРИ ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ (1831-1832) КАК УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

Аннотация

В статье на основе архивного материала анализируется координационная деятельность комитета по делам Царства Польского в структуре Государственного Совета, его административный потенциал в политической системе николаевской России.

Ключевые слова: комитет, Государственный Совет, Царство Польское, Николай I, управленческая практика

Epstein E.E.

Student, National Research University Higher School of Economics

ACTIVITIES OF THE COMMITTEE FOR THE KINGDOM OF POLAND AT THE COUNCIL OF STATE (1831-1832) AS AN ADMINISTRATIVE PRACTICE

Abstract

This article based on the archival reviews the coordination work of the committee for the Kingdom of Poland at the Council of State, its management capacity in the political system of Nicholas I.

Keywords: committee, the Council of State, the Kingdom of Poland, Nicholas I, administrative practice

Польское восстание 1830-1831 годов послужило поводом для изменения управленческой политики Российской империи по отношению к автономной территории Царства Польского. Причин было множество, не последнее место занимало предубеждения Николая I об интеграции Царства Польского в административно-правовое пространство Российской империи. Способом решения этой проблемы стало создание специального комитета, который бы ведал всеми вопросами, связанными с управлением Царства Польского после восстания и другими административными делами.

Созывы «секретных комитетов» становятся нормой политической жизни в правлении Николая I [1]. Данный формат напрямую был связан с дискретным и институционально разнородным административно-правовым полем Российской империи. Для «управления различиями» николаевские «просвещенные бюрократы» избирают политику смежного и координационного управления удалёнными территориями империи. В рамках таких комитетов происходило формирование новых практик управления, разрабатывались новые законы, обсуждались проекты, принимались как политические, так и административные решения. Ярким примером такого рода координационного управления является создание в августе 1831 года в системе Государственного Совета комитета по делам Царства Польского.

Официально данный комитет был образован в 1831 году для рассмотрения вопросов государственного управления Царства Польского в связи с подавлением польского восстания 1830–1831 гг. В его компетенцию входили вопросы о преобразовании государственного управления Царства Польского, а также вопросы административного, финансового и судебного характера. В качестве последней инстанции комитет рассматривал также приговоры Верховного уголовного суда в Варшаве и другие дела, относящиеся к участникам восстания. Деятельность комитета была приостановлена в 1841 году. Возглавлял его В.П. Кочубей, поскольку являлся председателем Государственного Совета [2]. Его членами стали ведущие государственные деятели николаевской эпохи: князь Паскевич, князь А.Н. Голицын, Н.Н. Новосильцов, гр. П.А. Толстой, И.В. Васильчиков, гр. К. В. Нессельроде, гр. А. И. Чернышёв, гр. Е.Ф. Канкрин, Ф.И. Энгель, гр. С. В. Грабовский, Д. Н. Блудов, Д.В. Дашков. Делопроизводство было возложено (по 21 апреля 1832 г.) на барона М. А. Корфа, затем (по 24 мая 1832 год) на кн. А.Ф. Голицына, а затем на А.Н. Халанского под руководством Ф. И. Энгеля.

Комплекс делопроизводственных документов комитета по делам Царства Польского при Государственном Совете, хранящийся в Российском Государственном Историческом Архиве (РГИА, ф. 1170), позволяет всесторонне исследовать процесс поиска модели управления в ЦП после события восстания 1831 году. Как уже было отмечено, комитет ведал теми вопросами, которые лежали в плоскости выработки конкретных управленческих решений в виде проектов по инкорпорации территории Царства Польского в состав Российской империи. Одним из таких важнейших проектов, который выработывался комитетом, был Органический Статут или Манифест об управлении Царством Польским. Он задумывался в качестве замены дарованной полякам конституции в 1815 и содержал в себе основные принципы, по которым бы реализовывалось управление.

Комитет во главе с В.П. Кочубеем активно включился в процесс создания Манифеста и незамедлительно уведомил об этом наместника Царства Польского князя Паскевича-Эриванского. В адресованном ему письме от 2 февраля 1832 года Карл Нессельроде писал: «Милостивый Государь Князь Иван Фёдорович. В Комитете назначенным для рассмотрения разных предположений до Царства Польского относящихся составлен Проект Высочайшей Грамоты, заключающий основные постановления будущего устройства Царства. Проект сей Государь Император повелел мне изволить доставить Вашей Светлости на представленное рассмотрение во исполнение каковой Монаршей Воли имею честь препроводить оный у сего, покорнейше прося Вас, Милостивый Государь, сообщить мне Ваши по-оному заключения для доклада Его Величеству. Имею честь быть и проч. (Карл Нессельроде)» [3]. Комитет деятельно принялся за создание Статута. Его члены находились в диалоге с представителями нескольких управленческих ведомств, которые также участвовали в процессе создания текста Манифеста (наместник Царства Польского, министр статс-секретарь). Коллективными усилиями они производили текстовые содержательные правки документов, которые выносились на обсуждение.

Помимо создания Органического Статута, который был одобрен императором Николаем I и в последствие опубликован в полном собрании законов Российской Империи [4], комитет вместе с представителями польской администрацией приступил к созданию проектов, которые бы значительно обновляли и уточнили компетенции таких институтов как Государственный Совет Царства Польского и Совет Управления. Согласно статье 22 второго раздела Органического статута, «Главное Управление Царства

Польского поручается Совету, действующему Именем Нашим, под председательством Наместника Царства» [5]. В дальнейших пяти статьях были оговорены основные сферы компетенции этого органа, что позволило считать Совет Управления главным административным и исполнительным органом на территории Царства Польского. Совет состоял из различных комиссий по отраслевым звеньям управления. В нём также должны были рассматриваться дела высших ведомств. Опосредованно через наместника Совет мог предоставлять императору кандидатуры на отдельные местные правительственные должности. Так как Органический Статут не регламентировал функционал и сферу компетенции Совета, то комитет активно включился в процесс создания нового проекта, в котором бы нашли своё отражение все функции и цели, которые должны были соответствовать создаваемой институции: «В заседании 13 и 16 апреля сего 1832 года, Комитет по делам Царства Польского рассматривал Проект Постановления о образовании Совета Управления Царством, перепровождённый при отношении Наместника Князя Варшавского к министру Стат-Секретарю Графу Грабовскому» [6]. Так, вплоть до декабря происходила текстуальная выработка 29 статей положения проекта, который в последствии и был представлен на рассмотрение императору.

Ещё одним важным институтом, который был встроен в систему управления Царства Польского в связи с обнародованием в феврале 1832 Органического Статута, стал Государственный Совет. Функциональный опыт российского Государственного Совета, безусловно, повлиял на появлении этого органа власти в Царстве Польском. В статье 28-31 Органического Статута фиксируются его состав, основные компетенции и функции, но не прописан механизм его учреждения, реализации его деятельности. В целом, Государственный Совет в системе управления Царством Польским задумывался как замена Сейму, который учреждался как орган с совещательными полномочиями в сфере подготовки законов и местного управления по конституции 1815 года [7]. Процесс выработки проекта о функционировании Государственного Совета также происходил на заседаниях комитета. Его члены активно участвовали в текстовых корректировках, вносили различные изменения. И только в декабре 1832 года проект из 83 статей был предоставлен императору: «Изложив таким образом по всем вышеозначенным Статьям проекта свои заключения, Комитет признал сообразным важности и достоинству ГС Царства ввести в оном правило соблюдаемое в Российском ГС, относительно присяги членов, Высочайше в оный назначаемых» [8].

Таким образом, процесс создания проектов Органического Статута, Совета Управления и Государственного Совета Царства Польского в структуре комитета продемонстрировал нам управленческую матрицу, в пространстве которой вызревали механизмы и практики инкорпорации территории Царства Польского в административно-правовое поле империи. Роль комитета как управленческой институции заключалась в координации процесса обсуждения и выработки критериев, по которым бы формулировались статьи проектов и подавались на рассмотрение императору. Деятельность комитета во много повлияла на окончательный формат проектов и их внешнюю и внутреннюю структуру.

Литература

1. Высшие и центральные учреждения России. 1801-1917. – СПб. 2000. Т. 1. С. 66 – 80.
2. Николаенко П.Д. Князь В.П. Кочубей - первый министр внутренних дел России. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2009. С. 670.
3. РГИА. Ф.1170. Оп.1. Т. XVI. Д. 5. Л. 42.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. СПб. Т 7. 1832. № 5165.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. СПб. Т 7. 1832. № 5165. Ст.22.
6. РГИА. Ф.1170. Оп.1. Т. XVI. Д. 30. Л. 1.
7. Кодан С.В., Февралёв С.А. Местное право Царства Польского: формирование, источники, трансформации (1815-1917 гг.) //: Проблемы общества и политики. 2013. С. 287.
8. РГИА. Ф.1170. Оп.1. Т. XVI. Д. 32. Л. 140.

References

1. The highest and central establishments of Russia. 1801-1917. – SPb. 2000. T. 1. Page 66 – 80.
2. Nikolayenko P. D. Knyaz V.P. Kochubey - the first Minister of Internal Affairs of the Russian Federation. SPb.: Publishing house of SPb un-that Ministry of Internal Affairs of Russia, 2009. Page 670.
3. RGIA. F.1170. Op.1. T. XVI. 5. L. 42.
4. Complete collection of laws of the Russian Empire. Meeting the 2nd. SPb. T 7. 1832. No. 5165.
5. Complete collection of laws of the Russian Empire. Meeting the 2nd. SPb. T 7. 1832. No. 5165. Art. 22.
6. RGIA. F.1170. Op.1. T. XVI. 30. L. 1.
7. Codon S.V., Fevralyov S. A. Local right of the Kingdom Polish: formation, istochchnik, transformations (1815-1917)//: Problems of society and policy. 2013. Page 287.
8. RGIA. F.1170. Op.1. T. XVI. 32. L. 140.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ / PHILOSOPHY

Баранов Г.В.

Профессор, доктор философских наук, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

ФУНКЦИИ ФИЛОСОФИИ В КУЛЬТУРЕ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Аннотация

В статье рассмотрено - гипотеза группировки функций философии по критерию разработки проблем глобализующегося человечества; характеризуются десять цивилизационных функций философии в системе культуры современного человечества; утверждается приоритетность идеационной функции философии.

Ключевые слова: функции философии; культура; идеал; глобализация.

Baranov G.V.

Professor, Doctor of Philosophy, Financial University under the Government of the Russian Federation

FUNCTIONS OF PHILOSOPHY IN THE CULTURE OF HUMANITY GLOBALIZING

Abstract

In the article - a hypothesis grouping functions of philosophy on design criteria globalized problems of mankind; characterized by ten civilization functions of philosophy in the culture of modern humanity; affirms the priority of ideational function of philosophy.

Keywords: function of philosophy; culture; ideal; globalization.

Основные значения понятия и слова «глобализация»: «Глобализация – 1) слово английского языка, переводимое на русский язык словами "всемирный", "всеобщий"; 2) распространение действия фактора за пределы государства или определённого класса деятельности» [1, с. 40]. В контексте проблематики статьи понятие глобализации означает целостное (холистическое) состояние эволюции человечества в период с XX в. по настоящее время с признаками интеграции деятельности людей по решению цивилизационных проблем на основе общечеловеческих ценностей. Философия как часть культуры человечества по необходимости исследует всеобщее в бытии человечества, поэтому исследование содержания функций философии актуально в условиях противоречий глобализирующегося общества XX в.-начала XXI в.

Функции философии – система исполнения философией инструментального воздействия на решение общественных и личностных проблем функционирования и эволюции акторов общества. Акторами общества по критерию единичного, особенного

и всеобщего являются индивид, социальная группа (социум) и человечество. Философия в составе культуры человечества принадлежит к классу информационной (духовной, идеационной) культуры и выполняет множество функций.

По мнению автора, оптимальная форма реализации цивилизационных функций философии как части культуры XXI века возможна при условии разработки гипотезы о сущности человеческой деятельности в состоянии антихаосного осуществления бытия, но не в состоянии активности человека [3, с. 128-129]. Фактор активности деятельности абсолютизирует идеал свободы в значении внутреннего свободного выбора индивида. В условиях конкурентных социальных взаимодействий абсолюта свободы предметно выражается антигуманными критериями (принципами), например, «человек человеку волк», «война всех против всех», «побеждает сильнейший». Реализация антихаосной стратегии и тактики поведения человека обязывает учитывать автономию объекта взаимодействия, обеспечивать режимы деятельности по критериям коэволюции, синергии, мирного и взаимного полезного сотрудничества.

По мнению автора, в современном глобализирующемся человечестве, философия реализует не менее десяти цивилизационных общечеловеческих функций: идеационная, гуманистическая, критическая, мировоззренческая, методологическая, практическая (праксеологическая), сотериологическая, культуротворческая, социально-идеологическая, эвристическая [4, с. 8-11].

Идеационная функция философии – обоснование и утверждение в общественном мнении парадигмы фундаментальности и первичности идеалов. Идеал – высшее состояние бытия и высшая цель деятельности людей, к которым стремится человек для превращения хаоса бытия в содержание оптимальности собственной автономной жизни. Существенные формы проявления интенций человека к идеалам представлены попытками управления природным эгоизмом и преодоления животной ограниченности личной жизни. Философами предложены потребителям универсальные идеалы антропного и общественного классов бытия, «главные из которых - добро, истина, красота, свобода, справедливость, гармония, рациональность, гуманность, совершенство, идеал Бога как высшего совершенства» [5, с. 7].

Состояние идеала относится к универсальным целям человечества. По причине ограниченности исторического бытия людей в каждом из этносов, государств и социальных групп (социумов) формируется множество локальных ценностей - патриотизм, национализм, соробность, коммунизм, добродетельность, законопослушность, «истинная вера» и иное.

Идеалы и ценности современного человечества выражены в документах Организации Объединённых Наций (ООН), основные из которых – Устав ООН и «Всеобщая декларация прав человека». В частности, по критериям «Декларации» абстрактные идеалы гуманности, добра, справедливости, совершенства и иные формулируются в 30 статьях [6] как нормы оптимальности человеческой деятельности. Факты нарушения идеалов цивилизации в формах гражданских войн и вооружённых конфликтов в государствах Европы, Азии и Африки в XXI в. являются показателями регресса человечества и одновременно целями прогрессивных взаимодействий людей, так как стимулируют акторов общества к осуществлению антихаосных трансформаций для обеспечения оптимальности бытия человечества.

Гуманистическая функция философии – обоснование и утверждение в общественном мнении гипотезы о высшей ценности человека в сравнении с иными объектами бытия. В среде обитания (бытия) человека функционируют организмы живой природы и объекты неорганической природы, множество общественных объектов - экономические, социальные, информационные, политические и иные, в том числе трансцендентные состояния. По критерию идеала гуманности ценность данных объектов вторична в сравнении с ценностью бытия человека.

Критическая функция философии – выявление противоречий между идеалами и фактами бытия по различным критериям и для различных целей предметной деятельности. Абстрактно критическая функция философии выражается в декартовском девизе «подвергай всё сомнению». Абсолютизация критической функции философии и культуры в целом характерна для современной информационной цивилизации, так как бесконечность информационного пространства потенциально воспроизводит новые варианты описаний и объяснений фактов по различным критериям и методам.

Мировоззренческая функция философии – создание информационных моделей объяснения сущности бытия и смысла жизни человека по определённым критериям для использования в общественной и индивидуальной деятельности с целями достижения успешных вещественных результатов. Методологическая функция – разработка гипотез, концепций и эффективных методов познания, а также систематизация достижений человечества в понятиях и логически обоснованных суждениях.

Практическая (праксеологическая) функция философии - объяснение сущности человеческой деятельности и разработка эффективных методов достижения её оптимальных материальных результатов. Философия – это теоретическое знание, которое обеспечивает потребности человека в истинных знаниях для оптимизации вещественно-энергетического бытия человека.

Сотериологическая функция философии – объяснение сущности духовности и разработка эффективных методов её формирования у людей. Сотериологическая функция актуальна по причинам интенции человека к трансцендентному бытию – бытию за пределами жизненного опыта индивида. Трансцендентное бытие для человека имеет статус совершенного объекта бытия, установление связи с которым даёт возможность оптимизировать вещественное бытие и достичь «вечное» идеальное совершенство.

Культуротворческая функция философии – создание новой общезначимой текстовой информации об объектах бытия и состояниях деятельности акторов общества с целями сохранения, преобразования и передачи в поколениях достижений цивилизации. Именно в культуротворческой функции достигается состояние плюрализма знаний и информации, оценок и мнений в их систематизированных и доступных для понимания формах множественности достижений человечества.

Эвристическая функция философии – содействие совершенствованию личности человека и его творческих познавательных способностей в формах памяти, внимания, логического мышления, интеллектуальной интуиции, воображения. Иное объяснение эвристической функции: функция философии, состоящая в содействии приросту научных знаний, в том числе в создании предпосылок для научных открытий.

Социально-идеологическая функция философии – теоретическое обоснование систем идеологии и их пропаганда в общественном мнении.

Специалистами философских наук выделяются иные виды функций – аксиологическая, воспитательная, интегративная, координирующая, прогностическая, критическая, социальная, социально-аксиологическая – и их группировки. Причина доминирования философии в культуре человечества – обоснование и пропаганда идеалов, последовательная реализация идеационной функции.

Литература

1. Баранов Г.В. Понятия политологической культуры. – Омск, 2012. – 300 с.
2. Баранов Г.В. Понятия философской культуры. - Омск, 2011. - 392 с.
3. Баранов Г.В. Деятельность и антропность бытия. – Омск, 2013. - 200 с
4. Баранов Г.В. Философия в культуре. – Омск, 2015. - 260 с.
5. Баранов Г.В. Философский практикум. – М., 2005. – 528 с.
6. Всеобщая декларация прав человека. [Электронный ресурс]. - <http://www.un.org/ru/documents/> (дата обращения 24.02.2015).

References

1. Baranov G.V. De rationibus rerum civilium elit. - Omsk, 2012. - 300 s.

2. Baranov G.V. Quod ad philosophicas notiones cultura. - Omsk, 2011. - 392 s.
3. Baranov G.V. Res et ens Fiat lux. - Omsk, 2013. – 200 s/
4. Baranov G.V. Philosophia culturae. - Omsk, 2015. - 260 s.
5. Baranov G.V. Philosophical officina. - M., 2005. - 528 s.
6. DECLARATIONEM HOMINIS IURIUM. [Elektronnyj resurs] URL: <http://www.un.org/ru/documents/> (data obrashhenija 24.02.2015).

Болдонова И.С.

Доктор философских наук, Бурятский государственный университет

Работа выполнена при поддержке гранта РФФ № 14-18-02006

ЕВРАЗИЙСКИЙ ФРОНТИР В БАЙКАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ТРАНСГРАНИЧЬЯ

Аннотация

В статье анализируются разные названия трансграничных регионов на территории Российской Федерации, и осмысливается актуализация трансграничной проблематики в контексте развития современных взаимоотношений страны с ее восточными соседями. Автор также предпринимает попытку выделения Евразийского фронта в Байкальском регионе на границе с Монголией и Китаем.

Ключевые слова: трансграничье, межкультурное взаимодействие, Евразийский фронт, Байкальский регион.

Irina Boldonova

Doctor of Philosophy, Buryat State University

EURASIAN FRONTIER AT BAIKAL REGION IN THE CONTEXT OF TRANSBORDER MULTIDISCIPLINARY RESEARCH

abstract

The article analyzes different notions and terms of transborder regions on the territory of the Russian Federation and generalizes issues concerning transborder reality in the context of Russia's contemporary relations with its Eastern neighbors. The author accomplishes the task to specify the Eurasian frontier at Baikal region on the border with Mongolia and China.

Key words: transborder, intercultural relationship, Eurasian frontier, Baikal region.

Сотрудничество пограничных цивилизаций реализует собственные культурные, социальные связи в независимости от фактических географических и государственных границ, когда взаимодействия не ограничиваются ежедневными приграничными индивидуальными контактами, но формируют целые стратегические направления в рамках трансграничных договоров и соглашений. Вследствие распада дихотомического мира и самосознания регионов в качестве самостоятельных культурно-исторических образований и их активизации в общественной жизни, проблема регионализации, в том числе трансграничной, в течение последних десятилетий превратилась в одну из центральных проблем современного научного знания.

Научные дискуссии о понятиях, «граница», «рубеж», «фронт», «пограничье», «трансграничье», «приграничье», «лимитроф», «окраина», «периферия» ведутся в интеллектуальной среде не только России, но также соседствующих стран Польши, Беларуси, Украины, Казахстана, Монголии, Китая. В английском языке существуют, по крайней мере, три слова, передающих в русском языке слово «граница»: border, boundary, frontier. Слово “border” обозначает географическую границу, “boundary” и относится к ментальной и культурной демаркации, понятие “frontier” первоначально в истории США обозначало движущуюся границу по мере освоения новых земель поселенцами и продвижения цивилизации на запад континента.

Взаимодействия на западных рубежах осмысливаются учеными разных стран. Польскими и белорусскими учеными пространство взаимодействия с Россией рассматривается как *Пограничье* и исследуется *Евро-Азия* в контексте цивилизаций Центральной, Южной, Восточной Европы и Центральной, Южной и Восточной Азии. Взгляд польско-сибирского научного коллектива Варшавского университета фокусируется на обширной территории евразийского континента, в том числе и на восточных границах России, где возделывается совместное поле евро-азиатского взаимодействия[1].

Томские исследователи изучают *Южно-сибирский фронт* в географическом измерении Западной Сибири на границах со странами СНГ. *Южно-сибирский фронт* изучается в культурно-историческом, антропологическом, экзистенциальном, феноменологическом, этическом, транскомуникативном и других аспектах. Международный коллектив русских, итальянских, немецких славистов под эгидой Томского госуниверситета называют Сибирь пространством *Евразийского фронта*.

На всей протяженности границы вместе с прилегающими территориями развивается, как называет Т.Н. Кучинская, китайская (азиатская) модель трансграничного регионализма [2]. Если посмотреть шире, охватить в масштабе не только Китай, но и Монголию, Южную Корею, Индию, Японию, то следует говорить об азиатской модели, где, безусловно, далеко немаловажную роль играет КНР.

На огромной территории Восточной Сибири и Дальнего Востока сложилось несколько трансграничных регионов. Л.Е. Бляхер анализирует социально-экономическую ситуацию в *Приморском трансграничье*, выделяя сложные взаимоотношения между его ключевыми акторами: местным населением, федеральным центром и приграничными соседями [3]. Дальний Восток, Республика Бурятия и Забайкальский край в составе Юго-Восточной Сибири граничат с Северо-Восточными провинциями Китая. Этот регион трансграничья Н.С. Розов называет *Забайкальским Трансграничьем* и поднимает проблему неравномерного развития приграничных регионов России и Китая [4]. М.И. Гомбова выделяет *Восточно-Забайкальское трансграничье* на основе исторически сложившегося в Восточном Забайкалье нового качества трансграничья – «единого социокультурного пространства регионов, структурирующегося трансграничными социокультурными сетями взаимодействия» [5]. В своем исследовании восточные трансграничные регионы РФ Д.В. Трубицын называет *Забайкальским и Дальневосточным трансграничьем*[6].

Б.Л. Раднаев и А.С. Михеева называют Бурятию и сопредельные пространства по обеим сторонам границы *Байкальским трансграничьем*. Основным дифференциальным признаком выделения Байкальского трансграничья называется озеро Байкал как природный, социокультурный, геополитический центральный объект региона, вокруг которого складывается вся жизнедеятельность трансграничного региона [7].

Изучением особенностей менталитета, художественной культуры и коммуникации евразийского фронтального бытия Байкальского региона активно занимаются филологи (литературоведы и лингвисты, фольклористы, педагоги), осуществляя междисциплинарные исследования, используя компаративистский, текстологический, структурный, семиотический и другие подходы. Об этом свидетельствуют труды творческих коллективов Бурятского государственного университета, Иркутского государственного университета, Забайкальского государственного университета. Издав несколько сборников научных статей по тематике *Евразийского фронта*, сотрудники Института филологии и массовых коммуникаций Бурятского государственного университета сформировали целое научное направление в изучении контактной цивилизации Байкальского региона на пограничье между Россией, Монголией и Китаем.

Байкальское трансграничье типологически равнозначно *Евразийскому фронту* на территории Республики Бурятия как воображаемой границе между Востоком и Западом, европейской и азиатской ментальностью.

Необходимость концептуального подхода к изучению феномена трансграничья Байкальского региона как территории взаимодействия России и азиатских стран, перекрестка, где соединяются Восток и Запад, продиктована актуальностью реального сотрудничества.

Трансграничный, в нашей терминологии фронтирный, Байкальский регион, имея многовековую историю взаимодействия с приграничными областями и шире с государствами Восточной Азии, демонстрирует тенденции к сохранению самобытной культуры народов Забайкалья, сохраняя готовность к дальнейшему изучению разнообразия и многогранности культур соседних сообществ и осмыслению своей роли и места в конгломерате культур и цивилизаций евразийского континента.

О современных тенденциях в сфере межкультурной трансграничной коммуникации пишет И. Бобков, который подчеркивает, что культура возникает лишь в событии разграничения и отграничения, но живет и развивается только в попытках перешагнуть свои границы, расширить свое пространство. Ситуацию разрушения локализованных, закрытых культур И. Бобков называет эпохой *транскультурности*, культурной трансцендентности, когда культура выходит за свои пределы в пространство других культур, она становится посланником своих кодов и символов [8]. Действительно, в последние два-три десятилетия в связи с распространением информационных технологий и расширяющегося доступа к Интернету, границы коммуникационных процессов раздвинулись настолько, что стали почти невидимыми и эфемерными.

В контексте глобализирующегося мира Евразийский фронтир в Байкальском регионе как полюс активной интеграции имеет большой потенциал в расширении международных контактов России с азиатскими странами, соблюдении национальных интересов на Востоке и формировании модели будущего общества устойчивого развития. Активные процессы сотрудничества с соседями по *Евразийскому трансграничью* свидетельствуют о современной тенденции в сторону укрепляющейся регионализации, одной из важнейших факторов процесса глобализации.

В таблице собраны разные названия с одним и тем же значением, соответствующим понятию «трансграничный феномен», т.е. межцивилизационное, межкультурное, межрегиональное пространство. Понятие «транскультурность евразийского трансграничья» отражает суть сложного явления, оправданно изучаемого с позиции междисциплинарного подхода.

Таблица 1 - Транскультурность евразийского трансграничья

Западные границы РФ. Польша, Беларусь, Украина	Западная Сибирь	Бурятия, Иркутская область. Байкал. Монголия	Забайкальский край, Китай	Дальний Восток, Приморский край. Китай, Япония
Евро-Азия как Пограничье	Южно-сибирский фронтир, Сибирь как евроазиатский фронтир	Байкальское трансграничье, Евразийский фронтир	Забайкальское трансграничье, Восточно-Забайкальское трансграничье	Приморское трансграничье, Дальневосточное трансграничье

В каждой концепции идея границы и трансграничного взаимодействия нашла свое отражение сообразно наиболее актуальным проблемным вопросам в среднем пространстве. Гигантский материк Евразия охватывает такое количество стран и народов, цивилизационных моделей развития, что трудно охватить это обширное смысловое поле единым взором, отсюда и разнообразие терминов и понятий, обозначающих то, что всем понятно и интересно – это пространство между мирами.

Литература

1. Debaty Ibi Al: Tom 4: Цивилизационный выбор и Пограничье / Под ред. Я. Кеневича. – Варшава, 2011. – 378 с.
2. Кучинская Т.Н. Трансграничный регион как форма социокультурного пространства: В поисках когнитивной модели исследования // Современные проблемы науки и образования. 2011, № 6 [Электронный ресурс] URL: <http://www.science-education.ru/pdf/2011/6/106.pdf> (Дата обращения 01.02.15)
3. Бляхер Л.Е. Трансграничное сотрудничество: экономические выгоды и политические проблемы, или интеграция несистемных сетей желтороссии // Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран азиатско-тихоокеанского региона. - Владивосток: Дальнаука; изд-во ВГУЭС, 2010. - С. 316–346.
4. Розов Н.С. Феномен трансграничья в исторической и геополитической перспективе / Трансграничье в изменяющемся мире: Россия-Китай-Монголия. Материалы международной научно-практической конф. 16-20 окт. 2006. - С.109-113 [Электронный ресурс] URL: www.nsu.ru/filf/rozov (Дата обращения 10.02.15)
5. Гомбоева М.И. Социокультурная специфика Восточно-Забайкальского трансграничья // Теоретико-методологическое осмысление феномена трансграничья: материалы научно-практической конференции «Трансграничье в изменяющемся мире: Россия – Китай – Монголия» (18 – 20 октября 2006 г.) / Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. Чита, 2006. С. 41–46.
6. Трубицын Д.В. Трансграничье как объект культурологического исследования: методологический обзор // Гуманитарный вектор. – 2011. - № 2(26). - С. 130–137
7. Раднаев Б.Л., Михеева А.С. Географическая концепция социально-экономического развития Байкальского трансграничья // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Естественные науки. - № 1 (42) / 2012. – С. 136-150.
8. Бобков И. Этика пограничья: Транскультурность как белорусский опыт // Перекрестки: Журнал исследований восточноевропейского пограничья. - 2005. - № 3-4. – С. 127-137.

References

1. Debaty Ibi Al: Tom 4: Civilizacionnyj vybor i Pogranich'e / Pod red. Ja. Kenevicha. – Varshava, 2011. – 378 s.
2. Kuchinskaja T.N. Transgranichnyj region kak forma sociokul'turnogo prostranstva: V poiskah kognitivnoj modeli issledovanija // Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. 2011, № 6 [Jelektronnyj resurs] URL: <http://www.science-education.ru/pdf/2011/6/106.pdf> (Data obrashhenija 01.02.15)
3. Bljaher L.E. Transgranichnoe sotrudnichestvo: jekonomicheskie vygody i politicheskie problemy, ili integracija nesistemnyh setej zheltorossii // Geopoliticheskij potencial transgranichnogo sotrudnichestva stran aziatsko-tihookeanskogo regiona. - Vladivostok: Dal'nauka; izd-vo VGUJeS, 2010. - S. 316–346.
4. Rozov N.S. Fenomen transgranich'ja v istoricheskoj i geopoliticheskoj perspektive / Transgranich'e v izmenjajushhemsja mire: Rossija-Kitaj-Mongolija. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konf. 16-20 okt. 2006. - S.109-113 [Jelektronnyj resurs] URL: www.nsu.ru/filf/rozov (Data obrashhenija 10.02.15)
5. Gomboeva M.I. Sociokul'turnaja specifik Vostochno-Zabajkal'skogo transgranich'ja // Teoretiko-metodologicheskoe osmyslenie fenomena transgranich'ja: materialy nauchno-prakticheskoj konferencii «Transgranich'e v izmenjajushhemsja mire: Rossija – Kitaj – Mongolija» (18 – 20 oktjabrja 2006 g.) / Zabajkal. gos. gum.-ped. un-t. Chita, 2006. S. 41–46.
6. Trubicyn D.V. Transgranich'e kak ob#ekt kul'turologicheskogo issledovanija: metodologicheskij obzor // Gumanitarnyj vektor. – 2011. - № 2(26). - S. 130–137

7. Radnaev B.L., Miheeva A.S. Geograficheskaja koncepcija social'no-jekonomicheskogo razvitija Bajkal'skogo transgranich'ja // Uchenye zapiski Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Estestvennyye nauki. - № 1 (42) / 2012. – S. 136-150.

8. Bobkov I. Jetika pogranich'ja: Transkul'turnost' kak belorusskij opyt // Perekrestki: Zhurnal issledovanij vostochnoevropejskogo pogranich'ja. - 2005. - № 3-4. – S. 127-137.

Васильева К.К.

Доктор философских наук, Российский университет дружбы народов
РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ПРЕДМЕТ СУЩНОСТИ МЕНТАЛИТЕТА

Аннотация

В статье предпринята попытка осмысления проблемы менталитета, форм его неявного выражения на нескольких уровнях и отношениях.

Ключевые слова: менталитет, субъект-объектное отношение, нейро-психическая организация, самосознание.

Vasileva K.K.

Doctor of Philosophy, Peoples' Friendship University of Russia
REFLECTIONS ON THE SUBJECT OF MENTALITY

Abstract

The article attempts to understand the mentality of the problem, it forms an implicit expression at multiple levels and relationships

Keywords: mentality, the subject-object relation, neuro-psyhic organization, self-consciousness.

При попытке осмыслить феномен менталитет на понятийном уровне исследователи, как правило, испытывают некоторую трудность, которая обусловлена общепринятым признанием ими наличия в менталитете нерелефлексивной составляющей. Нерелефлексивная составляющая, по сути, есть относительная константа менталитета, представленная некой всеобщей установкой, коллективным образом мысли, обладающими постоянством. И относится эта составляющая к сфере бессознательного. Поэтому исследователи предпринимая попытки обнаружить и дойти до потаенного пласта сознания до “потаенной логики” менталитета в той его части, которая полагается бессознательной.

Менталитет не рефлексируется, не формулируется своим носителем, и в этом смысле он есть нечто, демонстрирующее себя иному. Он представлен не субъекту (носителю) менталитета, а иному, представлен в качестве свойства другого как нечто нетождественное существующим представлениям иного о другом. Менталитет субъекта не тождествен высказываемым мыслям субъекта о себе. Таким образом, содержание нерелефлексивной составляющей менталитета является продуктом внешней оценки данной его субъекту другим человеком.

Субъектом менталитета являются и отдельный человек и коллектив, или же общность. В последнем случае менталитет определяется как коллективный менталитет или же как менталитет общности. Давно замечено, что чем больше субъектов определенного менталитета, тем прочнее и дольше он сохраняется.

Если допустить некую нейро-психическую организацию, атрибутивную человечеству, как становящуюся гомогенную данность, наделенную континуальным свойством, то идентификация менталитета как социо-исторического и социокультурного феномена, начинается с межсубъектных отношений некоторого множества общностей. Первым характерологическим признаком, разорвавшим гомогенный континуум будет качественное отличие, инаковость объектной общности от субъектной. Обнаружение инаковости, отличия, различия предполагает наличие качества “нечто” (“Я”, например), посредством которого и выявляется инаковость, отличие от “Я”. Таким образом, слово “менталитет” не субстантивирует то, что им именуется, а употребляется как характеристика качества иного предмета (объекта).

В онтологическом плане, “нерелефлексивный” менталитет есть инаковость; он пребывает вне субъекта. В этом смысле “нерелефлексивная” часть менталитета - есть отчужденная форма нейро-психической организации индивида. Субстанционально (в онтологическом плане) принадлежа субъекту, он тем не менее отчужден от него. И в когнитивном плане он “присваивается” иным, потому что для иного он очевиден. В этом проявляется некая раздвоенность, дихотомичность и парадоксальность менталитета.

Когнитивная схема выявления содержания менталитета может быть составлена классификационно, а именно по степени его манифестирования и выражения. Мы полагаем, здесь допустимы следующие позиции: 1) субъект-объектное отношение; 2) интерсубъектное (включая и феноменологическую рефлексию); 3) самосознание, самовыражение.

Субъект-объектное отношение способно зафиксировать явные формы выражения (самоосуществления) менталитета – вербальную, мускульно-двигательную, эмоциональную и т.п. Вместе с тем с позиции самосознания, самовыражения, самоощущения субъекта менталитета присутствуют и обнаруживаются неявные, неочевидные для внешнего наблюдателя, проявления менталитета. Интерсубъектное отношение (межсубъектное) способно прояснить многие детали, не проявленные для исследователя в иных познавательных схемах. Здесь опять же с позиции самосознания, самовыражения субъекта менталитета возможно обнаружение на уровне самоощущений неявных, неочевидных для внешнего наблюдателя проявлений менталитета.

Онтологически план содержания менталитета субстанционально самозамкнут на субъекте как собственном носителе. В этом смысле менталитет непроницаем для внешнего наблюдения. И здесь субъект-объектная познавательная схема малоэффективна. С позиции всякой познавательной схемы план выражения менталитета трансцендирует в явных формах. Среди явных форм манифестирует, прежде всего, рефлексируемое (саморефлексируемое). Кроме того, явные формы самоосуществления менталитета, иными словами очевидные, фиксируемые формы выражения, присутствуют в снятом виде в познавательном исследовательском опыте. Эти формы есть актуализация, самовыражение, самоосуществление менталитета. Вероятно, надо допустить, что процесс трансформации неявного в явное, имманентного в трансцендентное, потенциального в актуальное, содержания в выражение, есть процесс неисчерпаемый. В этом смысле неочевидное, невыраженное менталитета, надо полагать подавленным, несамовыразившимся, несоосуществившимся, имманентным, относящимся к плану содержания, и потому потенциально осуществимым. Способы опосредованного выражения нерелефлексивной части менталитета многообразны, к примеру, творчество художественное, эмоции, сновидения и т.д. Таким образом, с позиции субъект-объектного рассмотрения наблюдаемые и фиксируемые явные проявления менталитета есть результат механизма трансформации потенциального в актуальное, имманентного в трансцендентное, содержания в выражение. И это возможно, потому что субъекту подвластно восприятие внеположенной ему реальности – плана выражения и трансцендируемого. Однако, содержание (план имманенции) всегда будет оставаться в какой-то мере terra incognita как для внешнего наблюдения – познающего субъекта, так и для субъекта-носителя менталитета, потому что самим субъектом он часто не рефлексируется.

Выше отмечалось о потенциально возможном осуществлении подавленных, несамовыразившихся составляющих менталитета. Опыт истории человечества свидетельствует о фактах проявления некогда подавленных и невыразившихся составляющих коллективного менталитета, которые, как правило, носят деструктивный характер и представляют серьезную угрозу для социальной стабильности общества.

Менталитет манифестирует и на уровне интерсубъектном, субъект-субъектном отношении. Менталитет обнаруживается только извне, другим человеком, другим “Я”, которое классифицирует “не - Я” как нечто отличное от “Я”, как нечто Другое. Таким образом, он обнаруживается в контексте оппозиционного отношения “Я” - “не - Я”. При этом “не - Я”, будучи отличным от “Я”,

полагается последним как нечто находящееся в сознании, но не во вне. Таким образом, “Я” полагает “не –Я”. “Не –Я” вычлененное “Я” есть часть субъективной реальности “Я”, и не более того. “Не –Я” есть всё то, что осталось вне поля самоидентификации “Я”. Однако, классификация и процесс вычленения “не – Я” осуществляется через призму опыта “Я” посредством психической совокупности, принадлежащей “Я”. И возникает вопрос: насколько идентично “Я” (осознанное) “Я” объективному (неосознанному)? В случае их нетождественности – утрачивает смысл и значение то, что определено как “не – Я”. Таким образом, и на межсубъектном уровне, менталитет субстанционально, не может быть определен.

Рассмотрим теперь план содержания менталитета субъекта с позиции его самосознания и самовыражения. Человек как часть естественной природы представляет собой, с точки зрения науки, весьма загадочное и парадоксальное явление. Многое из того, что входит в понятие “человек” ученым, неведомо. При всем богатстве разнообразного знания и мнения о нем, человек, как объект науки и вместе с ним нейро-психическая организация, его менталитет, представляет собой главным образом, план содержания, но не план выражения; план имманенции, но не план трансценденции. Вместе с тем как данность, как план имманенции человек очевиден, но как сущность в плане познавательного-когнитивного – непознаваем. Поскольку “менталитет – это не сформулированные эксплицитно, не вполне осознанные, умственные установки, привычки сознания, означающие не план выражения, а план содержания человеческих интенций, идей и представлений [4, С.9]. По мысли Гуревича А.Я. к плану выражения менталитета относятся, прежде всего, вполне осознанные отрефлектированные и более или менее четко формулируемые идеи и принципы. К плану же содержания относится конкретное наполнение, которое вкладывается в означенные выше идеи и принципы. Известное выражение Шеллера “человек – это ...всё”, как нельзя объемно передает всю сложность проблемы определения феномена человек. Определения в контексте нашей постановки проблемы – выделения плана имманенции и плана трансценденции (равным образом: плана содержания и плана выражения). Человек предстает как совокупность сущностных характеристик и способа его бытия во внешней реальности. Под последним полагается бытие индивида в окружающей среде, приспособление к ней и процесс его социализации. Душевно-духовная сущность человека, наделенная гаммой чувственного и рационального, выражается в его менталитете, ментальности. Родовое отличие человека проявляется, прежде всего, в его способности целеполагания, абстрагирования, творчества, и, конечно же, формирования социальных отношений. Человек порождает собственный мир идей и различные формы его объективизаций, представленных и как вещно-предметный мир. Процесс самоосуществления мира идей, чувствования индивида и в целом его менталитета протекает в двух плоскостях: субъект-объектном и самосознании. Субъект-объектному отношению органично развертывание его главным образом в плоскости плана выражения, трансцендирования, в значении демонстрации другому. Процессу самосознания имплицитен, в силу его предмета – самого сознания, “Я”, иной план – план имманенции. Мы абстрагируемся от разведения восточной и западной традиции самосознания, ограничившись замечанием о присущей западной традиции интенциональности сознания, а также от различия феноменологической традиции от кантской. Необходимость различия, в нашем контексте, отпадает, если мы допустим, что самосознание процессуально содержит в качестве отправного пункта, реальность, внеположенную сознанию. К примеру, самооценка уже содержит соотносительность «меня» с Другим («Я» и «не-Я»). Процесс самосознания – это «сознание для себя», выступающее имманентно по отношению к собственным истокам [1, С.189]. Однако, мир идей в чистом виде в своей отчужденной, трансцендентной ипостаси представлен весьма многообразно – это и право, и мораль, и философия и т.д. В широком смысле этот мир идей есть мировоззрение человека. Способность к трансцендированию, к абстрагированию будучи родовым свойством человека, имеет, своим объективным основанием, непосредственно данную вещно-предметную реальность. Объективная реальность, равным образом реальность объективированная, являются условием начальной фазы мыслительного процесса. В идеале, отвлеченное нечто от непосредственно данного, служит отправным пунктом, для последующего процесса сохранения образа реальности, и одновременно – элиминирования несущественного и выявления некоторых оснований подлинной сущности трансцендируемого. Процессуально самоосуществление и самовыражение менталитетом оснований собственной сущности протекает в единстве интериоризации и экстериоризации. В динамике процесс интериоризации с необходимостью предполагает экстериоризацию. Однако, интериоризируемые внешние предметные действия и формы их экстериоризации, как правило, не совпадают. Односущностность их возможна лишь в идеале. В процессе мышления “Я” выстраивает субъективное отношение к предмету, органичное смысловым структурам собственного бытия. Тем самым отделяя сущности от данности «Я» субъективирует первую. Под данностью мы полагаем нейтральное выражение для переживаемого наличного бытия предмета содержания в сознании. Таким образом, установка на вычленение самосознания в чистом виде посредством самого сознания упирается в порочный круг, а именно план трансцендирования не адекватен плану имманенции. Иными словами, менталитет не может выразить в явной форме собственного содержания. Лишь невыраженное, внутренне имманентное по-прежнему продолжает сохранять тождественность самому себе.

Литература

1. Белоус В.Г. Русский менталитет. Словарь./ Под ред. А.Лазари \ \ Вопросы философии-1996- № 5- С. 189
2. Васильева К.К. Менталитет: онто-этнологическое измерение (на примере бурятского этноса). М.: Русский мир, 2002- 200
3. Васильева К.К., Мельницкая С.А. Менталитет социокультурных общностей Забайкальского края. Чита, 2008
4. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984-С.9.
5. Юнг К.Г. Психология бессознательного. М.: Канон, 1994
6. Ясперс К. Общая психопатология. М.: Практика, 1997

References

1. Belous V.G. Russian mentality. Dictionary./Under red. A.Lazari\ \ Problems of Philosophy-1996- № 5-P.189
2. Vasileva K.K. Mentality onto-ethnological dimension (for example, the Buryat ethnic group). М.: Russian World, 2002- 200s
3. Vasileva K.K., Melnikskaya S.A. Mentality sociocultural communities Trans-Baikal Territory. Chita, 2008
4. Gurevich A.Y. Categories of medieval culture. М.: Art, 1984
5. Jung K.G. Psychology of the Unconscious. М.: Canon, 1994
6. Jaspers K. General Psychopathology. М.: Practice, 1997

Мартirosян К.М.

Кандидат исторических наук, Краснодарский государственный университет культуры и искусств
СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация

В статье рассматривается роль символического капитала в формировании креативных социальных практик в современном социально-культурном производстве и потреблении, в формировании и развитии российского креативного класса и эволюции современного общества

Ключевые слова: символический капитал, символический обмен, ценности, креативная деятельность, креативный класс

Martirosyan K. M.

Candidate of Historical Sciences, Krasnodar State University of Culture and Arts

SYMBOLIC CAPITAL AS A RESOURCE FOR THE DEVELOPMENT OF MODERN SOCIETY

The article discusses the role of symbolic capital in the formation of creative social practices in contemporary socio-cultural production and consumption, in the formation and development of Russian creative class and the evolution of modern society

Keywords: symbolic capital, symbolic exchange, values, creative activities, creative class

Современными центрами создания и распространения символического капитала являются города. Город, говоря словами Аристотеля, как единство многообразия является естественным генератором креативности. Именно дифференциация городских сообществ создает условия конкурентного поведения индивидов и институций, в том числе и в сфере творчества. Значимой особенностью глобализирующейся постиндустриальной экономики является то, что «е существование и форма затрагивают лишь отдельные сегменты и экономические структуры, страны и регионы пропорционально конкретному положению страны или региона в международном разделении труда», а это, в свою очередь, способствует «избирательной включенности» территорий в процессы развития глобальной экономики.¹[1] И такими анклавами выступают преимущественно города как средоточия наиболее активной и мобильной части населения, мотивированной к переменам, как в собственной жизни, так и в осваиваемых производствах в различных сферах.²[2]

В подготовленном за 2008 г. отчете о креативной экономике специализированной международной организации при ООН ЮНКТАД к креативным индустриям отнесены: 1) литературная и издательская деятельность; 2) исполнительские искусства; 3) музыкальная индустрия; 4) фото-, видео- и кино- искусства; 5) интерактивные средства массовой информации; 6) радио и телевидение; 7) ремесла и изобразительные искусства; 9) реклама; 9) дизайн и мода; 10) музеи, галереи и библиотеки.³[3,4,5]

В официальной статистике ЮНЕСКО к креативным индустриям отнесены сферы деятельности, которые сочетают в себе создание, производство и коммерциализацию креативного содержания нематериального и культурного характера.⁴[6]

Культурные или креативные индустрии являются ядром производства креативного капитала: «...в отличие от культурного наследия, для которого характерны академичность, «классичность», творческие индустрии призваны осваивать новые творческие практики. Кроме того, творческие индустрии исключают уменьшающуюся предельную полезность, которая свойственна культурному наследию».⁵[7]

Исследователь креативной экономики Дж.Хоккинс под креативной экономикой предлагает понимать «товар или услугу, созданные в результате творческого процесса и имеющие экономическую ценность», с одной стороны, и проведение транзакционных обменов, в результате которых, содержащиеся в этих товаре или услуге капитализированные свойства материального, символического или культурного характера, обмениваются на денежные средства.⁶[5] Тем самым можно говорить о креативных индустриях в различных отраслях человеческой деятельности – от сложных технологических продуктов до продуктов и услуг, производимых в социально-культурной сфере.⁷[8,9]

Несмотря на имеющийся международный опыт, в России концепт «креативных индустрий» применительно к культуре применяется все еще в ограниченных масштабах, что не позволяет придать отечественным креативным индустриям должную административную поддержку – на культуру продолжают смотреть как на необходимое затратное дополнение к другим продуктивным сферам деятельности – социально-экономической и социальной политической.⁸[10,11]

Социально-экономическая ценность не равнозначна ценности символической. Символическая ценность является следствием процессов в социально-экономическом развитии, когда «экономическая жизнь становится культурной и эстетизированной».⁹[12]

Наряду с функциональными свойствами производимых продуктов одним из доминирующих свойств их гуманитарного содержания становится гедонистическая функция продукта как генератора эмоциональных впечатлений и удовольствия.

В производстве продуктов в социально-культурном производстве доминирующим является производство впечатлений, детерминированных символической сферой.¹⁰[13] Современные производители при помощи дизайнеров, специалистов в области рекламы и связи с общественностью придают товарам и услугам, производимым в социально-культурной сфере, определенную форму, которую наполняют необходимым содержанием, разрабатывают образ репрезентации товара или услуги и методы продвижения к потребителю, добиваясь их предпочтительного прочтения в ряду конкурирующих товаров и услуг, то есть символическим капиталом, означающим форму, содержание и процесс потребления.¹¹[14]

При этом прежний символический капитал теряет часть стоимости, потому что теряет актуальность. Вновь возникающая стоимость символического капитала может являться добавочной к прежней, дополняя модернизируемый символический капитал, а может быть вновь создаваемой, в связи с тем, что символический капитал возникает в прежде не востребованных областях социально-культурного производства или может представлять собой новый тренд в социально-культурных практиках, связанный с креативной деятельностью – например, мобильный Интернет, новые виды проведения досуга и т.п.

Символический капитал в процессе креативного социально-культурного производства этом случае решает триединую задачу:

- во-первых, это генерирование качественно новых форм и содержания продуктов и услуг в социально-культурной сфере – новые формы социально-культурной активности продуцируют новые социально-культурные практики, а новое содержание наполняет восприятие продукта или услуги новым эмоциональным контекстом;

- во-вторых, это участие во внедрении инноваций в социально-культурную жизнь общества – новые социально-культурные паттерны переформируют символический капитал производителей социально-культурных продуктов и услуг, повышая, как правило, ценность его марки;

¹Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 114-117.

²Лэндри Ч. Креативный город.

³Creative economy report 2008. Geneva, 2009; Landry Ch. The Creative City. A Toolkit for Urban Innovators. London, 2000; Caves R. Creative Industries: Contracts between art and commerce. Harvard, 2001; Howkins J. The Creative Economy. How People Make Money From Ideas. London, 2001.

⁴Framework for cultural statistics // URL: http://portal.unesco.org/culture/en/files/30297/11942616973/cultural_stat_EN.pdf/cultural_stat_en.

⁵Назарова И.К. Новый класс людей: возможности формирования посредством творческих индустрий // URL: http://www.arbir.ru/articles/a_3377.htm (дата обращения: 26.07.2013)

⁶Howkins J. The Creative Economy. P. 116; Хоккинс Дж. Креативная экономика. М., 2011.

⁷Зеленцова Е., Гладких Н. Творческие индустрии: от теории к практике; Potts J., Morrison, K. Toward behavioral innovation economics: Heuristics and biases in choice under novelty // School of Economics Discussion Paper. Queensland: University of Queensland, 2009. No. 379.

⁸Матецкая М.В. Культурные индустрии как инновации в культуре, менеджменте, технологиях; Ruutu K., Panfilo A., Karhunen P. Cultural Industries in Russia. Copenhagen: Helsinki School of Economics, Center for Markets in Transition, Tema Nord, 2009; Развитие партнерства в творческих индустриях Северного измерения. СПб., 2012.

⁹Lash S., Urry J. Economies of Signs and Space. P. 109.

¹⁰Pine J., J.H. Gilmore. The Experience Economy: work is theatre and every business a stage. Boston, 1999;

¹¹Chaney D. Lifestyles. P. 156.

▪ в-третьих, это обеспечение позитивного поступательного развития общества за счет «опривычивания» новых социально-культурных практик и изменения социально-культурной активности людей, получающих дополнительные импульсы к позитивному выбору, в том числе и за счет символического капитала.

Креативная деятельность непосредственно связана с неценовыми факторами конкуренции на рынках социально-культурных продуктов и услуг, потому что их производитель имплантирует в создаваемые продукты и услуги предлагаемые потребителю ценности и эмоциональные впечатления. В конечном итоге современные коммуникации производителей продуктов и услуг социально-культурной сферы можно обозначить с помощью формулы: миссия фирмы - стратегия – идентичность – образ – конкурентное предложение – лояльность – впечатление.

В основе построения любой современной бизнес-единицы лежит миссия, позволяющая в самых общих терминах определить ценности, которыми руководствуется производитель, стратегию развития, определение границ и ценностей потребителей базового рынка.¹²[15] В креативной деятельности, генерирующей креативный символический капитал, стратегия деятельности предприятия творческой индустрии, придерживающегося креативного направления, должна быть ориентирована на преодоление социально-культурных стереотипов. Стереотипы возникали и развивались в процессе освоения людьми повторяющихся поведенческих ситуаций, которые интерпретировались социальным окружением и классифицировались этим окружением в рамках социально-культурного контекста на приемлемые, условно приемлемые и неприемлемые. В результате чего путем селективного отбора сформировались модели интерпретации.

Р.Берглер и Б.Сигс определяют стереотипы как устойчивые когнитивные формулы, содержащие синтез как верных, так и ложных представлений об объектах суждений и являющихся важнейшим элементом когнитивных процессов. Вслед за Г.Оллпортом Р.Берглер и Б.Сигс находили тесную взаимосвязь между стереотипами и предрассудками, причем предрассудки представлялись в большей степени детерминированными эмоциями. Предрассудки сильнее связаны с негативными оценочными суждениями, в то время как стереотипы могут содержать и позитивный эмоциональный фон.¹³[16] Как отмечает В.Д.Попов, «стереотипы являются определенными убеждениями и «привычными знаниями» людей относительно качеств и черт характера других индивидов, а также событий, вещей и явлений».¹⁴[17]

В современных исследованиях стереотипы зачастую противопоставляются творческой, креативной деятельности. Между тем формируемая посредством стереотипов стабильность является важнейшим фактором коллаборационистского отбора креативных решений, потому что не всякая креативная деятельность способствует прогрессу, да и сами стереотипы в зависимости от социокультурной динамики могут выполнять как подкрепляющие, так и тормозящие развитие функции.¹⁵[18]

При этом создаваемый в процессе преодоления стереотипов в разрабатываемой концепции продукта или услуги социально-культурного производства символический капитал может, как аккумулировать символический капитал стереотипа, так и существенно снизить его или обнулить совсем в результате полного разрыва с предшествующим опытом в рамках когнитивного разрыва.

В условиях жесткой конкуренции, ускоренном развитии творческих индустрий в начале нового тысячелетия и появления массы однотипных товаров и услуг, индивидуализации потребителей производители товаров и услуг социально-культурной сферы вынуждены формировать бренды за счет наделяния бренда определенными ценностями, отвечающими запросу целевой группы и соответствующие трендам или обеспечивающим креативный разрыв с существующими трендами, формировать лояльность потребителей бренду и поддерживать ее.

Как отмечал П.А. Сорокин, «ценность служит основой и фундаментом всякой культуры. По этой причине важнейшие составные части такой интегрированной культуры также чаще всего взаимозависимы: в случае изменения одной из них остальные неизбежно подвергаются схожей трансформации».¹⁶[19] В рамках антропосоциетального подхода, являющегося результатом модификации социокультурного подхода, к основным функциям общества как системного целого могут быть отнесены: интегрирующая, дифференцирующая, жизнеобеспечивающая, властнорегулирующая, антропокоммуникативная.¹⁷[20]

Соответственно для социально-культурного производства символического капитала важны все системные элементы. С интегрирующей, дифференцирующей и жизнеобеспечивающей функциями связаны мода, визуальные, хеморецепторные, тактильные, аудиальные и, в конечном итоге, и функциональные (во взаимосвязи цены-качества) продукты и услуги.

Производители социально-культурных продуктов уже на стадии разра-ботки ритуализируют создаваемые продукты и услуги, превращая их в подобие сакральных символов качества жизни и принадлежности потребителю группам с определенной идентичностью.

В целях закрепления символического наполнения продукта или услуги производители социально-культурных продуктов и услуг, зачастую, придают ей форму ритуала, которая и является основанием и генератором символического смысла: «...знаковость в своей наиболее элементарной форме может быть определена как нарушение естественного (привычного) порядка вещей: природа сама по себе есть нечто безразличное. Ритуал нарушает это первоначальное безразличие, становясь семантической «точкой», которая, генерируя из себя новые значения, наполняет бытие смыслом. С того момента, как человек начал совершать ритуал, моделируя «естественные явления», он перестал быть «естественным», начал свое существование в историческом «инобытии». В конечном счете, именно ритуалу суждено было стать почвой, на которой зародились и / или совершались по преимуществу такие процессы, как онтологизация, персонификация, субъективация, семиотизация, историзация».¹⁸[21, 22]

Любой социально-культурный продукт или услуга производят ритуал его потребления, который с помощью «сформированному взаимно сфокусированный эмоциями и вниманием механизму...ежеминутно производит разделяемую участниками взаимодействия реальность и который, тем самым, порождает солидарность и символы членства в группе».¹⁹[23]

Разрабатываемые социально-культурные продукты и услуги ориентированы на генерирование в сознании современных потребителей широкой гаммы эмоциональных впечатлений, направленных на позиционирование этих впечатлений как наиболее важных и ритуализирующих сам процесс потребления в условиях повседневных и досуговых социально-культурных практик.²⁰[24]

¹²Hopkins D.S. TheMarketingPlan. NewYork, 1982. P.119.

¹³Bergler R., Six B. StereotypeundVorurteile// HandbuchderSozialpsychologie. (2.Haebband) / Hrsg. von C.F.Graumann. Göttingen, 1972.

¹⁴Попов В.Д. Стереотипы и предрассудки: их влияние на процесс социальной коммуникации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т.5. №.3. С.180.

¹⁵Иванова Е.А. Стереотип как феномен культуры: автореф. дис...канд. философ.наук. М.,2000.

¹⁶Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С.429.

¹⁷Лапин Н.И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов // Социологические исследования. 2010. № . С.29.

¹⁸Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. М., 1996. С. 148 – 149;Топоров В.Н. Предисловие // Евзлин М. Космогония и ритуал. М.,1993.С.18-19.

¹⁹Коллинз Р. Программа теории ритуала интеракции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004.Том VII. № 1. С.31-32.

²⁰Gorb P., Dumas A. SilentDesign. Oxford, 1987.

В конечном итоге проектирующий социально-культурный продукт производитель использует технологию продуцирования символического капитала – «организации взаимодействия, через которую производится солидарность, групповые символы, культурный капитал, эмоциональная энергия».²¹[25]

Символическая ценность опыта, полученного другими людьми в ином социально-культурном контексте оказывается важнее, чем логика понимания актуальных процессов. Причем эта символическая ценность восходит к реконструктивным описаниям прошлого, встроенного, благодаря позднейшим интерпретациям, в недавнее прошлое и актуальное настоящее. Это позволяет современному человеку идентифицировать себя одновременно и как часть прошлого, и как часть настоящего, и как часть будущего в едином социально-культурном пространстве исторически сложившейся идентичности.²²[26] Изначально эти символические ценностные ориентации усваиваются в процессе первичной социализации человека, выступая в форме моральных и нравственных императивов системы ценностей данного социума.²³[27]

Этому символизированному миру человека как потребителя производителями адресуются социально-культурные товары и услуги, которые должны соответствовать ожиданиям потребителей, и предоставлять им возможность получать эмоциональную энергию в виде впечатлений, как от процесса приобретения, так и от факта обладания и процесса использования.²⁴[28]

Создаваемые «коды понимания» для внутригруппового и межгруппового взаимодействия, включают нормы поведения, ценности и т.п., выраженные в формах устной и письменной речи, визуальных символов. Причем они являются не только межличностной и межгрупповой коммуникации, но и детерминируют процессы восприятия, обработки информации и участвуют в выработке как индивидуальных, так и коллективных моделей поведения.²⁵[29]

Диалектически взаимосвязанные процессы глобализации и локализации, глобалистские тенденции постиндустриального развития мира в процессе возникновения и использования качественно новых технологий генерируют новые повседневные и досуговые социально-культурные практики, которые становятся основанием для проектирования и создания новых продуктов и услуг в социально-культурной деятельности.²⁶[30]

Важнейшим посредником в распространении информации о товарах и услугах на рынке выступает сфера культурных индустрий, которая не только способствует передаче символического капитала от производителя к потребителю, но и сама генерирует новый символический капитал товаров и услуг, создавая добавленную стоимость к ним.

Объем и ресурсоемкость символического капитала меняются в зависимости от социально-культурного контекста и доминирующей в данном обществе, сообществе или у данного индивида нормативно-ценностной модели в виде совокупности терминальных и инструментальных ценностей и персональной и коллективной идентичности.

Тем самым глобальные социально-культурные ценности, сформированные посредством креативных разработок, преобразуют общество, выделяя в нем креативные по стилю жизни потребительские сегменты. Формирование и развитие креативных сегментов позволяет самому обществу трансформироваться с учетом мировых трендов развития, сохраняя и поддерживая базовые универсальные ценности габитуса с учетом гибридизации с общечеловеческими номативными ценностями, создавая предпосылки для успешной модернизации общества на инновационных ценностных основаниях. В этих процессах приоритетное место принадлежит символическому капиталу, который в символической форме не только продуцирует образы желаемого будущего, но и предлагает образы инструментальных ценностей по их достижению. При этом, зачастую, символический капитал, накопленный в прошлом, переформируется и репозиционируется, получая новое символическое означивание и превращаясь в важнейший ресурс современного развития.

Литература

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. - М., 2000. С. 114-117.
2. Лэндри Ч. Креативный город. - М., 2011. 399с.
3. Creativeconomyreport 2008. - Geneva, 2009 26 p.
4. Caves R. CreativeIndustries: Contractsbetweenartandcommerce. -Harvard, 2001. 464 p.
5. Хоккинс Дж. Креативная экономика. Как превратить идеи в деньги. - М., 2011. 256 с.
6. Frameworkforculturalstatistics // URL: http://portal.unesco.org/culture/en/files/30297/11942616973cultural_stat_EN.pdf/cultural_stat_en (дата обращения: 12.02.2015).
7. Назарова И.К. Новый класс людей: возможности формирования посредством творческих индустрий // URL: http://www.arbir.ru/articles/a_3377.htm (дата обращения: 21.02.2015).
8. Зеленцова Е., Гладких Н. Творческие индустрии: от теории к практике. - М., 2010. 240 с.
9. Potts J., Morrison, K. Towardbehavioralinnovationeconomics: Heuristicsandbiasesinchoiceundernovelty // SchoolofEconomicsDiscussionPaper. Queensland:UniversityofQueensland, 2009. No. 379 // URL: <http://www.uq.edu.au/economics/abstract/379.pdf> (дата обращения: 12.02.2015).
10. Матецкая М. В. Культурные индустрии как инновации в культуре, менеджменте, технологиях // Сборник трудов научно-практической конференции факультета менеджмента 22–23 марта 2011 г. – СПб., 2011. С. 96 – 105.
11. Развитие партнерства в творческих индустриях Северного измерения. - СПб., 2012. 57 с.
12. Lach S., Urry J. EconomiesofSingsandSpace. – London, 1994. P.109.
13. Pine J., GilmoreJ.H. TheExperienceEconomy: workistheatreandeverybusiness a stage. - Boston, 1999. 272 p.
14. Chaney D. Lifestyles: KeyIdeas. - London, 1966. P.156.
15. Hopkins D.S. TheMarketingPlan. NewYork, 1982. P.119.
16. Bergler, R., Bernd S. StereotypeundVorurteile // HandbuchderPsychologie, Bd. 7.2: Sozialpsychologie. Hrsg. von C. F. Graumann. -Göttingen: Hogrefe, 1972. S. 1371.
17. Попов В.Д. Стереотипы и предрассудки: их влияние на процесс социальной коммуникации // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2002. — Т.5. — №3. — С.180.
18. Иванова Е.А. Стереотип как феномен культуры: автореф. дис.канд. философ. наук. М., 2000. 22 с.
19. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С.429.

²¹Прозорова Ю.А. Теория интерактивных ритуалов Р.Коллинза: от микроинтеракции к макроструктуре // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т.10. № 1. С.68.

²²Полонская И.Н. Социокультурная традиция: онтология и динамика: автореф. дис....д-ра философ.наук. Ростов-на-Дону, 2006. С.43.

²³Portes A., Sensenbrenner J. EmbeddednessandImmigration: NotesontheSocialDeterminantsofEconomicAction // AmericanJournalofSociology. 1993. Vol. 98. № 6. P. 1320–1350.

²⁴Сивиринов Б.С. Социальная квазиреальность или виртуальная реальность? С.40.

²⁵Schloder B. SozialeVorstellungenalsBezugspunktevonVorurteilen // VorurteileundEinstellungen. SozialpsychologischeBeitragezumProblemsozialerOrientierung / Hrsg.von B. Schafer, F. Petermann. Köln, 1998.S.136-172.

²⁶Яхимович З.П. Ценностные ориентиры и парадигмы изменяющегося мира //URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Yahimovich_Zennost_orient.pdf.

20. Лапин Н.И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов // Социологические исследования. — 2010. — № 1. — С.29.
21. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. - М., 1996. С. 148 – 149.
22. Топоров В.Н. Предисловие // Евзлин М. Космогония и ритуал. -М.,1993.С.18-19.
23. Коллинз Р. Программа теории ритуала интеракции // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2004. — Том VII. — № 1. — С.31-32.
24. Gorb P., Dumas A. SilentDesign // DesignStudies. — 1987. — № 8.— P.150-156.
25. Прозорова Ю.А. Теория интерактивных ритуалов Р.Коллинза: от микроинтеракции к макроструктуре // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2007. — Т.10.— № 1.— С.68.
26. Полонская И.Н. Социокультурная традиция: онтология и динамика: автореф. дис.д-ра философ. наук. Ростов-на-Дону, 2006. С.43.
27. Portes A., Sensenbrenner J. EmbeddednessandImmigration: NotesontheSocialDeterminantsofEconomicAction // AmericanJournalofSociology. —1993. — Vol. 98. — № 6. — P. 1320–1350.
28. Сивиринов Б.С. Социальная квазиреальность или виртуальная реальность? Социологические исследования —2003.— № 2. — С.40.
29. Schloder B. SozialeVorstellungenalsBezugspunktevonVorurteilen // VorurteileundEinstellungen. SozialpsychologischeBeitragezumProblemsozialerOrientierung / Hrsg. von B. Schafer, F. Petermann. - Köln, 1998.S.136-172.
30. Яхимович З.П. Ценностные ориентиры и парадигмы изменяющегося мира//URL:http://www.isras.ru/files/File/publ/Yahimovich_Zennost_orient.pdf (дата обращения:15.02.2015)

References

1. Kastel's M. Informacionnaja jepoha: jekonomika, obshhestvo i kul'tura. - M., 2000.S. 114-117.
2. LjendriCh. Kreativnyjgorod. - M., 2011. 399 s.
3. Creativeeconomyreport 2008. - Geneva, 2009 26 p.
4. Caves R. CreativeIndustries: Contractsbetweenartandcommerce. Harvard, 2001. 464 p.
5. HokkinsDzh. Kreativnajaekonomika. Kakprevratit' idei v den'gi. - M., 2011. 256 s.
6. Frameworkforculturalstatistics // URL: http://portal.unesco.org/culture/en/files/30297/11942616973cultural_stat_EN.pdf/cultural_stat_en (dataobrashhenija: 12.02.2015).
7. Nazarova I.K. Novyjklassljudej: vozmozhnostiformirovanijaposredstvomtvorcheskihindustrij // URL: http://www.arbir.ru/articles/a_3377.htm (dataobrashhenija: 21.02.2015).
8. Zelencova E., Gladkih N. Tvorcheskieindustrii: otteorii k praktike.- M.,2010. 240 s.
9. Potts J., Morrison, K.Towardbehavioralinnovationeconomics: Heuristicsandbiasesinchoiceundernovelty // SchoolofEconomicsDiscussionPaper. Queensland:UniversityofQueensland, 2009. No. 379 // URL: <http://www.uq.edu.au/economics/abstract/379.pdf> (dataobrashhenija: 12.02.2015).
10. Mateckaja M. V. Kul'turnyeindustriiakinnovacii v kul'ture, menedzhmente, tehnologijah // Sborniktrudovnauchno-prakticheskijkonferencii fakul'tetamenedzhmenta 22–23 marta 2011 g. – SPb., 2011. S. 96 – 105.
11. Razvitiiepartnerstva v tvorcheskihindustrijahSevernogoizmerenija. - SPb., 2012. 57 s.
12. Lach S., Urry J. EconomiesofSingsandSpace. – London, 1994. P.109.
13. Pine J., Gilmore J.H.. TheExperienceEconomy: workistheatreandeverybusiness a stage. - Boston, 1999. 272 p.
14. Chaney D. Lifestyles: KeyIdeas. - London, 1966. P.156.
15. Hopkins D.S. TheMarketingPlan. NewYork, 1982. P.119.
16. Bergler, R., Bernd S. StereotypeundVorurteile // HandbuchderPsychologie, Bd. 7.2: Sozialpsychologie. Hrsg. von C. F. Graumann. - Göttingen: Hogrefe, 1972. S. 1371.
17. Popov V.D. Stereotipy i predrassudki: ihvljanienaprocesssocial'nojkommunikacii // Zhurnalsociologii i social'nojantropologii. — 2002. — Т.5. — №.3. — S.180.
18. Ivanova E.A. Stereotipkakfenomenkul'tury: avtoref. dis.kand. filosof. nauk. M.,2000. 22 s.
19. Sorokin P. Chelovek. Civilizacija. Obshhestvo. M., 1992. S.429.
20. Lapin N.I. Funkcional'no-orientirujushhieklasterybazovyhcnnostejnaselenijaRossii i eeregionov // Sociologicheskiesissledovanija. — 2010. — № 1. — S.29.
21. Makovskij M.M. Sravnitel'nyjslovar' mifologicheskijosimvoliki v indoeuropejskihjazykah. Obrazmira i miryobrazov. - M., 1996. S. 148 – 149.
22. Toporov V.N. Predislovie // Evzlin M. Kosmogonija i ritual. - M.,1993.S.18-19.
23. Kollinz R. Programmateoriiiritalainterakcii // Zhurnalsociologii i social'nojantropologii. — 2004. — Том VII. — № 1. — С.31-32.
24. Gorb P., Dumas A. SilentDesign // DesignStudies. — 1987. — № 8.— P.150-156.
25. ProzorovaJu.A. TeorijainteraktivnyhritualovR.Kollinza: otmikrointerakcii k makrostrukture // Zhurnalsociologii i social'nojantropologii. — 2007. — Т.10.— № 1.— С.68.
26. Polonskaja I.N. Sociokul'turnajatradicija: ontologija i dinamika: avtoref. dis.d-rafilosof. nauk. Rostov-na-Donu, 2006. S.43.
27. Portes A., Sensenbrenner J. EmbeddednessandImmigration: NotesontheSocialDeterminantsofEconomicAction // AmericanJournalofSociology. —1993. — Vol. 98. — № 6. — R. 1320–1350.
28. Sivirinov B.S. Social'najakvazireal'nost' ilivirtual'najareal'nost'? Sociologicheskiesissledovanija —2003.— № 2. — S.40.
29. Schloder B. SozialeVorstellungenalsBezugspunktevonVorurteilen // VorurteileundEinstellungen. SozialpsychologischeBeitragezumProblemsozialerOrientierung / Hrsg. von B. Schafer, F. Petermann. - Köln, 1998.S.136-172.
30. Jahimovich Z.P. Cennostnyeorientiry i paradigmyizmenjajushhegosjama mira//URL:http://www.isras.ru/files/File/publ/Yahimovich_Zennost_orient.pdf (data obrashhenija:15.02.2015).

В статье рассматривается со-бытие Я и Ты в аспекте феномена любви как первичного акта коммуникации. Любовь, как наиболее высокая, духовная форма взаимоотношений Я и Ты, позволяет обрести определенную осмысленность бытия, устанавливает единственно возможный контакт в мире, – истинный бытийный контакт, освещенный смыслом.

Ключевые слова: коммуникация, любовь, Я, Ты, со-бытие.

Candidate of Philosophical Sciences, The Volga Region Academy for Public Administration is a part of the Presidential Academy as the Stolypin.

In the article it is considered co-existence I and You in aspect of a phenomenon of love as primary act of communication. Love as the highest, spiritual form of relationship I and You, allows to find sense of existence, comes into the unique contact in the world - contact which gives meaning of life.

Keywords: communication, love, I, You, co-existence.

Бытие Я и Ты есть непрерывное сосуществование Я и Другого, особое пространство коммуникации, посредством которой Я входит в мир, мир при этом приобретает определенную осмысленность связей и отношений – не только в мире, но и со многими Ты, - без этого, как утверждают такие мыслители как К. Ясперса, М. Хайдеггера, Л. Фейербаха мы не можем говорить о бытии Я. Поскольку настоящее, подлинное вступление в мир возможно только в утверждении подлинного коммуникативного акта, в котором производится, рождается смысл и что придает осмысленности существованию Я. Изначальным феноменом человеческого бытия коммуникация выступает в экзистенциализме. Смысл рождается в экзистенции – коммуникации, со-бытие Я и Ты наполняет жизнь смыслом. При этом, многие мыслители утверждают, что первичным, смыслообразующим актом коммуникации является любовь.

Любящая личность, как отмечают многие авторы, находится в ином бытии, духовном, где находит преображенную общность людей. Русские религиозные философы именуют ее «богочеловечеством», М. Бубер – отношением Я-Ты. Речь идет об одном и том же, и разные наименования, в данном случае, не исключают друг друга. Важно, что кто имел живой опыт непосредственного внутреннего самораскрытия реальности, как об этом пишет С.Л. Франк, тот уже не может и никогда не сможет его забыть, что означало бы забвение собственного «духовного лона», – тем более – иметь сомнения в существовании подлинно духовной высшей реальности²⁷[7].

Кроме того, что любовь открывает высшую реальность, осуществление любви – есть вполне определенный, специфичный акт коммуникации. Более того – наиважнейший первичный коммуникативный акт, который определяет все смысловое поле Я-бытия. Осуществление любви как первичного коммуникативного акта является основанием наличия смысла в бытии Я, это та основа, которая способна расширить горизонты Я-бытия, задающая ему принципиально новое видение реальности. Но как возможен выход за пределы круга Я-бытия? Здесь встает очень важный вопрос относительно того, что заставляет Я совершать попытки выйти «за», посмотреть на себя и в себя иначе, чем прежде – а именно с точки зрения смысла, объективности, уникальности?

В ответе на поставленные вопросы, стоит обратить внимание, что даже если не затрагивать глубинные основания Я-бытия, тем не менее, нельзя не заметить, что каким бы ни был способ бытия Я, сама бытийная данность предполагает невозможность существования Я без Ты, когда мы говорим о Я, мы всегда имеем необходимость Ты-присутствия, участия Ты в жизни Я, в частности моего Я. Ты – первое, на что наталкивается, от чего отталкивается, к чему приближается, или наоборот, Я, начиная с момента рождения. Одним словом, бытие Я, именно когда мы говорим о любви, невозможно представить без бытия Ты. Ортега-и-Гассет утверждал такое отношение к Ты, в котором: «Любить, что бы ни было – значит упорно настаивать на его существовании; отвергать такое устройство мира, при котором этого объекта могло бы не быть... Это, по существу, то же самое, что дышать в него жизнь, насколько это доступно человеку... Любовь – это извечное дарение жизни, сотворение и пестование в душе предмета любви» [2].

Мы обращаем внимание на уникальную архитектуру Я-Ты-отношений: находя Другого, Я, не теряя себя ни на миг, обретает и себя, и Ты одновременно; и, как ни парадоксально, не исходя из своего собственного единственного места в бытии и своей уникальной единственности – Я возникает из отношения к Ты – первичного для осознания, осмысления Я. «Никакого готового «Я» вообще не существует до встречи с «Ты», до отношения к «Ты» [7], С.Л. Франк пишет, что «... принципы оформления души суть принципы оформления внутренней жизни извне, из другого...» [7].

Я и Ты – принципиально диалогичные сущности, встречающиеся, и встречаемые в диалоге. Как отмечает Бубер, в диалоге Я-Ты воплощается смысл, осуществляется встреча или событие любви.

Для рассмотрения диалогической сущности со-бытия Я и Ты, обратимся к классификации Я-Ты-отношений, которую предложил К. Ясперс, он выделил четыре уровня отношений Я к Ты. Если остановиться на первом уровне рассмотрения отношения Я к Ты, то мы должны обратить внимание, что, говоря о Я, Ясперс подчеркивает, что имеет в виду человека как представителя человеческого рода, природный объект. Здесь мыслитель имеет в виду эмпирическое Я, которое стремится к удовлетворению своих потребностей, заботящееся исключительно о нуждах собственной природы – своего тела, соответственно выстраивает отношения с Другим, который выступает для Я всего лишь в качестве средства для реализации прагматики Я. Второй уровень, как отмечает Ясперс, является более высоким и предполагает понимание Я как не просто биологического существа, а как существа обладающего способностью мыслить, существа, обладающего сознанием, Я понимается как сознание. Общение, осуществляемое на этом уровне, безусловно, обладает уже определенной полнотой, но оно также скудно, в сравнении с возможным подлинным. На этом уровне общения Я и Ты, Я представляет себя в качестве носителя знания, при этом, равным по статусу Ты, и отличие заключается в том, насколько возможно усвоение этих знаний. Общение Я и Ты представляется нам как «обмен мыслями». Третий уровень понимает человека как существо общественное или социальное, когда человеческое Я выходит на уровень Духа. Это еще более высокий уровень общения, равно как и осознания себя как целого [1].

Стоит отметить, что представленные выше уровни общения Я-Ты - безусловно имеют значимость, и даже незаменимы в человеческом существовании, тем не менее, только на их основаниях мы не можем полностью определить сущность человеческого существа, которое стремится к обретению подлинного со-бытия Я и Ты. По этой причине, мыслитель говорит о четвертом уровне – который затрагивает глубинные стороны человеческой души. Ясперс называет его экзистенцией или экзистенциальной коммуникацией. Философ, говоря об этом уровне, подчеркивает, что это наивысший уровень общения, поскольку придает общению не только осмысленность, но и определенную свободу и полноту бытия Я. Ясперс утверждает, что в человеческой жизни чаще всего присутствуют именно первые три типа общения. Нередко можно встретить крайне общительных людей, которые всегда с легкостью находят тему для разговора, даже с малознакомыми людьми. На первый взгляд, может показаться, что именно такое

²⁷ Франк С. Л. Непостижимое. М., 1990. С. 333.

общение и является подлинной коммуникацией, однако, следуя логике рассуждений Ясперса, чрезмерная общительность не говорит о полноте коммуникации, ведь не всегда в таком общении есть место осмысленности, свободе и подлинного понимания Другого.

В со-бытии Я и Ты, Я, имея определенную долю независимости, может осмысливать не только свое существование, но и бытие Ты, или как пишет Ясперс «человек должен осуществить в коммуникации связь самости с самостью» [8]. Я имеет предзаданную возможность «быть», и по большому счету, смысл существования Я и заключается в том, чтобы реализовать эту возможность, в том случае, когда Я не использует свой потенциал, С.Л. Франк говорит, что тем самым, человек теряет себя, предает свою судьбу, не укореняется в бытии. «Быть действительным в мире, даже если поставленной цели достигнуть невозможно, остается условием собственного существования»[5] – именно эта действительность в бытии, подлинное существование является условием и самореализации, и самоосуществления, и условием обретения уверенности и свободы в своем бытии.

Определяя любовь как первичный коммуникативный акт, как способность перейти за границы своего фактического феноменального бытия, можно говорить о со-бытии Я и Ты в любви, о способности жить в Другом и для Другого. Осуществление события любви – это не только появление и проявление единства, но создание истинного человека, свободного, выражающего единство и равенство мужского и женского начала, преодолевших разнь и разделение. Соловьев отмечает, что «если корень ложного существования состоит в непроницаемости, т. е. во взаимном исключении существ друг другом, то истинная жизнь есть то, чтобы жить в Другом, как в себе, или находить в другом положительное и безусловное восполнение своего существа. Основанием и типом этой истинной жизни остается и всегда останется любовь» [6].

Подводя итог рассмотрению со-бытия Я и Ты как первичного акта коммуникации, можно сделать вывод, что любовь, как наиболее высокая, духовная форма взаимоотношений Я и Ты, задает масштабы объективного поведения, устанавливающего единственно возможный контакт в мире, – истинный бытийный контакт, освещенный смыслом. Смысл получает свое бытие через любовное сочувствие, соучастие, со-бытие в бытии иного.

Литература

1. Демидов А. Б. Феномены человеческого бытия. – Минск, 1997. 190 с.
2. Ортега-и-Гассет Х. Этюды о любви // Эстетика. Философия культуры. М., 1991. – С. 350-433.
3. Попова О.А. Любовь как организующее начало бытия: автореф. дис. ... канд. философских наук: 09.00.01. – Саратов, 2013. – 16 с.
4. Пятилетова, Л.В. Любовь как смысл и оправдание человеческой жизни: дис. ... канд. философских наук: 09.00.13. – Екатеринбург, 1999. – 208 с.
5. Речь о достоинстве человека // Фихте и конец XX века: «Я» и «Не-Я» –Уфа, 1992. – 233 с.
6. Соловьев, В.С. Смысл любви / В.С. Соловьев. // Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. Т.2 – М.: Мысль, 1988. – С. 493-547
7. Франк С. Л. Непостижимое. М., 1990. – 608 с.
8. Ясперс К. Духовная ситуация нашего времени // Смысл и назначение истории –М.: Политиздат, 1991. – С. 228-418 с.

References

1. Demidov A. B. Fenomeny chelovecheskogo bytija. – Minsk, 1997. 190 s.
2. Ortega-i-Gasset X. Jetjudy o ljubvi // Jestetika. Filosofija kul'tury. M., 1991. – S. 350-433.
3. Popova O.A. Ljubov' kak organizujushhee nachalo bytija: avtoref. dis. ... kand. filosofskih nauk: 09.00.01. – Saratov, 2013. – 16 s.
4. Pjatiletova, L.V. Ljubov' kak smysl i opravdanie chelovecheskoj zhizni: dis. ... kand. filosofskih nauk: 09.00.13. – Ekaterinburg, 1999. – 208 s.
5. Rech' o dostoinstve cheloveka // Fihte i konec XX veka: «Ja» i «Ne-Ja» –Ufa, 1992. – 233 s.
6. Solov'ev, V.C. Smysl ljubvi / V.C. Solov'ev. // Solov'ev V.C. Sochinenija: V 2 t. T.2 – M.: Mysl', 1988. – S. 493-547
7. Frank S. L. Nepostizhimoe. M., 1990. – 608 s.
8. Jaspers K. Duhovnajaja situacija nashego vremeni // Smysl i naznachenie istorii –M.: Politizdat, 1991. – S. 228-418 s.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PHILOLOGY

Бильк Е.А.

Аспирант, Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко

ПОИСК КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ В КОРПУСЕ Р.М.РИЛЬКЕ В УСЛОВИЯХ ОГРАНИЧЕННОГО ДОСТУПА К РЕФЕРЕНТНОМУ КОРПУСУ

Аннотация

Задачей данной статьи является предложить полуавтоматизированный способ нахождения ключевых слов в корпусе путем сравнения логарифмического правдоподобия их появления в двух корпусах в условиях ограниченного доступа к референтному корпусу. Особый интерес этот метод будет представлять для тех, кто исследует корпус текстов на немецком языке начала-середины XX века, единственным референтным корпусом для которого может служить корпус DWDS.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, сравнение корпусов, логарифмическое правдоподобие, нормативный корпус, референтный корпус, Р.М.Рильке.

Bilyk K.A.

Post-graduate student, Taras Shevchenko National University of Kyiv

SEARCH FOR KEYWORDS IN R.M.RILKE CORPUS UNDER LIMITED ACCESS CONDITIONS TO THE REFERENCE CORPUS

Abstract

The article discusses a semi-manual way of searching for keywords in a corpus through testing their frequencies in both corpora against their log-likelihood. It is necessary, as the only comparable corpus of German language contemporary to Rilke DWDS is accessed only through web-based user interface and not to the full extent.

Keywords: corpus linguistics, comparable corpora, log-likelihood, reference corpus, normative corpus, R.M.Rilke.

Большинство исследователей согласны с тем, что поиск ключевых слов — надежный исходный пункт для исследования специализированного корпуса [1, 68], [2]. Простейший автоматический способ извлечения ключевых слов подразумевает подключение референтного корпуса, что позволяют большинство современных программ для работы с корпусами. Необходимые для этого условия: корпус, который может быть использован как референтный, то есть, репрезентативный относительно исследуемого, и инструмент для генерации списка ключевых слов.

Самые распространенные программы для автоматического определения ключевых слов — WordSmith Tools [3] и мощная бесплатная AntConc [4] — при наличии файла референтного корпуса легко предоставляют список ключевых слов. Однако этот способ возможен только в том случае, если этот файл есть в наличии. В случае же работы с корпусом, который находится в полуоткрытом доступе, это становится невозможно. Не все найденные формы выводятся на экран, указывается только количество совпадений. Однако благодаря гибкой системе поиска по корпусу DWDS и количеству найденных словоформ, удовлетворяющих поисковому критерию, этого вполне достаточно для самостоятельного построения функции логарифмического правдоподобия (Log-

Likelihood, LL) [5], которая используется программой. Для этого необходимы такие данные: количество слов в исследуемом корпусе (N1), количество слов в референтном корпусе (N), количество найденных слов в исследуемом (T1) и референтном (T) корпусах.

Программами список ключевых слов генерируется либо при помощи функции логарифмического правдоподобия, либо критерия хи-квадрата (Chi-Square test). Основное преимущество первого метода — большая точность и универсальность применения (даже на малых количествах наблюдаемых данных) [6, 934]. Оба они (а также точный тест Фишера [7], используемый реже и для менее частотных слов) применяются для того, чтобы проверить результаты на значимость, то есть, насколько полученные результаты не являются случайностью. Общепринятым порогом для 95% уверенности считается показатель функции логарифмического правдоподобия $LL=3,84$ (одна степень свободы); для 99% уверенности он возрастает до $LL=6,63$; 99,99% уверенность появляется при значении $LL=15,13$.

Исследуемый корпус составлен нами из основных поэтических и прозовых текстов Р.М.Рильке на немецком языке ("Жертвы ларам" ("Larenopfer", 1895), "Явления Христа (Одиннадцать явлений)" ("Christus elf Visionen"), "Увенчанный снами" ("Traumgekrönt"), "Мне на праздник" ("Mir zur Feier", 1899), "Адвент" ("Advent", 1897), "Часослов" ("Das Stundenbuch", 1905), "Книга образов" ("Das Buch der Bilder, 1902, 1906), "Новые стихотворения" ("Neue Gedichte", 1907, 1908), "Реквием" ("Requiem", 1909), "Дуинские элегии" ("Duineser Elegien", 1923), "Сонеты к Орфею" ("Die Sonette an Orpheus", 1923), "Два пражских рассказа" ("Zwei Prager Geschichten", 1899), "Истории о Господе Боре" ("Geschichten vom lieben Gott", 1904), "Песнь о любви и смерти корнета Кристофа Рильке" ("Die Weise von Liebe und Tod des Cornets Christoph Rilke", 1906), "Записки Мальте Лауридса Бригге" ("Die Aufzeichnungen des Malte Laurids Brigge", (1910), "Белая княгиня" ("Die weiße Fürstin", 1904). Они представлены в виде хронологически упорядоченных (где это возможно) отдельных файлов, что исключает появление ложных результатов в конкордансере на стыке двух поэзий. Общее количество токенов — 287 744 (N1).

Существует два основных подхода к определению репрезентативности корпуса: функциональный и конститутивный. Функциональный был определен Дж.Личем с позиций отражения в корпусе особенностей той языковой разновидности, которую он представляет [8, 27]. Первым теоретиком второго подхода считается Д.Байбер, который полагает, что корпус может считаться репрезентативным в том случае, если представленные в нём образцы языка отражают всю вариативность языка в целом [9, 243]. Электронный словарь немецкого языка DWDS ("Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache") [10], в котором собраны тексты от начала XX в. разных жанров и стилей (художественная литература, специальная литература, научные тексты, газеты), находящиеся в полуконкретном доступе через веб-интерфейс. Интерфейс DWDS позволяет задавать временное окно поиска, которое мы ограничили 1900-1926 годами (годом смерти Рильке). Итого референтный корпус насчитывает 27 244 013 (N) токенов, которые отражают язык, современный исследуемому, настолько полно, насколько это возможно (а значит, вероятность различий в частотности употребления, обусловленных эпохой [11, 6-10], сведена к минимуму), таким образом, он достаточно репрезентативен для наших целей, и два корпуса подлежат сравнению.

Количество искомым слов мы продемонстрируем на примере слова "Бог" и его производных, т.к. этот концепт является константой творчества Р.М.Рильке до самой смерти, и в то же время — самым частотным существительным в корпусе (без учета деривационной группы): оно встречается 479 раз (644 (T1) раза — с ней, однако в этом случае оно уже не лидирует, самым продуктивным словом корпуса является слово "рука" (Hand) — 716 токенов).

Деривационная группа слова "Бог" в корпусе Рильке: *Gott, Gotte, Gottes, Götter, Götterbilder, götterbildermarmorweiße, Götterbildern, Götterhimmel, Göttern, Götternacken, Göttersitzen, Götterwort, gottesfrüh, Gotteshaus, Gottgebäerin, Gottgedanke, Gotthaupt, Gottheit, Göttin, göttlich, Göttlicherem, göttlichem, Göttlicherem, Göttliches, gottseligen, Gottvater, Gottwerden, Herrgott, Krieger-Gott.*

Для вычленения деривационной группы слова "Gott" в референтном корпусе DWDS мы используем следующие шаблоны поиска: $\$1=Gott*$ и $\$1=*gott*$ и суммируем их ($T=20643$). Шаблон $\$1=$ осуществляет поиск по всем формам заданной лексемы; "*" замещает любую букву либо группу букв (что позволяет искать среди композитов); два отдельных шаблона необходимы, так как в этом режиме DWDS чувствителен к регистру, и первый шаблон поиска исключает композиты, начинающиеся со слова "Gott".

Корпус DWDS содержит примерно в 25 раз большее количество тайпов в этой деривационной группе (можно учесть только отражающиеся при поиске), и они более разнообразны. Несмотря на значительную разницу в объеме, 1:100, в корпусе Рильке все равно содержатся уникальные токены: *Gottgebäerin, Gottgedanke, Gotthaupt, Gottwerden, Krieger-Gott.*

Для подсчета точного значения логарифмического правдоподобия можно воспользоваться калькулятором, любезно выложенным на сайте Ланкастерского университета ucrel.lancs.ac.uk/llwizard.html, либо, при необходимости подсчета для многих слов, создать электронную таблицу. В последнем случае формула для вычисления логарифмического правдоподобия будет выглядеть следующим образом: $LL=2*((T1*LN(T1/((N1*(T1+T))/(N1+N)))+(T*LN(T/(N*(T1+T))/(N1+N))))$, где T1 — количество найденных слов в первом корпусе, T — количество найденных слов в референтном корпусе, N1 — общее количество токенов в первом корпусе, N — общее количество токенов в референтном корпусе.

Согласно этим данным, слово "Бог" в корпусе Рильке действительно релевантно при $LL=534,43$, и это несмотря на участвовавшее употребление этого слова во взятом периоде: согласно данным DWDS, на исследуемое временное окно приходится около 40,8% всех употреблений слова за век.

Подобным образом можно определять слова-коокуренты искомого слова (с возможным последующим построением концептуальной сети), с тем отличием, что референтным корпусом будет составленный нами корпус Рильке, а исследуемым — конкорданс исследуемого слова с окном в 80 или 100 знаков справа и слева от него. Нами было установлено, что именно такое окно обеспечивает наилучшие результаты.

Литература

1. Hunston S. Corpora in applied linguistics. — Cambridge University Press, 2002.
2. Tribble C. Practical uses for language corpora in ELT // A special interest in computers: Learning and teaching with information and communications technologies. — 2000.
3. Scott M. WordSmith tools version 6. — Liverpool: Lexical Analysis Software, 2011.
4. Anthony L. AntConc: A learner and classroom friendly, multi-platform corpus analysis toolkit // proceedings of IWLeL. — 2004. — С. 7-13.
5. Rayson P., Garside R. Comparing corpora using frequency profiling // Proceedings of the workshop on Comparing Corpora. — Association for Computational Linguistics, 2000. — С. 1-6.
6. Rayson P., Berridge D., Francis B. Extending the Cochran rule for the comparison of word frequencies between corpora // 7th International Conference on Statistical analysis of textual data (JADT 2004). — 2004. — С. 926-936.
7. Weeber M., Baayen R. H., Vos R. Extracting the lowest-frequency words: Pitfalls and possibilities // Computational Linguistics. 2000. — Т. 26. — Ж 3. — С. 301-317.
8. Leech G., Garside R. Running a grammar factory: the production of syntactically analysed corpora or treebanks // Johanson and Stenström. — 1991. — С. 15-32.
9. Biber D. Representativeness in corpus design // Literary and linguistic computing 8.4. — 1993. — С. 243-257.
10. Geyken A. The DWDS corpus: A reference corpus for the German language of the 20th century // Collocations and Idioms. — 2007.

Власова О.Б.

Доцент, кандидат филологических наук, Тверской государственный университет

СЛОВО «ЕЩЁ»: СТЕРЕОТИПЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Аннотация

Статья посвящена вопросам разграничения неизменяемых частей речи, не имеющих аффиксов, которые бы формально закрепляли смысловые различия. В центре внимания автора слово «ещё», наречные значения которого, вопреки словарной информации, вызывают обоснованные сомнения. Исследование проводится на материале современного русского языка.

Ключевые слова: наречие, частица, морфема, аффикс, префикс, семантика.

Vlasova O.B.

Associate professor, PhD in Philology, Tver' State University

THE WORD «ЕЩЁ»: STEREOTYPES AND REALITY

Abstract

The article deals with the formation of the evaluative component of peripheral motivation derivatives which are characterized by idiomativeness of semantics. The author takes into account affixal derivatives with the implanted assessment. The research is conducted on the material of the modern Russian language.

Keywords: adverb, particle, morpheme, affix, prefix, semantics.

Наречие представляет собой часть речи, не имеющую никаких форм словоизменения, в которых бы отражались бы синтаксические связи слов. Ему не свойственно ни склонение, ни спряжение. Отсутствие форм словоизменения и грамматических аффиксов осложняет разграничение наречий и иных неизменяемых частей речи, в частности, предлогов и частиц. При решении этого вопроса опираться приходится только на особенности значения, синтаксическую функцию порядок слов и логическое ударение, что не всегда дает возможность уверенного ответа [1;2].

Проиллюстрировать данную ситуацию можно на примере слова *ещё*, которое, по данным словаря Ожегова, имеет 5 наречных значений: 1. нареч. *Опять, в добавление. Приходи ещё. Поешь ещё.* 2. нареч. *Уже, в прошлом. Уехал ещё неделю назад.* 3. нареч. *До сих пор, пока. Ещё не приходил. Нет ещё.* 4. нареч. *Указывает на наличие достаточного времени, условий для чего-н. Ещё успею на поезд. Ещё молод.* 5. нареч. *при сравн. ст. В большей степени. Ещё добрее* [3]. Из перечисленных значений слова *ещё* только одно – пятое значение – не вызывает возражения. Значение, вопрос (в какой степени?) и обстоятельственная функция соответствуют определению **наречий степени**. В остальных случаях наречный статус слова *ещё* не так однозначен, как может показаться на первый взгляд.

Несмотря на то что первое значение слова *ещё1* в словаре Ожегова позиционируется как наречное, безусловному признанию наречного статуса мешает невозможность постановки обстоятельственного вопроса: *приходи* (когда? как?) *ещё*, *поешь* (когда? как?) *ещё*. Для разрешения сомнений полезно обратиться к анализу оттенков значения *ещё1*.

В словаре Ожегова значение слова *ещё1* определяется через синонимы: *опять, в добавление* [3]. Словарь синонимов расширяет этот список: *ещё раз, снова, вторично, паки, вдобавок, к тому же* [4]. Однако при внимательном взгляде на словарную дефиницию и примеры к ней можно заметить, что значение слова *ещё1* неоднородно. Так, в контексте *приходи ещё* (аналогично: *напиши ещё, прочитай ещё, прыгни ещё*) слово *ещё1* близко по значению слову *опять, снова, повторно, ещё раз*, т.е. имеет значение повторного совершения действия. Повтор действия может быть осуществлен в неопределенном будущем: *приходи ещё (когда-нибудь)* или сразу же: *прочитай ещё*. При изменении порядка слов значение повторности сохраняется: *напишу ещё – ещё напишу; приходи ещё - ещё приходи*. Заметим, что неперемное условие употребления слова *ещё1* в значении повторного действия – его ударная позиция: *Напишу ещё* (ещё раз). Если ударение падает на глагол (*напишу ещё, поборемся ещё*), слово *ещё* призвано подчеркнуть, что время или возможность для выполнения действия ограничены, но говорящий верит в успех. Данное значение слова *ещё* описано в статье как *ещё4: мы ещё поездим – мы поездим ещё*.

Значение слова *ещё1*, связанное с синонимами *опять, снова, в другой раз*, традиционно называемыми наречиями, свидетельствует в пользу наречия. Вместе с тем значение повторного действия не является разновидностью значения времени или образа действия. Подтверждением этого является невозможность постановки вопроса к слову *ещё1*. К примеру, если в конструкции *приходи ещё* от глагола *приходи* поставлен временной вопрос (когда?), говорящий ждет уточнения времени встречи. В таком случае уместен ответ *завтра, через неделю*, но не *ещё*. Если к высказыванию *приходи ещё* поставлен вопрос образа действия (как?), каким образом?), возможен ответ *нешком или с докладом и т.п.*, но опять-таки не *ещё*.

Судя по данным словаря (1. нареч. *Опять, в добавление. Приходи ещё. Поешь ещё*)[3], слово *ещё1* может означать не только повтор действия, но и его продолжение, возобновление, например: *поешь ещё, поспи ещё, подумай ещё, дай мне ещё поспать*. Если в контексте присутствует существительное, слово *ещё1* наряду со значением повторного действия выражает идею увеличения количества объектов (*вдобавок*): *Дай мне ещё яблоко*.

При интерпретации высказываний, включающих в себя слово *ещё1* в значении *вдобавок*, нужно учитывать ударение. Так, если в контексте *Дай ещё яблоко* ударение падает на *ещё*, это означает, что ранее были даны тоже яблоки. Если в контексте *Дай ещё яблоко* ударение падает на *яблоко*, это означает, что ранее были не яблоки, а, например, груша или хлеб. Заметим, что к слову *ещё1* в обоих случаях обстоятельственный вопрос задать нельзя, что также доказывает статус частицы.

Вопрос о частеречном статусе слова *ещё1* остается, таким образом, подвешен. Либо мы остаемся при мнении, что это **наречие** со значением повторного действия, считая это значение разновидностью образа действия и принимая как данность сложность (даже невозможность) постановки вопроса. Либо все же говорим о том, что перед нами смысловая **частица**. Если частицы могут иметь значение начала действия (*ну поводить плечами*), почти состоявшегося действия (*почти упал*), почему в таком случае не быть частицам со значением повторного или добавочного действия?

Второе словарное значение слова *ещё2* в словаре Ожегова также позиционируется как наречное и определяется через синонимы: 2. нареч. *Уже, в прошлом. Уехал ещё неделю назад* [3]. Вместе с тем анализ примера *Уехал ещё неделю назад* показывает, что значение времени выражается не словом *ещё2*, а существительным с предлогом: *Уехал (когда?) неделю назад*. Промежуток времени может называться также наречием (*уехал зимой*). Помимо того, что слово *ещё2* в контекстах типа *уехал ещё в прошлом году, уехал ещё зимой* не имеет значения времени, оно не образует словосочетания с глаголом (ср.: *уехал ещё – уехал зимой*) и не отвечает на вопрос: *уехал (когда?) ещё*. В этом смысле *ещё2*, скорее, можно оценивать как усиленную **частицу**, означающую, что промежуток времени от момента совершения действия до момента речи субъективно большой. *Уехал ещё вчера, в прошлом году* – для говорящего событие было давно.

Третье словарное значение слова *ещё3* в словаре Ожегова позиционируется как наречное и определяется через синонимы: 3. нареч. *До сих пор, пока. Ещё не приходил. Нет ещё* [3]. Словарь синонимов расширяет этот перечень: *все, все ещё, пока, до сих пор*[4]. Слова *пока* и *до сих пор*, традиционно называемые наречиями, свидетельствуют в пользу того, что слово *ещё3* также является наречием. Однако, несмотря на давление традиции и словарной информации, безусловному признанию слова *ещё3* как

наречия мешает несуразность обстоятельного вопроса: *не приходил (Когда?) ещё*. Для разрешения сомнений опять требуется анализ контекстов.

Заметим для начала, что в значении *до сих пор, пока* слово *ещё* употребляется в конструкциях с отрицанием и без. При этом в утвердительных конструкциях возможен только НСВ (*ещё читаю*), а в конструкциях с отрицанием используются глаголы любого вида (*ещё не читал* и *ещё не прочитал*). Заметим, что и в этих случаях слово *ещё* на временной вопрос не отвечает. Для определения значения уместно сравнить контексты с *ещё* и без него: *Я читаю – я ещё читаю*: в обоих примерах называется действие, не законченное до момента речи. *Я не читал – я ещё не читал*: в обоих примерах называется действие, не начатое до момента речи. *Я не прочитал – я ещё не прочитал*: в обоих примерах называется действие, не законченное до момента речи. Временными оттенками значения контексты не различаются, а это значит, что слово *ещё* значения времени не имеет. Как представляется, задача слова *ещё* – привлечь внимание к несоответствию реальности ожидаемому: *Я ещё не читал* – действие к моменту речи вопреки ожиданию не начато; *я ещё читаю книгу, я ещё не прочитал* – действие к моменту речи вопреки ожиданию не завершено.

Помимо глагола, в конструкциях со словом *ещё* могут быть и атрибутивные глагольные формы. При этом в конструкциях с причастием значение *ещё* такое же, как в глагольных контекстах – привлечь внимание к несоответствию реальности ожидаемому, например: *ещё читающий книгу, ещё не читавший книгу, ещё не прочитавший книгу*. В конструкциях с деепричастием НСВ *ещё* позволяет привлечь внимание к несоответствию реального и субъективного времени, т.е. увеличить в субъективном ощущении промежутков времени между моментом речи и моментами совершения действий, названных глаголом и деепричастием. Например, *Читая книгу, он начал делать записи – Ещё читая книгу, он начал делать записи*: в обоих примерах называется действие (*читая*), совпадающее по времени с другим действием (*делать записи*). Слово *ещё* позволяет подчеркнуть, что промежуток времени между двумя действиями и моментом речи воспринимается говорящим как значительный. В конструкциях с деепричастием СВ слово *ещё* также встречается: *Не прочитав книгу, он сделал вывод – Ещё не прочитав книгу, он сделал вывод*. В обоих примерах называется действие (сделал вывод), опережающее другое действие (*не прочитав*). Слово *ещё* подчеркивает, что этого опережения быть не должно.

Таким образом, вопрос о частеречном статусе слова *ещё*, как и *ещё*, остается дискуссионным. Либо мы игнорируем невозможность постановки временного вопроса и остаемся при мнении, что это наречие со значением времени. Либо все же соглашаемся с тем, что перед нами модальная частица, выражающая отношение говорящего к реальности.

Слово *ещё* в четвертом словарном значении позиционируется как наречие времени: *4. нареч. Указывает на наличие достаточного времени, условий для чего-н. Ещё успею на поезд. Ещё молод* [3]. Признанию наречного статуса слова *ещё*, как и в предыдущих случаях, мешает невозможность обстоятельного вопроса: *успею на поезд (когда?) ещё; молод (когда?) ещё*. Как видно из примеров, *ещё* уместно при глаголе. Уточнить сказанное можно следующим наблюдением: слово *ещё* употребляется в утвердительных конструкциях с глаголом СВ будущего времени: *ещё успею, ещё поборемся*. Для сравнения: *ещё* употребляется в утвердительных конструкциях с НСВ: *ещё читаю*. Анализ контекстов с глаголом позволяет увидеть, что слово *ещё* нужно, чтобы подчеркнуть ограниченность времени или возможностей для выполнения действия и одновременно позволяет выразить идею веры в успех. *Ещё* употребляется также с прилагательными: *ещё молодой, ещё новый*. В этом случае задача *ещё* подчеркнуть, что называемый признак не постоянный, а временный и время, отведенное для него, истекает, уступая место другому признаку: *ещё молодой* – скоро его возраст будет характеризоваться иначе. Как видим, и в случае с *ещё* можно подвергнуть сомнению наречный статус.

В целом, вопрос о части речи слова *ещё* остается на сегодняшний день дискуссионным. Ясно одно: безусловное, основанное на традиции признание слова *ещё* как наречия требует критического переосмысления.

Литература

1. Слово «да» в современном русском языке. Вестник Твгу, №19, 2013. С.135-142.
2. Власова О.Б. Формообразующие частицы и их двойники. Международный научно-исследовательский журнал ISSN 2303-9868. www.research-journal.org Ч.2. 5(5) 2012. С.70-71.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.,1989.
4. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М.,1994.

References

1. The word "yes" in modern Russian. Bulletin of TSU, №19, 2013. P.135-142.
2. Vlasova O.B. Formative particles and their counterparts. International Research Journal ISSN 2303-9868 .www.research-journal.org Part2. 5(5), 2012. P.70-71.
3. Ozhegov S.I. Russian dictionary. M.,1989.
4. Abramov N. Dictionary of Russian synonyms and similar expressions. M., 1994.

Исупова С.М.

Кандидат филологических наук, Вятский государственный университет

ТЕКСТ КАК ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК НЕРОДНОМУ

Аннотация

Статья раскрывает особенности работы с художественным текстом в процессе преподавания русского языка как неродного. Художественный текст является наиболее сложным видом учебного материала, однако именно он выступает источником языковых знаний для иностранных учащихся, работа над анализом текста – важнейший момент обучения русскому языку учащихся – инофонов.

Ключевые слова: текст, лингводидактическая единица, мотивация, анализ, язык.

Isupova S. M.

Candidate of philological Sciences, Vyatka state University

THE TEXT AS A DIDACTIC UNIT OF LEARNING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Abstract

The article reveals the peculiarities of working with artistic text in the process of teaching Russian as a foreign language. The artistic text is the most difficult type of educational material, but it is the source language for foreign students, work on the analysis of the text is the most important moment of learning Russian students – infonow.

Keywords: text, didactic unit, motivation, analysis, language.

Комплексный подход к рассмотрению фактов и явлений языка на материале художественного текста является важным моментом для обучения русскому языку как неродному. Художественный текст обладает мощным лингводидактическим потенциалом, смысловое восприятие средств его языкового выражения помогает изучающему язык освоиться в новом языковом пространстве. Слово – основная единица обучения иностранному языку. Многие слова вне текста имеют конкретное лексическое значение, соответствующее понятию другого языка, но под влиянием контекста они приобретают множественное смысловое значение. Лингводидактический принцип является основным принципом отбора художественных текстов для иноязычной аудитории, так как соответствие текста лексико-грамматическим нормам разного уровня владения русским языком делает

материал более доступным для восприятия учащимися-инофонами. В настоящее время делается акцент и на изучение языка в контексте с духовной и практической деятельностью человека, поэтому работа по анализу текстового материала является одним из способов овладения национальной культурой. «Художественный текст представляется уникальным материалом при обучении русскому языку, так как наиболее комплексно, во взаимосвязи все задачи обучения языку решаются в процессе работы именно над текстом» [3, с.86]. Ценность художественных текстов заключается в комплексном решении языковых, воспитательных и культуроведческих задач, в обучении речевой деятельности иностранных учащихся. Являясь лингводидактической единицей обучения русскому языку как неродному, текст должен быть эмоциональным, образным, информационным.

Для того чтобы прочувствовать текст, читателю необходимо понять, о ком идет речь, какое событие описано, где все происходит и когда. Это все компоненты ситуации текста. Целесообразно при обучении русскому языку как неродному разделить текст на фрагменты, каждый из которых отражает определенную мини-ситуацию, выделить для каждой ситуации ключевые единицы текста, являющиеся ключом для постижения смысла художественного произведения. Очень интересна методическая разработка урока русского языка как неродного Н.В.Кулибиной [3,с.27]. На примере стихотворения Ф.Тютчева, состоящего всего из четырех строчек, рассматривается философская глубина и смысловая структура каждой текстовой единицы. События стихотворения описываются читателями с предложно-падежными компонентами. В стихотворении «Умом Россию не понять» два субъекта: Россия и человек, образы которых надо осмыслить. Время-бесконечность, чему помогают глагольные формы, не имеющие временной характеристики. Ключевые текстовые единицы позволяют четко структурировать аудиторную работу над текстом, являются единицами обучения, их понимание становится основой понимания всего текста. Каждое слово, даже знак несут в тексте информацию, которая помогает понять оттенки общего смысла, поэтому необходимым является не только исследование языковых и смысловых значений единиц текста, но и обобщение наблюдений, создание атмосферы творчества. Эта работа идет уже не на понятийном уровне, а на уровне представлений, который обеспечивает полноту восприятия текста. Аудиторная работа над текстом предполагает непосредственное восприятие художественного произведения, далее следует процесс понимания смысловой структуры текста, его воспитательное значение. Анализ текста с использованием интерпретаций помогает также понять смысл произведения, увидеть, как языковые средства создают образ. Н.С. Болотнова интерпретационную деятельность определяет как вторичную коммуникативную деятельность, цель которой – понимание глубинного смысла художественного произведения и его эстетической сущности [1, с.45]. Текст является и средством мотивации для изучения русского языка, выступает источником языковых знаний и материалом для повышения коммуникативной деятельности.

В процессе работы над текстом учащиеся используют свои лексические и грамматические знания, тренируют языковые навыки, осуществляется практика по всем видам речевой деятельности. При анализе трудных фрагментов текста необходимы задания с использованием мыслительных стратегий и инструкций, которые покажут, как действовать в сложных ситуациях. Анализ текста в иноязычной аудитории целесообразно вести в соответствии с взаимосвязанными структурами категории основных образов, определив общую схему анализа «идея–композиция–образ–язык». Восприятие языка произведения будет в этом случае образно обогащенным. В анализе текста выделяется три аспекта. Первый аспект анализа имеет своим объектом основное содержание произведения или его фрагмента, помогает понять авторский замысел, получить представление о характере и способе воплощения идеи в образы. Второй аспект – изучение композиционной структуры произведения, понимание основного принципа организации текста и системы образов. Третий аспект – исследование системы речевых изобразительных средств, анализ избирательных доминант. Учащиеся-инофоны должны наглядно представить, как благодаря взаимодействию языковых средств создается языковая оболочка русского литературного языка. Выявление смысловой структуры языковых единиц, целостное понимание текста, развитие образного мышления, постижение богатства и выразительности русского языка – обязательные задачи преподавателя во время работы над текстом в иноязычной аудитории.

Литература

1. Болотнова Н.С. Текстовая деятельность на уроках русской словесности: методики лингвистического анализа художественного текста: Методическое пособие. –Томск: UFO-Press, 2002.- 64с.
2. Старченко Г.Н. Художественный текст как лингводидактический объект/ Актуальные проблемы филологии: материалы междунар. науч. конф.- Пермь: Меркурий, 2012.- с.86-88.
3. Кулибина Н.В. Читаем по-русски. Книга для учителя. Рига: RETORIKA A, 2008.- 128с.

References

1. Bolotova N. With. Textual activity at lessons of Russian literature: methods of linguistic analysis of literary text: a Methodological guide. -Toms: UFO-Press, 2002.-64s.
2. Starchenko, N. Artistic text as didactic object/ Actual problems of Philology: proceedings of the Intern. scient. Conf.- Perm: Mercury, 2012.- s. 86-88.
3. Kulibin N. In. Read in Russian. Book for teachers. Riga: RETORIKA A, 2008.- 128 s.

Манина А.Р.

Соискатель ученой степени кандидата наук, Башкирский Государственный Университет

АНТРОПОМОРФНЫЕ МЕТАФОРЫ ГРУППЫ «БОЛЕЗНЬ» В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ НЕФТЕГАЗОВОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЕ

Аннотация

В статье предлагается понятийная классификация субстантивных антропоморфных метафор, входящих в английскую нефтегазовую терминосистему. Классификация имеет сложную иерархическую структуру, в которой человек как "источник" метафоризации представлен в виде биологического существа. Исследование раскрывает различную степень аттрактивности различных элементов понятийной системы человека при создании технических терминов антропоморфного типа.

Ключевые слова: понятийная классификация, антропоморфная метафора, когнитивная структура, техническая терминосистема, нефтегазовая сфера.

Manina A.R.

Candidate of science degree, Bashkir State University

ANTHROPOMORPHIC METAPHORS OF THE GROUP "DESEASE" IN ENGLISH OIL AND GAS TERMINOLOGY

Abstract

The article brings forward a notional classification of substantival anthropomorphic metaphors belonging to the sphere of oil and gas terminology. The classification has a complicated hierarchic structure. It represents man – the source of metaphorization – as a biological being. The investigation reveals that different elements of the "source" have various degrees of attraction in the process of creation of anthropomorphic metaphors.

Keywords: notional classification, anthropomorphic metaphors, cognitive structure, technical terminology, the sphere of oil and gas.

Изучение проблемы антропоморфной метафоры в настоящее время очень актуально, поскольку она представляет собой феномен, онтологически связанный с человеком и языком, отражает взаимообусловленность мышления с особенностями языковой реализации. Так как современная терминология различных областей знания представляет собой один из самых активно

пополняемых пластов языка, объектом нашего исследования послужила терминология нефтегазовой промышленности. терминологическая система которой продолжает динамично расширяться.

Целью данной статьи является изучение метафор-антропоцентризов, относящих к группе «БОЛЕЗНЬ», внутри которой анализируются нефтегазовые термины понятийной сферы болезни. В антропоморфных метафорах, относящихся к терминсистеме такой бурно развивающейся области как нефтегазовая отрасль, часто актуализируется анатомия человека. Так как медицина исторически представляет собой область знания, объектом изучения которой является человек, здоровый и больной, она является источником антропоморфных номинаций в терминологии многих научных сфер. В области нефти и газа распространенность таких терминов также достаточно высока.

В терминологии нефтегазовой промышленности часто встречается когнитивная модель образования метафор МАШИНА – ЭТО ЧЕЛОВЕК [1, 87]. Проводя аналогию между механизмом и человеком, необходимо помнить, что время от времени любой организм атакуют разного рода инфекции и болезни, требующие лечения. В схеме МАШИНА – ЭТО БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ реализуется смысл развития рабочей ситуации разрушения или повреждения техники, аппаратуры, инструментов. Частотное использование антропоморфных номинации, принадлежащих к метафорической модели «нефтегазовое оборудование – это больной организм» (127 единицы), по нашим наблюдениям, акцентирует внимание на неполадках, технике, вышедшей из строя, расстройствах в работе системы, не годных к использованию или действию объектах. При их характеристике ставятся различные диагнозы «больному телу» технического оборудования. Так, различные болезни служат здесь источником метафорического переноса с основанием СОСТОЯНИЕ ОТКЛОНЕНИЯ ОТ НОРМЫ:

Ill (больной, нездоровый)

ill – больной → *ill-conditioned* – имеющий параметры, не соответствующие требуемым (о буровом растворе).

Disease (болезнь)

disease – болезнь → *disease* – неисправность.

Infection (инфекция, заражение; инфекционное заболевание)

infection – инфекция → *infection* – разъедающее влияние (продуктов коррозии).

Новообразования в тканях организма человека также относятся к заболеваниям, которые проявляются, как вздутия, припухлости каких-либо органов тела или наросты. В терминах нефти и газа основанием для переноса в этой подгруппе становится ПАТОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕНЕНИЕ ФОРМЫ:

Swelling (опухоль)

swelling – опухоль → *box swelling* – деформация муфты буровой трубы; *clay swelling* – набухание глин.

Montmorillonite is a mixed layer clay characterized by susceptibility to isomorphous substitution in the tetrahedral layer and swelling due to introduction of water. (Монтмориллонит – это пласт смешанных пород, характеризующийся восприимчивостью к изоморфному замещению в четырехгранном пласте и набуханием вследствие поступления воды.)

Knob (шишка; нарост)

knob – шишка → *knob* – 1) ручка; рукоятка 2) кнопка; *adjusting knob* – регулировочная головка.

Дополнительным основанием метафоризации в рассмотренных случаях является признак ВНЕШНЕГО ВИДА: округлый, выпуклый объект.

Разного рода **травмы и увечья** представляют собой повреждение организма или отдельных его частей, частично или полностью лишаящее человека трудоспособности. По аналогии с человеческим телом, нефтегазовое оборудование под воздействием внешних деструктивных факторов временно теряет «способность трудиться». В данной подгруппе прямое и переносное значения связаны признаком нарушения функционирования части объекта или системы. Другими словами, основанием метафоризации является ФИЗИЧЕСКОЕ ПОВРЕЖДЕНИЕ, вызванное внешним воздействием:

Injury (рана, ушиб)

injury – рана → *injury* – повреждение; *injured well* – поврежденная скважина.

Fracture (перелом; трещина; разрыв мягких тканей)

fracture – перелом → *single hydraulic fracturing* – однократный гидравлический разрыв; *stress corrosion fracture* – коррозионно-механическое разрушение.

Loss of circulation occurs when drilling with drilling muds or treated water through rock formations that have fractures or large interconnected pores or vugs. If these features are sufficiently large and are not already filled with formation fluids, then as drilling progresses the drilling fluid that had been flowing to the surface in the annulus can be diverted into these fractures or pore structures. (Потеря циркуляции имеет место в случае бурения при помощи бурового раствора, либо очищенной воды, пропущенной сквозь горную породу, имеющую трещины или большие связанные поры и пустоты. Если данные особенности достаточно велики и еще не заполнены пластовыми флюидами, тогда, по ходу бурения, буровой раствор на поверхности кольцевой зоны вокруг скважины можно направить в эти системы трещин или пор.)

Основанием метафоризации в приведенных примерах является не просто повреждение, а нарушение целостности объекта.

Stump (обрубок; культя, ампутированная конечность)

stump – ампутированная конечность → *stump* – затуленный бур.

В этом случае метафоризация также объясняется внешним сходством объектов в результате деструктивного воздействия извне.

Таким образом, метафорическая модель, актуализирующая смысл, связанный со сферой-источником «болезнь», является достаточно продуктивным инструментом создания номинаций нефтегазовой промышленности. Представленные метафоры в основном эксплицируют негативные ассоциативные признаки, связанные с нездоровьем, неестественным, патологическим функционированием или состоянием (нефтегазового оборудования). Частотность использования метафор с исходной понятийной сферой «больной организм» акцентирует внимание на неполадках, неисправностях оборудования, аппаратуре или технике вышедшей из строя, ремонтных работах и деятельности по восстановлению работоспособности технического обеспечения. Основанием при создании данных метафорических номинаций послужило: 1) сенсорное (визуальное) восприятие – признак внешней формы; 2) моторно-двигательное восприятие – сходство по функции, состоянию. Анализ свидетельствует о преобладании моторно-двигательного восприятия.

Литература

1. Азнабаева Л.А. Антропоцентризм в мышлении и языке. – Уфа, 2010. – 124с.

References

1. Aznabaeva L.A. Antropocentrizm v myshlenii iazyke. – Ufa, 2010. – 124s.

Толочко О. Я.

Преподаватель, Львовский национальный университет имени Ивана Франко
ФАКТОРЫ ЭКСПРЕССИВНОСТИ ДИВЕРГЕНТНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ С ИНВЕРСИЕЙ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ (СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ) (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО, УКРАИНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Аннотация

В статье исследованы дивергентные синтаксические модели с инверсией в разноструктурных языках, а также рассмотрены параметры экспрессивности инверсионных синтаксических структур в художественных текстах в близкородственных языках.

Ключевые слова: инверсия, экспрессивность, синтаксическая модель, художественный текст.

Tolochko O. Ya.

Lecturer, The Ivan Franko National University of Lviv

FACTORS OF EXPRESSIVENESS OF THE DIVERGENT SYNTACTIC MODELS WITH INVERSION IN THE BELLES-LETTERS TEXTS (CONTRASTIVE ANALYSIS) (AS BASED ON THE ENGLISH, UKRAINIAN AND RUSSIAN SAMPLES)

Abstract

The article elucidates divergent syntactic models with inversion in the non-cognate languages concentrating attention on the factors of expressiveness of the inverted structures in the belles-lettres texts of the non- closely-cognate languages.

Keywords: inversion, expressiveness, syntactic model, belles-letters text.

Сопоставительное исследование стилистических категорий художественных текстов близкородственных и неблизкородственных языков не утратило **актуальности** в современной лингвистике. Особое внимание нами уделено **инверсии** как категории стилистического синтаксиса. Е.М. Образцова указывает ряд характеристик в результате анализа двусоставного простого повествовательного предложения в сопоставляемых языках, среди которых: *общность*: (а). базисных структурно-синтаксических моделей; (б). способов осложнения (развертывания) данных моделей; (в). зависимости частотности употреблений и инвертирования элементов высказывания в зависимости от степени сложности модели их построения; (г). фиксированного или произвольного характера размещения элементов предложения согласно иерархии межэлементных отношений; (д). зависимости позиции элементов высказывания от их обязательного или факультативного статуса, а также способа выражения; *межъязыковые отличия*: (1). количества модельных вариантов синтаксической структуры высказываний; (2). возможности / невозможности комплемента в позиции между подлежащим и лично-глагольным компонентом без разрушения структуры предложения; (3). количества употреблений вариантов инверсии [6, 12-13]. Сопоставление синтаксических систем английского, украинского и русского языков свидетельствует о большей функциональной зависимости принципа «линейного развертывания элементов» в английском предложении, поскольку порядок слов определяет как саму структуру предложения, так и его синтаксический тип. В славянских языках характер линейного развертывания членов предложения в языковой цепочке не имеет первостепенной значимости. Синтаксическая позиция определенного элемента в английском предложении, его положение относительно других компонентов является весьма существенным фактором формирования синтаксических отношений в пределах предложения как структурной единицы. Особенности синтаксических систем сравниваемых языков также объясняются разной ролью синтаксической связи между элементами предложения. Противопоставление так наз. «фиксированного» порядка слов английского языка и «свободного» словопорядка украинского и русского языков относительно, поскольку на практике порядок слов в славянских языках ограничивается множеством факторов. Потенциальное разнообразие моделей реализуется далеко не всегда. Кроме этого, следует учитывать не только грамматический, но и коммуникативный фактор, который влияет на выбор необходимой модели согласно речевой ситуации. Выбор модели также обусловлен актуальным членением, которое, в свою очередь, определяется логическим строением предложения, во многом зависящим от контекстуальных факторов [1, 305-306]. Н.Д. Арутюнова утверждает, что предложение – основное средство выражения «фактообразующего знания». Предложение автономно в мере его совпадения с высказыванием. Изучение каждого типа значения требует анализа его взаимодействия с другими значениями, в частности обслуживающими это значение предикатами. Синтаксическая структура также может быть создана посредством топикализации (тематизации) фактообразующего значения. Тематизация фактообразующего значения достигается инверсией модуса и препозиции, составляя один из источников предикатов. Такие предикаты главным образом соответствуют семантике модуса или пропозиционального отношения (установки). Между этими категориями, все же, существуют различия. Пропозициональное отношение отличается по своей способности установить связь между говорящим и пропозицией. Модус переносит «центр тяжести» на постулируемое говорящим отношение содержания высказывания к действительности [3, 408]. Чешский лингвист К. Фиала считает, что на уровне синтаксиса в предложении довольно успешно сочетаются все так наз. «синтаксические предположения», таким образом обеспечивается «синтаксической завершенности». Заканчивая одно предложение и начиная следующее, говорящий делает выбор «прервать все процессы синтаксического развертывания»; следующее предложение развертывается параллельно предыдущему. Предыдущий контекст может быть включен несколькими способами: (1). информация из предыдущего контекста включается эксплицитно с помощью элементов морфологического и синтаксического уровней посредством повтора или противопоставления; (2). информация выражается с помощью анафорической фразы-соединителя или другими способами; (3). информация, передаваемая так наз. «негативным способом» – ее упущением в синтаксическом строении предложения; (4) информация переносится из предыдущего предложения как тема («супертема»), «вспомогательная тема», обособленная именная фраза (их синтаксическая функция в пределах контекста не уточняется). Тема является необходимой, если реципиент не воспринимает предыдущего контекста, входящего в предложение. Семантическое соотношение между предложениями отличается по крайней мере по двум параметрам: (а). плотностью синтаксических связей; (б). сокращением контекста. Само содержание текста по своей синтаксической структуре рассматривается как «макропредложение», имеющее свою «графическую репрезентацию межреферентных соотношений». Таким образом определяются наиболее подходящие соединительные элементы. Структура так наз. «абстрактной макроструктуры» подвергается постоянным изменениям в процессе построения текста. Вышеизложенное, однако, в некоторой мере противоречит «принципу планирования текста» [15, 383-385]. Польский языковед И. Калужа (I. Kałuża) связывает данную проблему с так наз. «девиантными предложениями», которые, все же, не должны нарушать принципы семантической системы языка и подлежать семантической интерпретации [16, 93-103]. В.Н. Ярцева указывает на тесную связь грамматического и лексического уровней языка, поскольку полнота исследования достигается только с учетом всех связей в рамках целостной языковой системы [14, 43-47]. Сравнение языковых элементов предусматривает показ параметров сходства отдельных элементов системы сопоставляемых языков на фоне их отличительных характеристик [14, 41].

There was a feeling of horror, a kind of bristling in the darkness, a sense of blood. They lay with their hearts in the grip of an intense anguish. The wind came through the tree fiercer and fiercer. All the cords of the great harp hummed, whistled, shrieked. And then came the horror of sudden silence, silence everywhere outside and downstairs. What was it? Was it a silence of blood? [22, 60]. В приведенном дискурсе инверсия является не только средством эмфазы значимых элементов контекста метафорических конструкций *a feeling of horror and a sense of blood*, но и создания эмотивно-образного наполнения части текста. Эффект эмоционального воздействия достигается с помощью образных элементов. Это обеспечивается посредством метафорических конструкций *their hearts in the grip of an intense anguish, the cords of the great harp hummed, whistled, shrieked*, а также простого предложения с повторением

адвербиального компонента *The wind came through the tree fiercer and fiercer*. Последующее инверсионное предложение с метафорическим словосочетанием *the horror of sudden silence* в роли ремы, его дальнейшее повторение, а также употребление существительного *silence* в структуре ингерентно экспрессивной фразы *a silence of blood* (как компонента одного из риторических вопросов *Was it a silence of blood?*) свидетельствуют о напряженности эмоционального состояния героев произведения и трагизме изображаемой художественной действительности. Значимыми в смысловой структуре повествования являются лексемы *horror* (“a painful emotion compounded of loathing and fear, a shuddering with terror and repugnance” [19, vol. 1, 836] и *anguish* (“mental suffering, pain or grief”) [19, vol. 1, 71-72], актуализируя концепты ‘СТРАХ’ и ‘ТОСКА’, которые ассоциируются с ненавистью, стеснением сердца, беспокойством [8, 894-896]. Факторы экспрессивного потенциала синтаксических моделей (в нашем случае инверсионных конструкций) важно учитывать, поскольку «вербализированные эффекты», как никакие другие эмоции, способны раскрыть «семантический мир коммуникантов». В речевом общении экспрессивная коммуникация определяется как специфическое коммуникативно-прагматическое намерение говорящего. Последнее в полной мере относится и к художественному дискурсу, поскольку писатель сознательно использует определенные экспрессивные элементы (в нашем случае разные модели инверсионных конструкций) (*O.T.*) из обширного фонда средств, представленных на разных языковых уровнях для целенаправленного воздействия на читателя – формирования определенного восприятия текста. Экспрессивность коммуникативная по своему характеру, т.е. имеет «сообщительную значимость» [12, 133-134].

Цель статьи состоит в исследовании дивергентных синтаксических моделей с инверсией в разноструктурных и языках, а также рассмотрении параметров экспрессивности инверсионных синтаксических структур художественных текстов в близкородственных языках.

Объект исследования – контексты с дивергентными инверсионными синтаксическими моделями в разноструктурных и близкородственных языках.

Предмет исследования – факторы экспрессивности дивергентных синтаксических моделей с инверсией в художественных текстах в разноструктурных и близкородственных языках.

Материал исследования включает произведения английской, украинской и русской художественной прозы XX века: “Sons and Lovers” («Сыновья и любовники») Д.Г. Лоуренса, «Чотири броди» («Четыре брода») М. Стельмаха и «Прощание с Матерой» В. Распутина, объединенные реалистическим воссозданием широкой эпической картины народной жизни эпохи, реалистичным изображением характеров жителей маленького городка и деревни. Показ деревенской жизни занимает особое место в истории славянских литератур. И.М. Чиканникова обосновывает ряд причин обращения к этой теме, а именно – социальные, экономические, политические, историко-культурные [11, 8]. Три произведения объединяет общий мотив бедственного положения и трагизма судьбы их героев.

В.Д. Аракин, рассматрив типологию предложения в разноструктурных языках (английский и русский), выдвинул критерии определения типов повествовательных предложений: (1). состав предложения (односоставные / двусоставные) (2). место сказуемого в предложении (в начале / в середине / в конце); (3). согласование / несогласование сказуемого с подлежащим; (4). препозиция / постпозиция определения к определяемому; (5). фиксированный / нефиксированный порядок слов. Лингвист утверждает, что указанные критерии образуют устойчивую совокупность признаков, которые могут быть положены в основу понятия «предложение как единица сопоставления». Порядок слов (инверсия как его особый тип) составляют важную категорию в системе бинарного сопоставления английского и русского языков, указывая на ее разный экспрессивный потенциал в сопоставляемых языках [2, 176]. В процессе сопоставления грамматических систем украинского и русского языков установлено, что структурные схемы строения двусоставных предложений (в частности инверсионных) в подавляющем большинстве случаев идентичны [7]. Указанное замечание может свидетельствовать об их преимущественно аналогичном экспрессивном потенциале.

Учитывая изложенные теоретические суждения, рассмотрим разноязычные контексты с дивергентными стилистически маркированными инверсионными моделями. Экспрессивно маркированными в английском языке являются инверсионные конструкции с использованием вспомогательных модальных элементов: *She still dreamed of William, and of what he would do, with herself behind him. Never for a minute would she admit to herself how heavy and anxious her heart was because of him* [22, 91]. В анализируемом контексте во втором предложении (в придаточной части сложноподчиненной конструкции) инверсия подлежащего *she*, функционирующего в качестве ремы, подчеркивает его значимость не только в пределах предложения, но и в определенном отрывке повествования. Адвербиальная фраза *never for a minute* выполняет функцию темы и относится к определенной части художественного дискурса, дополняя ее. Предыдущее предложение *She still dreamed of William, and of what he would do, with herself behind him* также способствует содержательной целостности отрывка текста. Экспрессивность данной инверсионной модели усиливается с помощью единиц морфологического и лексического уровней. Модальный глагол выражает качественную характеристику субъекта, а также обозначает повторяемость и некую категоричность выражаемого действия [9, 92]. На лексическом уровне экспрессивное звучание дискурса поддерживает эпитетная конструкция *heavy and anxious ... heart*, которая служит средством передачи эмоционального состояния героини романа. В английских художественных текстах часто употребляются синтаксические структуры с инверсией в начальную позицию постпозитивного элемента с адвербиальной семантикой в предложении с прямым порядком слов: *They stood perched on the face of declivity, under the trees. “Well, I’ll go again,” he said. Away he went slipping, staggering, sliding to the next tree, into which he fell with a slam that nearly shook breath out of him. She came after cautiously, hanging on to the twigs and grasses* [22, 309]. Некоторые лингвисты придерживаются мнения, что постановка постпозитивного глагольного элемента в начальную позицию в предложении усиливает динамичность повествования [9]. Экспрессивный колорит подчеркивают единицы лексического уровня – метафорическое словосочетание, функционирующее, как одно из придаточных предложений в составе сложной синтаксической конструкции *that nearly shook breath out of him*. Инверсия с вводным *there* считается одним из наиболее распространенных видов инверсии в английском языке. В.Е. Шевакova утверждает, что функция инверсии с вводным *there* – синтаксическое выделение подлежащего-ремы. Такое расположение элементов обычно имеет место в следующих случаях: (1). при тесной связи обстоятельства (часто распространенного) с соответствующим словом предыдущего предложения (при необходимости их контактного расположения); (2). при тесной связи подлежащего с началом следующего предложения; (3). при наличии распространенной группы подлежащего (определения, перечислений и т.п.) [13, 127-128]. *So there went on a battle between them. She knew she never fully had him. Some part, big and vital, in him, she had no hold over, nor did she ever try to get it, or even to realize what it was* [22, 360-361]. С помощью инверсии акцентировано внимание адресата на определенных элементах высказывания. По этому, полагаем, что эту распространенную синтаксическую модель не стоит рассматривать как полностью лишённую эмотивной окрашенности. В первом предложении инверсионно выделенная с помощью *there* лексема *battle* функционирует в качестве ремы предложения, являясь значимым элементом определенного отрывка текста и обозначая понятие *противостояние* [19, 166]. Последующие синтаксические конструкции дополняют содержательную структуру текста, создают динамический характер повествования, отображая момент эмоционально напряженного состояния одной из героинь романа. Экспрессивный характер повествования также дополняют другие средства синтаксического и лексического уровней. На синтаксическом уровне показательным является, во-первых, смещение в начальную позицию объектного компонента с постпозитивными определениями *some part, big and vital*, во-вторых, употребление инверсионной конструкции *nor did she ever try to get it* с отрицательным элементом *nor* и вспомогательным глаголом *do* в усилительной функции, которая, составляющей часть сложной синтаксической конструкции. В данной синтаксической конструкции также ставится эмфаза на местоимение *she* в

качестве ремы, поскольку этот элемент представляет своеобразную кульминацию определенной части повествовательной структуры, будучи значимым средством изображения характера одной из героинь произведения.

В украинских художественных текстах довольно часто употребляется инверсия предикатов, обозначающих *бытие* или *движение*, которые в инверсионных моделях занимают позицию после предиката предложения: *- Як добре, коли ти є, такий дужий, такий славний, – посміхнулась і зітхнула Мирослава, і зітхнули її вузькуваті груди. ... - Ти чого занепокоїєся? – здивувалась Мирослава. – Нічого, нічого, – тупо глянув на вікна, що деренчали від двигіння машини. Зупиниться чи ні? Пішла далі. Що це зі мною? Він далі схилився над Мирославою, зазирнув у її напівприплющені очі. – Як добре, що ти є на світі. Найкраця [21, 203].* Подобная синтаксическая модель ставит эмфазу на сказуемое-рему. Данная синтаксическая конструкция (особенно в отрывках диалогической речи) приобретает определенную стилистическую, эпическо-повествовательную окраску [10, 427]. В рассматриваемом контексте инверсионный словопорядок является средством передачи эмоционального состояния героев романа. Близость взаимоотношений двух людей, а также их важность друг для друга акцентируется единицами различных языковых уровней. Писатель прибегает к использованию постпозитивных обособленных адекативных определений *такий дужий, такий славний*, лексическая семантика которых усиливает эмотивный колорит изображаемой ситуации. Аналогическую функцию выполняют риторические вопросы внутреннего монолога *Зупиниться чи ні?, Що це зі мною?*, а также краткий ответ на один из них *Пішла далі*, создавая впечатление напряженной ситуации, которая, в некотором смысле, нейтрализуется посредством вторичного использования аналогической инверсионной синтаксической модели *Як добре, що ти є на світі*. Выразительность повествования дополняет номинативное адекативное предложение *Найкраця*, контекстуальная семантика которого созвучна лексическому значению обособленных определений *дужий* и *славний* [18, т. 11, 696], [18, т. 2, 433], [18, т. 9, 347].

В украинской художественной прозе особая экспрессивная окраска свойственна инверсионным структурам с онтологическим компонентом, выраженная лексемой *еси*: *І тоді ліхї зморишки розсікли чоло лісника, а скобочений вид вичавив пїт і злобу: - Дурна і нерозумна ти еси! Чого замість того, щоб мати натуральні житейські радощі, сама над собою ставиш хрест? Для кого й для чого бережеш своє личко і все? І королеви так не берегли себе!* [21, 55]. Лексема *еси* – ингерентно экспрессивная, в данном контексте выражающая иронию и пренебрежение. В анализируемом контексте указанная лексема, а также инверсионная модель для передачи отрицательного эмоционального состояния персонажа романа по причине крайне негативной оценки и нежелания каких-либо отношений со стороны той героини произведения, к которой безразличен. Сложность и, в некотором смысле, безысходность ситуации подчеркивается с помощью использования разно-уровневых стилистических средств. Содержательную структуру текстового отрывка дополняют вопросительные, а также последнее восклицательное предложения, имеющие, по сути, риторический характер. Эмотивному звучанию отрывка текста также способствует использование метафорических конструкций *ліхї зморишки розсікли чоло, скобочений вид вичавив пїт і злобу* с эпитетными словосочетаниями в своем составе – *ліхї зморишки, скобочений вид, натуральні житейські радощі*, ингерентно и адгерентно экспрессивные лексемы *дурна* [18, т. 2, 459] и *нерозумна* [18, т. 5, 380], дополняющие характеристики отдельных элементов контекста, создающие общий фон ситуации.

Глагольные сказуемые, обозначающие движение, при инверсии занимают место в предложении после подлежащего: *У тебе, пане, нікого нема з чужих? – підозріло захрипів решітчастий, в нашорошених буркалах його стояло одне зловістя. – Нема. – Ну й мордovorот. Хоч би вночі не приснився! – А опрїч тебе, хтось є в господї? – Стара людина. – Дивись мені. – перетрусив усім своїм дражлигим решетом недовіру. – Коли що з чого – відразу обїтнемо душу, тут її і кінець. Мова мурмила обурило Магазаника: – Смерть у кожного за плечима ходить. – Перед очима теж! – бовкнув глекуватий недомірок. – Прошу, пане, веди в свій барліг [21, 313].* Приведенный отрывок текста отображает эмоциональную атмосферу военного времени: недоверие, страх, безысходность, пренебрежение друг к другу – настроения, господствующие среди людей, и находящие свое отражение в особенностях речи персонажей, которая наполнена экспрессивно маркированными средствами различных (преимущественно синтаксического и лексического) уровней. Писатель прибегает к частому использованию неполных номинативных и глагольных предложений, несущих в себе адгерентную экспрессивность. Своеобразной кульминацией данного отрывка является инверсионное предложение *Смерть у кожного за плечима ходить* с лексемой-подлежащим *смерть*, формирующем метафорическое словосочетание и имеющим концептуальное значение не только в анализируемом дискурсе, но и в литературном произведении в целом. Эмоциональное напряжение созданной художественной ситуации усиливают единицы лексического уровня, выступающие, во многом, средством описания и характеристики собеседников. Для этого используются лексемы, относящиеся к разным частям речи, с ингерентно экспрессивной семантикой. Для резко отрицательной оценки внешности и речи персонажа, а также формирования соответствующего отношения к нему использованы эмотивно маркированные единицы, состоящие из разных частей речи, которые формируют эпитетные метафорические структуры: *нашорошенї буркала* (глаза), *драгливе решето* (фигура человека), а также словосочетание метонимического характера *обїтнати душу* (лишить жизни). Негативную характеристику персонажа также подкрепляют индивидуально-авторская лексема *мордovorот* и существительные *мурмילו* (“похмура, непривітна, замкнена людина, відлюдько”), *барліг* (“неохайне, брудне житло” / “безладдя, речі, що лежать у безладді”), также имеющие указанную коннотацию” [18, т. 4, 829], [18, т. 1, 107].

В экспрессивных вариантах предложений русских художественных текстов, по мнению И.И. Ковтуновой, смысл высказывания представлен с большей выразительностью в сравнении с нейтральными вариантами [5, 99]. *Теперь и время наступило непутовое, не как у нормальных людей: с одной стороны, охота задержать лето и оттянуть то небывалое-неживалое, что готовилось, а с другой – не терпелось, чтоб поскорей чем-нибудь кончилась эта тягомотина, когда не дома и не в гостях, то ли живешь, то ли спишь себе в долгом недобром сне [20, 261].* Употребление синтаксической модели S-P, а также дистантное размещение определения *непутовое*, с относящийся к нему развернутой сравнительной конструкции *не как у нормальных людей* создают экспрессивную маркированность данной синтаксической конструкции, делая ее своеобразным смысловым центром определенной части дискурса, придавая ей ритмомелодику разговорной речи [5, 134], таким образом передавая напряженный фон изображаемой ситуации, улавливается напряженность эмоционального состояния героев произведения. Последующие синтаксические структуры интерпретируют содержание отрывка текста. Эмотивный колорит данной текстовой части раскрывается и с помощью других средств синтаксического, а также лексического уровня. Экспрессивной окраске высказываний способствует использование вводных конструкций. Аналогичность строения частей сложной синтаксической конструкции создает анафорический эффект, а также, с помощью пунктуационных знаков двоеточия и тире, производится эффект эллипсиса, порождающий впечатление неопределенности и невозможности как-либо повлиять на сложившиеся обстоятельства. Именно такие переживания были свойственны большинству героев произведения, навсегда покидающих родные места. Лексическое наполнение данного отрывка также предопределяет эмотивное звучание последнего. Для создания впечатления усталости, желания героев поскорей пройти нелегкий период их жизни писатель прибегает к использованию лексемы с эпифорической структурой *небывалое-неживалое*, существительного *тягомотина* (содержащего в своей структуре, элемент, *тяго*, который можно интерпретировать как производный от устаревшего значения лексемы *тяга* «что-то тягостное, мучительное, гнетущее» [17, т. 4, 435]) а также эпитетной конструкции *долгий недобрый сон*, служащих своеобразным обобщением определенной части текста.

Препозиция акцентируемого члена словосочетания или предложения, который при нейтральном словопорядке стоит в постпозиции, может употребляться в высказываниях онтологического характера для выражения отношения к происходящему: *– Завтра поджигай, поджигатель. – остановила его сверху Дарья суровым судным голосом. – Но только не ране вечеру. А щас марш*

отсель, твоей тут власти нету [20, 356]. Ключевым в информационном текстовом потоке, поскольку представляет своеобразную кульминацию, с одной стороны, препозиционно выделяя концептуально значимую лексему *власть*, с другой – инверсионно обособляя отрицательный предикативный элемент *нету* в качестве ключевого компонента коммуникативной структуры высказывания. Относительно «произвольная» перестановка элементов в пределах микроконтекста помогает полнее передать состояние безысходности от вынуждения покинуть дом и родные места, которые должны уйти в небытие. Волнение и напряженность отражены в речи главной героини посредством употребления повелительных предложений, обращенных к собеседнику. Разговорный характер речи также способствует ее насыщенности, придавая естественности изображаемой ситуации. Определенная фольклорность повествования проявляется вследствие употребления разговорного междометия *марш* [17, т. 2, 231], устаревшей адвербиальной лексики *отсель* [17, т. 2, 710], транскрипционной формы *щас* (наречия *сейчас*). Писатель использовал элементы лексического уровня для формирования отдельных стилистических категорий, а именно, эпитетной конструкции *суровый судный голос*, а также категории морфологического уровня (суффикс) для получения определенного стилистического эффекта – адгерентно экспрессивное производное существительное *поджигатель*, выражающее в анализируемом отрывке крайне негативную коннотацию.

В русском языке (как и в украинском) экспрессивный колорит экзистенциальных высказываний создается постановкой глагола-сказуемого после подлежащего, поскольку синтаксическая модель обладает большей выразительностью (по сравнению с нейтральной схемой P - S , используемой для придания тексту фольклорно-повествовательного раскраски) [5, 138-139]. *Она находится сейчас на самом сгибе: одна половина есть и будет, другая была, но вот-вот продернется вниз, а на сгиб станет новое кольцо* [20, 347]. В приведенном художественном дискурсе употребление инверсионных предложений с экзистенциальным значением как компонентов сложносочиненной структуры приобретают экспрессивный колорит, во многом благодаря заложенной модальной семантике. Лингвисты рассматривают модальность как «выражение реальности / ирреальности высказывания», а также интерпретируют эту категорию как «некое гносеологическое понятие, связанное с личностной оценкой предмета мысли» [4, 113-114]. В анализируемом отрывке инверсионные синтаксические модели с онтологической семантикой выступают средством актуализации модальных значений *уверенности* и, в то же время, *неотвратимости* происходящего, невозможности предотвратить или каким-то образом повлиять на происходящее.

Выводы. Дивергентный характер инверсионных моделей в художественных текстах близко- и неблизкородственных языков дает возможность истолковать ряд существенных различий в реализации их экспрессивного потенциала. В английском художественном тексте инверсионные синтаксические модели (в частности с эмфатическим *do*, а также с вводным *there*) употребляются для выделения семантически и концептуально значимых элементов микроконтекста и определенной части дискурса. Экспрессивности повествования в обоих случаях как другие стилистические элементы синтаксического уровня, так и использование эмотивно-маркированных средств других языковых уровней. Вышеизложенное в полной мере относится к украинским и русским художественным текстам, поскольку экспрессивный потенциал инверсии в этих славянских языках существенно снижен (по сравнению с английским) главным образом из-за разной степени фиксированности порядка слов в сопоставляемых языках и соответственно разной частотности употребления инверсионных структур в художественных текстах. Контрастивное исследование инверсионных конструкций в близкородственных украинском и русском языках свидетельствует об их почти полной тождественности как в аспекте синтаксического строения, так и выраженности стилистического потенциала. Подводя итоги изучения факторов экспрессивности дивергентных инверсионных моделей, следует указать, что особая роль в порождении экспрессивности отводится лексическому уровню, с особым учетом языковых и внеязыковых контекстуальных параметров. Принимая во внимание специфику всех составляющих художественного текста как особой, созданной писателем, действительности, следует отметить, что надлежащим образом воспринять и интерпретировать ее можно только с учетом тесной взаимосвязи языковых, внеязыковых и текстовых параметров.

Литература

1. Аніщенко Л.П., Березинський В.П., Бровченко Т.О. та ін. Порівняльні дослідження з граматики англійської, російської та української мов. [Відп. ред. Ю.О. Жлуктенко]. – К.: Наук. думка, 1981. – 354 с.
2. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков: Учеб. Пособие / В.Д. Аракин. – 3-е изд. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2005. – 232 с.
3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека Изд. 2-е., испр. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – I – XV, 896 с.
4. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования Изд. 4-е, стер. М.: КомКнига, 2006. – 144 с.
5. Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения: Учеб. пособие. Изд. 2-е. – М.: Едиториал, 2006. – 240 с.
6. Образцова О.М. Лінійна організація висловлювання в англійській, російській та українській мовах Автореф. дис. ... докт. філол. наук: спец. 10.02.17 «порівняльно-історичне та типологічне мовознавство». – Донецьк, 2011. – 36 с.
7. Сопоставительная грамматика русского и украинского языков / Г.Д. Басова, А.В. Качура, А.В. Кихно и др. – К.: Наук. думка, 2003. – 534 с.
8. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. – [Изд. 3-е.] – М.: Академический проект, 2004. – 992 с.
9. Стилистика английского языка: Учебник / А. Н. Мороховский, О. П. Воробьева, Н. И. Лихошерст, З. В. Тимошенко. – К.: Выща школа, 1991. – 272 с.
10. Сучасна українська літературна мова. Стилїстика. /за заг. ред. І. К. Білодіда./ - К.: Наук. думка, 1972. – 587 с.,
11. Чеканикова И.М. Русская «Деревенская проза» в англо-американской славистике Автореф. дис. ... канд. филол. наук – Томск, 2005. – 27 с.
12. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: [Монография] – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
13. Шевякова В. Е. Современный английский язык. Порядок слов. Актуальное членение. Интонация. – М.: Наука, 1980. – 380 с.
14. Ярцева В. Н. Контрастивная грамматика. – Л.: Наука, 1981. – 111 с.
15. Fiala K. Sentence and discourse: An attempt at re-assessment of the background of utterances and sentences. – Proceedings of LP⁹⁴ Ed. by V. Palek. Prague: Charles University Press, 1995. – P. 383-402.
16. Kałuza I. English feature-grammar and its application to deviant sentences. – Krakow: Pantswowe Wydawnictwo Naukowe, 1975. – 136 p.
17. Словарь русского языка в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд. стер.- М.: Рус. яз, 1999. – Т.1 – 4.
18. Словник української мови: В 11-ти т. / Редкол.: І. К. Білодід (голова) та інші - К.: Наук. думка, 1970 - 1980 – Т. 1 – 11.
19. The Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles. / Rev. and Ed. C. T. Onions. – NY.: Oxford University Press, 1975. – V. 1 – 2.
20. Распутин В. Уроки французского: Повести и рассказы [Оригинальные произведения]. – М.: Худож. лит, 1987. – 479 с.
21. Стельмах М. Чотири броди: Роман [Першотвір]. – К.: Рад. письменник, 1979.- 527 с.
22. Lawrence D. H. Sons and Lovers [Original work]– L., NY: Penguin Books, 1995. – 420 p.

References

1. Anishhenko L.P., Berezins'kij V.P., Brovchenko T.O. ta in. Porivnjal'ni doslidzhennja z gramatiki anglijs'koї, rosijs'koї ta ukraїns'koї mov. [Vidp. red. Ju.O. Zhluktenko]. – K.: Nauk. dumka, 1981. – 354 s.
2. Arakin V.D. Sravnitel'naja tipologija anglijskogo i russkogo jazykov: Ucheb. Posobie / V.D. Arakin. – 3-e izd. – M.: FIZMATLIT, 2005. – 232 s.
3. Arutjunova N.D. Jazyk i mir cheloveka Izd. 2-e., ispr. – M.: «Jazyki russkoj kul'tury», 1999. – I – XV, 896 s.
4. Gal'perin I.R. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovanija Izd. 4-e, ster. M.: KomKniga, 2006. – 144 s.
5. Kovtunova I.I. Sovremennij russkij jazyk. Porjadok slov i aktual'noe chlenenie predlozhenija: Ucheb. posobie. Izd. 2-e. – M.: Editorial, 2006. – 240 s.
6. Obrazcova O.M. Linijna organizacija vislovljuvannja v anglijs'kij, rosijs'kij ta ukraїns'kij movah Avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk: spec. 10.02.17 «porivnjal'no-istorichne ta tipologichne movoznavstvo». – Donec'k, 2011. – 36 s.
7. Sopostavitel'naja grammatika russkogo i ukraїnskogo jazykov / G.D. Basova, A.V. Kachura, A.V. Kihno i dr. – K.: Nauk. dumka, 2003. – 534 s.
8. Stepanov Ju. S. Konstany: Slovar' russkoj kul'tury. – [Izd. 3-e.] – M.: Akademicheskij proekt, 2004. – 992 s.
9. Stilistika anglijskogo jazyka: Uchebnik / A. N. Morohovskij, O. P. Vorob'eva, N. I. Lihosherst, Z. V. Timoshenko. – K.: Vyshha shkola, 1991. – 272 s.
10. Suchasna ukraїns'ka literaturna mova. Stilistika. /za zag. red. I. K. Bilodida./ – K.: Nauk. dumka, 1972. – 587 s.,
11. Chekannikova I.M. Russkaja «Derevenskaja proza» v anglo-amerikanskoj slavistike Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk– Tomsk, 2005. – 27 s.
12. Shahovskij V.I. Lingvisticheskaja teorija jemocij: [Monografija] – M.: Gnozis, 2008. – 416 s.
13. Shevjakova V. E. Sovremennij anglijskij jazyk. Porjadok slov. Aktual'noe chlenenie. Intonacija. – M.: Nauka, 1980. – 380 s.
14. Jarceva V. N. Kontrastivnaja grammatika. – L.: Nauka, 1981. – 111 s.
15. Fiala K. Sentence and discourse: An attempt at re-assessment of the background of utterances and sentences. – Proceedings of LP' 94. Ed. by B. Palek. Prague: Charles University Press, 1995. – P. 383-402.
16. Kałuza I. English feature-grammar and its application to deviant sentences. – Krakow: Pantswowe Wydawnictwo Naukowe, 1975. – 136 p.
17. Slovar' russkogo jazyka v 4-h t. / pod red. A. P. Evgen'evoj. – 4-e izd. ster. – M.: Rus. jaz, 1999. – T.1 – 4.
18. Slovník ukraїns'koї movi: V 11-ti t. / Redkol.: I. K. Bilodid (golova) ta inshi - K.: Nauk. dumka, 1970 - 1980 – T. 1 – 11.
19. The Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles. / Rev. and Ed. C. T. Onions. – NY.: Oxford University Press, 1975. – V. 1 – 2.
20. Rasputin V. Uroki francuskogo: Povesti i rasskazy [Original'nye proizvedenija]. – M.: Hudozh. lit, 1987. – 479 s.
21. Stel'mah M. Chotiri brodi: Roman [Pershotvir]. – K.: Rad. pis'mennik, 1979.- 527 s.
22. Lawrence D. H. Sons and Lovers [Original work]– L., NY: Penguin Books, 1995. – 420 p.

Удинская А.Г.

Кандидат филологических наук, доцент, Донецкий национальный университет

МЕТОНИМИЧЕСКИЕ ПЕРЕНОСЫ В АНГЛИЙСКОМ, РУССКОМ И ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация

Исследование посвящено контрастивному изучению узуальных метонимов в английском, русском и турецком языках. Семантическая классификация метонимов включает в себя пять основных и некоторые комбинированные типы метонимического переноса. Выделены общие и дифференциальные черты в семантике исследуемых единиц.

Ключевые слова: метоним, типы метонимического переноса, существительное.

Udinskaya A.G.

Candidate of Philology, associate professor, Donetsk National University

METONYMIC TRANSFERS IN THE ENGLISH, RUSSIAN AND TURKISH LANGUAGES

Abstract

The research focuses on the contrastive analysis of English, Russian and Turkish usual metonyms. The metonyms in the three languages have been stratified into five main types and some mixed ones. Common and distinctive features in the semantics of the units under consideration have been distinguished.

Keywords: metonym, types of metonymic transfers, noun.

Metonymy is considered to be a universal phenomenon for many languages. In this article the languages of the Germanic, Slavonic and Turkic groups are taken for an analysis. Thus, the research deals with the usual metonyms, i.e. nouns whose meanings result from the metonymic transference based on the logical association of contiguity of different semantic types, in the English, Russian and Turkish languages, e.g.: Eng. *dish* 'a shallow, flat-bottomed container for cooking or serving food' → *dish* 'the food contained or served in a dish'; Rus. *безотцовщина* 'life and bringing up a child without a father in a family' → *безотцовщина* 'a child being brought up without a father'; Tur. *değnek* 'a stick' → *değnek* 'punishment, beating with a stick'.

The transferred meaning of a word has attracted much attention by scholars who studied polysemy, derivative meanings of a word, word-formation, semantic and stylistic potential of the language. However, few works deal with the comparative study of the transferred meaning in different languages, in particular metonymy [1, 2].

The analysis of metonymy in the languages which are not closely related makes it possible to establish general common and distinctive features in the organization of the metonymic system.

Metonyms in the three languages have been stratified into causal, attributive, local, temporal and synecdochical types on the basis of the analysis of explanatory and bilingual dictionary entries. The nouns with the transferred metonymic meanings refer to this or that type if there are common semantic markers in their primary meanings.

The causal type of metonymic transferences comprises metonyms whose dictionary definitions have the semes "action", "state", "process", "event", "doer of the action", "object of the action", "instrument of the action", e.g.: Eng. *disappointment* 'sadness or displeasure caused by the non-fulfilment of one's hopes or expectations' → *disappointment* 'a person or thing that causes disappointment'; Rus. *публикация* 'the act of publishing a printed work' → *публикация* 'any printed work'; Tur. *gargara* 'gargling one's throat' → *gargara* 'medicine for throat'.

The metonymic transfers of attributive type have in their meaning the semantic signs "quality", "ability", "feature", "property", e.g.: Eng. *brown* 'brown colour or pigment' → *brown* 'brown clothes or material'; Rus. *бездарность* 'lack of talent' → *бездарность* 'a person without talent'; Tur. *gelinlik* 'wedding clothes' → *gelinlik* 'a girl of marriageable age'.

The nouns whose semantic structure contains the semes "territory", "place", "premises" are referred to local metonymy, e.g.: Eng. *country* 'a nation with its own government, occupying a particular territory' → *country* 'the people of a nation'; Rus. *город* 'a large town, a city' → *город* 'the people of the city'; Tur. *harem* 'the separate part of a Muslim household reserved for wives, concubines, and female servants' → *harem* 'the wives (or concubines) of a polygamous man'.

Temporal metonymy is represented in the languages under consideration by the nouns which have the primary meanings “time”, “period”, e.g.: Eng. *age* ‘the period of time that a person, animal, or plant has lived or is expected to live’ → *age* ‘generation’; Tur. *ikindi* ‘afternoon’ → *ikindi* ‘(the third) prayer (which takes place in the afternoon)’; Rus. *срок* ‘a definite period of time’ → *срок* ‘imprisonment of a definite duration’.

Synecdoche (quantitative metonymy) is based on the interaction of the names of a part and the whole and represented by a number of examples in all the three languages, e.g.: Eng. *blood* ‘the red liquid that circulates in the arteries and veins’ → *blood* ‘a person of specified descent’; Rus. *крыша* ‘the structure forming the upper covering of a building or vehicle’ → *крыша* ‘a house or other building’; Tur. *tatlı* ‘baked goods made of flour and sugar (baklava)’ → *tatlı* ‘sweet course, dessert’.

In some cases the dictionary definition of the primary and the transferred meanings does not make it possible to refer a metonym to a definite type. Such metonyms can be grouped in the mixed type which contains the metonyms combining a few semantic markers. The cases of the mixed type are found in all the three languages under analysis. For example, the English noun *college* combines in its dictionary definitions the semantic markers of the attributive and local types, e.g.: Eng. *college* ‘an educational institution or establishment’ → *college* ‘the building or buildings in which a college is housed’ → *college* ‘the staff and students of a college’. Nouns which in their primary meaning denote an action or a process can also be used for denoting time and a human being combining in their semantic structure the features of the causal and temporal types of the metonymic transfers, e.g.: Rus. *смена* ‘an act of changing or replacement’ → *смена* ‘a period of time in which different groups of workers do the same jobs in relay’ → *смена* ‘the group of people who work during a particular shift’. Synecdoche can be combined with the causal metonymic transfers, e.g.: Tur. *dil* ‘a tongue’ → *dil* ‘a language’ → *dil* ‘an enemy soldier for interrogation’.

The analysis of the metonyms in all the three languages clearly shows that all the metonymic types can be stratified into smaller subtypes and subgroups such as different semantic models and thematic groups, which may or may not coincide in the languages under discussion.

On the basis of the conducted research there can be made the following conclusions:

1. In the English, Russian and Turkish languages the metonymic meanings are performed according to 5 basic types of metonymic transfers and some mixed types which coincide in the three languages.
2. Distinctive features between the languages in question are observed on the level of the concrete meanings which can be explained by the different semantic volume of some words, extralinguistic factors and the differences in the lexicographic traditions.

References

1. Bich M. J. Metonimicheskoje ispol'zovanie imjon sobstvennyh v sovremennom russkom, ispanskom i anglijskom jazykah (na materiale gazetnyh tekstov): Avtoref. dis. kand. fil. nauk. – Spt., 1995. – 18 s.
2. Metaphor and metonymy in comparison and contrast / ed. by René Dirven; Ralf Pörrings. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2003. – 608 p.

Шушарина Г.А.

Доцент, кандидат филологических наук, Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет
АНАФОРА КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ ЭКСПРЕССИИ В ЦЕНТРАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ

Аннотация

В статье рассматривается использование анафоры в качестве средства синтаксической экспрессии на материале текстов центральной и региональной прессы.

Ключевые слова: анафора, экспрессивное средство, средства массовой информации.

Shusharina G.A.

PhD in Philology, associate professor, Komsomolsk-on-Amur State University
ANAPHORA AS EXPRESSIVE MEANS IN CENTRAL AND REGIONAL MASS MEDIA

Abstract

The article discusses the use of anaphora as a means of syntactic expression in texts of the central and regional mass media.

Keywords: anaphora, expressive means, mass media.

Согласно теории К.А. Долинина: «экспрессивность - свойство языкового знака, в силу которого он воспринимается деавтоматизированно, непосредственно воздействуя на воображение адресата и/или его эмоциональную сферу; экспрессивным может быть любое выражение, если оно неожиданно, непредсказуемо» [3, 129].

Экспрессивный синтаксис представлен экспрессивными синтаксическими конструкциями, которые выполняют в тексте экспрессивно-усилительную и композиционную функции. Такие конструкции представляют собой структурное единство, которое направлено на реализацию определенной коммуникативной функции [2, 9-15].

Предметом исследования в настоящей статье послужила анафора как средство выражения экспрессии в центральных и региональных газетах.

В мире средств массовой информации выделяют два вида газет: центральные и региональные.

Центральная пресса – печатные издания, выходящие многотысячным тиражом, издаются в центральных типографических изданиях и распространяются по всей территории страны. Центральные печатные СМИ направлены на освещение вопросов в масштабах страны и за ее пределами.

Региональная пресса - небольшого тиража печатные издания, издающиеся в местных типографиях городов. Региональная пресса занимается освещением вопросов местного характера, отдельного региона - его внутренней жизни, проблем и так далее. Наряду с местными проблемами, региональная пресса рассматривает вопросы жизни внутри страны в целом и за ее пределами [4, 245-246].

Так, при анализе анафор в центральных газетах была выявлена лексическая и синтаксическая анафора: «Ни скандалы в верховных ведомствах, ни промахи, ни подозрения и даже конкретные обвинения в коррупции – не причина добровольно покинуть высокий кабинет» [1, 2012]. Следующий пример: «Россия не пошла по западному пути развития в 1990-е годы. Россия не хочет быть учеником Запада. Россия может вновь стать его врагом» [1, 2012]. В представленном примере слово «Россия» является лексической анафорой, именно «Россия» является основной идеей отрывка, акцентируя все внимание на себе. Глаголы, сопровождающие лексическую единицу «Россия» (не пошла, не хочет), иллюстрируют синтаксическую анафору, указывая на действия и решения правительства. В указанном примере анафора создает эффект чередующихся событий.

В ходе рассмотрения англоязычных центральных газет были выявлены следующие примеры: «*they are learning to accept it. Women are learning, they don't have to be a toy in the hands of a rich man. Women are learning a sense of their own value and worth*» [7]. В данном случае автор акцентирует внимание на том, что женщины не хотят жить как прежде, они хотят начать новую жизнь и стремятся к этому. Второй пример так же указывает на экспрессивное использование анафоры: «Ukraine is a deeply divided country: *between east and west, between Russian-speakers and Ukrainian-speakers, between those who loathe the 2004 Orange Revolution and those who only regret its subsequent disappointments*» [7]. В этом отрывке автор использует анафору для того, чтобы показать тяжелое и безвыходное положение страны.

При исследовании региональных газет были найдены примеры лексической анафоры: «*Значит*, могут, когда захотят. *Значит*, лет через 15 смогут найти что-нибудь, украденное нынешними министрами» [5, 2012]. В данном случае анафора используется как эмоциональное выделение части высказывания. В следующем примере анафора так же используется для эмоционального выделения части высказывания «*Мы одобряем* практику нелегальных похищений. *Мы одобряем*, когда где-нибудь в Южной Америке чья-нибудь разведка похищает нацистского преступника» [5, 2012].

Примером анафоры из англоязычных СМИ может быть следующий отрывок: «*Sometimes they'd puzzle over the document, call a superior and wave me on. Sometimes they'd force me to turn back*» [6]. В данном случае автор использует анафору для создания эффекта чередующихся событий.

Таким образом, результаты исследования показали, что анафора как средство синтаксической экспрессии представлена и в центральной, и в региональной прессе.

Литература

1. Аргументы и факты, 2012.
2. Береговская Э.М. Очерки по экспрессивному синтаксису. - М. : Рохос, 2004. – 208 с.
3. Долинин К.А. Стилистика французского языка. - М. : Просвещение, 1989. – 303с.
4. Засурский Я.Н. Средства массовой информации России. - М. : Аспект Пресс, 2005. – 259 с.
5. Московский Комсомолец в Хабаровске, 2012.
6. Herald Scotland // URL: [http:// heraldscotland.com/](http://heraldscotland.com/)
7. The Washington Post // URL: <http://www.washingtonpost.com/>

References

1. Argumenty i fakty, 2012.
2. Beregovskaja Je.M. Oчерki po jekspressivnomu sintaksisu. - М. : Rohos, 2004. – 208 s.
3. Dolinin K.A. Stilistika francuzskogo jazyka. - М. : Prosveshhenie, 1989. – 303s.
4. Zasurskij Ja.N. Sredstva massovoj informacii Rossii. - М. : Aspekt Press, 2005. – 259 s.
5. Moskovskij Komsomolec v Habarovske, 2012.
6. Herald Scotland // URL: [http:// heraldscotland.com/](http://heraldscotland.com/)
7. The Washington Post // URL: <http://www.washingtonpost.com/>

Юрина Н.М.¹

¹Аспирант, Башкирский государственный университет

АНТРОПОМОРФИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР МЕТАФОРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ ПЕРСониФИКАЦИИ В РОМАНАХ Т. ПРАТЧЕТТА

Аннотация

В статье рассмотрено использование антропоморфизма для построения метафорических моделей персонификации на примере цикла романов Т. Пратчетта «Плоский мир», и, соответственно, создания художественных образов.

Ключевые слова: персонификация, метафорическая модель, фрейм, слот.

Yurina N.M.¹

¹Postgraduate student, Bashkir State University

ANTHROPOMORPHIC CHARACTER OF METAPHORICAL MODELS OF PERSONIFICATION IN NOVELS BY T. PRATCHETT

Abstract

The article considers the use of anthropomorphism to establish the metaphorical models of personification in T. Pratchett's "Discworld" series, and, its use for the image creation.

Keywords: personification, metaphorical model, frame, slot.

The analysis of the nature of personification as an instrument of creating expressive means of language reveals that it is a peculiar and many-facet unit possessing a number of features and a set of language means allowing different degrees of its intensity. The notion covers a certain variety of senses ranging from animation to humanization, that is why the area of personified objects in literature and everyday communication is vast and this concept spreads over virtually all phenomena and notions of the world around us. However, the only area all linguists agree upon is that the phenomenon is based on the category of animacy/inanimacy, which leads to a series of terms and notions: metaphor, allegory, personification, personalization, prosopopoeia, anthropomorphism, zoomorphism, animism.

Despite a great number of possible synonyms or types of the phenomena described, I am inclined to follow the idea of such linguists as N.M. Naer, A.S. Lebedevsky, W. Wackernagel, O.S. Akhmanova and hold to the term *personification*, which in this work is understood as a "stylistic device, a special type of metaphor, involving the transfer of attributes and properties of a human being or an animal (such as consciousness, an ability to think and feel, and a speech power) to an inanimate or abstract object, devoid of human consciousness" [8, 57-58]. Since personification is a type of metaphor, its use and manifestation in the text is realised in cognitive models, which makes it possible to analyse this process in terms of metaphorical models analysis in literary discourse [8].

The study of the metaphorical models of personification in T. Pratchett's novels has shown that the prevailing mechanism of their creation is anthropomorphism, i.e. attributing human characteristics to lifeless objects [8]. Consequently, it deserves a detailed research of its own. Having studied the use of this phenomenon in the novels of the *Discworld* series, it is possible to single out two major frames in the group of anthropomorphic models of personification:

1. Frame "Human Being"

The majority of scholars agree that common nouns in the English language do not possess the category of gender and the sex is shown only due to the lexical meaning of the word (e.g. *boy* or *girl*), thus usually only people are treated as being male or female, that is why one of the key signs of personification is the use of such lexical units as pronouns *he* or *she* with common nouns. However, not all cases of T. Pratchett's personification share this feature. Unlike most minor personified characters in T. Pratchett's novels major characters have some gender indications that allow to single out such slots as *man* and *woman*; but, cases of personification of an object or abstract notion as a woman are too insubstantial and only include female gods. Thus, the frame "Human Being" covers 6 slots, the proportional correlation of which is shown on the diagram (figure 2):

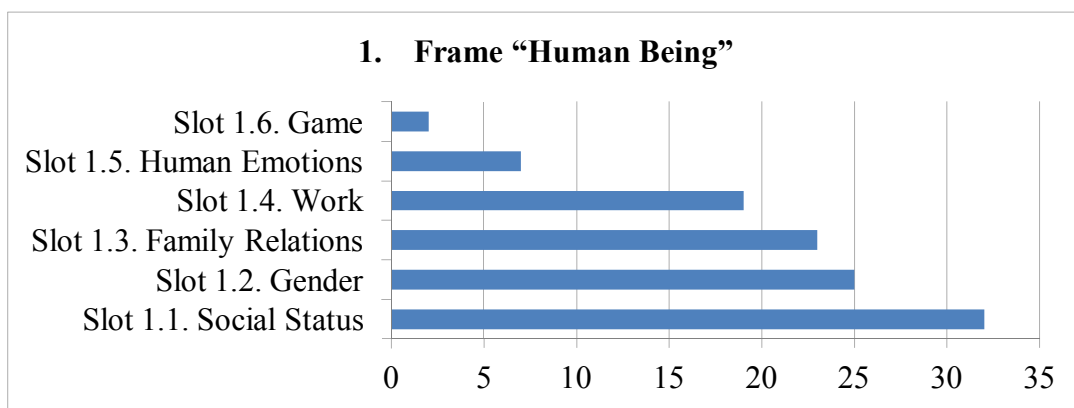

Fig. 2

- Slot 1.1. Social Status

The attitude of T. Pratchett towards technology is very creative. Apart from the expected personification of various devices (robots, computers, office equipment, etc.), for example, in the story “The Computer Who Believed in Santa”, there is a very curious metaphorical model of personification when such devices as watches (or “*time-tellers*”) or cameras (or “*iconography*”) are transformed into magical boxes that are inhabited by enslaved or imprisoned demons instead of mechanisms: e.g. “*the picture imp ... had spent the morning painting picturesque views and quaint scenes for his master, and had been allowed to knock off for a smoke*”; “*Its trapdoor was open and the homunculus was leaning against the frame, smoking a pipe...*” [4]. The idea of demons or other magical creatures imprisoned inside different devices to make them work forms another metaphorical image: a slave.

A very interesting and original case of personification is the personification of books. There are two types of such books: the books that write people’s lives and magic books. They have power and ability to affect or even destroy people or their surroundings, that is why, they are *locked, chained, imprisoned, clumped shut* unless they *go out of control* or *escape*, e.g. “*Cutwell had an expurgated edition, with some of the more distressing pages clamped shut (although on quiet nights he could hear the imprisoned words scratching irritably inside their prison)*” [6]. This gives rise to one more metaphorical image: a prisoner.

The image of a prisoner is somewhat interconnected with the one of a criminal. Although, comparisons of different characters with criminals are relatively rare. However, Death is always a *witness*, he watches everyone die or being killed. But sometimes he is perceived as an *accessory* or even the *assassin*: e.g. “*as I understand the law, you are an Accessory After The Fact*” [4]; “*I WAS THE ASSASSIN AGAINST WHOM NO LOCK WOULD HOLD*” [5].

- Slot 1.2. Gender

In many languages (including English), Death is personified in a male form, while in others, it is perceived as a female character (for instance, in Slavic and Romance languages) [1]. T. Pratchett follows the custom and portrays Death as a man. Another such example concerns Fate. The common abstract noun is capitalised and becomes both the name and the essence of the god of a power that some people believe controls everything that happens in their lives. The description of a human appearance and the character are clear examples of personification of fate as a person and, more precisely, as a man: e.g. “*the Fate of the Discworld was currently a kindly man in late middle age, graying hair brushed neatly around features*” [3]. Thus, the prevailing image here is a male person.

- Slot 1.3. Family Relations

Another very important concept within the metaphorical model X is Person is that personified objects or notions have families. The notion of a family for some magical creatures or the representation of an abstract notion as a part of a family is a very important slot for metaphorical models of personification with the source domain “person” because even though animals also live in groups that resemble families (herds, prides, etc.), the relations that exist in a human family are entirely different. For instance, trolls that traditionally are treated as solitary, lonely creatures are shown as a big family that closely resembles a typical human family where the spouses are arguing about the place they live in, and the future of their children: e.g. “*I just want to call the family up, all right? ... but I tell her, this bridge has been in our family for generations ...*”; “*I should have listened to my mother! You want me to let our son sit under a bridge waiting ...*” [7].

Another group of metaphors within this slot deals with associating particular characters with some positions in the family that have a particular status: e.g. “*Death stalked around the desk ... AND THUS YOU REPAY ME. YOU SEDUCE MY DAUGHTER FROM ME, YOU NEGLECT THE DUTY*” [5]. In these examples Death is treated as the head of family, as a father. Such kind of personification is very unusual since death in general is associated with an unbiased impartial lonely creature, the sole purpose of which is to send the souls into the afterlife. Consequently, the major image behind these models is a family member.

- Slot 1.4. Work

The concept “job” is the third most common for the model X is Person. The impact of such abstract phenomena, such as time, death, etc. is the result of the work of these personified phenomena. The most frequent is the metaphorical use of lexis denoting the hard work, and the references to the fact that these characters have a job to do: e.g. “*Time passed, which, basically, is its job*” [3]. Here the normal course of time, its passage is viewed as a job that is done by Time.

The slot deals also with the idea of ranking and difference in the status between some characters in the novels. The lexical units include the names of positions (*superior, subordinate, apprentice, master, servant*, etc): e.g. “*when a wizard is about to die Death himself turns up to claim him (instead of delegating the task to a subordinate, such as Disease or Famine, as is usually the case)*”; “*instead of sending one of his numerous servants, as is usually the case*” [6]. Death is in charge, and sometimes he can assign the task to his subordinates or even his apprentice (*Mort*).

One more notion within this slot is business because not all metaphorical models with the source domain “job” include the concept of running a business. Some examples include the description of the persevering character of nature that gradually and determinedly achieves its aims: e.g. “*every representative of the vegetable kingdom had really rolled up its bark and got down to the strenuous business of outgrowing all competitors*” [3].

Other cases concern Death’s work. Death is a businessman, he has *appointments*, and his own *system of doing business*: e.g. “*I HAVE AN APPOINTMENT WITH THEE THIS VERY NIGHT ... WHAT’S SO BLOODY VEXING ABOUT THE WHOLE BUSINESS IS THAT I WAS EXPECTING TO MEET THEE IN PSEPHOPOLIS. “But that’s five hundred miles away!” ... THE WHOLE SYSTEM’S GOT SCREWED UP AGAIN*” [4].

Thus, it is possible to single out two metaphorical images within this slot: a worker and a businessman.

- Slot 1.5. Human Emotions

Sometimes personification is manifested through such lexical units that the object possesses features of a living being, i.e. the mind, and, especially, emotions. The most prominent and frequently described example for this slot is Death who like any person is capable of feelings.

Perhaps not feelings per se: e.g. “He never *feels* anything. ... He probably thought sorry for me.”, but still he shows some kind of emotions: “THEY NEVER INVITE ME TO PARTIES. THEY ALL *HATE* ME. EVERYONE *HATES* ME. I DON’T HAVE A SINGLE *FRIEND*” [5]. Death is always alone, because he is on the opposite side from the living, he does not know what it means to be alive: “It struck Mort with sudden, terrible poignancy that Death must be the *loneliest* creature in the universe. In the great party of Creation, he was always in the kitchen” [5].

The personification of Death is a reversal of the human curiosity and preoccupation with the unknown. It is beyond the human abilities to know what lies beyond the grave. Likewise, Death himself cannot grasp the full meaning of life before the grave; however, he wants to discover what gives meaning to people's lives: e.g. “He’d *tried* fishing, dancing, gambling and drink, allegedly four of life’s greatest pleasures ... Food he was *happy* with—Death *liked* a good meal as much as anyone else”; “Death was *bewildered*. He couldn’t fight it. He was actually *feeling glad* to be alive, and very *reluctant* to be Death” [5].

- **Slot 1.6. Game**

The smallest slot is represented by a number of very interesting metaphors. The numerous gods are personified in the form of people who are playing dice and the stakes are human souls. As a result of this game, people’s fate is decided. e.g. “You win,” said *Fate*, pushing the heap of souls across the gaming table. The assembled *gods* relaxed. “There will be other *games*,” he added. The Lady *smiled* into two eyes that were like holes in the universe” [6].

The diagram (figure 3) sums up the major images created by this model of personification and their percentage correlation.

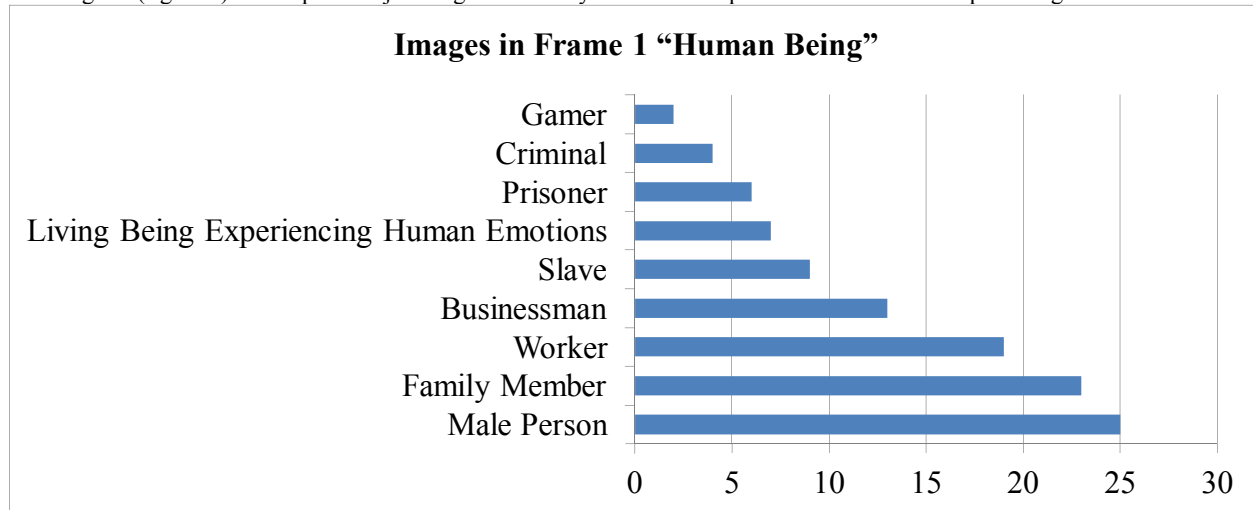

Fig. 3

2. Frame “Intelligent Creature”

Sometimes the metaphorical model is so vague that it is not possible to include a character into any of the other frames given here. Nevertheless, the properties that are portrayed in these metaphorical models are clearly human since, for example, intelligence is associated uniquely with the human race. The concepts typical for this frame are expressed primarily through verbs, and adjectives that usually refer to human activities, such as *to speak, to think, to talk*, etc: e.g. “all *colonies of bees* are just one part of the *creature called the Swarm*. ... *bees* are component cells of the *hivemind*. *Granny* ... suspected that the *Swarm* was a good deal more *intelligent* than she was” [2]. In this metaphorical model Bees are Creature (the Swarm) such language units as *mind, intelligent* signify that the character possesses the qualities that are enough to attribute it to this frame.

A majority of other similar cases includes animals, parts of furniture (doorknobs, hinges, etc.), weapons (e.g. a sword) that behave like human beings: they speak, think and even give advice to their masters: e.g. “*Fanks very much*,” *said the gargoyle doorknocker* ... *The knocker leered at him and winked*” [5].

Thus, it is clear that anthropomorphic personification is the most extensive and detailed. Although, cases of pure anthropomorphic personification, when the object or phenomenon is fully endowed with human properties, are not predominant; there is no doubt that other cases can also be treated as anthropomorphic personification due to the fact that the features they possess can only be attributed to human beings but not animals or plants, such as reasoning, consciousness, speech, feelings or emotions.

References

1. Guthke K.S. The Gender of Death. A Cultural History In Art and Literature. – Cambridge University Press. – 1999. – 297p.
2. Pratchett T. Equal Rites. – Victor Gollancz Ltd. – 1987. – 336p.
3. Pratchett T. ~~Fant~~ Eric. – Victor Gollancz Ltd. – 1990. – 160p.
4. Pratchett T. Guards! Guards! – Victor Gollancz Ltd. – 1989. – 384p.
5. Pratchett T. Mort. – Corgi Books. – 2012. – 320p.
6. Pratchett T. The Colour of Magic. – Colin Smythe Ltd. – 1983. – 206p.
7. Pratchett T. Troll Bridge // A Blink of the Screen: Collected Short Fiction. – Corgi Books. – 2013. – pp. 217 – 235.
8. Yurina N. The Metaphorical Models of Personification in novels by T. Pratchett // News of Science and Education 9 (9), 2014. – Science and Education Ltd, Sheffield, UK. – p. 57 – 60.

Якушева О.В.

Кандидат филологических наук, Южно-Уральский государственный университет

ВЫРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ ИМПЕРСОНАЛЬНОСТИ МЕСТОИМЕНИЯМИ ТРЕТЬЕГО ЛИЦА ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о природе происхождения личных местоимений. Особое внимание уделяется местоимениям третьего лица единственного числа. В немецком языке существует специальный грамматический формант для обозначения неличной формы лица – безличное местоимение *es*, которое не имеет точного соответствия в грамматическом строе русского языка, занимает особое место по богатству синтаксических функций.

Ключевые слова: безличное местоимение, безличное предложение, объективное логическое лицо, подлежащее.

Jakusheva O.V.

Candidate of Philology Sciences, South Ural State University

THE EXPRESSION OF CATEGORY OF IMPERSONALITY WITH PRONOUNS IN THE THIRD PERSON SINGULAR IN GERMAN AND RUSSIAN

The article considers the nature of personal and impersonal pronouns. The special attention is focused on pronouns in the third person singular. In the German language there is the special grammatical form for designation of impersonality – the impersonal pronoun „es“. It has many syntactical functions in German. It hasn't the exact structural syntactical equivalent in Russian.

Keywords: impersonal pronoun, impersonal sentence, objective logical person, subject.

Местоимения существуют во всех доступных изучению языках, поэтому роль их в истории развития языка весьма значительна. Они играют важную роль в строе предложения, имеют длительное историческое прошлое, в течение которого они неоднократно подвергались существенным изменениям.

В вопросе о происхождении личных местоимений у лингвистов существуют различные мнения. Одни ученые полагают, что личные местоимения произошли от указательных [4], другие, что личные форманты в глаголе должны были предшествовать посессивным [9]. В.М. Жирмунский пишет, что имя древнее глагола [3]. Де-ла-Грассери, а позднее И.И. Мещанинов, анализируя языки различных систем, пришел к важному выводу о том, что местоименная аффиксация глагола первоначально имела посессивное значение и лишь позднее стала обозначать субъект действия [5]. То есть, глагол имеет в своей основе именную предикативную форму, к которой прибавляется личное местоимение, образуя в результате глагольное окончание лица. Личные местоимения 3-го лица, являясь разновидностью указательных местоимений, вышли из одного общего с ними первоисточника. Происхождение первых двух лиц окончательно не выяснено, но они теснейшим образом связаны с притяжательными местоимениями. Особое положение 3 лица и образование от него первых двух лиц прослеживается в целом ряде языков. Сложность выделения конкретного субъекта в 3 лице объясняется его многообразием в этом лице, поскольку 3 лицо передает всякое имя.

Тот факт, что личные, и притяжательные местоимения могли выйти из общей для них основы и, что 3-е лицо в понятийном отношении явилось источником образования первых двух лиц, подтверждается теоретическими размышлениями Г. Гийома, который говорит о логическом 3-м лице, как о первоисточнике грамматического понятия лица вообще [2].

Размышляя о природе местоимений, А.Н. Савченко провел совместное исследование именных и местоименных лексических вхождений (т.е. классов лексем, занимающих места в предикате и акантах предложения), и сделал важный вывод: местоимения и имена в протоиндоевропейском языке (на определенном этапе его развития) в своем склонении образуют две различные системы, основанные на совершенно разных принципах. Это значит, что местоименное склонение образовано двумя разными основами, имеющими значение прямого и косвенного падежей (система, характерная для номинативно-аккузативного строя). В основе именного склонения лежит противопоставление не падежей, а активной и неактивной формы (система, характерная для активного строя – более древнего этапа в развитии индоевропейских языков). При этом признак «активный» в отношении к протоиндоевропейскому языку является слабо определенным и вариативным [6]. Подобное семантическое представление о природе происхождения местоимений и имен в общем традиционно, этому соответствуют теории «одушевленного-неодушевленного родов» [8].

Признаку «неактивный, неодушевленный» (вещь, тело) противопоставлен признак «активный, одушевленный» (все, что имеет жизненный цикл и активное самостоятельное начало). Природа, окружающий мир (вода, земля, растения), как и сам человек, обладали «одушевленным» признаком. Это подтверждает мысль Г. Гийома, разработанную в исследовании О.А. Турбиной, о существовании в сознании древнего человека единого ОНО-БЫТИЯ, выражавшегося в аморфном ИМЕНИ и включавшего в себя понятие универсума (объективного логического лица) [7]. Таким образом, в 3 лице совмещены признаки потенциально личной и неличной формы, поскольку 3 лицо передает всякое имя. Этим объясняется сложность выделения конкретного субъекта в 3-м лице, поскольку в языках номинативного типа (немецкий, русский языки) на современном этапе развития категория лица грамматизовалась. Местоимение es в немецком языке в результате языковой категоризации репрезентует объективное логическое лицо.

Исследование формы 3-го лица с позиции функциональной грамматики также подчеркивает противопоставление «мира лиц» и «мира вещей»: 1-е и 2-е лицо обозначает отношение между говорящим и слушающим (собственно одушевленные лица), тогда как через 3-е лицо можно обозначать как собственно лица, так и неодушевленные субстанции [1]. Ведь не случайно в индоевропейских языках первые два лица не различаются по родам, 3-е лицо имеет три рода: немецк. ich, du, er, sie, es; русск. я, ты, он, она, оно. В немецком языке в отличие от русского языка существует специальный грамматический формант для обозначения неличной формы лица – безличное местоимение es. Безличное местоимение es не имеет точного соответствия в грамматическом строе русского языка, занимает особое место по богатству синтаксических функций.

Итак, мы видим, что в 3-м лице на глубинном понятийном уровне совмещены признаки потенциально личной и неличной формы. Этот вывод применим как к русскому, так и к немецкому языку. Важно то, что на глубинном, понятийном (концептуальном) уровне предложение в любом языке (в русском и в немецком в том числе) не может быть «безличным» = «без лица». Концептуальное понятие «лица» генетически заложено в любом предложении языка. В основе термина «безличность» лежит понятийная категория имперсональности, связанная с понятийными категориями неопределенности и неодушевленности. Поэтому эти две семантические стороны 3-го лица («собственно лицо» и «не-лицо») по отношению к «говорящему» и «адресату» на концептуальном уровне обнаруживают тесную общность, что подтверждается тождественностью грамматических пока-зателей глагольных форм 3-го лица в русском и немецком языках. Это подтверждается наличием наряду с личными предложениями так называемых безличных предложений. Формальное выражение понятий персональности/имперсональности в языках разного строя (русский язык – язык по преимуществу синтетического строя; немецкий – язык по преимуществу аналитического строя) происходит по-разному.

Литература

1. Бондарко, А.В. Семантика лица//Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость/А.В. Бондарко. – С-Пб: Наука, 1991. – 369 с.
2. Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики/Г. Гийом. – М.: Прогресс, 1992. – 224 с.
3. Жирмунский, В.М. Общее и германское языкознание/В.М. Жирмунский. – Л.: Наука, 1976. – 695 с.
4. Марр, Н.Я. Избранные работы/Н.Я. Марр. – М.-Л., 1933-1937. – С. 417.
5. Мещанинов, И.И. Проблемы развития языка/И.И. Мещанинов. – Л.: Наука, 1975. – 352 с.
6. Савченко, А.Н. Древнейшие процессы в области личных местоимений в праиндоевропейском языке//Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз./А.Н. Савченко. – М., 1984. – Т.43, №6.
7. Турбина, О.А. Формирование французского классического предложения: системный и структурный аспекты / О.А. Турбина. - Челябинск: ЧГУ, 1994. – 269 с.
8. Delbrück, B. Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen/B. Delbrück. – Strassburg, 1897. – Т.2. - § 139, S. 117-119.
9. Schuchardt, H. Possessivisch und Passivisch//Sitzungsberichten Preus. Akademie der Wissenschaft/H. Schuchardt. – Berlin: Preus. Akademie der Wissenschaft, 1921. – S. 657.

References

1. Bondarko, A.V. Semantika lica//Teorija funkcional'noj grammatiki: Personal'nost'. Zalogovost'/A.V. Bondarko. – S-Pb: Nauka, 1991. – 369 s.
2. Gijom, G. Principy teoreticheskoy lingvistiki/G. Gijom. – M.: Progress, 1992. – 224 s.

3. Zhirmunskij, V.M. Obshee i germanskoe jazykoznanie/V.M. Zhirmunskij. – L.: Nauka, 1976. – 695 s.
4. Marr, N.Ja. Izbrannye raboty/N.Ja. Marr. – M.-L., 1933-1937. – S. 417.
5. Meshhaninov, I.I. Problemy razvitiya jazyka/I.I. Meshhaninov. – L.: Nauka, 1975. – 352 s.
6. Savchenko, A.N. Drevnejšie processy v oblasti lichnyh mestoimenij v praindovropejskom jazyke//Izv. AN SSSR. Ser. lit. i jaz./A.N. Savchenko. – M., 1984. – T.43, № 6.
7. Turbina, O.A. Formirovanie francuzskogo klassicheskogo predlozhenija: sistemnyj i strukturnyj aspekty / O.A. Turbina. - Cheljabinsk: ChGU, 1994. – 269 s.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАУКИ / GEOGRAPHY

Зыкова В.Е.

Магистрант Санкт-Петербургского государственного экономического университета по направлению «Информационно-аналитическое обеспечение туристской деятельности».

ФИНАНСОВЫЕ АСПЕКТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КИТАЯ В ОБЛАСТИ ТУРИЗМА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация

В статье рассмотрены основы современного экономического взаимодействия России и Китая в туристской отрасли, оценены их влияние на глобальный рынок и обозначены перспективы дальнейшего развития на примере внедряемых сопутствующих проектов.

Ключевые слова: Китай, Россия, туризм, взаимодействие, экономика

Zykova V.E.

Saint-Petersburg State university of economics, master of tourism (Information and analytical support of tourist activity)

FINANCIAL ASPECTS OF COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND CHINA IN MODERN TOURISM INDUSTRY.

Abstract

This article is devoted to the basis of modern economics cooperation between Russia and China in tourism industry, to the evaluation of its impact on the global market and to perspectives of further development (with the examples of introduced projects).

Keywords: China, Russia, tourism, cooperation, economics

Доля туризма занимает значительную часть бюджета ведущих туристских дестинаций, являясь активным источником валютных поступлений. Так, в ОАЭ огромное значение отводится развитию международного туризма, по данным МВФ туризм, гостиничный сектор и сектор недвижимости являются тремя локомотивами, двигающими рост эмиратской экономики. Многие европейские страны (Испания, Франция, Австрия и др.) большую часть своего благосостояния построили на доходах от туризма. К этой тенденции сейчас стремятся Китай и Россия, развивая между собой взаимовыгодную и взаимодополняемую стратегию сотрудничества и экономического сотрудничества.

За последнее время в туризме произошли глобальные изменения. В связи с взаимными политическими ограничениями и международными российско-европейскими санкциями, по некоторым североевропейским направлениям туристский спрос падает на 30-50%. Российский турист ищет новые направления в Азии. В то же время в Россию, на смену европейцам пришли путешественники из Кореи (+70%), Китая (+50%), Сингапура (+28%) и Ирана (+25%). В связи с тем, что Китай является одним из перспективных туристских союзников России, в обеих странах вводится ряд проектов и мер по укреплению уже существующего взаимодействия и перспективного сотрудничества в дальнейшем.

- Китай вводит европейскую систему Tax-free. Это означает, что для всех туристов, чьи расходы составят более 500 юаней (около 5 тысяч рублей), будет возвращен налог в размере 11%. При чем следует иметь в виду, что если турист потратил более 10000 юаней, то проценты будут возвращены лишь на расчетный счет в банке, во всех иных случаях – наличными средствами.
- В России уменьшится минимальное число туристов в составе китайской туристской группы. По данным статистики, 70% туристов из Китая посещают Россию именно посредством безвизового группового обмена. Чтобы сделать проще посещение страны и повысить число туристов из Китая, предлагается снизить число участников группы с 5 до 3. С этой инициативой выступила администрация Приморского края.
- В Петербурге создадут «красные маршруты» для туристов из Китая. Санкт-Петербург переориентировался на туристов из Китая, стран Персидского бассейна и Латинской Америки, однако китайцы в приоритете. Для них создаются специальные маршруты. Одним из таких является «красный маршрут» по местам, связанным с жизнедеятельностью Ленина. Он будет включать в себя посещение на пароме Хельсинки, Стокгольма и, собственно, самого Санкт-Петербурга. Он должен заработать в марте-апреле 2015 года. В настоящий момент уже ведется активное взаимодействие с ведущими китайскими туроператорами.
- Открытие представительства Ростуризма в Китае. Как сообщил глава Ростуризма Олег Сафонов, в 2015 году планируется открытие представительства в Китае, откуда идет самый большой туристский поток. Это делается с целью маркетингового продвижения российского рынка туриндустрии за рубежом.
- China Friendly. В связи с разницей культур и языковым барьером, у китайцев существует ряд специфических требований к туристским дестинациям и средствам размещения, которые пока что не учитываются в России. Поэтому целью проекта China Friendly является привлечение китайскоязычных туристов в Россию путем повышения качества предоставляемых услуг.

Так же нельзя не заметить ту тенденцию, что низкий курс рубля привлекает все больше китайцев в Россию. По данным туристского онлайн-бюро Китая «Strip.com International», в декабре, несмотря на морозы, спрос на российские туры возрос на 100%, так как в среднем путешествие в Россию обходится гораздо дешевле, чем в европейские страны. Только за 1 квартал 2014 года число китайцев, посетивших Россию составило более 200 тысяч. Однако по данным мониторинга ассоциации, среди посетивших Россию в предыдущем году - в основном женщины старше 50 лет. Соответственно, нужно привлекать молодежь не только в рамках международного обмена, но и путем событийного туризма, что должно входить в задачи как государственного федерального управления, так и регионального.

Литература

1. Ежедневная электронная газета Российского союза туриндустрии. [Электронный ресурс] URL: http://www.ratanews.travel/news/news_29122014_4.stm
2. China daily. [Электронный ресурс] URL: <http://ru.gbtimes.com/novosti/nizkiy-kurs-rublya-manit-kitayskih-turistov-v-rossiyu>
3. Ria-novosti. [Электронный ресурс] URL: <http://ria.ru/tourism/20150114/1042577032.html>
4. Новости, Екатеринбург-Онлайн. [Электронный ресурс] URL: http://www.e1.ru/news/spool/news_id-418194-section_id-7.html
5. Информационное агентство России. [Электронный ресурс] URL: <http://tass.ru/obschestvo/1703709>

References

1. Ezhednevnaia jelektronnaia gazeta Rossijskogo sojuza turindustrii. [Jelektronnyj resurs] URL: http://www.ratanews.travel/news/news_29122014_4.stm
2. China daily. [Jelektronnyj resurs] URL: <http://ru.gbtimes.com/novosti/nizkiy-kurs-rublya-manit-kitayskih-turistov-v-rossiyu>
3. Ria-novosti. [Jelektronnyj resurs] URL: <http://ria.ru/tourism/20150114/1042577032.html>
4. Novosti, Ekaterinburg-Onlajn. [Jelektronnyj resurs] URL: http://www.e1.ru/news/spool/news_id-418194-section_id-7.html

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ / JURISPRUDENCE

Абрамова Н.Г.

Кандидат юридических наук, Псковский филиал Академии права и управления ФСИН России

ОСОБЕННОСТИ СЕМЕЙНОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ ЛИЦ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Аннотация

В статье тезисно рассмотрены вопросы реализации гражданских прав осужденных лиц к лишению свободы в сфере семейных правоотношений; а именно – создание семьи и исполнение родительских обязанностей по воспитанию детей.

Ключевые слова: осужденный к лишению свободы, семейная правосубъектность, заключение и расторжение брака, исполнение родительских обязанностей по воспитанию детей.

Abramova N.G.

Candidate of Law Sciences, the Pskov branch of the Law and Administration Academy of the FSIN of Russia

ASPECTS OF FAMILY LEGAL PERSONALITY OF SENTENCED TO IMPRISONMENT PERSONS

Abstract

In the article are observed items of realization civil law rights by sentenced to imprisonment persons; such as a family foundation and discharge of parental duties on bringing up children.

Key words: sentenced to imprisonment persons; family legal personality; conclusion and dissolution of marriage, discharge of parental duties on bringing up children.

Наказание за совершенное преступление оказывает серьезное влияние на совокупность гражданских прав и обязанностей осужденных. Особенно это касается лиц, осужденных к лишению свободы, которые являются участниками различных гражданских правоотношений, в том числе семейных. С одной стороны в семье находят реализацию существенные интересы человека, а с другой – семья влияет на жизнь общества, так как играет решающую роль в отношениях между женщиной и мужчиной, связанных с продолжением человеческого рода, с воспитанием детей.

Факт лишения свободы осужденного лица обуславливает особенности реализации им семейных прав. Социальные связи, поддерживающие человека в повседневной жизни, разрушаются или ослабевают, если человек попадает в экстремальную ситуацию, а именно отбытие наказания в виде лишения свободы.

Изучая проблему реализации осужденными семейной правоспособности в период исполнения наказания в местах лишения свободы, можно прийти к мнению, что она никак не осуществляется. Но это ошибочно, так как отношение к осужденным со стороны общества, государства и отдельных граждан свидетельствует об уровне развития данного общества, степени его гуманизма и демократизма на конкретном историческом рубеже развития.

Важнейшим вопросом для осужденных является вопрос о возможности их вступления в брак во время отбывания наказания. Так, например, среди подразделений УФСИН России по Тюменской области исправительная колония №2 занимает первое место по регистрации браков осужденных. За 2013 год было зарегистрировано около 100 браков осужденных, отбывающих наказание в исправительном учреждении №2. В настоящее время в колонии регистрируется от 3 до 5 браков каждую неделю. Обращения от женщин, желающих зарегистрировать отношения с осужденными, поступают не только из Тюмени и районов Тюменской области, но также и из соседних областей.

Особенности подачи заявления о вступлении в брак, процедура заключения определяются Федеральным законом от 15 ноября 1997 года №143-ФЗ «Об актах гражданского состояния». В отношении лиц, содержащихся в исправительных колониях, регистрация актов гражданского состояния (брак, развод) производится в общеустановленном порядке. Ведомственные акты содержат нормы, определяющие лишь техническую сторону процедуры регистрации брака с осужденными, так как они лишены права передвижения вне пределов колонии и не могут присутствовать при регистрации брака в органах ЗАГС. Регистрация производится работниками органа ЗАГС в помещении, определяемом администрацией исправительной колонии по согласованию с органом ЗАГС, при личном присутствии лиц, вступающих в брак. Присутствие свидетелей при регистрации брака по действующему семейному законодательству не является обязательным.

В случае вступления в брак с осужденными, отбывающими наказание в колониях–поселениях, регистрация осуществляется в помещении органа ЗАГС. В исправительных колониях–поселениях осужденные с разрешения администрации могут проживать со своими семьями. Реализуя свои семейные права таким образом, осужденный фактически не испытывает всех тягот и лишений, если бы он был в исправительном учреждении. Возникает вопрос, а правильно ли то, что осужденным дается такая возможность или же они специально заключают брак, чтобы избежать наказания? Точного ответа получить невозможно, в первую очередь все зависит от самого человека и от его намерений.

В соответствии с уголовно–исполнительным законодательством регистрация брака не является основанием для предоставления длительных или краткосрочных отпусков. Отметка о регистрации брака производится в анкете, имеющейся в личном деле осужденного. Становясь субъектами супружеских отношений, осужденные приобретают весь комплекс прав и обязанностей, которые установлены СК РФ.

Действующее законодательство определяет особенности брачных отношений не только при их установлении, поддержании, но и при их расторжении. Согласно ч. 2 ст. 19 СК РФ устанавливается упрощенный порядок расторжения брака по заявлению супруга, находящегося на свободе, независимо от наличия у них общих несовершеннолетних детей, если второй супруг осужден за совершение преступления к лишению свободы на срок свыше трех лет. При этом согласия на расторжение брака супруга, находящегося в исправительном учреждении, не требуется. Однако осужденный должен быть извещен о поданном в ЗАГС заявлении о разводе. Исходя из этого, брак может быть расторгнут в упрощенном порядке, то есть через орган ЗАГС лишь при осуждении лица на срок более трех лет.

Следует отметить особенности расторжения брака между супругами в случае, когда они оба находятся в местах лишения свободы. Согласно п. 4 ст. 33 ФЗ 143 «Об актах гражданского состояния» расторжение брака и государственная регистрация его производится в присутствии хотя бы одного из супругов по истечении месяца со дня подачи супругами совместного заявления о расторжении брака. Значит, должен быть создан соответствующий механизм реализации права на развод. Нам представляется, что каждый из супругов, содержащийся в местах лишения свободы, должен заполнить заявление для органа ЗАГС о разводе, которое удостоверяется начальником места лишения свободы и направляется в орган ЗАГС по месту нахождения исправительной колонии по выбору супругов. Расторжение брака в таком случае возможно в отсутствие супругов.

Социальная значимость реализации семейных прав выражается в исполнении осужденным лицом своих родительских обязанностей. По состоянию на июль 2014 г. количество лиц, содержащихся в исправительных колониях, ЛИУ, ЛПУ (больницах), на конец отчетного месяца составляет 552949, из них женщин 44869, при этом особую тревожность вызывает тот факт, что количество детей, находящихся в домах ребенка составляет 667 человек.

Вопрос осуществления родительских прав и исполнения обязанностей лицами, находящимися в местах лишения свободы, является довольно интересным и противоречивым. По данным, некоторых исследователей была выявлена следующая тенденция: более 90% осужденных, которые до отбывания наказания полностью осуществляли свои родительские права и исполняли

обязанности, после осуждения не осуществляют их и не встречаются со своими детьми. В ходе проведения исследования был выявлен высокий процент осужденных, которые ни разу не встречались со своими детьми после осуждения.

Осуществление осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы, родительских прав возможно лишь в тех формах, которые определяются условиями отбывания наказания. Формами осуществления родительских прав и обязанностей осужденными к лишению свободы являются свидания осужденных со своими детьми, осуществление воспитательного воздействия посредством переписки, телефонных переговоров, а также во время выездов осужденных за пределы исправительного учреждения.

Нам видится необходимость изменения действующего законодательства в сторону увеличения количества свиданий осужденных лиц для встречи со своими детьми. Кроме того с целью сохранения и восстановления родственных связей осужденных с родственниками, а особенно с детьми, необходимо продолжать внедрять некоторые технические инновации по использованию систем видеосвязи.

Таким образом, современные условия существования гражданского общества диктуют необходимость внесения изменений в российское законодательство по вопросу реализации семейных прав осужденными лицами, отбывающими наказание в местах лишения свободы.

Литература

1. Уголовно исполнительный кодекс Российской Федерации. М.: Норма, 2014.
2. Семейный кодекс Российской Федерации. М.: Проспект, КноРус, 2013.
3. «Об актах гражданского состояния»: Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ (ред. от 05.05.2014) // СПС Консультант Плюс
4. Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р (ред. от 31.05.2012) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года»
5. Гладковская Е.И. Реализация семейных прав: вопросы правоприменения // Вестник Пермского университета. Юридические науки – 2012. – № 2. – С.32–37.
6. Официальный сайт УФСИН по Тюменской области.

References

1. Ugolovno ispolnitel'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii. M.: Norma, 2014.
2. Semeinyi kodeks Rossiiskoi Federatsii. M.: Prospekt, KnoRus, 2013.
3. «Ob aktakh grazhdanskogo sostoyaniya»: Federal'nyi zakon ot 15.11.1997 № 143-FZ (red. ot 05.05.2014) // SPS Konsul'tant Plus.
4. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 14.10.2010 № 1772-r (red. ot 31.05.2012) «O Kontseptsii razvitiya ugovolno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii do 2020 goda»
5. Gladkovskaya E.I. Realizatsiya semeinykh prav: voprosy pravoprimeneniya // Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – 2012. – № 2. – S.32–37.
6. Oficial'nyi sait UFSIN po Tiimenskoi oblasti.

Ефименко Л.В.

Магистрант, Тюменский государственный университет

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩИЕ ВИНУ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В СОВЕРШЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Аннотация

В статье анализируются форс-мажорные обстоятельства в административном праве, имеющие место при решении вопроса о привлечении к административной ответственности юридических лиц.

Ключевые слова: юридическое лицо, административная ответственность, форс-мажорные обстоятельства, административное правонарушение.

Efimenko L.V.

Undergraduate, Tyumen State University

ESX XTENUATING CIRCUMSTANCES WHICH OCCUR WHEN DECIDING ON THE ADMINISTRATIVE LIABILITY OF LEGAL PERSONS.

Abstract

The article analyzes the force majeure in administrative law, which occur when deciding on the administrative liability of legal persons.

Keywords: a legal person, administrative liability, force majeure, an administrative offence.

Согласно ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ²⁸, «юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых настоящим Кодексом или законами субъекта Российской Федерации предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению». Установлению подлежат два обстоятельства — во-первых, наличие возможности для соблюдения правил и, во-вторых, принятие всех необходимых мер для их соблюдения.

Принятие юридическим лицом всех зависящих от него мер для соблюдения требований законодательства находится в прямой связи с тем, насколько хорошо организовано юридическое лицо, насколько компетентны его работники, насколько налажена система контроля за их деятельностью в целях избежания вредных последствий ошибок — то есть от того, наличествуют ли дефекты в организации данного юридического лица²⁹.

Таким образом, указывая на то, что юридическое лицо не приняло мер для соблюдения требований законодательства, фактически, доказывается наличие дефекта в организации данного лица — описывается его субъективное состояние. При этом можно выяснить, в чем именно заключался данный дефект-работник: не обладал достаточной компетенцией, между работниками отсутствовали взаимосвязи, и так далее - то есть указать конкретную причину совершения правонарушения, которая должна быть устранена. Перечень мер, принятие которых необходимо в определенных ситуациях, может закрепляться в нормативных актах³⁰. Безусловно, если обязанность принятия определенных мер в какой-либо ситуации закреплена законодательно, то их непринятие должно влечь ответственность. Однако представляется, что законодательное прописывание того перечня мер, принятие которых

²⁸ Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. в ред.от 21.07.2014// Консультант Плюс: URL: <http://www.consultant.ru>.

²⁹ Панов А.Б. Некоторые вопросы порядка привлечения к административной ответственности как путь к эффективности и справедливости // Право. Журнал НИУ-ВШЭ. 2011. № 4. - 0,75 п.л.

³⁰ Положение о применении Инструкции Банка России и ГТК России "О порядке осуществления валютного контроля за поступлением в Российскую Федерацию выручки от экспорта товаров" от 13.10.1999 N 86-И и N 01-23/26541 (соответственно), утв. ЦБ РФ N 101-П, ГТК РФ N 01-23/32005 22.12.1999// Консультант Плюс: URL: <http://www.consultant.ru>.

необходимо в конкретной ситуации, и привлечение к ответственности только в случае не выполнения установленных нормативными актами мер, было бы неверным. Многие обязанности могут вытекать из обычной практики, или подразумеваться.

Вопрос о том, какие меры были необходимы, в конкретной ситуации может разрешаться только с учетом специфики конкретного субъекта, и решение этого вопроса зависит исключительно от характеристики каждого конкретного лица, привлекаемого к ответственности и от конкретной ситуации. Критерии отнесения мер к необходимым являются оценочными. По той же причине в судебной практике нет единого мнения по вопросу о том, достаточными ли являются принятые меры, при анализе похожих ситуаций. Наиболее часто используются следующие критерии: необходимость мер, достаточность мер и разумность принимаемых мер.

Форс-мажорное обстоятельство гражданское законодательство определяет как чрезвычайное и непредотвратимое при данных условиях обстоятельство (пп. 1 п. 1 ст. 202, п. 3 ст. 401 ГК РФ³¹). Ст. 401 ГК РФ содержит оговорку о том, что не могут признаваться непреодолимой силой такие обстоятельства, как нарушение обязанностей со стороны контрагентов или отсутствие у него необходимых денежных средств. Последнее положение применительно к административному, а особенно таможенному праву, всегда вызывало множество замечаний у различных авторов.

Вопрос о том, какое содержание скрывается за понятием «форс-мажор» давно дискутируется в науке и судебной практике, как в России, так и за рубежом. В разных странах понятия форс-мажорных обстоятельств и критерии их установления отличаются. На основе обобщения опыта международной коммерческой практики ведущая международная предпринимательская организация - Международная торговая палата - предложила для использования детально разработанную оговорку о «форс-мажоре» и затруднительных обстоятельствах (hardship). Предлагаемая формулировка сводится к следующему.

Сторона не отвечает за неисполнение обязательства, если она докажет, что неисполнение явилось результатом препятствия, находящегося вне её контроля, и она не могла разумно предотвратить или преодолеть это препятствие или по крайней мере его последствия; от неё нельзя было разумно ожидать, что при вступлении в обязательство она рассчитывала на наступление этого обстоятельства. Указанное препятствие может стать следствием следующих событий, перечень которых не является исчерпывающим: объявленная или необъявленная война, беспорядки, революция, пиратство, саботаж; стихийные бедствия, такие, как ураганы, циклоны, землетрясения, цунами, наводнения, разрушения в результате удара молний; взрывы, пожары, выход из строя машин и оборудования, любых видов установок; бойкоты, забастовки и локауты любых видов, замедление работы, окупирование фабрик и помещений и остановки в работе; законные или незаконные действия властей. В последнее препятствие не включается отсутствие разрешения, лицензии, одобрений, разрешений и иного. Основание освобождения от ответственности отодвигает исполнение на разумный срок.

Данные условия включаются сторонами в качестве оговорки в текст заключаемого договора. Однако административные правоотношения, как правило, не основываются на договорах, и, вступая в них, стороны лишены возможности оговорить, при каких условиях сторона освобождается от ответственности за неисполнение своих обязательств.

В связи с этим представляется, что критерии, по которым определяются «форс-мажорные» обстоятельства и примерный перечень указанных обстоятельств должен быть закреплён в тексте какого-либо нормативного акта, например, в общей части КоАП РФ. Законодательное закрепление этого перечня обстоятельств способствовало бы соблюдению прав лиц, привлекаемых к ответственности, облегчало бы работу правоприменителей. В нем может быть сказано, например, что «обстоятельством, исключаящим вину юридического лица в совершении правонарушения будет наступление таких условий, при которых исполнение обязанности (воздержание от нарушения запрета) становится невозможным для исполнения (воздержания) при принятии лицом всех возможных разумных мер. То есть для преодоления этого препятствия лицо не должно нарушать иных запретов или пренебрегать исполнением иных обязанностей перед государством, кроме того, исполнение этой обязанности (запрета) не должно угрожать существованию юридического лица и разрушать его финансовую базу. При этом данное обстоятельство должно быть неожиданным и между ним и нарушением должна существовать причинная связь». Такие обстоятельства могут быть следствием наступления стихийных бедствий, техногенных катастроф или социальных волнений.

Данное определение, разработанное на основании положений теории гражданского права, позволяет отнести к форс-мажорным довольно узкий круг ситуаций. Представляется же, что в административном праве отсутствие возможности по соблюдению требований закона может признаваться в более широком круге случаев, чем те, которые попадают под определение форс-мажорных обстоятельств. Это могут быть иные обстоятельства, носящие более субъективный характер, то есть не только чрезвычайные ситуации природного, техногенного характера, или экономические и социальные потрясения, но и, например, внезапная болезнь или смерть руководителя юридического лица, что для данного юридического лица может быть непреодолимым препятствием для исполнения его обязанностей, хотя более это обстоятельство никого не затрагивает.

Данные обстоятельства могут быть условно названы «препятствующими» исполнению требований закона, в отличие от форс-мажорных, делающих исполнение требований закона невозможным.

Представляется, что виной юридического лица является вина его коллектива, выразившаяся в недостатках его организации, в результате чего стало возможным совершение правонарушения одним из работников, при попустительстве или одобрении иных членов коллектива. Вина юридического лица будет устанавливаться по наличию возможности для соблюдения правил и норм (отсутствию действия форс-мажорных обстоятельств и обстоятельств, которые в конкретной ситуации, с учетом особенностей юридического лица, являются непреодолимыми) и по разумности мер (необходимых и достаточных в данной ситуации, не причиняющих вреда юридическому лицу или иным общественным отношениям, охраняемым законом), принятых для предотвращения совершения правонарушения со стороны всего коллектива.

Обстоятельства, делающие исполнение требований закона затруднительными или невозможным, могут быть условно разделены на делающие исполнение требований закона невозможным — форс-мажорные обстоятельства, и препятствующие исполнению требований закона.

Форс-мажорными обстоятельствами в административном праве при решении вопроса о привлечении к административной ответственности можно считать наступление таких условий, при которых исполнение обязательства (воздержание от нарушения запрета) становится невозможным для исполнения (воздержания) при принятии лицом всех возможных разумных мер. При этом между указанными обстоятельствами и совершением правонарушения должна существовать прямая причинная связь.

Форс-мажорными обстоятельствами можно было бы считать, например, следующие обстоятельства: стихийные бедствия, техногенные катастрофы, социальные беспорядки и волнения, незаконные действия властей, сбои и неполадки в работе оборудования и средств коммуникации.

Не могут, к примеру, считаться форс-мажорными обстоятельствами действия контрагентов, действия работников юридического лица, которые юридическое лицо могло контролировать.

Обстоятельства, препятствующие исполнению требования закона, в отличие от форс-мажорных обстоятельств, носят более субъективный характер, то есть связаны только с данным юридическим лицом, но так же являются непреодолимыми и непредвиденными.

³¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (в ред. от 05.05.2014)// Консультант Плюс. URL: <http://www.consultant.ru>.

Литература

1. Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (в ред.от 21.07.2014// Консультант Плюс: URL: <http://www.consultant.ru>.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 N 51-ФЗ (в ред. от 05.05.2014)// Консультант Плюс. URL: <http://www.consultant.ru>.
3. Положение о применении Инструкции Банка России и ГТК России "О порядке осуществления валютного контроля за поступлением в Российскую Федерацию выручки от экспорта товаров" от 13.10.1999 N 86-И и N 01-23/26541 (соответственно), утв. ЦБ РФ N 101-П, ГТК РФ N 01-23/32005 22.12.1999// Консультант Плюс: URL: <http://www.consultant.ru>.
4. Панов А.Б. Некоторые вопросы порядка привлечения к административной ответственности как путь к эффективности и справедливости // Право. Журнал НИУ-ВШЭ. 2011. № 4.- 0,75 п.л.

References

1. Kodeks RF ob administrativnyh pravonarushenijah ot 30.12.2001 N 195-FZ (v red.ot 21.07.2014// Konsult'ant Pljus: URL: <http://www.consultant.ru>.
2. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaja)" ot 30.11.1994 N 51-FZ (v red. ot 05.05.2014)// Konsul'tant Pljus. URL: <http://www.consultant.ru>.
3. Polozhenie o primenenii Instrukcii Banka Rossii i GTK Rossii "O porjadke osushhestvlenija valjutnogo kontrolja za postupleniem v Rossijskuju Federaciju vyruchki ot jeksporta tovarov" ot 13.10.1999 N 86-I i N 01-23/26541 (sootvetstvenno), utv. CB RF N 101-P, GTK RF N 01-23/32005 22.12.1999// Konsul'tant Pljus: URL: <http://www.consultant.ru>.
4. Panov A.B. Nekotorye voprosy porjadka privlechenija k administrativnoj otvetstvennosti kak put' k jeffektivnosti i spravedlivosti // Pravo. Zhurnal NIU-VShJe. 2011. № 4.- 0,75 p.l.

Jovasevic,D.¹, Plievski,A.², Aleksic,S.³ Ugrinovska,E.⁴

¹PhD of law, ²Prof. PhD of law, ³Master, ⁴Master,

¹Faculty of law, University of Niš, Republic of Serbia ²ISU "G.R.Derzavin"- Sv.Nikole, R.Macedonia, ³Attorney of Niš, ⁴National Examination Center, R.Macedonia

THE CRIME AGAINST HUMANITY IN INTERNATIONAL LAW AND SERBIAN CRIMINAL LAW

Abstract

When the Roman Statute of permanent International Criminal Court came into force in the middle of 2002, a new branch of penal law – international criminal law – has finally been constituted. It is a system of legal regulations contained within the documents of the international community and national legislations which determine the concept and characteristics of international criminal offences, the system of penal responsibility and penalties, as well as the bodies and procedures to pronounce penalties to perpetrators of the most serious crimes against peace and international security. This finally brings into life centuries long idea of establishing universal criminal justice, or justice superior to national ones, which would pronounce penalties for breaches of international rules of conduct of states and individuals. In legislation, theory and practice, this term can be interpreted in the broader sense, as well. In this paper the author has analyzed theoretical and practical aspects of crime against humanity in international criminal law and new criminal law of Republic of Serbia (former FR Yugoslavia).

Keywords: international security, international law, crime, humanity, liability, penalty.

Basic characteristics of crimes against international law

International criminal law, as a system of legal regulations found in acts of the international community and criminal legislations of individual states, establishes criminal liability and punishments for crimes against international law. These acts represent breaches of the laws and customs of war (international humanitarian law) that violate or threaten peace among nations and the security of mankind. Penalties prescribed for these criminal offences stand for the most severe penalties in contemporary criminal legislation. In some cases, international judiciary (supranational) institutions such as The Nurnberg and The Tokyo Tribunal, The Hague Tribunal, The Rome Court etc. have primary jurisdiction over perpetrators of these criminal offences.

Crime against humanity, defined in paragraph 371. of The New Criminal Code of the Republic of Serbia (2005), represents a newly introduced criminal offence³² whose establishment is related to the Statute of The International Military Tribunal from 1945 and the Nürnberg Judgment. It is a serious crime against international law that threatens characteristic values of the entire mankind, or values that are considered as generally humane. The development of the concept of crime against humanity was predominantly influenced by the idea of the need to protect fundamental human rights and freedoms. Crime against humanity (*crimen iuris gentium*) is based upon violations of fundamental laws of humanity, i.e. each person's right to life and the right of each ethnical group to exist as such.

In the legal system of the Republic of Serbia, crimes against international law are enumerated in the Chapter Thirty Four of The Criminal Code from 2005³³, entitled "Criminal Offences against Humanity and Other Rights Guaranteed by International Law". These criminal offences actually represent acts that constitute violations of international treaties, agreements and conventions and threaten and entrench on peace among nations, the security of mankind and other values protected by the international law or are in breach of the rules of war related to the treatment of war prisoners, wounded, sick and civilians by the parties to the conflict.

The origination of these criminal offences is related to the establishment of international rules organizing relations between states in time of war and relations between the parties to the conflict in view of commencement and conduction of armed conflict. International law of war emerged as the consequence of cruel and inhumane comportment throughout the long history of wars and armed conflicts between nations and states, with the intention to humanize this most inhumane means of resolving international and inter-state disputes³⁴.

Along with the expansion of the international law of war, started the process of gradual limitation of the rights belonging to the parties to the conflict, and of controlling not only the acts committed against non-combatants, but those related to the commencement and conduction of war as well. State's right of absolute freedom to commence and conduct a war will gradually be reduced by prohibiting certain acts that include unnecessary devastation, killing and torture. Breaches of the laws and customs of war constitute crimes under the laws of war. Having accepted international obligations by signing and ratifying numerous international conventions, certain states included several criminal offences against humanity and other rights guaranteed by international law in their criminal legislation. Such criminal

³² Previous absence of this incrimination has been justified by the fact that it has been covered by the crime of genocide, but contemporary practice related to the civil war on the territory of former Yugoslavia indicated that some crimes against the civilian population cannot be treated as genocide since not being aimed to destroy, in whole or in part, a national, racial, religious or ethnical group, whereas the time of their perpetration does not allow them to be considered as war crimes against the civilian population.

³³ Official gazette of the Republic of Serbia No : 85/2005, 88/2005, 107/2005, 72/2009 and 111/2009.

³⁴ D.Jovašević, Leksikon krivičnog prava, Beograd, 2011. p. 345.

offences are committed by violating rules contained in international conventions. Their source lays in the prohibitions proclaimed in international legal documents (acts)³⁵.

Subject of protection under international criminal law consists of humanity and other universally recognized and generally accepted values protected by international law. The protection of humanity pertains to the protection of essential human rights such as: life, physical integrity, honor, reputation and personal dignity and other fundamental human rights and freedoms. Additional rights belonging to natural persons, individual states and the entire international community are also of general, universal significance and therefore protected and guaranteed by international law.

The majority of crimes against the international law can be committed only in a certain period of time determined by the law : 1) during war, 2) armed conflict or 3) occupation. These criminal offences are most commonly committed in an organized manner with the aim to implement certain governing group's or party's politics. Being considered as an aspect of organized, planned criminality, these offences are most frequently committed by the order of superior military or political leaders. Due to that, it is required to determine individual criminal responsibility of organizer, order-giver and offender.

These criminal offences can be committed only by premeditation. Some of the criminal offences contained in this group are not subject to limitations on criminal prosecution and limitations on enforcement of penalty: genocide, crime against humanity, war crimes and other criminal offences that pursuant to ratified international treaties cannot be subject to limitations. The theory of international criminal law recognizes several sorts of crimes against international law. They are most commonly divided into two categories: 1) crimes against international law in the narrow sense (genuine or pure crimes against international law) and 2) crimes against international law in the broader sense, or transnational crimes (counterfeit or mixed).

This classification was adopted for the first time at the 14th Congress of The International Criminal Law Association that took part in Vienna in 1989. The criterion of the division is the jurisdiction of international criminal courts, which is established only in the case of crimes against international law in the narrow sense. Crimes against international law in the narrow sense belong to the first group of these criminal acts. These crimes against international law represent violations of laws and customs of war (meaning the rules of international law of war and international humanitarian law). They are incorporated in the Judgments of the Nürnberg and the Tokyo Tribunal, and are also known as criminal offences under general international law (or *crimina iuris gentium*).

The following criminal offences can be placed in this category: 1) crime against peace, 2) war crimes, 3) genocide and 4) crime against humanity.

In legal theory³⁶, there are opinions suggesting that these criminal offences should be referred to as international crimes *stricto sensu* that are prohibited by cogent rules of international law such as The Hague or The Geneva Conventions. The following features of crimes against humanity in the broader sense (core crimes) are pointed out in legal theory: 1) these international crimes have double-layered nature. Their commission draws the following consequences: a) individual criminal liability either of a perpetrator or of an accomplice, or of a superior (on the grounds of superior liability) on one hand and b) the responsibility of a state under international law, on the other, 2) international crimes violate essential (fundamental) human rights and they are, therefore prohibited as repression against the same crimes committed by the opposite party, 3) international crimes are not subject to limitations on criminal prosecution and limitations on enforcement of penalty and 4) general international law imposes as an *erga omnes* obligation on the states not to breach the basic rules that prohibit these acts³⁷.

The crime against humanity and the nürnberg law

In its 6th paragraph, Statute of the International Military Tribunal, adopted in pursuance of the London Agreement signed on August 8th 1945 by the Governments of the Allies, defines crimes against international law whose perpetrators shall be convicted by the tribunal, either as individuals or as members of an organization. It includes³⁸: 1) crimes against peace, 2) war crimes and 3) crimes against humanity.

Together with direct perpetrators of these crimes against international law, leaders, organizers, instigators and accomplices participating in the formulation or execution of a common plan or conspiracy to commit any of the foregoing crimes are responsible as well. Actually, this refers to liability and punishment of accomplices under the accessory principle of subjective criminal liability. According to paragraph 27. and 28. of the Statute, the following punishments can be imposed on the offender³⁹: 1) capital punishment, 2) or such other punishment as shall be determined by the Tribunal to be fair and 3) confiscation or deprivation of any stolen property.

Crime against humanity was determined for the first time in paragraph 6. subpart 2 of The Statute of The International Military Tribunal. It includes the following acts⁴⁰: 1) murders, 2) extermination, 3) enslavement, 4) deportation and 5) other inhumane acts.

Crime against humanity demands the presence of two more elements: 1) the fact that the act was committed against any civilian population and 2) that it was committed in certain times- before or during the war. Any persecutions based upon political, racial or religious grounds in execution of or in connection with any crime within the jurisdiction of the Tribunal, whether or not in violation of the domestic law of the country where perpetrated are also considered as crimes against humanity.

Such perpetration literally disables and aggravates living of entire groups of people (members of a political, racial or religious group), not only during but also previous to the war. Although the Statute does not mention it explicitly, this criminal offence actually constitutes the crime of genocide. This was the only criminal offence within the jurisdiction of International Military Tribunal that could be committed regardless of war or armed conflict.

The crime against humanity and Control Council for Germany Law No. 10

Control Council for Germany Law No. 10 dedicated to the punishment of persons guilty of war crimes, crimes against peace and against humanity recognizes the same criminal offences in its paragraph 2., but, besides the three abovementioned types of crime, it also includes a particular criminal offence comprised of the very membership in categories of a criminal group or organization declared as criminal by the International Military Tribunal.

In subpart 2. of this paragraph The Law specifically determined that the following persons can be punished for these crimes⁴¹: 1) any person without regard to nationality or the capacity in which he acted if he was a principal or an accessory to the commission, 2) any person who ordered or abetted the same or took a consenting part therein, 3) any person who was connected with plans or enterprises involving the commission of the crimes, 4) any person who held a high political, civil or military position in Germany or in one of its Allies, co-belligerents or satellites and 5) any person who held high position in the financial, industrial or economic life of any of those countries.

According to subpart 3. of this paragraph, for any of these crimes one or more of the following punishments may be imposed on the perpetrator: 1) capital punishment, 2) imprisonment for life or a term of years, with or without hard labor, 3) fine, and imprisonment with or without hard labor, in lieu thereof, 4) forfeiture of property, 5) restitution of unlawfully acquired property and 6) deprivation of some or all civil rights.

³⁵ O. Triffterer, Acts of violence and international criminal law, Hrvatski ljetopis za kazneno pravo i praksu, Zagreb, No. 2, 1997. pp. 811-832.

³⁶ B. Petrović, D. Jovašević, Međunarodno krivično pravo, Sarajevo, 2010. pp. 103-105.

³⁷ V. Đ. Degan, B. Pavišić, Međunarodno kazneno pravo, Zagreb, 2005. pp. 186-187.

³⁸ Lj. Prljeta, Zločin protiv čovečnosti i međunarodnog prava, Beograd, 1992. pp. 35-46.

³⁹ R. H. Jackson, The case the nazi war criminals, New York, 1946. pp. 18-32.

⁴⁰ D. Jovašević, Međunarodno krivično pravo, Niš, 2011. pp. 221-223.

⁴¹ Lj. Prljeta, Zločin protiv čovečnosti i međunarodnog prava, Beograd, 1992. pp. 47-53.

The crime against humanity according to The Statute of the Hague Tribunal

Statute of the International Tribunal for the Prosecution of Persons Responsible for Serious Violations of International Humanitarian Law Committed in the Territory of the Former Yugoslavia since 1991 was adopted upon Security Council Resolution S/RES/827 from 25 May 1993. The Statute (known as The Hague Statute) recognizes 4 types of crimes against international law. These are: 1) grave breaches of the Geneva Conventions of 1949, 2) violations of the laws or customs of war, 3) genocide and 4) crimes against humanity. Imprisonment is the only penalty that can be imposed by the Tribunal, and in determining the terms of imprisonment, the Trial Chambers shall have recourse to the general practice regarding prison sentences in the courts of the former Yugoslavia, taking at the same time into consideration the gravity of the offence (objective circumstances) and the individual characteristics of the convicted person (subjective circumstances). In addition to imprisonment, the following sanctions may be also imposed: 1) return of any property to the rightful owners (restitution) and 2) confiscation of any proceeds acquired by criminal acts.

Crime against humanity, also known as the gravest criminal offence of today or the “crime above all crimes”, is described in paragraph 5. of The Hague Statute. The practice of the Hague Tribunal has not accepted the extensive interpretation of this crime, which would include the intention to destroy national, linguistic, religious, cultural or any other identity of a group without its physical extermination. However, the Hague Statute is familiar with another grave criminal offence whose characteristics and attributes make it similar to the crime of genocide. It is crime against humanity. This criminal offence is found in paragraph 5. of the Hague Statute.

The description of this crime against international law clearly states that it can be committed only within an armed conflict (either international or internal in character) and directed only against civilian population, if including⁴²: 1) murder, 2) extermination, 3) enslavement, 4) deportation, 5) imprisonment, 6) torture, 7) rape, 8) persecutions on political, racial and religious grounds and 9) committing other inhumane acts.

The abovementioned acts ought to be committed under the following circumstances in order to constitute crime against humanity⁴³: 1) an attack has to be committed—an attack can take place even when armed force has not been used, as long as it includes maltreatment of the civilian population or preparations for such acts, 2) criminal offences committed by the accused have to be a part of that attack, 3) the attack has to be directed against any category of the civilian population, 4) the attack has to be either extensive or systematic. An attack is considered as extensive when being of a wide-spread nature or when being directed against a large number of persons. An attack is described as systematic if the violent acts are committed in an organized manner or with slight probability of being committed accidentally and 5) the perpetrator has to be familiar with (aware of) the fact that his acts are committed within an extensive or systematic attack against civilian population.

The crime against humanity according to The Statute of The International Criminal Tribunal for Rwanda

Criminal offences against international law, prescribed by The Statute of The International Criminal Tribunal for Rwanda, and their features and characteristics are the same as those included in the Hague Statute. The Statute of The International Criminal Tribunal for Rwanda was adopted by The UN Security Council Resolution 955 from 8 November 1994. This tribunal has jurisdiction over persons responsible for genocide and other grave violations of international humanitarian law committed in the territory of Rwanda as well as over Rwandan citizens who committed such crimes in the territory of neighboring States during 1994. Since, according to the interpretation of The UN Security Council, there was no armed conflict in this case, this Tribunal has jurisdiction neither for the criminal offence comprised of “grave breaches of the Geneva Conventions of 1949” nor for “violations of the laws or customs of war”.

To be exact, the Statute (known as The Statute of The Rwanda Tribunal) is familiar with three types of crimes against international law. These are⁴⁴: 1) genocide (paragraph 2), 2) crime against humanity (paragraph 3), 3) crime comprised of serious violations of paragraph 3 common to the Geneva Conventions from 1949, and of Additional Protocol II thereto from 1977 (paragraph 4).

The Tribunal may impose only one type of punishment on the perpetrator of these criminal offences, which is imprisonment appearing in two forms : 1) as a term of life imprisonment and 2) as imprisonment for a specified number of years. In determining the terms of imprisonment, the Trial Chambers of the Rwanda Tribunal is obliged to take in consideration the gravity of the criminal offence committed (objective circumstances) and the personal characteristics of the accused (subjective circumstances). In addition to imprisonment, two measures can be imposed on the perpetrator: 1) the return of any property to the rightful owners (restitution) and 2) the confiscation of proceeds acquired by criminal conduct.

The gravest criminal offence of today-genocide is prescribed in paragraph 2 of the Rwanda Tribunal Statute. It consists of intentional extermination⁴⁵, in whole or in part, of a national, ethnical, racial or religious group. Another grave crime against international law, prescribed in The Statute, is “crime against humanity” (or crime against the human family). This criminal offence represents a crime against international law and is prescribed in paragraph 3 of the Rwanda Statute. It is explicitly highlighted in the description of this criminal offence that it can be committed only against the civilian population during an armed conflict if consisting of the following acts⁴⁶: 1) murder, 2) extermination, 3) enslavement, 4) deportation, 5) imprisonment, 6) torture, 7) rape, 8) persecutions on political, racial and religious grounds and 9) committing other inhumane acts.

In order to constitute crime against humanity, the acts enumerated by The Statute ought to be committed under the following circumstances: 1) there has to be an attack—an attack is conducted even if no armed force has been used provided that the civilian population has been maltreated or if such acts have been prepared (planned), 2) the acts of the accused need to be committed as a part of such attack, 3) the attack has to be directed against any category of the civilian population, 4) the attack must be widespread or systematic. An attack is widespread if being of extensive nature or when being directed against a large number of persons. A systematic attack refers to the organized character of the violent acts with slight probability that it occurred accidentally and 5) the perpetrator has to be aware of the fact that his acts are committed within a widespread or systematic attack directed against the civilian population.

The crime against humanity according to the Rome Statute

Rome Statute of International Criminal Court, adopted on OUN diplomatic conference that took part in Rome on July 17. 1998, states that the court will exercise jurisdiction over conducting criminal procedure, determining criminal liability and imposing criminal sanctions on persons who have committed crimes recognized as the most serious by the international community as a whole.

Paragraph 5. of the Statute proclaims the jurisdiction of the Court with respect to the following crimes⁴⁷: 1) the crime of genocide, 2) crimes against humanity, 3) war crimes and 4) the crime of aggression. According to paragraph 77, the Court may impose one of the following penalties on the perpetrator of some of these criminal offences: 1) imprisonment for a specified number of years, which may not exceed a maximum of 30 years, 2) a term of life imprisonment when justified by the extreme gravity of the crime and the individual circumstances of the convicted person, 3) a fine under the criteria provided for in the Rules of Procedure and Evidence and 4) a forfeiture of proceeds, property and assets derived directly or indirectly from the crime committed.

⁴² D.Jovašević, Krivično pravo, Posebni deo, Beograd, 2014. pp.317-318.

⁴³ D.Jovašević, Međunarodno krivično pravo, Niš, 2011. pp.89-92.

⁴⁴ D.Jovašević, Međunarodna krivična dela – odgovornost i kažnjivost, Niš, 2010. pp. 233-237.

⁴⁵ The extermination (destruction) of a group stands for physical destruction and does not include the destruction of its cultural being.

⁴⁶ D.Jovašević, Krivično pravo, Posebni deo, Beograd, 2014. pp.318-321.

⁴⁷ D.Jovašević, Međunarodna krivična dela – odgovornost i kažnjivost, Niš, 2010. pp. 239-250.

Paragraph 7 of the International Criminal Court Statute is dedicated to crime against humanity. The Rome Statute makes distinction between this criminal offence and the crime of genocide, although in the times when crime against humanity entered the system of international incriminations, there were standpoints in legal theory that treated these two terms as identical.

Crime against humanity includes acts committed as a part of a widespread or systematic attack⁴⁸ directed against any civilian population⁴⁹. For the purpose of this criminal offence, an attack can consist of the following acts: 1) murder, 2) extermination, 3) enslavement- the exercise of the powers attached to the right of ownership over a person, 4) deportation or forcible transfer of population- forced displacement of the persons from the area in which they are lawfully present, 5) imprisonment or other severe deprivation of physical liberty in violation of fundamental rules of international law, 6) torture - the intentional infliction of severe pain or suffering, whether physical or mental, upon a person deprived of liberty, 7) rape, sexual slavery, enforced prostitution, forced pregnancy, enforced sterilization, or any other form of sexual violence of, 8) persecution against any identifiable group or collectivity on political, racial, national, ethnic, cultural, religious, gender or other grounds that are universally recognized as impermissible under international law- deprivation of recognized fundamental rights of a group, 9) causing disappearance of persons (enforced disappearance of persons), 10) the crime of apartheid- inhumane acts committed in the context of an institutionalized regime and 11) other inhumane acts intentionally causing great suffering, or serious danger to mental or physical health.

The crime against humanity according to the criminal law of the Republic of Serbia

Chapter 34 of the Criminal Code of The Republic of Serbia contains the following "genuine" crimes against international law⁵⁰: 1) genocide (paragraph 373), 2) crime against humanity (paragraph 371), 3) war crime against civilian population (paragraph 372), 4) war crime against the wounded and sick (paragraph 373), 5) war crime against prisoners of war (paragraph 374) and 6) organizing and Incitement to Genocide and War Crimes (paragraph 375).

The word "genocide"⁵¹ is a compound, created from a Greek word *genos*, meaning nation or tribe, and a Latin word *caedes*, which means killing or slaughter (massacre). When translated literally this word stands for the extermination of an entire nation or tribe. Genocide was proclaimed as "a crime against international law, which is in contradiction with the spirit and the aims of the OUN and condemned by the entire civilized world" by OUN General Assembly Resolution 96/1 from 11 December 1946⁵². In spite of the fact that it initially emerged as a "subspecies of crime against humanity", genocide rapidly obtained autonomous status and contents as one of the most serious crimes of today. Nowadays, it is also called "the crime above all crimes". As a crime against international law, genocide is determined by three elements: 1) the objective component - *actus reus*, 2) the subjective component - *mens rea* and 3) the subject of the act - the victim (the group).

The source of this incrimination is found in Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide from 1948, which defines the contents and the elements of this crime against international law. In legislation, theory and practice this term has a more extensive interpretation. Namely, this expression includes not only killing but also extermination, committed in any other way, of a particular group that forms a consistent entity based upon national, ethnical, racial or religious foundation. The subject of protection includes humanity and international law.

Crime against humanity⁵³, defined in paragraph 371. of The New Criminal Code of the Republic of Serbia (2005)⁵⁴, represents a newly introduced criminal offence⁵⁵ whose establishment is related to the Statute of The International Military Tribunal from 1945 and the Nürnberg Judgment⁵⁶. It is a serious crime against international law that threatens characteristic values of the entire mankind, or values that are considered as generally humane. The development of the concept of crime against humanity was predominantly influenced by the idea of the need to protect fundamental human rights and freedoms.

Crime against humanity (*crimen iuris gentium*) is based upon violations of fundamental laws of humanity, i.e. each person's right to life and the right of each ethnical group to exist as such.

Accordingly, the acts in question are directed against the conditions that are essential for the survival of a human being, individual human groups and mankind as a whole. Therefore, legal theory points out the following elements of crimes against humanity⁵⁷: 1) the latter are considered as particularly abhorrent violations that seriously offend human dignity and cause humiliation of one or several persons, 2) these crimes are not isolated or sporadic cases, but are committed as a part of certain state government's politics or as an extensive or systematic practice, which is tolerated, pardoned or accepted, either by the official government or by the unofficial (de facto) regime, 3) the acts in question are prohibited and punishable whether committed in war or in peace and 4) the victims of this crime can be the civilians, or, if committed during an armed conflict, persons who do not participate or who no longer participate in the conflict, as well as the combatants of the opposite party, in accordance with the international customary law.

This criminal offence is committed if a person, in violation of the rules of international law, as part of a wider⁵⁸ and systematic⁵⁹ attack against civilian population⁶⁰ orders or commits: murder, inflicting on the group conditions of life calculated to bring about its complete or

⁴⁸ It is deemed that such attack consists of the attack committed within the state's politics or in order to complete the aims of some other organization. The attack does not necessarily have to be of military nature. This criminal offence can be perpetrated in times of war as well as in times of peace. Consequently, isolated and individual attacks are not covered by this incrimination.

⁴⁹ The victim of this crime is not an individual person, but the entire mankind.

⁵⁰ D.Jovašević, *Krivično pravo, Posebni deo*, Beograd, 2014. pp.322-336.

⁵¹ B.Petrović, D.Jovašević, *Krivično (kazneno) pravo II, Posebni dio*, Sarajevo, 2005. pp.39-45.

⁵² Official gazette of the SFR Yugoslavia No. 56/1950.

⁵³ A.Kaseze, *Međunarodno krivično pravo*, Beograd, 2005. pp.115-118.

⁵⁴ Official Gazette of the Republic of Serbia No. 85/2005, 88/2005, 107/2005, 72/2009 and 111/2009. More : D.Jovašević, *Krivični zakonik Republike Srbije sa uvodnim komentarom*, Beograd, 2007.

⁵⁵ Previous absence of this incrimination has been justified by the fact that it has been covered by the crime of genocide, but contemporary practice related to the civil war on the territory of former Yugoslavia indicated that some crimes against the civilian population cannot be treated as genocide since not being aimed to destroy, in whole or in part, a national, racial, religious or ethnical group, whereas the time of their perpetration does not allow them to be considered as war crimes against the civilian population.

⁵⁶ It is assumed that one of the first judgments dealing with crime against humanity is the judgment of The Special Court of Cassation of Holland from 1949, saying that the characteristics of the crimes of this category include gravity and ferociousness, large extensions, the fact that they represent a part of the system aimed to spread terror or a link in politics deliberately conducted against some groups of population

⁵⁷ D.Jovašević, *Međunarodna krivična dela – odgovornost i kažnjivost*, Niš, 2010. pp.263-268.

⁵⁸ The term "wider attack" should be interpreted as the fact that the armed conflict is taking place on a broader territory.

⁵⁹ The term "systematic attack" should be interpreted as a planned attack, on which an arrangement has previously been achieved and certain directions given. The plan can be incorporated in a broader military or political plan, but can also be related to particular operations.

⁶⁰ The attack directed against the civilian population signifies the behavior that includes repeated perpetration of the acts enumerated in the law against any civilian population, on the grounds or with the aim of certain state's politics or the politics of an organization to commit such attack.

partial extermination⁶¹, enslavement, deportation, torture, rape, forcing to prostitution, forcing pregnancy or sterilization aimed at changing the ethnic balance of the population, persecution⁶² on political, racial, national, ethical, sexual or other grounds, detention or abduction of persons without disclosing information on such acts in order to deny such person legal protection, oppression of a racial group or establishing domination or one group over another, or other similar inhumane acts that intentionally cause serious suffering or serious endangering of human health.

The subjects of protection are humanity and international law.

The subject of the attack is the civilian population, i.e. members of the entire non-combating population regardless of their citizenship, who found themselves on the occupied territory or territory under the regime of the opposite party. Although this criminal offence is committed by conducting certain acts against individuals, its aim is not to eliminate those individuals as particular persons but to contribute to the conduction of a wider or systematic attack directed against the entire civilian population⁶³. Accordingly, the intent is to destroy (exterminate) the entire or the majority of the civilian population, whereas the elimination of individuals represents only a means of accomplishing this intent. Namely, it refers to acts repeatedly committed against civilians on grounds of or with the intent to realize particular state's politics or the politics of a certain organization (e.g. a political party or similar organization). The aim of this incrimination is to ensure every person's right to life along with providing respect of fundamental human rights and freedoms⁶⁴.

The criminal act is comprised of a series of diverse acts that can be divided into several categories: 1) Killing another person-murder, 2) Inflicting on the population or its part conditions of life calculated to bring about its complete or partial extermination⁶⁵, 3) Enslavement or compulsory deportation of the population, 4) Torture, 5) Raping, forcing to prostitution, forcing pregnancy or sterilization aimed at changing the ethnic balance of the population, 6) Persecution⁶⁶ grounded on political, racial, national, ethical, cultural, sexual or other grounds, 7) Detention or abduction of persons without disclosing information on such acts in order to deny such person legal protection, 8) Oppression of a racial group or establishing domination or one group over another and 9) Other similar inhumane acts that intentionally cause serious suffering or seriously endanger human health

The criminal act can be perpetrated in two ways: 1) by ordering and 2) by directly committing the act. Giving order to commit the previously mentioned acts represents a particular and an autonomous act of crime against humanity. In general, ordering represents a form of incitement. However, in this case it is not treated as complicity, but as a special way to commit this criminal offence. This criminal offence is usually committed in an organized and systematic manner in accordance with a previously designed plan, giving a special power to the order of a superior, which causes the autonomous nature of its criminal responsibility. To be exact, the superior will be responsible for having ordered crime against humanity to be committed even if the subordinate refused or in any other way avoided to obey such order⁶⁷.

It is essential for the criminal act that one or more acts are committed repeatedly⁶⁸: 1) by violating rules of international law and therefore unlawfully, which the perpetrator has to be aware of and 2) as part of a wider and systematic attack directed against any part of civilian population.

According to the grammatical interpretation of this paragraph, one might conclude that this criminal offence can be committed only during an armed conflict („within the attack“), which is incorrect. It is more appropriate to assume that crimes of this kind can be committed during as well as after the armed conflict, as long as the criminal acts are being perpetrated in the context of wider or systematic attack directed against the civilian population.

The consequence of the act emerges as an injury or as the deprivation of fundamental human rights and freedoms of the civilian population. It can be completed by causing a smaller or a larger amount of individual consequences. The number of individual consequences does not influence the existence of the criminal offence, but has an impact on the determination of punishment.

Any person can be the perpetrator of this criminal offence, and, when guilt is concerned, direct premeditation is required.

The punishment prescribed for this criminal act is minimum five years' prison or thirty to forty years' prison.

The New Criminal Code of the Republic of Serbia from 2005 explicitly points out that this criminal offence is not subject to limitations on criminal prosecution and limitations on enforcement of penalty.

Conclusion

International criminal law, as a system of legal regulations found in acts of the international community and criminal legislations of individual states, establishes criminal liability and punishments for crimes against international law. These acts represent breaches of the laws and customs of war (international humanitarian law) that violate or threaten peace among nations and the security of mankind. Penalties prescribed for these criminal offences stand for the most severe penalties in contemporary criminal legislation. In some cases, international judiciary (supranational) institutions such as The Nurnberg and The Tokyo Tribunal, The Hague Tribunal, The Rome Court etc. have primary jurisdiction over perpetrators of these criminal offences. Due to its significance, nature and character, the crime above all crimes stands out among all the crimes against international law. It is the crime against humanity.

Crime against humanity (*crimen iuris gentium*) is based upon violations of fundamental laws of humanity, i.e. each person's right to life and the right of each ethnical group to exist as such. Accordingly, the acts in question are directed against the conditions that are essential for the survival of a human being, individual human groups and mankind as a whole. Therefore, legal theory points out the following elements of crimes against humanity : 1) the latter are considered as particularly abhorrent violations that seriously offend human dignity and cause humiliation of one or several persons, 2) these crimes are not isolated or sporadic cases, but are committed as a part of certain state government's politics or as an extensive or systematic practice, which is tolerated, pardoned or accepted, either by the official government or by the unofficial (de facto) regime, 3) the acts in question are prohibited and punishable whether committed in war or in peace and 4) the victims of this crime can be the civilians, or, if committed during an armed conflict, persons who do not participate or who no longer participate in the conflict, as well as the combatants of the opposite party, in accordance with the international customary law.

⁶¹ Extermination includes deliberately imposing such conditions, especially deprivation of access to food and medicaments, which can cause the destruction of a part of the population.

⁶² The persecution can be related to any group of people or community on political, racial, national, ethnical, cultural, religious, sexual, or other grounds, which is universally recognized as unacceptable in international law with regard to any criminal act. This situation includes deliberate and severe deprivation, or denial of fundamental human rights and freedoms due to the membership in a particular group of people or community, which is in contradiction with international law.

⁶³ D.Radulović, *Međunarodno krivično pravo*, Podgorica, 1999. pp.115-120.

⁶⁴ Lj. Lazarević, B.Vučković, V.Vučković, *Komentar Krivičnog zakonika Crne Gore*, Cetinje, 2004. pp.1021-1025.

⁶⁵ Extermination includes deliberately imposing such conditions, especially deprivation of access to food and medicaments, which can cause the destruction of a part of the population.

⁶⁶ The persecution can be related to any group of people or community on political, racial, national, ethnical, cultural, religious, sexual, or other grounds, which is universally recognized as unacceptable in international law with regard to any criminal act. This situation includes deliberate and severe deprivation, or denial of fundamental human rights and freedoms due to the membership in a particular group of people or community, which is in contradiction with international law.

⁶⁷ B.Pavišić, V.Grozđanić, P.Veić, *Komentar Kaznenog zakona*, Zagreb, 2007. pp.428-431.

⁶⁸ M.Simović, M.Bлагоjević, *Međunarodno krivično pravo*, Banja Luka, 2007. pp.130-135.

This criminal offence (inclusion international criminal law and criminal law of the Republic of Serbia) is committed if a person, in violation of the rules of international law, as part of a wider and systematic attack against civilian population murders or commits: murder, inflicting on the group conditions of life calculated to bring about its complete or partial extermination, enslavement, deportation, torture, rape, forcing to prostitution, forcing pregnancy or sterilization aimed at changing the ethnic balance of the population, persecution on political, racial, national, ethical, sexual or other grounds, detention or abduction of persons without disclosing information on such acts in order to deny such person legal protection, oppression of a racial group or establishing domination or one group over another, or other similar inhumane acts that intentionally cause serious suffering or serious endangering of human health.

References

1. Degan, V.Đ., Pavišić, B. (2005). Međunarodno kazneno pravo. Zagreb. Narodne novine.
2. Jackson, R.H. (1946). The case the nazi war criminals. New York.
3. Jovašević, D. (2007). Krivični zakonik Republike Srbije sa uvodnim komentarom. Beograd. Službeni list.
4. Jovašević, D. (2010). Međunarodna krivična dela – odgovornost i kažnjivost. Niš. Pravni fakultet.
5. Jovašević, D. (2011). Leksikon krivičnog prava. Beograd. Službeni glasnik.
6. Jovašević, D. (2011). Međunarodno krivično pravo. Niš. Pravni fakultet.
7. Jovašević, D. (2014). Krivično pravo. Posebni deo. Beograd. Dosije.
8. Kaseze, A. (2005). Međunarodno krivično pravo. Beograd. Beogradski centar za ljudska prava.
9. Lazarević, L.J., Vučković, B., Vučković, V. (2004). Komentar Krivičnog zakonika Crne Gore. Cetinje. Obod.
10. Official Gazette of the Republic of Serbia No. 85/2005, 88/2005, 107/2005, 72/2009 and 111/2009.
11. Official gazette of the SFR Yugoslavia No. 56/1950.
12. Pavišić, B., Grozdanić, V., Veić, P. (2007). Komentar Kaznenog zakona. Zagreb. Narodne novine.
13. Petrović, B., Jovašević, D. (2005). Krivično (kazneno) pravo II. Posebni dio. Sarajevo. Pravni fakultet.
14. Petrović, B., Jovašević, D. (2010). Međunarodno krivično pravo. Sarajevo. Pravni fakultet.
15. Prljeta, Lj. (1992). Zločin protiv čovečnosti i međunarodnog prava. Beograd. Službeni list.
16. Radulović, D. (1999). Međunarodno krivično pravo. Podgorica. Kultura.
17. Simović, M., Blagojević, M. (2007). Međunarodno krivično pravo. Banja Luka. Pravni fakultet.
18. Triffterer, O. (1997). "Acts of violence and international criminal law". Hrvatski ljetopis za kazneno pravo i praksu. Zagreb. No. 2.

Jovasevic, D.¹, Ilievski, A.², Aleksic, S.³ Ugrinovska, E.⁴

¹PhD of law, ²Prof. PhD of law, ³Master, ⁴Master,

¹Faculty of law, University of Niš, Republic of Serbia ²ISU "G.R.Derzavin"- Sv.Nikole, R.Macedonia, ³Attorney of Niš, ⁴National Examination Center, R.Macedonia

THE CRIME OF GENOCIDE IN THEORY AND PRACTICE OF CRIMINAL LAW OF REPUBLIC OF SERBIA

Abstract

International criminal law, as a system of legal regulations found in acts of the international community and criminal legislations of individual states, establishes criminal liability and punishments for crimes against international law. These acts represent breaches of the laws and customs of war (international humanitarian law) that violate or threaten peace among nations and the security of mankind. Penalties prescribed for these criminal offences stand for the most severe penalties in contemporary criminal legislation. In some cases, international judiciary (supranational) institutions such as The Nurnberg and The Tokyo Tribunal, The Hague Tribunal, The Rome Court etc. have primary jurisdiction over perpetrators of these criminal offences. This criminal offence means the killing of a nation or a tribe. Genocide was proclaimed as "a crime under international law, which is in contradiction with the spirit and the aims of the OUN and condemned by the entire civilized world" by UN General Assembly Resolution 96/I from 11 December 1946. Although it emerged as a "subspecies of crime against humanity", genocide rapidly obtained an autonomous status and contents as one of the most serious crimes of today. As a crime against international law, genocide is determined by three elements: a) the objective component- actus reus b) the subjective component- mens rea c) the subject of the act-the group-the victim. The source of this incrimination is found in Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide from 1948, which, in paragraph 2, defines the term and the elements of this crime against international law. In legislation, theory and practice, this term can be interpreted in the broader sense, as well. In this paper the author has analyzed theoretical and practical aspects of genocide in international criminal law and criminal law of Republic of Serbia (former FR Yugoslavia).

Keywords: international law, humanity, crime, genocide, court, responsibility, penalty.

Crimes against international law

1. The notion and characteristics of international crimes

In the legal system of the Republic of Serbia, crimes against international law are enumerated in the Chapter Thirty Four of The Criminal Code⁶⁹ from 2005., entitled "Criminal Offences against Humanity and Other Rights Guaranteed by International Law". These criminal offences actually represent acts that constitute violations of international treaties, agreements and conventions and threaten and entrench on peace among nations, the security of mankind and other values protected by the international law or are in breach of the rules of war related to the treatment of war prisoners, wounded, sick and civilians by the parties to the conflict.

The origination of these criminal offences is related to the establishment of international rules organizing relations between states in time of war and relations between the parties to the conflict in view of commencement and conduction of armed conflict. International law of war emerged as the consequence of cruel and inhumane comportment throughout the long history of wars and armed conflicts between nations and states, with the intention to humanize this most inhumane means of resolving international and inter-state disputes⁷⁰.

Along with the expansion of the international law of war, started the process of gradual limitation of the rights belonging to the parties to the conflict, and of controlling not only the acts committed against non-combatants, but those related to the commencement and conduction of war as well. State's right of absolute freedom to commence and conduct a war will gradually be reduced by prohibiting certain acts that include unnecessary devastation, killing and torture. Breaches of the laws and customs of war constitute crimes under the laws of war. Having accepted international obligations by signing and ratifying numerous international conventions, certain states included several criminal offences against humanity and other rights guaranteed by international law in their criminal legislation. Such criminal offences are committed by violating rules contained in international conventions. Their source lays in the prohibitions proclaimed in international legal documents (acts)⁷¹.

Subject of protection under international criminal law consists of humanity and other universally recognized and generally accepted values protected by international law. The protection of humanity pertains to the protection of essential human rights such as: life, physical

⁶⁹ Official journal of the Republic of Serbia No. : 85/2005, 88/2005, 107/2005, 72/2009 i 111/2009. More : D.Jovašević, Krivični zakonik Republike Srbije sa uvodnim komentarom, Beograd, 2007.

⁷⁰ D.Jovašević, Krivično pravo, Posebni deo, Beograd, 2014. pp.305-311.

⁷¹ S.Zadnik, Kaznena djela protiv vrijednosti zaštićenih međunarodnim pravom i novine u zakonodavstvu u svezi sa tim djelima, Hrvatska pravna revija, Zagreb, No.12, 2003.pp.83-86.

integrity, honor, reputation and personal dignity and other fundamental human rights and freedoms. Additional rights belonging to natural persons, individual states and the entire international community are also of general, universal significance and therefore protected and guaranteed by international law.

The majority of crimes against the international law can be committed only in a certain period of time determined by the law: during war, armed conflict or occupation. These criminal offences are most commonly committed in an organized manner with the aim to implement certain governing group's or party's politics. Being considered as an aspect of organized, planned criminality, these offences are most frequently committed by the order of superior military or political leaders. Due to that, it is required to determine individual criminal responsibility of organizer, order-giver and offender⁷². These criminal offences can be committed only by premeditation. Some of the criminal offences contained in this group are not subject to limitations on criminal prosecution and limitations on enforcement of penalty: genocide, crime against humanity, war crimes and other criminal offences that pursuant to ratified international treaties cannot be subject to limitations.

2. The system of international crimes

The theory of international criminal law recognizes several sorts of crimes against international law. They are most commonly divided into two categories: a) crimes against international law in the narrow sense (genuine or pure crimes against international law) and b) crimes against international law in the broader sense, or transnational crimes (counterfeit or mixed). This classification was adopted for the first time at the 14th Congress of The International Criminal Law Association that took part in Vienna in 1989. The criterion of the division is the jurisdiction of international criminal courts, which is established only in the case of crimes against international law in the narrow sense⁷³.

Crimes against international law in the narrow sense belong to the first group of these criminal acts. These crimes against international law represent violations of laws and customs of war (meaning the rules of international law of war and international humanitarian law). They are incorporated in the Judgments of the Nürnberg and the Tokyo Tribunal, and are also known as criminal offences under general international law (or *crimina iuris gentium*).

The following criminal offences can be placed in this category⁷⁴: 1) crime against peace, 2) war crimes, 3) genocide and 4) crime against humanity.

In legal theory, there are opinions suggesting that these criminal offences should be referred to as international crimes *stricto sensu* that are prohibited by cogent rules of international law such as The Hague or The Geneva Conventions. The following features of crimes against humanity in the broader sense (core crimes) are pointed out in legal theory⁷⁵:

- 1) these international crimes have double-layered nature. Their commission draws the following consequences: a) individual criminal liability either of a perpetrator or of an accomplice, or of a superior (on the grounds of superior liability) on one hand and b) the responsibility of a state under international law, on the other,
- 2) international crimes violate essential (fundamental) human rights and they are, therefore prohibited as repression against the same crimes committed by the opposite party,
- 3) international crimes are not subject to limitations on criminal prosecution and limitations on enforcement of penalty and
- 4) general international law imposes as an *erga omnes* obligation on the states not to breach the basic rules that prohibit these acts.

The genocide according to the statute of the hague tribunal

Statute of the International Tribunal for the Prosecution of Persons Responsible for Serious Violations of International Humanitarian Law Committed in the Territory of the Former Yugoslavia since 1991. (ICTY) was adopted upon Security Council Resolution S/RES/827 from 25 May 1993. The Statute (known as The Hague Statute) recognizes four types of crimes against international law⁷⁶. These are: 1) grave breaches of the Geneva Conventions of 1949., 2) violations of the laws or customs of war, 3) genocide and 4) crimes against humanity⁷⁷.

Imprisonment is the only penalty that can be imposed by the Tribunal, and in determining the terms of imprisonment, the Trial Chambers shall have recourse to the general practice regarding prison sentences in the courts of the former Yugoslavia, taking at the same time into consideration the gravity of the offence (objective circumstances) and the individual characteristics of the convicted person (subjective circumstances).

In addition to imprisonment, the following sanctions may be also imposed: 1) return of any property to the rightful owners (restitution) and 2) confiscation of any proceeds acquired by criminal acts.

Genocide⁷⁸, also known as the gravest criminal offence of today or the "crime above all crimes", is described in paragraph 4. of The Hague Statute. This offence is comprised of intentional destruction, in whole or in part, of a national, ethnical, racial or religious group. The practice of the Hague Tribunal has not accepted the extensive interpretation of genocide, which would include the intention to destroy national, linguistic, religious, cultural or any other identity of a group without its physical extermination.

Completion of this crime against international law requires one of the following alternatively numbered acts to be committed with the above-mentioned intention⁷⁹: 1) killing members of a certain group, 2) causing serious bodily or mental harm to members of the group, 3) deliberately inflicting on the group conditions of life calculated to bring about its physical destruction in whole or in part, 4) imposing measures intended to prevent births within the group and 5) forcibly transferring children from one group to another.

Genocidal intent is the most characteristic feature of genocide as a crime. It has to refer to the destruction of a significantly large part of the group. The so-called significant part should be important enough to be able to influence the entire group. This quantitative criterion has been supplemented by the possibility that the perpetrator of this act was given, which resulted in the need to prove genocidal intent even when it was demonstrated only towards a group located within the borders of a certain geographical area. To conclude, genocidal intent takes into consideration qualitative characteristics of the attacked part of the group, allowing the option to single out the part that represents the symbol of the group or is crucial for its continued existence⁸⁰.

Apart from direct perpetration (direct perpetrator), the following acts are also considered as genocide⁸¹: 1) taking part in a conspiracy to commit genocide, 2) direct and public incitement to commit genocide, 3) attempt to commit genocide and 4) complicity in any form of genocide.

⁷² D.Jovašević, *Leksikon krivičnog prava*, Beograd, 2011. p.345.

⁷³ B.Petrović, D.Jovašević, *Krivično (kazнено) pravo II, Posebni dio*, Sarajevo, 2005. pp.39-40.

⁷⁴ D.Jovašević, *Međunarodna krivična dela – odgovornost i kažnjivost*, Niš, 2010. pp.251-255.

⁷⁵ D.Radulović, *Međunarodno krivično pravo*, Podgorica, 1999.p.103.

⁷⁶ D.Jovašević, *Komentar Krivičnog zakona SR Jugoslavije*, Beograd, 2002. pp. 11-17.

⁷⁷ D.Jovašević, *Međunarodno krivično pravo*, Niš, 2011. pp.89-93.

⁷⁸ S.Fabijanić Gagro, M.Škorić, *Zločin genocida u praksi međunarodnih ad hoc tribunala*, Zbornik Pravnog fakulteta u Zagrebu, Zagreb, No.6, 2008. pp.1387-1419.

⁷⁹ I.Zvonarek, *Kršenje međunarodnog ratnog i humanitarnog prava od strane agresora tijekom domovinskog rata*, Pravni vjesnik, Osijek, No. 3-4, 1997. pp. 151-169.

⁸⁰ V.Đ.Degan, *Zločin genocida pred međunarodnim krivičnim sudovima*, Zbornik Pravnog fakulteta u Zagrebu, Zagreb, No.1-2, 2008,pp.77-95.

⁸¹ D.Jovašević, *Međunarodna krivična dela – odgovornost i kažnjivost*, Niš, 2010.pp.229-231.

However, the Hague Statute is familiar with another grave criminal offence whose characteristics and attributes make it similar to the crime of genocide. It is crime against humanity⁸². This criminal offence is found in paragraph 5. of the Hague Statute. The description of this crime against international law clearly states that it can be committed only within an armed conflict (either international or internal in character) and directed only against civilian population, if including⁸³: 1) murder, 2) extermination, 3) enslavement, 4) deportation, 5) imprisonment, 6) torture, 7) rape, 8) persecutions on political, racial and religious grounds and 9) committing other inhumane acts.

The abovementioned acts ought to be committed under the following circumstances in order to constitute crime against humanity⁸⁴:

- 1) an attack has to be committed—an attack can take place even when armed force has not been used, as long as it includes maltreatment of the civilian population or preparations for such acts,
- 2) criminal offences committed by the accused have to be a part of that attack,
- 3) the attack has to be directed against any category of the civilian population,
- 4) the attack has to be either extensive or systematic. An attack is considered as extensive when being of a wide-spread nature or when being directed against a large number of persons. An attack is described as systematic if the violent acts are committed in an organized manner or with slight probability of being committed accidentally and
- 5) the perpetrator has to be familiar with (aware of) the fact that his acts are committed within an extensive or systematic attack against civilian population.

The genocide according the criminal law of the republic of serbia

1. System of international crimes

Chapter 34 of the Criminal Code of The Republic of Serbia contains the following “genuine” crimes against international law⁸⁵: 1) genocide (paragraph 373), 2) crime against humanity (paragraph 371), 3) war crime against civilian population (paragraph 372), 4) war crime against the wounded and sick (paragraph 373), 5) war crime against prisoners of war (paragraph 374) and 6) organizing and incitement to Genocide and War Crimes (paragraph 375).

2. The notion and basic characteristics of the genocide

The crime of genocide⁸⁶, from paragraph 370. of The Criminal Code of The Republic of Serbia, consists of ordering or committing the following acts: killing or causing serious bodily or mental harm to members of the group, deliberately inflicting on the group conditions of life calculated to bring about its physical destruction in whole or in part, imposing measures intended to prevent births within the group, forcibly transferring children of the group to another group, with intent to destroy, in whole or in part, a national, ethnical, racial or religious group of people.

The word “genocide” is a compound, created from a Greek word *genos*, meaning nation or tribe, and a Latin word *caedes*, which means killing or slaughter (massacre). When translated literally this word stands for the extermination of an entire nation or tribe. Genocide was proclaimed as “a crime against international law, which is in contradiction with the spirit and the aims of the OUN and condemned by the entire civilized world” by OUN General Assembly Resolution 96/1 from 11 December 1946.

In spite of the fact that it initially emerged as a "subspecies of crime against humanity", genocide rapidly obtained autonomous status and contents as one of the most serious crimes of today. Nowadays, it is also called “the crime above all crimes”. As a crime against international law, genocide is determined by three elements⁸⁷: 1) the objective component - *actus reaus*, 2) the subjective component - *mens rea* and 3) the subject of the act - the victim (the group). The source of this incrimination is found in Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide⁸⁸ from 1948, which defines the contents and the elements of this crime against international law.

In legislation, theory and practice this term has a more extensive interpretation. Namely, this expression includes not only killing but also extermination, committed in any other way, of a particular group that forms a consistent entity based upon national, ethnical, racial or religious foundation. The subject of protection includes humanity and international law.

The subject of attack is a national, ethnical, racial or religious group⁸⁹. A national group is comprised of people who have the feeling of sharing the legal bond of the same citizenship accompanied by reciprocal rights and obligations. An ethnical group consists of the members who are bound by the same language and culture, whereas a racial group is a group based upon hereditary physical characteristics, which is often associated to a particular geographical area regardless of linguistic, cultural, national, or religious factors. A religious group includes members who share the same religious convictions, the same name of the confession or the same means of conducting religious ceremonies. In fact, the terms such as national, ethnical, racial or religious group are still being studied widely and precise definitions that would be universally and internationally accepted have not been found yet. Thus, each of these terms has to be assessed in the light of an actual political, social and cultural milieu.

Although the act is committed by destroying individuals, it is not intended to eliminate those individuals as separate persons, but as the members of the group. Depending on the actual subject, genocide can appear as national or ethnical genocide or ethnocide if the subject is a national or an ethnical group. In the case of racial genocide, the criminal act is directed against a particular racial group or against several groups of that kind. Religious genocide is directed against the members of one or more religious groups. The group is not to be determined in accordance with an objective or static criterion. Instead, the way the perpetrator perceives the members of the group is of fundamental importance for the definition of this term, which is also the standpoint of the ad hoc tribunals⁹⁰.

The lack of definitions of genocide that would include cultural genocide comprised of destroying the language or the culture of a particular group is often stressed in legal theory.

Therefore, the aim of the act is to destroy a group, in whole or in part, whereas the elimination of an individual simply represents a means of its accomplishment. The size of the group is of no significance for the completion of the criminal offence. It is essential that the group is present as an entity carrying specific characteristics, and that it is intended to be destroyed as such. The objective of the incrimination is to guarantee the right to life, i.e. existence and development for each group carrying specific national, ethnical, racial or religious features, regardless of the spatial cohesion of its members⁹¹.

The act consists of several acts that can be classified in a number of groups. These are the following acts⁹²: 1) killing or causing serious bodily or mental harm to members of a specific national ethnical, racial or religious group, 2) inflicting on the group conditions of life calculated to bring about its physical destruction in whole or in part, 3) imposing measures intended to prevent births within the group (the so-called biological genocide) and 4) forcible transfer of children from one group to another intended to cause the loss of their group identity.

⁸² Dž.Džouns, S.Pauls, Međunarodna sudska praksa, Beograd, 2005.pp.143-147.

⁸³ D. Jovašević, Krivično pravo, Posebni deo, Beograd, 2014.pp.317-318.

⁸⁴ B.Ivanišević, G.Ilić, T.Višnjić, V.Janjić, Vodič kroz Haški tribunal, Beograd, 2007.pp.83-108.

⁸⁵ D.Jovašević, Krivično pravo, Posebni deo, Beograd, 2014. pp.322-325.

⁸⁶ D.Jovašević, Karakteristike krivičnog dela genocida, Vojno delo, Beograd, No.2-3, 2002.pp.80-92.

⁸⁷ B.Petrović, D.Jovašević, Krivično (kazneno) pravo II, Posebni dio, Sarajevo, 2005. pp.39-41.

⁸⁸ Official journal SFR Yugoslavia No.56/1950.

⁸⁹ B.Lukšić, Genocide and the command responsibility, Zbornik Pravnog fakulteta u Splitu, Split, No. 4, 2001. pp.283-291.

⁹⁰ B.Pavišić, V.Grozđanić, P.Veić, Komentar Kaznenog zakona, Zagreb, 2007.p.419.

⁹¹ A.Kaseze, Međunarodno krivično pravo, Beograd, 2005.pp.115-117.

⁹² B.Petrović, D.Jovašević, Međunarodno krivično pravo, Sarajevo, 2010. pp.259-265.

All these acts contribute to physical and biological completion of genocide. To complete this act, it is enough to commit any of the acts precisely pointed out in the law, with the intent to exterminate (destroy), in whole or in part, a group as a social entity. Genocide represents a typical example of criminal offences that rest upon the „depersonalization of the victim“, which means that the victim does not represent the objective (aim) of the act due its individual qualities or features, but solemnly for being a member of a certain group⁹³.

The perpetration can be completed in two ways: 1) by ordering and 2) by directly conducting certain acts⁹⁴. Giving orders to commit the abovementioned acts represents a special and autonomous act of genocide. In fact, ordering is a form of incitement. However, in this case ordering is not characterized as complicity, but as a special way to perpetrate this criminal offence. The crime of genocide is usually committed in an organized manner and in accordance with a previously arranged plan giving particular authority to the order of a superior, which causes the autonomous nature of his responsibility. Therefore, the superior will be responsible only for having given the order to commit genocide, even if the subordinate refuses to obey or in any other way manages to avoid executing such order.

The consequence of the act is manifested as threatening the survival of a certain national, ethnical, racial or religious group. It can be accomplished through causing a smaller or a larger number of individual consequences comprised of injuries (of life, of physical integrity, of a fetus) and threats (by inflicting on the group unbearable living conditions). The number of individual acts committed is of no significance for the completion of this criminal offence. This means that only one act of genocide will be committed when one, as well as when several relevant acts have been conducted. The fact that a larger number of acts causing various individual consequences were committed has an impact on the determination of sentence. This indicates that planned and systematic extermination of human groups constitutes the essence of the crime of genocide⁹⁵.

Any person can be the perpetrator of this act, and, when guilt is concerned, direct premeditation (*dolus coloratus*), including genocidal intent, is required. Instead of applying the theory of intent, the assessment of such intent is based upon experience. The punishment prescribed for this act is minimum five years' imprisonment or thirty to forty years' imprisonment. The Criminal Code explicitly points out that this criminal act cannot be subject to limitation for criminal prosecution and enforcement of penalty.

3. The genocide and other related criminal offences

The definition of this term, under international as well as under national criminal law, has generated a request to draw distinction in legal theory between the crime of genocide and other similar (related) criminal acts, primarily acts such as⁹⁶: 1) persecution, 2) extermination, 3) ethnical cleansing and 4) crime against humanity.

3.1. The persecution

Resemblance between genocide and persecution is based on the presence of discriminatory intent of the perpetrator in the moment of perpetration. Namely, both of these punishable acts are committed against members of other national, racial, religious or ethnical group⁹⁷. There are two major differences between these criminal acts. These are: 1) persecution covers persecution based upon political racial or religious grounds and 2) the ultimate victim of genocide is the entire group-national, racial, religious and ethnical, whereas the victims of prosecution are individuals themselves, as members of certain “prosecuted” groups.

3.2. The extermination

Similarity between genocide and extermination consists of the fact that in both cases the criminal act is intended to cause massive killing. The differences between these two punishable acts consist of the following:

- 1) the act of genocide is committed with the intent to destroy, in whole or in part, the group itself, whereas the same intent (giving the quality of *dolus coloratus* to perpetrator's premeditation) is not present in case of extermination,
- 2) in case of genocide, members of the target group share the same national, racial, religious or ethnical characteristics, whereas the victims of extermination are identified by political preferences, physical characteristics or by the very fact that they found themselves on a particular geographical area,
- 3) the act of extermination is committed within an expansive or a systematic attack, which the perpetrator is aware of, whereas in case of genocide such attack is not required and
- 4) only civilians can appear as victims of extermination, while genocide can be committed against the non-civilian population as well (such as captured combatants who have the status of the prisoners of war).

3.3. The ethnical cleansing

Although The UN General Assembly Resolution on the Situation in Bosnia and Herzegovina from 1992 treats genocide and ethnical cleansing as two equal terms, a qualitative distinction can be drawn between these two criminal offences. Namely, forced displacement itself does not represent a genocidal act, but, together with killing a larger number of certain group's members, it can result in ethnical cleansing of the pointed group of people. That is when persecution, in the sense of “cleansing”, can be considered as a proof (an indicator) of the presence of the intention to exterminate the entire group.

3.4. The crime against humanity

At last, genocide and crime against humanity (that are often treated as equal by legal theory as well as by certain international legal acts such as the Statute of the International Military Tribunal in Nürnberg) have several similar features including the following⁹⁸: 1) in both cases, the acts are aimed to cause massive killing of other persons, 2) both acts include severe violations that insult humanity and 3) neither of the acts represents an isolated case, but is usually a part of a broader conception.

However, one can perceive evident dissimilarities between them, including the following⁹⁹: 1) genocide contains genocidal intent, whereas crime against humanity does not, 2) the target population of genocide is a group that has to possess shared group characteristics, while the victims of crime against humanity are determined by political preferences, physical characteristics or by the very fact that they found themselves on a certain area in a certain period of time, 3) crime against humanity represents a broader term since it is committed within an extensive and systematic attack the perpetrator is aware of, which is not requested as an essential and constitutive element of the crime of genocide and 4) crime against humanity can be committed by conducting a wider range of diverse acts, not all of which are covered by the term of genocide.

Conclusion

International criminal law, as a system of legal regulations found in acts of the international community and criminal legislations of individual states, establishes criminal liability and punishments for crimes against international law. These acts represent breaches of the laws and customs of war (international humanitarian law) that violate or threaten peace among nations and the security of mankind. Penalties prescribed for these criminal offences stand for the most severe penalties in contemporary criminal legislation. In some cases, international judiciary (supranational) institutions such as The Nurnberg and The Tokyo Tribunal, The Hague Tribunal, The Rome Court etc. have primary jurisdiction over perpetrators of these criminal offences.

⁹³ S.Horović, Genocid, ratni zločini i zločin protiv čovečnosti, Zbornik Pravnog fakulteta u Mostaru, Mostar, 2004.pp.99-113.

⁹⁴ A.Schonke, H.Schroder, Strafgezetzbuch, Kommentar, Munchen, 1997.pp.1597-1601.

⁹⁵ Lj. Lazarević, B.Vučković, V.Vučković, Komentar Krivičnog zakonika Crne Gore, Cetinje, 2004. pp.1021-1024.

⁹⁶ D.Jovašević, Međunarodna krivična dela – odgovornost i kažnjivost, Niš, 2010. pp.260-262.

⁹⁷ M.Marković, Međunarodna krivična dela, Jugoslovenska revija za međunarodno pravo, Beograd, No.1, 1965. pp.39-44.

⁹⁸ Z.Pajić, Tumačenje zločina protiv čovečnosti u nirnberskom procesu, Godišnjak Pravnog fakulteta u Sarajevu, 1991, pp.123-133.

⁹⁹ M.Simović, M.Bлагоjević, Međunarodno krivično pravo, Banja Luka, 2007. pp.130-135.

Due to its significance, nature and character, the crime above all crimes stands out among all the crimes against international law. It is the crime of genocide. The act of genocide consists of ordering or committing: killing, causing serious bodily or mental harm to members of a human group or deliberately inflicting on the group conditions of life calculated to bring about its extinction in whole or in part or imposing measures intended to prevent births within the group or forcibly transferring children to another group, with the intent to destroy, in whole or in part, a national, ethnical, racial or religious group of people. This criminal offence means the killing of a nation or a tribe. Genocide was proclaimed as "a crime under international law, which is in contradiction with the spirit and the aims of the OUN and condemned by the entire civilized world" by UN General Assembly Resolution 96/I from 11 December 1946. Although it emerged as a "subspecies of crime against humanity", genocide rapidly obtained an autonomous status and contents as one of the most serious crimes of today.

As a crime against international law, genocide is determined by three elements: a) the objective component- actus reus b) the subjective component- mens rea c) the subject of the act-the group-the victim. The source of this incrimination is found in Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide from 1948, which, in paragraph 2, defines the term and the elements of this crime against international law. In legislation, theory and practice, this term can be interpreted in the broader sense, as well. Namely, this term does not include only killing but also destruction, committed in any other way, of a particular group that forms a consistent entity on national, ethnical, racial or religious grounds.

References

1. Degan, V.Đ. (2008). "Zločin genocida pred međunarodnim krivičnim sudištima". Zbornik Pravnog fakulteta u Zagrebu. Zagreb. No.1-2.
2. Džouns, Dž., Pauls, S. (2005). Međunarodna sudska praksa. Beograd. Fond za humanitarno pravo.
3. Fabijanić Gagro, S., Škorić, M. (2008). "Zločin genocida u praksi međunarodnih ad hoc tribunala", Zbornik Pravnog fakulteta u Zagrebu. Zagreb. No.6.
4. Horović, S. (2004). "Genocid, ratni zločini i zločin protiv čovečnosti", Zbornik Pravnog fakulteta u Mostaru. Mostar.
5. Ivanišević, B., Ilić, G., Višnjić, T., Janjić, V. (2007). Vodič kroz Haški tribunal. Beograd. Savet Evrope.
6. Jovašević, D. (2002). "Karakteristike krivičnog dela genocida". Vojno delo. Beograd. No.2-3.
7. Jovašević, D. (2002). Komentar Krivičnog zakona SR Jugoslavije. Beograd. Službeni glasnik.
8. Jovašević, D. (2007). Krivični zakonik Republike Srbije sa uvodnim komentarom. Beograd. Službeni list.
9. Jovašević, D. (2010). Međunarodna krivična dela – odgovornost i kažnjivost. Niš. Pravni fakultet.
10. Jovašević, D. (2011). Leksikon krivičnog prava. Beograd. Službeni glasnik.
11. Jovašević, D. (2011). Međunarodno krivično pravo. Niš. Pravni fakultet.
12. Jovašević, D. (2014). Krivično pravo. Posebni deo. Beograd. Dosije.
13. Kaseze, A. (2005). Međunarodno krivično pravo. Beograd. Beogradski centar za ljudska prava.
14. Lazarević, Lj., Vučković, B., Vučković, V. (2004). Komentar Krivičnog zakonika Crne Gore. Cetinje. Obod.
15. Lukšić, B. (2001). "Genocide and the command responsibility", Zbornik Pravnog fakulteta u Splitu. Split. No. 4.
16. Marković, M. (1965). "Međunarodna krivična dela". Jugoslovenska revija za međunarodno pravo. Beograd. No.1.
17. Official journal of the Republic of Serbia No. : 85/2005, 88/2005, 107/2005, 72/2009 i 111/2009.
18. Official journal SFR Yugoslavia No.56/1950.
19. Pajić, Z. (1991). "Tumačenje zločina protiv čovečnosti u nirnberškom procesu", Godišnjak Pravnog fakulteta u Sarajevu. Sarajevo.
20. Pavišić, B., Grozdanić, V., Veić, P. (2007). Komentar Kaznenog zakona. Zagreb. Narodne novine.
21. Petrović, B., Jovašević, D. (2005). Krivično (kazneno) pravo II. Posebni dio. Sarajevo. Pravni fakultet.
22. Petrović, B., Jovašević, D. (2010). Međunarodno krivično pravo. Sarajevo. Pravni fakultet.
23. Radulović, D. (1999). Međunarodno krivično pravo. Podgorica. Kultura.
24. Schonke, A., Schroder, H. (1997). Strafgesetzbuch. Kommentar. Munchen.Beck.
25. Simović, M., Blagojević, M (2007). Međunarodno krivično pravo. Banja Luka. Pravni fakultet.
26. Zadnik, S. (2003). "Kaznena djela protiv vrijednosti zaštićenih međunarodnim pravom i novine u zakonodavstvu u svezi sa tim djelima". Hrvatska pravna revija. Zagreb, No.12.
27. Zvonarek, I. (1997). "Kršenje međunarodnog ratnog i humanitarnog prava od strane agresora tijekom domovinskog rata", Pravni vjesnik. Osijek. No. 3-4.

Надараиа З.Г.

Ст. преподаватель кафедры уголовного права Юридического института Красноярского государственного аграрного университета.

ПРОЦЕСС ВИКТИМИЗАЦИИ В РАМКАХ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ РЕЛИГИОЗНОЙ ГИГИЕНЫ НАСЕЛЕНИЯ

Аннотация

В данной работе рассмотрены основные процессы, способствующие превращению среднестатистической личности в жертву антисоциальных культов в следствие низкого уровня религиозной гигиены у населения, по мнению автора.

Ключевые слова: Виктимология, Религия, Культ, Антисоциальное, Жертва, Преступление.

Nadaraia Z.G.

Senior Lecturer, Department of Criminal Law Institute Krasnoyarsk State Agricultural University

THE PROCESS OF BECOMING A VICTIM OF CULTS WITHIN CRIMINOLOGICAL THEORY OF RELIGIOUS HYGIENE

Abstract

This work describes the main processes contributing to the transformation of the average person to the victim of anti-social cults in consequence of the low level of religious hygiene among the population.

Keywords: Victimology, Religion, Cult, Antisocial, Victim, Crime.

Криминология, как уголовная философия, всегда интересовалась процессом становления среднестатистической личности жертвой преступлений разного вида, делая их особую классификацию в зависимости от насилия, прилагаемой противоположенной личностью для материализации своей мысленной модели. В данной классификации особое и весьма почетное место занимает личность жертвы, пострадавшей от деятельности нетрадиционных религиозных объединений антисоциальной направленности (антисоциальных культов).

Несмотря на пугающее число антисоциальных культов в постсоветской России, их основатели ограничены в проповедуемой идеологии из-за относительно небольшого количества религиозных учений в мире. Многочисленность подобных объединений можно объяснить только возможностью различных интерпретаций традиционных религиозных учений.

Основатели и лидеры подобных культов также ограничены в используемых методах воздействия в зависимости от преследуемой цели. И общество, по крайней мере, отдельные его представители точно также ограничены в вариантах своего поведения в отношении предлагаемого учения и методов приобщения к последнему. Прежде всего, их положительная, отрицательная или нейтральная реакция зависит от психоэмоционального, социального, материального состояния и эмоционально-

волевых качеств личности (в данном случае индивида). В случаях положительной реакции индивида на предлагаемую интерпретацию сверхъестественных сил мы можем наблюдать зачатие процесса виктимизации - становления жертвой преступления.

При изучении антисоциальных культов и их жертв, мы пришли к выводу о необходимости деления последних на определенные группы в зависимости от их отдаленности от эпицентра антисоциальных событий:

- активные жертвы - последователи (приверженцы) антисоциальных культов;
- пассивные жертвы - близкие люди (родственники) последователей;
- нейтральные жертвы - общество в целом, т.е. неограниченное количество лиц.

При этом, жертва рассматривается как уникальный индивид, страдающий от нарушения справедливости (морального и правового идеала), часто не осознавая нравственность и противоправность происходящего.

Основными жертвами в данном случае являются последователи антисоциальных религиозных объединений, так как им причиняется вред сознательно. Они обречены на роль жертвы в момент принятия решения о членстве в культе:

- согласно ст. 239 УК РФ становятся соучастниками преступления (часто не подозревая об этом);
- в отношении них используются нелегитимно способы воздействия, в том числе и на психику;
- принуждают к антисоциальным (часто и к преступным) действиям в отношении других лиц во «благо» своих божеств;
- часто «добровольно» передают свое имущество в пользу «божеств» ради спасения своей души;
- существует вероятность самоагрессии в виде самоубийств (иногда массовых) среди последователей. В этом есть, к сожалению, исторические корни. Так, например, в дореволюционной России, по исследованиям А. Левенстима, было весьма значительное число преступлений, возникающих на почве веры в колдовство. Он приводит случаи человеческих жертвоприношений во время голода и эпидемий, убийства колдуний и ведьм, избавления от детей с телесными аномалиями, разрывания могил для добывания талисманов, изнасилования невинных девушек и т.п. Ужасной иллюстрацией к исследованиям А. Левенстима могут послужить события, имевшие место в западной части России в конце 1886г. и начале 1897 г.: двадцать шесть человек, по своим религиозным убеждениям, добровольно уморили себя голодной смертью, позволив замуровать себя заживо в ямах;

существует вероятность самоагрессии в виде самоубийств (иногда массовых) среди последователей. В этом есть, к сожалению, исторические корни. Так, например, в дореволюционной России, по исследованиям А. Левенстима, было весьма значительное число преступлений, возникающих на почве веры в колдовство. Он приводит случаи человеческих жертвоприношений во время голода и эпидемий, убийства колдуний и ведьм, избавления от детей с телесными аномалиями, разрывания могил для добывания талисманов, изнасилования невинных девушек и т.п. Ужасной иллюстрацией к исследованиям А. Левенстима могут послужить события, имевшие место в западной части России в конце 1886г. и начале 1897 г.: двадцать шесть человек, по своим религиозным убеждениям, добровольно уморили себя голодной смертью, позволив замуровать себя заживо в ямах.

Несомненно, что основную роль в трагедиях этих людей играет отрицательное воздействие на их психику со стороны лидеров исследуемых объединений. В некоторых случаях жертва может быть спровоцирована осознанием всего происходящего с ней, той безысходной ситуацией, в которой она оказалась «благодаря» своим наставникам. Не исключено и то, что суицидальные акты носят демонстративный и протестный характер. Так, как в любом самоубийстве присутствует элемент мести, это может быть месть по отношению к своим близким людям, обществу, государству, обстановке и т.д., так и показателем своего превосходства над другими «мучающимися» в этом мире людьми, или «громким» протестом против всего.

Во многих антисоциальных религиозных объединениях существование последователей построено таким образом, что они должны отказаться от своих прежних привязанностей, привычек, связей, включая семейные. Опасность состоит еще и в том, что у близких людей нередко возникают длительные стрессовые реакции на развал семьи, на фактическую потерю родных и близких. По мнению психиатров в упомянутой проблеме есть еще особой негативный аспект, речь идет о социальных сиротах, то есть фактических сиротах при живых родителях. Будучи брошенными «верующими» родителями, дети и подростки обречены на тяжелые психические травмы. Факты свидетельствуют, что социальные сироты имеют в последующей жизни высокий риск и криминального поведения и психической заболеваемости.

Совершенно другая ситуация складывается в случаях, когда происходит передачи своего имущества в пользу этих объединений, что является составной, иногда и основной частью деятельности многих культовых образований. Эта передача всегда происходит «добровольно» после соответствующего внушения и закрепления установки, что это необходимо для их «спасения». Такие действия у многих последователей, не страдающих расстройствами психики, происходят под влиянием исповедуемого учения. Однако у психически больных передача имущества происходит под влиянием, как своей болезни, так и под несанкционированным воздействием на их психику. Так, например, человеческое ухо не способно слышать звуков выше 20000 герц и ниже 20 герц. Все, что выходит за пределы этого диапазона, человек, тем не менее, может почувствовать. Отсюда берутся не только пресловутые «бабочки в животе»), но и беспричинное чувство тревоги. Всеми виной - высокие и низкие вибрации. Порой они даже вызывают приступы паники у животных и людей. Очевидно, что в таком состоянии психически больной человек не может понимать значение своих действий и руководить ими.

Своего рода уникальным явлением является нахождение потенциальных жертв, осознающих антисоциальность происходящего, свое антисоциальное поведение, но тем не менее, продолжающих пребывать, причем добровольно в исследуемых объединениях. Основную группу в подобных ситуациях составляют люди молодого возраста 16-22 лет, которым интересно попробовать альтернативную жизнь. Особенно в таком возрасте их внушаемость повышается в состоянии покоя и релаксации, при сильном эмоциональном возбуждении, крайнем утомлении, при принятии алкоголя, низком уровне образования и т.д. Так, например, в Школе Шамбалы (Сотиданандана йога-центр, г.Новосибирск) под руководством Шри Джнан Аватар Муни (настоящее имя Руднев Константин Дмитриевич), молодые люди регулярно занимались коллективными медитациями, танцевальными и йогическими упражнениями. Лидеры практиковали занятия тантра-йогой. В их понимании сексуальная «магическая» практика. Наиболее преданные последователи поселились в «ашраме», где якобы имеются «особые» условия для духовного роста. Для простых членов ашрама сон - 3 часа, скудная вегетарианская пища, непрерывная работа, частое физическое насилие, иногда в садистских формах, для женщин – «тантра-практики», почти треть последователей были заражены ВИЧ инфекцией. В это время «наставники» тщательно следили, не упуская ни малейшей провинности, читая импровизированные лекции (для «духовного совершенствования»). Практиковали «коллективная медитация» - проклятие на врагов, например, на досадивших соседей, но особенно - на тех, кто оставил культ. Другие люди, не члены данного объединения назывались «мышьями», по отношению к ним допустимо воровство, обман и насилие.

В подобных случаях мы усматриваем опасность для общества в двух плоскостях:

- их деятельность разлагает людей, причиняет им невосполнимый душевный и материальный вред, практически делает их бесполезными не только для общества, но и для своих семей. Психика последователей настолько меняется, что бросают своих детей, родных и близких людей, все они становятся чуждыми и ненужными, главное место в их жизни занимает «новые откровения и видения»;

- они опасны при выборе жертвы для своих культовых ритуалов, при этом могут пострадать абсолютно непричастные к культу люди. Например, как в случае террористического акта, устроенного в Японии «АУМ Синрике» для репетиции «Конца Света» 20 марта 1995г.

С абсолютной уверенностью можем сказать, что утверждение о нахождении (а мы признаем их главными жертвами) в исследуемых объединениях только молодежи (несомненно, их преобладающее большинство), малообразованной части населения (так называемая, социальная болезнь нищих и неграмотных) или людей с большим воображением неверно. Последователем, т.е. жертвой может стать любой среднестатистический человек, соприкоснувшийся с ними, в зависимости от эмоционального состояния в момент контакта, наличия у индивида религиозной гигиены, и самое главное, на наш взгляд, не от уровня образования, а воспитания, прежде всего в семье. При этом надо учитывать, что люди страдающие расстройствами психики легко

становятся жертвами подобных объединений, интерес к этой категории лиц вызван в зависимости от наличия у последних имущества и способностей к работе.

И, в заключении, процесс виктимизации в антисоциальных культах – это превращение среднестатистической личности в жертву культового преступления, прежде всего, связан со следующими факторами:

1. С искаженным восприятием религиозной веры индивидом, в зависимости от его состояния в момент приобщения к другой трактовке традиционных ценностей. К чему могут способствовать все известные факторы, влияющие на формирование личности жертвы, такие, как среда воспитания, уровень образования, жизненный опыт человека, определенная ситуация и др. но, прежде всего способность личности адекватно воспринимать существующую реальность и неагрессивно реагировать на естественную потребность человека в сверхъестественных силах;

2. Сильнейшее воздействие на психику потенциальной жертвы оказывает само исповедуемое учение и способы приобщения к нему;

3. К сожалению, человечество имеет отрицательный и длительный опыт жертвоприношения людей в ритуальных целях, что может проявляться в настоящее время как религиозный атавизм в виде самопожертвования во «благо» культа. Велика и роль положительной религиозной мутации, которую прошел современный человек до времени кристаллизации современных, традиционных и социально полезных религиозных учений постепенно усовершенствовав свое представление о сверхъестественных силах, оставляя при этом тупиковые культовые ветви, как в исторической, так и в генетической памяти человека.

Литература

1. Надараиа, З.Г. Криминологическое исследование атипических религиозных объединений / З.Г. Надараиа - // монография. Saarbrücken: «LAPLAMBERT Academic Publishing», 2011. 214с.

References

1. Nadaraia, Z.G. Kriminologicheskoe issledovanie atipicheskikh religioznykh ob#edinenij / Z.G. Nadaraia - // monografiya. Saarbrücken: «LAPLAMBERT Academic Publishing», 2011. 214s.

Сорокин Р.С.

Аспирант кафедры административного и уголовного права, Поволжского института управления имени П.А. Столыпина

Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В СФЕРЕ ОКАЗАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ ПОСРЕДСТВОМ ПРИНЦИПА ПРОЗРАЧНОСТИ

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о построении отечественного законодательства, основанного на принципе прозрачности действий в сфере государственного управления. В рамках реализации принципа прозрачности, автором предлагается закрепление обязанности проактивных действий контролирующих органов, в частности, заключающейся в необходимости анализировать поступающую к ним информацию и принимать решения по противодействию коррупции на основе этого анализа.

Ключевые слова: государственное управление, противодействие коррупции, принцип прозрачности.

Sorokin R.S.

Postgraduate student of administrative and criminal law department. Stolypin Volga Region Institute of Public Administration Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

THE RESISTANCE TO CORRUPTION IN THE SPHERE OF PUBLIC AND MUNICIPAL SERVICES THROUGH THE TRANSPARENCY PRINCIPLE

Abstract

The author considers the construction of domestic legislation which is based on the transparency principle of activities in the state administration sphere. The author suggests the assignment of the proactive activities obligation of the watchdog agency. It is necessary to analyze incoming information and make decision on the resistance to corruption on the basis of the analysis.

Keywords: state administration, resistance (to) corruption, principle of transparency.

В Федеральном законе «О противодействии коррупции» имеется такой принцип противодействия этому социальному злу как публичность и открытость деятельности государственных органов и органов местного самоуправления (п. 3 ст. 3).

В настоящей статье мы хотим использовать термин «прозрачность» не как синоним открытости, а как усиленный вариант этого понятия. Прозрачность (в контексте противодействия коррупции) означает не только наличие определенных сведений в свободном доступе, но и возможность (не теоретическая, а реальная, внедренная в практику) для граждан, общественных организаций, контролирующих органов выявить признаки коррупционных правонарушений на основе этих сведений. Если повышение открытости означает раскрытие дополнительных категорий сведений, то повышение прозрачности связано с дополнительными возможностями по анализу этих сведений.

На наш взгляд, прозрачность в государственном управлении – один из системообразующих принципов противодействия коррупции. В частности, от него напрямую зависит реализация другого важнейшего принципа – неотвратимости ответственности за совершение коррупционных правонарушений (п. 4 ст. 3). Кроме того, обеспечение прозрачности является предпосылкой для общественного контроля (п. 7 ст. 4) [1. Стр.9–13] и является составным элементом принципа приоритетного применения мер по предупреждению коррупции (п. 6 ст 4).

Рассмотрим роль фактора прозрачности в одной из наиболее подверженных коррупции сфер – оказание государственных и муниципальных услуг. По оценке Г. С. Гончаренко, сфера оказания государственных и муниципальных услуг до 90% проходит через посредничество, т.е. завуалированную коррупцию [2. Стр. 33–36]. Согласно определению, содержащемуся в ст. 2 Федерального закона от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», под государственной услугой понимается деятельность по реализации функций органов, предоставляющих государственные услуги (в том числе федерального органа исполнительной власти, государственного внебюджетного фонда, исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации), которая осуществляется по запросам заявителей в пределах установленных нормативными правовыми актами Российской Федерации и нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации полномочий указанных органов. Соответственно, муниципальная услуга – деятельность по реализации функций органа местного самоуправления, которая осуществляется по запросам заявителей в пределах полномочий данного органа по решению вопросов местного значения, установленных в соответствии с Федеральным законом от 6 октября 2003 года N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и уставами муниципальных образований [3].

Н. В. Путило предлагает следующее понятие государственных услуг: это конкретные действия, повседневная деятельность государственных органов и служащих в отношении физических или юридических лиц, в ходе которой гражданин или юридическое лицо получают определенные блага [4. Стр. 3–10]. Е. Г. Бабелюк отмечает, что при оказании государственных услуг деятельность государственных органов в данном случае должна носить предоставительный характер и быть направленной на обеспечение реализации гражданами их прав, закрепленных, в первую очередь, в Конституции РФ [5. Стр. 48]. Другими словами, важным признаком государственной (муниципальной услуги) является то, что ее результат заключается в реализации субъективных прав и

обеспечении исполнения обязанностей граждан и их объединений. Так, государственная услуга, оказываемая ФМС России по выдаче гражданам заграничных паспортов, необходима для реализации их права на свободный выезд за пределы РФ. Получение гражданином свидетельства о регистрации права собственности на недвижимое имущество позволяет ему в дальнейшем распоряжаться имуществом по своему усмотрению на законных основаниях. В соответствии с этим признаком А. Р. Исаков предлагает классификацию государственных услуг по критерию осязаемости результата их предоставления выделяя услуги с материальным результатом (например, регистрационный учет граждан РФ по месту жительства) и услуги с нематериальным результатом (различные информационно-консультационные услуги, например, государственная услуга, предоставляемая Пенсионным Фондом Российской Федерации: «Получение информации о государственной социальной помощи в виде набора социальных услуг») [6. Стр. 45–46].

Термины «материальный» и «осязаемость» применительно к результату государственных услуг представляются нам спорными, но в целом данная классификация имеет важное значение для исследования проблем коррупции. Представляется очевидным, что деятельность по оказанию «нематериальных», информационно-консультационных услуги не включает коррупционных факторов, в отличие от государственных услуг правоустанавливающего характера, результатом которых является выдача лицам документов, необходимых для свободного осуществления их законных прав. При этом злоупотребления должностным положением могут быть двух видов:

а) Незаконный отказ в выдаче правоустанавливающих документов, например, градостроительного плана, свидетельства о государственной регистрации недвижимого имущества и т.д. Препятствуя заявителю в осуществлении его прав, государственный служащий, от которого зависит принятие решение, по сути, занимается вымогательством, подготавливает почву для «посреднических» услуг. Как показывает практика, чаще всего с коррупцией бизнесмены сталкиваются при подключении к инфраструктуре, прохождении проверок, выделении земли, получении господдержки, сертификатов и лицензий [7. Стр. 1,3].

б) Незаконное предоставление прав, например, приватизация муниципального жилья на основе заведомо подложных документов, выдача прав на управление транспортным средством лицу, не сдавшему квалификационный экзамен и др.

Данные рассуждения относятся к так называемой деловой коррупции. Что касается бытовой коррупции, порождаемой взаимодействием рядовых граждан и чиновников, то от вида государственной услуги она не зависит.

По мнению А. Д. Ильякова, государственная услуга старому знакомому или родственнику без очереди оказывает разрушительное влияние на государственные механизмы: «аппетит приходит во время еды, поэтому схема остается, а мотивация может меняться – вплоть до появления в цепочке взаимоотношений денег и имущества. В этом случае мы уже можем обоснованно утверждать, что имеет место коррупция. Однако исходя из неизменившейся схемы последствия в первом и втором случае в целом одинаковы и угрозу государственной власти несут равную, выраженную в неспособности государства эффективно (а в отдельных случаях - полностью) реализовывать свои функции» [8. Стр. 342–346].

В связи с этим, открытость и доступность информации об оказании государственных и муниципальных услуг, повышение прозрачности процесса, безусловно, является действенной мерой по борьбе с деловой коррупцией. Заявитель, обращающийся за получением услуги, осведомлен обо всех необходимых основаниях для ее получения и вправе прогнозировать исход своего обращения независимо от воли чиновника, осознает возможность обжалования незаконного решения. В свою очередь, чиновник осознает возможность сопоставления его действий и принятого решения с административным регламентом. Т.е. прозрачность оказывает влияние на поведение как заявителя, так и государственного служащего. Однако необходимо констатировать пределы такого влияния. В частности, случаи неправомерного отказа в выдаче лицензии, регистрации права и т.д. по-прежнему нередки, даже если заканчиваются судебным решением в пользу заявителя. Недоверие к судебной системе, ценность потерянного времени служат теми стимулами, которые провоцируют коррупционное поведение участников. Мониторинг открытой информации об оказании государственных и муниципальных услуг может позволить выявить своеобразные «очаги», участки, требующие специального контроля. Однако проблемой остается то, что обязанность анализа этой информации нормативно не определена.

Перейти от открытости к прозрачности, достигая антикоррупционного эффекта от установленной законом обязанности по раскрытию информации, возможно лишь при нормативном закреплении обязанности контролирующих органов выполнять анализ предоставляемой информации. Необходимо выработать соответствующие методики позволяющие отнести данные факторы к признакам коррупции, а также закрепить обязанность контролирующих органов по принятию мер в случае выявления указанных факторов. Только регулярно осуществляемый анализ информации даёт основания перейти от ее открытости и доступности к прозрачности.

Литература

1. Бессонова В.В., Жукова А.С. К вопросу об участии институтов гражданского общества в противодействии коррупции // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 10. С. 9 – 13.
2. Гончаренко Г.С. Коррупция как социально негативное системное явление // Российский следователь. 2012. № 5. С. 33 – 36.
3. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг».
4. Путило Н.В. Публичные услуги: между доктринальным пониманием и практикой нормативного закрепления // Журнал российского права. 2007. №6. С. 3 – 10.
5. Бабелюк Е.Г. Проблемы разграничения деятельности по оказанию государственных услуг и контрольно-надзорной деятельности государства // Публичные услуги: правовое регулирование: сб. ст. / под общ. ред. Е. В. Гриценко, Н. А. Шевелевой. М., 2007. С. 48.
6. Исаков А. Р. Обеспечение качества государственных услуг: административно-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. С. 45 – 46.
7. Сухаренко А. Бизнес без коррупции // ЭЖ-Юрист. 2014. № 18. С. 1, 3.
8. Ильяков А.Д. Административно-правовое исследование понятия «коррупция» // Административное и муниципальное право. 2013. № 4. С. 342 – 346.

References

1. Bessonova V.V., Zhukova A.S. K voprosu ob uchastii institutov grazhdanskogo obshhestva v protivodejstvii korrupcii // Gosudarstvennaja vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2012. № 10. S. 9 – 13.
2. Goncharenko G.S. Korrupcija kak social'no negativnoe sistemnoe javlenie // Rossijskij sledovatel'. 2012. № 5. S. 33 – 36.
3. Federal'nyj zakon ot 27.07.2010 № 210-FZ «Ob organizacii predostavljenija gosudarstvennyh i municipal'nyh uslug».
4. Putilo N.V. Publichnye uslugi: mezhdju doktrinal'nym ponimaniem i praktikoj normativnogo zakreplenija // Zhurnal rossijskogo prava. 2007. №6. S. 3 – 10.
5. Babeljuk E.G. Problemy razgranichenija dejatel'nosti po okazaniju gosudarstvennyh uslug i kontrol'no-nadzornoj dejatel'nosti gosudarstva // Publichnye uslugi: pravovoe regulirovanie: sb. st. / pod obshh. red. E. V. Gricenko, N. A. Shevelevoj. M., 2007. S. 48.
6. Isakov A. R. Obespechenie kachestva gosudarstvennyh uslug: administrativno-pravovoj aspekt: dis. ... kand. jurid. nauk. Saratov, 2014. S. 45 – 46.
7. Suharenko A. Biznes bez korrupcii // JeZh-Jurist. 2014. № 18. S. 1, 3.

Трифонов В.А.

Научный сотрудник, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации

МЕТОДЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ РАВНОДОСТУПНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

Аннотация

В статье рассматриваются методы конституционно-правового регулирования общественных отношений в контексте реализации права граждан на равный доступ к государственной службе.

Ключевые слова: конституционное право, правовое регулирование, равный доступ, государственная служба.

Trifonov V.A.

Research associate, Federal State Public Educational Establishment of Higher Professional Training Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

METHODS OF CONSTITUTIONAL-LEGAL REGULATION OF RELATIONS FAIRNESS OF PUBLIC SERVICE

Abstract

This article discusses the methods of constitutional and legal regulation of social relations in the context of the right of citizens to equal access to public service.

Keywords: constitutional law, legal regulation, equal access, public service.

В современных условиях развития политических прав граждан России необходимо четко определить способы воздействия конституционных норм на общественные отношения, складывающиеся в сфере реализации права граждан на равный доступ к государственной службе. Поэтому целесообразно исследовать сущность и содержание методов конституционно-правового регулирования данной области общественных отношений.

В современных научных работах по конституционному праву особое внимание уделяется соотношению предмета и метода конституционно-правового регулирования. С.А. Авакьян, характеризуя их соотношение, указывает, что его «можно понимать как соотношение содержания (это будут сами общественные отношения) и его оформления (оно отражается категорией методов правового регулирования)»¹⁰⁰. При этом им отмечается, что «методы занимают (должны занимать) подчиненное положение в сопоставлении с предметом регулирования»¹⁰¹.

Несомненно, специфика общественных отношений, регулируемых конституционным правом, задает изначальные содержательные рамки для применения тех или иных способов, приемов правового регулирования, которые в совокупности составляют метод конституционно-правового регулирования. В это же время, как отмечает А.Е. Постников, более уместно говорить о том, что метод конституционно-правового регулирования формирует в рамках конституционно-правового регулирования систему конституционно-правовых отношений, и в связи с этим, является их формой. Содержание конституционно-правового регулирования составляют именно урегулированные конституционным правом общественные отношения, выступающие в роли конституционных правоотношений. Непосредственным «строительным материалом» метода конституционно-правового регулирования являются предписания, запреты и дозволения, придающие правовую форму, урегулированность соответствующим общественным отношениям. В свою очередь, конституционно-правовые отношения соотносятся с общественными отношениями, являющимися предметом конституционного права, в качестве формы и содержания. Таким образом, метод конституционно-правового регулирования и его предмет непосредственно не соотносятся как форма и содержание¹⁰².

На наш взгляд, стоит согласиться с А.А. Юговым, по мнению которого конституционное право, являясь составной органической частью национальной правовой системы в целом, и в этом своем качестве оно характеризуется использованием общих для всего права методов нормативных предписаний, таких, как обязывание, дозволение и запрещение. Так как содержание и функциональное значение указанных методов основательно раскрыты в трудах по общей теории права¹⁰³, задача науки российского конституционного права заключается в формировании возможно более полного понимания системы специальных методов конституционно-правового регулирования. Ценность и роль таких методов существенно возрастают в условиях развития цивилизованного, гуманного и демократического общества на основе Конституции Российской Федерации существенно расширившей общий объем общественных отношений, подвергаемых нормативному воздействию со стороны конституционных норм¹⁰⁴.

Опираясь на обширный уже накопленный опыт советских и современных исследователей темы о способах упорядочения общественных отношений с помощью норм конституционного права¹⁰⁵, выделим следующие методы конституционно-правового регулирования отношений равнодоступности государственной службе: метод основополагающего правового регулирования; политический метод правового регулирования; метод первоочредительного правового установления; экстраординарное (исключительное) правовое регулирование; метод комплексного правового регулирования; метод универсального правового регулирования; метод интерполяции.

Метод основополагающего правового регулирования является широко используемым методом конституционно-правового регулирования. В нашем случае его выражение в том, что конституционная норма, которая закрепляет право граждан России на равный доступ к государственной службе определяет базовую идею организации и функционирования института государственной службы. Ни одна другая базовая отрасль (административное право, гражданское право, уголовное право) не устанавливает и не

¹⁰⁰ Авакьян С.А. Конституционное право России: Учеб. курс. М., 2005. С. 56.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Постников А.Е. О конституционно-правовом методе регулирования // Журнал российского права. 2012. № 12. С. 33.

¹⁰³ Алексеев С.С. Механизм правового регулирования. М., 1966; Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. Свердловск, 1972; Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972; Сорокин В.Д. Правовое регулирование: предмет, метод, процесс (макроуровень). СПб., 2003; Рукавишников И.В. Метод в системе правового регулирования общественных отношений // Правоведение. 2003. № 1; Маврин С.П. О роли метода правового регулирования в структурировании и развитии позитивного права // Правоведение. 2003. № 1.

¹⁰⁴ Югов А.А. О методах отрасли российского конституционного (кратологического) права // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 4. С. 8.

¹⁰⁵ См.: Миронов О.О. Методы конституционного регулирования // Правоведение. 1980. № 2; Морозова Л.А. Конституционное регулирование общественных отношений в СССР // Сов. государство и право. 1980. № 7; Мышкин А.В. Способы конституционного регулирования общественных отношений // Сов. государство и право. 1986. № 12; Ломовский В.Д. О методе конституционного регулирования // Журнал российского права. 1998. № 4 – 5; Югов А.А. Указ. соч.

может устанавливать это основное начало организации данного института. Более того, для других базовых отраслей права это теоретическое положение выступает ключевым правовым принципом.

Политический метод правового регулирования и его доминирующее значение в общей системе способов упорядочения общественных отношений в сфере обеспечения равного доступа граждан к государственной службе становится более понятным, если выявить и проанализировать одно из самых важных и наиболее существенных свойств предмета этой отрасли. Последнее же закреплено в действующей российской Конституции в первом разделе в главе второй. Провозглашая политические права граждан, в том числе и право на равный доступ к государственной службе государство устанавливает характер взаимоотношений гражданина с публично-властными структурами и определяет, порядок доступа к публичной службе.

Метод первоочередительного правового установления наиболее ярко отражает специфику отношений равнодоступности государственной службы. Связано это с тем, что в обозначенной сфере конституционные нормы определяют лишь основные принципы государственно-служебных отношений, а более детально эти отношения регулируются административным правом. В связи с этим, роль науки конституционного права, как нам представляется, состоит в формировании и нормативном закреплении на уровне конституционном уровне единого механизма реализации права граждан на равный доступ к государственной службе. Такой механизм может стать основой для правового регулирования этих общественных отношений в плоскости административно-правовой науки.

Применительно к регулированию государственно-служебных отношений экстраординарное (исключительное) правовое регулирование проявляется в следующем. В России конституционные нормы имели существенное значение при оформлении института государственной службы в новых социально-экономических условиях после прекращения существования Советского Союза. Образовавшийся в 1990-е г. правовой и организационный вакуум в области государственной службы был заполнен в результате интенсивной правотворческой деятельности и создания ее правовых основ. Конституционный принцип равного доступа граждан России к государственной службе определил вектор дальнейшего развития служебных правоотношений.

Использование метода комплексного правового регулирования для упорядочения общественных отношений в сфере обеспечения права граждан Российской Федерации на равный доступ к государственной службе проявляется в том, что конституционно-правовое воздействие на данную общественных отношений осуществляется совместно с нормами других базовых отраслей права.

Немаловажное значение для упорядочения отношений равнодоступности государственной службы имеет метод универсального правового регулирования. Следует отметить, что, будучи центральной и ведущей отраслью российской правовой системы отрасль конституционного права, устанавливает и предлагает для других базовых отраслей права всеобщие и общие юридические категории и понятия; утверждает и поставляет для всей сферы правового регулирования наиболее общие идеи, взгляды и представления, содержащиеся в концептуально-теоретической основе соответствующих конституционных институтов¹⁰⁶. Таким образом, посредством данной отрасли права определяется конституционная сущность института государственной службы.

В огромном множестве способов регулирования общественных отношений посредством конституционных норм самостоятельное место занимает метод интерполяции, позволяющий законодателю находить золотую середину справедливого решения сложных юридических ситуаций, несущих в себе неоднозначное правовое понимание и толкование среди участников общественной жизни.

Особенно интенсивно метода интерполяционного правового регулирования используется в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации, который в абсолютном большинстве случаев при принятии итогового решения по любому вопросу, отнесенному к его ведению, объективно оценивает не совпадающие и противоречивые мнения сторон с целью их интерполяции, которая необходима для вынесения обоснованного и целесообразного вердикта. Итогом поиска промежуточного варианта конституционно оправданного, сбалансированного и оптимального решения являются также правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации¹⁰⁷.

Литература

1. Авакьян С.А. Конституционное право России: Учеб. курс. М., 2005.
2. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования. М., 1966.
3. Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972.
4. Ломовский В.Д. О методе конституционного регулирования // Журнал российского права. 1998. № 4 – 5.
5. Маврин С.П. О роли метода правового регулирования в структурировании и развитии позитивного права // Правоведение. 2003. № 1.
6. Миронов О.О. Методы конституционного регулирования // Правоведение. 1980. N 2.
7. Морозова Л.А. Конституционное регулирование общественных отношений в СССР // Сов. государство и право. 1980. № 7.
8. Мышкин А.В. Способы конституционного регулирования общественных отношений // Сов. государство и право. 1986. № 12.
9. Постников А.Е. О конституционно-правовом методе регулирования // Журнал российского права. 2012. N 12.
10. Рукавишников И.В. Метод в системе правового регулирования общественных отношений // Правоведение. 2003. № 1.
11. Сорокин В.Д. Правовое регулирование: предмет, метод, процесс (макроуровень). СПб., 2003.
12. Югов А.А. О методах отрасли российского конституционного (кратологического) права // Конституционное и муниципальное право. 2010. N 4.
13. Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. Свердловск, 1972.

References

1. Avak'jan S.A. Konstitucionnoe pravo Rossii: Ucheb. kurs. M., 2005.
2. Alekseev S.S. Mehanizm pravovogo regulirovanija. M., 1966.
3. Gorshenev V.M. Sposoby i organizacionnye formy pravovogo regulirovanija v socialisticheskom obshhestve. M., 1972.
4. Lomovskij V.D. O metode konstitucionnogo regulirovanija // Zhurnal rossijskogo prava. 1998. № 4 – 5.
5. Mavrin S.P. O roli metoda pravovogo regulirovanija v strukturirovanii i razvitii pozitivnogo prava // Pravovedenie. 2003. № 1.
6. Mironov O.O. Metody konstitucionnogo regulirovanija // Pravovedenie. 1980. N 2.
7. Morozova L.A. Konstitucionnoe regulirovanie obshhestvennyh otnoshenij v SSSR // Sov. gosudarstvo i pravo. 1980. № 7.
8. Myshkin A.V. Sposoby konstitucionnogo regulirovanija obshhestvennyh otnoshenij // Sov. gosudarstvo i pravo. 1986. № 12.
9. Postnikov A.E. O konstitucionno-pravovom metode regulirovanija // Zhurnal rossijskogo prava. 2012. № 12.
10. Rukavishnikova I.V. Metod v sisteme pravovogo regulirovanija obshhestvennyh otnoshenij // Pravovedenie. 2003. № 1.
11. Sorokin V.D. Pravoee regulirovanie: predmet, metod, process (makrouroven'). SPb., 2003.
12. Jugov A.A. O metodah otrasli rossijskogo konstitucionnogo (kratologicheskogo) prava // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2010. N 4.

¹⁰⁶ Югов А.А. О методах отрасли российского конституционного (кратологического) права // Конституционное и муниципальное право. 2010. N 4. С 12.

¹⁰⁷ Югов А.А. Указ. соч. С 12.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ / ARTS

Ивасютинна М. А.

Аспирант, Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина

ПЕЙЗАЖ В ТВОРЧЕСТВЕ ЭЖЕНА ДЕЛАКРУА

Аннотация

Несмотря на то, что пейзаж не стал ведущим жанром в творчестве Эжена Делакруа, изображения природы занимают существенное место в его искусстве. Обращаясь к видам Нормандии и других французских провинций, Делакруа предвосхитил становление национального пейзажа середины XIX века. А его достижения в области композиции и колорита легли в основу поисков импрессионистов.

Ключевые слова: пейзаж, романтизм, Эжен Делакруа

Ivasyutina M. A.

PhD student, Repin State Academic Institute of Painting, Sculpture and Architecture of St. Petersburg

LANDSCAPE IN THE ART OF EUGENE DELACROIX

Abstract

In spite of the fact that the landscape hasn't become a mainstream genre in art of Eugène Delacroix, painting Nature took an important place in his creative work. The article deals with his landscape paintings, which reveal the early signs of the French national landscape of the middle of the XIX century as well as the origins of the Impressionists' vision and methods of art.

Keywords: landscape, Romanticism, Eugène Delacroix

Охватив в своем многогранном творчестве широкий круг философских и эстетических проблем, касающихся как современности, так и исторического прошлого Франции, Эжен Делакруа (1798 – 1863) также обращался к изображению природы. Хотя пейзаж не стал ведущим жанром в его искусстве, некоторые работы, являющиеся подлинными шедеврами пейзажной живописи, оказали влияние на поиски художников следующих поколений.

При этом изображение природы всегда занимало существенное место в образной концепции его программных произведений. Так, сумрачный облик адского болота в «Ладье Данте» (1822, Париж, Лувр), простирающаяся до горизонта равнина в «Резне на Хиосе» (1824, Париж, Лувр) или окутанный пороховым дымом вид Парижа в «Свободе на баррикадах» (1830, Париж, Лувр), безусловно, являются фактором мощного эмоционального воздействия его работ. В ранний период было создано и уникальное в его творчестве произведение «Натюрморт с омарами» (1826, Париж, Лувр), представляющее синтез великолепно написанного натюрморта и тающего в воздушной дымке пейзажа.

«Чистые» же пейзажи Делакруа создает, в основном, в поздний период творческого пути, начиная с конца 1840-х годов. И, вопреки эпизодическому обращению к этому жанру, его значение в художественном наследии мастера сложно переоценить. Ведь именно в небольших пейзажных зарисовках, не предназначенных для публичного показа и служивших подготовительными работами для больших полотен, были сделаны многие важные открытия.

В целом, пейзаж, не способный отразить острые злободневные вопросы, не стал доминирующим жанром французского романтизма. Однако именно в изображении природы, которую художники могли наделить самыми сокровенными эмоциями и переживаниями, как нельзя лучше отражены настроения того времени. Так, в романтическом пейзаже получило выражение чувство разочарованности людей первой четверти XIX века, ощущение бессмысленности происходящего и даже враждебности окружающего мира. Как писатели эпохи романтизма создают сцены страшных бурь и гроз, не предвещающих героям счастливого исхода событий, так и в живописи складывается излюбленный тип пейзажа – сумрачного и бурного, в котором суетность и кратковременность человеческого существования обнажается под властью бунтующих стихий (Поль Юэ, «Большая волна в окрестностях Онфлера», Париж, Лувр).

Другим распространенным типом романтического пейзажа был пейзаж восточный, демонстрировавший тягу того времени ко всему экзотическому, далекому, необычному. Вслед за Делакруа, множество художников отправились «открывать» земли Северной Африки и Малой Азии – Александр Декан, Проспер Марилья и Эжен Фромантен, остро чувствовавшие самобытность жизненного уклада этих стран и экзотическую яркость южной природы. «Все они писали жанровые сцены и пейзажи, вполне достоверно воссоздающие впечатления восточной жизни и природы, но без той поэтической одухотворенности, которая характерна для Делакруа» [4, 223]. Действительно, Делакруа раскрыл в своих живых и темпераментных работах особый поэтический мир Востока, цельный и гармоничный. А легкие и сочные акварели художника демонстрируют удивительную проникновенность красотами столь непривычной для европейского взгляда природы («Окрестности Танжера», Париж, Лувр).

Однако более значимой в историческом отношении была другая линия романтического пейзажа. «Преисполненные веры в природу как в неиссякаемый источник поэзии, с любовью к природе как к истинному своему богу, романтические пейзажисты отправились открывать землю Франции» [1, 227]. Подлинный интерес к национальному пейзажу замечен уже в творчестве Жоржа Мишеля, Поля Юэ и, особенно, Эжена Делакруа, которым суждено было сыграть значительную роль в развитии пейзажной живописи XIX века. Отныне именно в природе родной страны художники находят особую эмоциональную наполненность и поэтичность.

Так, скромный уголок французской природы изображен в ранней работе Делакруа «Ночной пейзаж» (ок. 1826, Париж, Лувр), выполненный в легкой и изысканной технике пастели. Река на первом плане, пологие холмы вдаль и хрупкие осенние деревья составляют весь его мотив. Однако он исполнен какой-то таинственности и загадочности, которая рождается из противопоставления основного темно-синего тона, бархатного и глубокого, отдельным, почти фосфоресцирующим, белым штрихам. Не случайно, что такой пейзаж, где всецело господствует романтическое чувство величия и мощи природных сил, находящихся в некотором оцепенении в тихий ночной час, появился в ранний период творчества Делакруа.

В дальнейшем он отходит от каких бы то ни было романтических штампов, избирая простые и скромные мотивы и воплощая их с наибольшей степенью правдивости и достоверности. Он много путешествует по Франции, посещая такие провинции как Иль-де-Франс, Аквитания и многие другие, и привозит с собой множество зарисовок. Продолжая традицию искреннего и поэтического изображения природы, он освобождает живопись от академических приемов композиции и колорита. В таких работах как «Сад Жорж Санд в Ноане» (1842, Нью-Йорк, Музей Метрополитен) он отказывается от изображения кулис и общепринятого деления на планы, сразу вводя зрителя в тенистое пространство сада, замкнутое группой могучих деревьев. Удивителен своей непосредственностью «Пейзаж в Шанрозе» (1849, Гавр, Художественный музей Андре Мальро) с его поэтической трактовкой осеннего мотива и богатой нюансировкой горячего колорита, передающего все оттенки желтеющей зелени. Прозрачность легкого слоя масляной краски, положенной смелыми широкими мазками, свидетельствует о том, что этот пейзаж, возможно, целиком был выполнен с натуры. Хотя известно, что художник часто дорабатывал или полностью перерабатывал свои этюды в мастерской.

Его интересовали и такие малые проявления жизни природы, как цветы или игра света на белой садовой стене, как в работе «Уголок сада в Агервилле» (ок. 1855, частное собрание). Она выполнена пастелью и свидетельствует о мастерском владении Делакруа этой изысканной и подвижной техникой. Смелыми свободными штрихами он бегло намечает формы, любясь глубоким

колоритом и богатой фактурой, оставляемой цветными мелками. Замечателен легкостью исполнения также этюд акварелью с двумя ветвями, словно трепещущими под порывом ветра («Две ветви с листьями», Лондон, Институт Курто).

Работа акварелью занимает совершенно особое место в творчестве мастера. Исследователи часто подчеркивают влияние английских художников на становление творческого метода Делакруа и его обращение к этой легкой и мобильной технике [7, 118]. Действительно, его дружба с англичанами, особенно обосновавшимся во Франции Ричардом-Парксом Бонингтоном, оставила отпечаток на его художественных пристрастиях. Не случайно Делакруа ни разу не был в Италии – стране паломничества всех художников-классицистов, но уже в 1825 году побывал в Англии, где видел работы Констебля, Тернера, братьев Филдингов и многих других талантливых пейзажистов. Возможно, находясь под их влиянием, он выполняет там ряд удивительно легких и свежих акварелей с видами английской природы («Английская деревня», 1825, Париж, Лувр).

Однако решающее значение в творчестве художника акварель приобретает в поздний период, особенно во время его пребывания в Нормандии. Обращение к природе этой провинции, ее рассеянному северному свету и бескрайнему морю стало поворотным пунктом в его пейзажной живописи. Нормандские акварели демонстрируют чуткость Делакруа по отношению к особенностям местного ландшафта и правдивость их интерпретации. Особое впечатление на него произвели грандиозные скалы в Этрета: скала Амон («Порт д'Амон, Этрета», 1849, Монпелье, Музей Фабра) и скала Аваль («Скалы в Этрета», ок. 1859, Роттердам, Музей Бойманса – ван Бёнингена) (Илл. 1) с ее знаменитой монументальной нерукотворной аркой. Непосредственностью видения, естественностью композиции и умением передать тончайшие состояния атмосферы Делакруа предвосхищает достижения своих последователей – импрессионистов, также обращавшихся к этому мотиву. Художник улавливает малейшие голубоватые рефлекс от неба и моря на скалах, верно схватывая изменения в их колорите под воздействием света и влажного воздуха. Благодаря тончайшей тональной разработке он передает и игру открытого солнечного света на камнях («Скалы в Нормандии», 1849, Париж, Лувр) и краски вечернего пейзажа («Скалы возле Дьеппа», 1852-1855, Париж, Музей Мармоттан-Моне). Как нельзя лучше для передачи прозрачности морских волн, разбивающихся о скалы и отливающих многочисленными оттенками и нюансами, подходит акварель с ее легким красочным слоем и просвечивающей сквозь него бумагой.

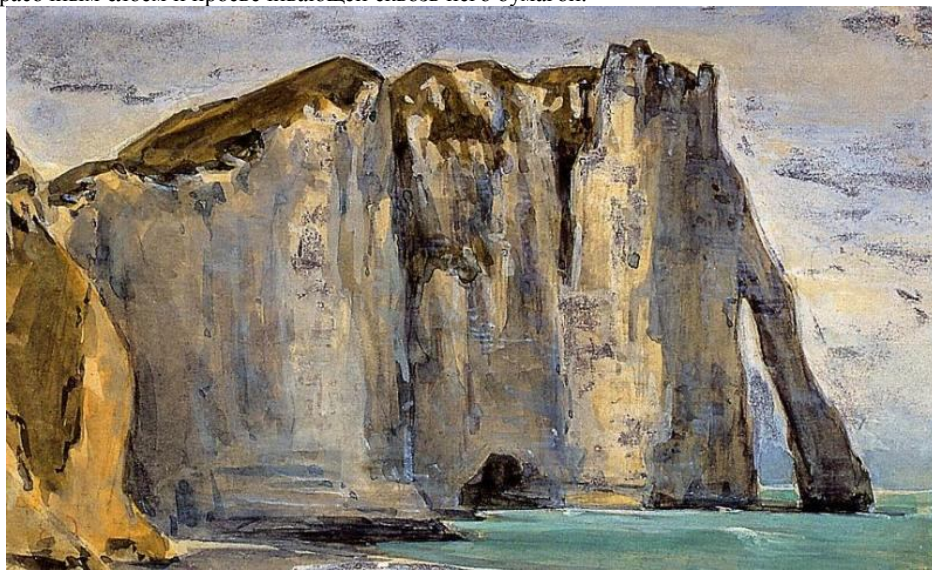

Рис. 1 - Скалы в Этрета. Бумага, акварель. Ок. 1859. Роттердам, Музей Бойманса – ван Бёнингена

Не только скалы, но и само море, величественное и безграничное, становится ведущим мотивом целого ряда произведений Делакруа. «Море всегда было моей отрадой, – говорил он, – я могу по три или четыре часа стоять на берегу или на краю скалы, не в силах от него оторваться» [6, 40]. Именно оно является главным «героем» самого знаменитого живописного пейзажа Делакруа «Море в Дьеппе» (1852, Париж, Лувр) (Илл. 2). Композиция картины проста, линия горизонта делит ее на две почти равные части: море, изображенное в непосредственной близости от зрителя, и облачное небо. Эту работу отличают не только поразительная естественность и непредвзятость видения, но и необыкновенная сила и богатство цвета. Делакруа строит колорит на сочетании дополнительных тонов, в первую очередь, глубокого синего и желтоватого, извлекая из этого контраста удивительные живописные эффекты. «Чем сильнее противоположности, тем больше блеска» [2, 151] – утверждал мастер.

Рис. 2 - Море в Дьеппе. Холст, масло. 1852. Париж, Лувр

Постоянно наблюдая за жизнью света в природе, за изменениями цвета в зависимости от освещения и погодных условий, а также благодаря последним открытиям ученых в этой области Делакруа вырабатывает собственные колористические принципы. Он одним из первых заметил, что «свет, полутон, тень и рефлекс изменяют почти все вещи» [3, 42]. «В картинах Делакруа цвет каждого предмета существует в сложном колористическом контексте, включен в целостную цветовую гармонию, обогащая ее и подчиняясь ей» [4, 203]. Его открытия стали основополагающими в дальнейшем развитии французского искусства. Он намного опережает свое время не только в свободе наложения краски, но дробностью мазка предвосхищает манеру импрессионистов.

Новую эпоху в пейзажной живописи открывают и его беглые зарисовки неба, выполненные в конце 1840-х – 1950-е годы. Еще Валансьен и некоторые английские живописцы обращались к изображению облаков, однако никто до Делакруа не наделял виды неба такой силой экспрессии и выразительностью колорита. Изображая в основном заходящее солнце («Этюд заката», 1849, Париж, Лувр) (Илл. 3) и ночные виды («Этюд неба в сумерки», 1849, Париж, Лувр) он усиливает звучание цвета, а техника пастели позволяет наделять его особой глубиной и мягкостью. Около двадцати работ, где буквально несколькими скользящими штрихами зафиксировано чисто зрительное впечатление, свидетельствуют о непрекращающемся интересе Делакруа к необычным световым эффектам. «В передаче неба Делакруа нет равных» [5, 139] – говорил Теофиль Горе.

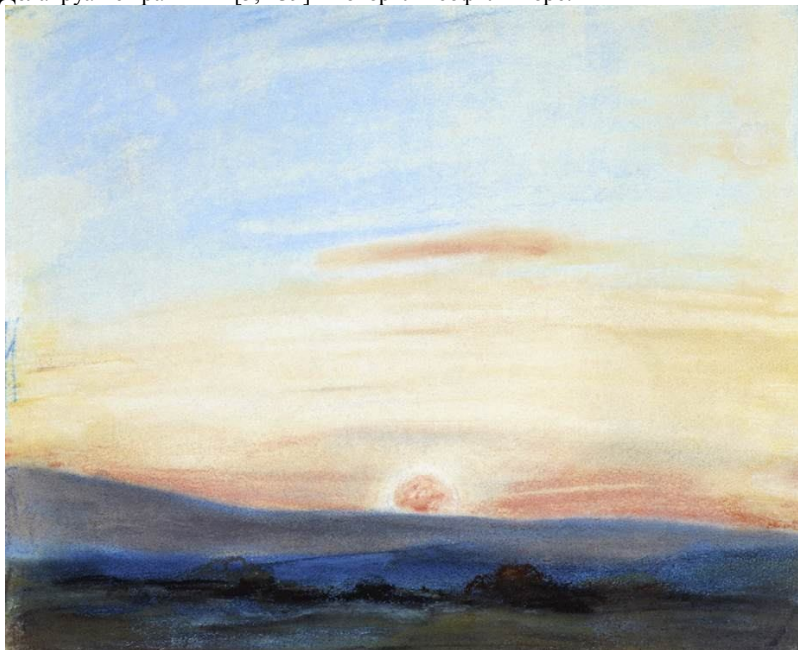

Рис. 3 - Этюд заката. Пастель. 1849. Париж, Лувр

Несмотря на то, что эти восхищающие современного зрителя этюды сам художник считал лишь подсобным материалом при работе над большими сюжетными полотнами, где впечатления от природы синтезировались в единый обобщенный образ природы, эта часть творческого наследия Делакруа сыграла огромную роль в дальнейшем развитии французского искусства. Его поиски в области композиции, решения пространства и, главное, колорита легли в основу открытий импрессионистов.

Литература

1. Вентури Л. Художники Нового времени. СПб.: Азбука-классика, 2007 – 352 с.
2. Мастера искусства об искусстве. В 7-ми т.: Т.4.: XIX в. Под ред. А.А. Губера. М.: Искусство, 1967 – 750 с.
3. Пио Р. Палитра Делакруа. М.-Л.: ОГИЗ-ИЗОГИЗ, 1932 – 54 с.
4. Раздольская В.И. Европейское искусство XIX века. Классицизм, романтизм. СПб.: Азбука-классика, 2005 – 368 с.
5. Johnson L. Delacroix. Pastels. London: John Murray, 1995 – 192 p.
6. Sérullaz A. Delacroix et la Normandie. Paris: Éditions de la Réunion des musées nationaux, 1993 – 112 p.
7. Sérullaz A., Pomarède V. Delacroix. Les dernières années. Paris: Éditions de la Réunion des musées nationaux, 1998 – 408 p.

References

1. Venturi L. Khudozhniki Novogo vremeni. SPb.: Azbuka-klassika, 2007. 352 s.
2. Masters of art about art. In 7 volumes: Vol. 4.: XIX century. Under the direction of A.A. Gubera. M.: Iskusstvo, 1967 – 750 s.
3. Pio R. Palitra Delakrua. M.-L.: OGIZ-IZOGIZ, 1932 – 54 s.
4. Razdol'skaia V.I. Evropeiskoe iskusstvo XIX veka. Klassitsizm, romantizm. SPb.: Azbuka-klassika, 2005 – 368 s.
5. Johnson L. Delacroix. Pastels. London: John Murray, 1995 – 192 p.
6. Sérullaz A. Delacroix et la Normandie. Paris: Éditions de la Réunion des musées nationaux, 1993 – 112 p.
7. Sérullaz A., Pomarède V. Delacroix. Les dernières années. Paris: Éditions de la Réunion des musées nationaux, 1998 – 408 p.

Мусаева Н.Ф.

Кандидат искусствоведения, доцент, Дагестанский государственный педагогический университет
**РОЛЬ ИСКУССТВА В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
 ДАГЕСТАНЦЕВ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД**

Аннотация

В статье поднимается проблема роли изобразительного искусства в формировании национально-государственной идентичности дагестанцев. Цель публикации – доказать, что неадекватная интерпретация смыслов, заложенных в том или ином произведении, может нанести большой урон делу установления межкультурного диалога.

Ключевые слова: Дагестан, изобразительное искусство, национально-государственная идентичность.

Musaev N.F.

Ph.D., associate Professor, Dagestan state pedagogical University

THE ROLE OF ART IN THE FORMATION OF A NATIONAL-STATE IDENTITY DAGESTAN IN THE POST-SOVIET PERIOD

The article raises the problem of the role of art in the formation of a national-state identity Dagestanis. The aim of publication is to prove that an inadequate interpretation of the meanings of a particular product, can cause great damage to the cause of establishing intercultural dialogue.

Keywords: Dagestan, art, national identity.

Проблема формирования национально-государственной идентичности дагестанцев поднята не случайно. Западная идея глобализма натолкнулась на сопротивление со стороны малых народов, почувствовавших угрозу сохранения собственной идентичности. «Культура» возстала против «цивилизации».

Это подняло огромную волну интереса в общественных кругах, в среде научной и творческой интеллигенции к проблемам этнической, конфессиональной идентичности, вопросам специфики национального характера и менталитета.

Всяческое подчеркивание неповторимости народов по данным аспектам, безусловно, является фактором укрепления идеи собственной этнической исключительности. Еще Геродот подчеркивал, что каждый народ убежден в том, что его собственные обычаи и образ жизни некоторым образом наилучший.

Однако преувеличение значимости этой идеи несет определенные риски: в частности, – появление тенденции возрождения националистической, даже шовинистической идеологии. Помимо этого, люди с гипертрофированным чувством гордости за свою принадлежность к тому или иному народу часто позволяют себе в новой для них среде излишне навязчиво декларировать свой образ жизни, не считаясь со сложившимися традициями иного ментального и культурного поля.

Проблема усугубляется еще и тем, что в число элементов традиционных культур помимо языка, обычаев, нравов, фольклора и проч. входит и религия, регламентирующая земные обязанности человека. Для людей их религия – это образ мышления и действия, программа поведения на все случаи жизни. Конфессиональная идентичность еще сильнее объединяет людей, чем их этническая принадлежность.

И вот, в противовес идеям глобализма, всколыхнулась другая волна – волна межнациональных и межрелигиозных конфликтов.

Это происходит не только на межгосударственном уровне, но и внутри России. Тревога по поводу происходящего и привела к мысли о необходимости выведения на первый план проблемы не столько этно-конфессиональной идентичности дагестанцев, сколько их национально-государственной принадлежности. Цель данной публикации – поднять проблему патриотической общности народов Дагестана и народов России.

Однако надо признать, что российское общество еще не вышло из состояния, когда нормы, регулирующие социальное взаимодействие людей, еще не собраны, находятся в некоем состоянии распада. Негативные последствия социально-политических и экономических реформ, проводящихся в России последние 20 лет, оказались более глубокими, чем ожидалось. Были разрушены многие духовные и культурные ценности. В частности, была уничтожена идеология, цементирующая общество в течение более чем 70-и лет. В данном случае слово «идеология» употреблено в положительном смысле, т. е. как опосредованное отношение к миру сквозь призму идей, которые соответствуют актуальным общественным интересам конкретного социума. Выступая в качестве ценностной системы представлений о мире и месте в нем человека, она конструирует программы движения к будущему или стабилизации общества в настоящем. Идеологическая работа нацелена на формирование программ снятия социальных, межкультурных конфликтов или их предупреждение.

Роль искусства в формировании определенных идеологических ценностей во все времена его существования была велика. И даже в современной постсоветской, постмодернистской культуре идеологическая функция искусства не перестала быть актуальной. Но идеология российской действительности, переориентировавшись в аксиологическом плане, еще не завершила четкую декларацию своих постулатов. Правда, недавно вышел в свет шеститомный коллективный труд «Национальная идея России», основные положения которой обсуждались на страницах «Российской газеты». (В его создании принимали участие Владимир Якунин, Вардан Багдасарян, Сергей Кара-Мурза).

Национальную идею, над которой не одно десятилетие бьются лучшие умы России, авторский коллектив сформулировал, исходя из единой, общей и постоянной для всех без исключения граждан, простой, но абсолютно высшей ценности: **«Моя страна должна быть, и должна быть всегда»**. Это – девиз государства, который не принят, но должен быть принят и закреплён высшим законодательным документом страны. Наличие национальной идеи, выраженной в девизе, устойчиво обнаруживается в российской истории. В императорский период российская идеология была вмещена в формулу «Православие. Самодержавие. Народность». В советском государстве – «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Такие идеологемы были в тот период близки идее жизнеспособности страны в целом, они выражали наивысшие ценности государства и его идеологические основы.

В национальную идею, предложенную в труде «Национальная идея России», входят 20 высших ценностей, в числе которых:

- служение государству Народу России;
- неприятие какой-либо дискриминации;
- общественное благо в гармонии с благом каждого человека;
- любовь и семейность;
- социальная справедливость;
- альтруизм и сопереживание;
- соблюдение законов Конституции;
- и прав человека.

Мы являемся очевидцами того, как эти ценности частично уже воплощаются в отечественной культуре. Например, целенаправленно поднимается престиж армии и органов правопорядка, выдвигаются на передний план проблемы семьи и человеческих взаимоотношений, здоровья нации, альтруистического отношения к чужой боли. Особенно это прослеживается на примере российского кинематографа. С изобразительным искусством в условиях господства постмодернистских технологий, все намного сложнее, хотя и тут можно найти неплохие примеры пропаганды общечеловеческих ценностей.

Но это в России, а что происходит в Дагестане? Какими возможностями и средствами обладают деятели художественной культуры в пропаганде названных идеологических смыслов?

В области изобразительного искусства, как бы это не показалось парадоксальным в республике с доминантой исламской религии, вперед вышла монументальная пластика. Уже в постсоветское время воздвигнут памятник «Защитнику Отечества», провозглашающий идеал воина-защитника Родины. Выстроен мемориал, посвященный учительнице, проводящий идею высокой просвещенческой миссии русской интеллигенции. Сооружен памятник сотрудникам органов внутренних дел, погибшим при исполнении служебного долга. Ставятся памятники видным общественным деятелям, представителям науки, культуры, спорта.

В живописи, к сожалению, не так много достижений. Можно вспомнить грандиозный проект «История Дагестана в живописи», инициированный Министерством культуры в конце 1990-х годов. Тогда Магомед Шабанов, Гаджи Камбулатов и Абдулзагир Мусаев написали серию крупномасштабных полотен на исторические темы. Они были нацелены на формирование духа этнической гордости за подвиги героев, воскрешение интереса к истории собственного народа. И тогда эти произведения внесли огромный вклад в возрождение чувства историко-культурной общности и целостности народов Дагестана.

Но сейчас перед деятелями дагестанской художественной культуры стоит другая цель: пропаганда идей межкультурного диалога с представителями других этносов России, людьми иных вероисповеданий.

Единственным примером межконфессиональной толерантности можно назвать работу А. Мусаева и его учеников над росписями Собора Успения Пресвятой Богородицы в Махачкале. Проект был осуществлен в 2004-2007 г. Мусаев за эту работу был награжден орденом Русской Православной церкви Преподобного Андрея Рублева и Золотой медалью Российской Академии художеств. Священников православного храма тогда интересовал только профессионализм мастера, а не его конфессиональная принадлежность. Художник же погрузился в изучение христианской мифологии и православного канона, и создал эскизы, которые благословил Патриарх Бакинский и Прикаспийский Александр. В результате столица Дагестана обрела культовый объект, красота которого может конкурировать с любой церковной постройкой центра России.

Большую идеологическую роль искусства осознают и политики. Однакостораживают факты, когда СМИ начинают целенаправленно дискредитировать личность того или иного деятеля художественной культуры, принижать значение его работы.

Приведу пример. В 2006 году в Махачкале был открыт конный монумент, посвященный «Защитнику Отечества», автором которого был Шариф Шахмарданов. Почти во всех республиканских газетах сразу появились публикации с высокими отзывами о его художественных достоинствах и о ценности монумента в проведении высокой патриотической идеи. Однако незамедлительно в газете «Молодежь Дагестана» появляются две статьи [1] (М.Гаджиев и З. Гаджиев), в которых авторы, владеющие острым словом и вооруженные знанием истории военного снаряжения и конной упряжи, обвинили скульптора в некоторых неточностях в изображении, по их мнению, «средневекового воина». Журналисты не поняли, что этот монумент – не памятник конкретному легендарному герою, а символ (скрытый смысл), в котором органически слились народно-мифологическое сознание и социально-актуальная проблема.

Авторы этих статей усомнились даже в воспитательном значении этого памятника. В данном случае Гаджиевым тогда хотелось задать только один вопрос: «Когда и у каких народов провозглашение таких достоинств человеческой личности как храбрость, честь, отвага в борьбе со злом не связывались с идеей воспитания героической личности?» [2]

Журналисты увидели в памятнике чуть ли не пропаганду военной силы. Нет, сила этого произведения в том, что «Ш. Шахмарданов сумел соединить прошлое, настоящее и будущее народа в единую эмоциональную картину былых сражений и славных подвигов всех дагестанцев, которые и сегодня верны заветам предков» – так писала в ответ этой публикации Светлана Кривоносова в «Дагестанской Правде» [3]

В 2006 году был и еще один прецедент подобного рода, когда содержание памятника пытались истолковать с позиций, отнюдь не поддерживающих идею единения народов России. Речь идет о памятнике Петру I на площади его имени. Конечно, спорить с историческими фактами невозможно. Общеизвестно, что целью персидского похода Петра в 1722 г. был захват новых территорий, что владения, оказавшие сопротивление войскам (Эндиреевское, Утамышское, Кайтагское), были разорены. Возможно, вторжение в Дагестан тогда было единственным средством оградить южные рубежи России от вторжения турецких войск. Поэтому можно согласиться, что слов «От благодарного дагестанского народа основателю города», написанных у подножья монумента, могло бы и не быть. Художественные достоинства памятника от этого не уменьшились бы. Но мнение, высказанное Магомедом Нурмагомедовым в статье «Мы не манкурты!», кажется слишком категоричным. Автор пишет: «...нет никакого основания нашим чиновникам устанавливать памятник Петру I на дагестанской земле... Это символ пренебрежения к исторической памяти дагестанского народа» [4, с. 24]. Более того, в конце статьи была проведена аналогия этого памятника с монументом генералу Моисею Аргутинскому-Долгорукову в Темир-Хан-Шуре (снесен в 1917) и бюстом Алексею Ермолову в Грозном (снят в 1989). Статья завершалась словами: «У дагестанского и чеченского народов эти личности ассоциируются с самыми злыми собаками, которых по традиции называют «Аргутом» и «Ярмулом».

Думается, автору подобных высказываний следовало бы задумываться о резонансе, который мог бы последовать в российских СМИ, взгляни они на эту публикацию не с либерально-демократических позиций.

Этот памятник имеет право существовать именно в Махачкале, хотя бы потому, что Петр I (личность отнюдь не однозначная, как и все выдающиеся правители), первым осознал роль Каспия, как незамерзающего моря, для налаживания связей с южными соседями. По его указу в тихой гавани у подножья горы Тарки-Тау был заложен порт и укрепление, которое стали именовать Петровским.

Более того, бюст, установленный в Махачкале, практически является копией головы с выдающегося «Медного всадника» Э. Фальконе. Выразительность этого художественного образа никогда не подвергалась сомнению. Петр представлен вдохновенной, решительной и одновременно жесткой личностью.

Как бы то ни было, но памятник Петру I в центре Махачкалы стоит и, хотелось бы верить, служит укреплению дружбы народов Дагестана и России.

Все эти примеры были приведены, во-первых, с целью еще раз продемонстрировать огромный потенциал искусства в деле воспитания гражданственности. Во-вторых, – призвать всех к осознанию простой мысли, что к правам человека прилагаются еще и ответственность, обязанность и долг.

Ответственность за дела и высказывания. Обязанность служить идее консолидации общества, а не его разъединения. И долг перед Отечеством и народом, выражающийся в соблюдении законности, порядка, поддержании мира и благополучия каждого человека. «Моя страна должна быть, и должна быть всегда».

Литература

1. Гаджиев, М. Даренному коню в зубы не смотрят [Текст] / М. Гаджиев // Молодежь Дагестана. - 2006. - 15 декабря. С. 4. Гаджиев З. Всадник без головы. Там же.
2. Мусаева, Н. О праве на вымысел [Текст] / Н. Мусаева // Молодежь Дагестана. - 2006. - 22 декабря. С. 20.
3. Кривоносова, С. Дагестан в сердце моем [Текст] / С. Кривоносова // Дагестанская правда. – 2007. - 24 января. С. 4.
4. Нурмагомедов, М. Мы не манкурты! (О Петре I без прикрас) [Текст] / М. Нурмагомедов // Новое дело. – 2012. - 9 марта. С. 24.

References

1. Gadzhiev, M. Darenomu konju v zuby ne smotriat [Tekst] / M. Gadzhiev // Molodezh' Dagestana. - 2006. - 15 dekabrja. S. 4. Gadzhiev Z. Vsadnik bez golovy. Tam zhe.
2. Musaeva, N. O prave na vymysel [Tekst] / N. Musaeva // Molodezh' Dagestana. - 2006. - 22 dekabrja. S. 20.
3. Krivonosova, S. Dagestan v serdce mojom [Tekst] / S. Krivonosova // Dagestanskaja pravda. – 2007. - 24 janvarja. S. 4.
4. Nurmagomedov, M. My ne mankurty! (O Petre I bez prikras) [Tekst] / M. Nurmagomedov // Novoe delo. – 2012. - 9 marta. S. 24.

АРХИТЕКТУРА / ARCHITECTURE

Сырги А.В.¹, Осокина В.А.²

¹Аспирант; ²Научный руководитель, Поволжский государственный технологический университет

ЦВЕТОВОЕ РЕШЕНИЕ ИНТЕРЬЕВА КВАРТИРЫ

Аннотация

Представленная работа является частью комплексного исследования влияния различных цветовых сочетаний, обладающих огромной эмоциональной выразительностью и, оказывающие на человека определенное психологическое воздействие. Целью данной работы является стремление изучить закономерности цветового воздействия на человека и применить эти знания при

решении всего многообразия архитектурных и дизайнерских задач.

Ключевые слова: цвет, колористика, дизайн интерьера, квартира.

Syrgi A.V.¹, Osokina V.A.²

¹Graduate student, ²Scientific supervisor, associate Professor, Volga State University of Technology

COLOR DESIGN OF INTERIOR APARTMENT

Abstract

The presented work is part of a comprehensive study of the effect of different color combinations, with great emotional expressiveness and providing to the person a certain psychological impact. The purpose of this work: the desire to study the patterns of the color of human exposure and to apply this knowledge when solving the whole variety of architectural and design tasks.

Keywords: color, colour, interior design, apartment.

Проблема использования цвета – одна из самых сложных и многогранных в архитектуре. Колорит всегда играл решающую роль в архитектурном убранстве нашего жилища. В нем отражались личность хозяина дома, его вкусы и пристрастия.

Цвет – это одна из самых важных характеристик всего виденного нами. Каждый цвет вызывает у человека цепь ассоциаций, которые влияют не только на его психологическое и эмоциональное состояние, но и на физиологическое. Поэтому подходить к выбору цветов для вашего интерьера нужно с особым тщанием. Ведь квартира должна отвечать не только вашим вкусам, но и быть максимально комфортной.

Сила цвета во многом заключается в том, что он способен «обойти» защитные механизмы нашего сознания и действовать на бессознательном уровне. Поэтому в этом своем качестве он становится очень привлекательным средством для психологических манипуляций. Соответственно современный человек должен знать и понимать, как цвет воздействует на его организм и психику, чтобы лучше ориентироваться в окружающем мире.

Известный, австрийский психолог М.Люшер вывел теорию о четырёх типах поведения личности. Они были названы красный тип поведения, зелёный тип, жёлтый и синий, то есть по названиям основных цветов спектра. Стремления личности определяются тем цветом поведения, которому человек отдаёт предпочтение в данное время.

Выбору *гаммы красного цвета* предпочитают люди, стремящиеся быть в гуще событий. Красный - цвет холериков. *Гамма синего цвета*, цвет спокойствия и умиротворенности, свойственна меланхолическому типу темперамента. *Гамма желтого цвета* символизирует собой оптимизм, силу духа, стремление к свободе, разум. Ведут себя, в соответствии поведением желтого типа, сангвиники. *Человек с зелёным поведением* больше всего хочет уверенности во всем, что его окружает. Несомненно, зеленый цвет – цвет флегматиков.

Чтобы убедиться в данном утверждении, я провела исследование по изучению типа темперамента и цветовых предпочтений. В моём исследовании приняли участие 27 опрошенных разных возрастов.

Опрашиваемым была предложена анкета со следующими вопросами.

Какой цвет вы предпочитаете больше всего?

Как по вашему мнению, влияет ли цвет на самочувствие человека?

Результаты анкет

1)Тест на определение типа темперамента человека.

- 9 холериков,
- 7 меланхоликов
- 5 сангвиников,
- 6 флегматиков,

2)Анкета на цветовые предпочтения человека.

- все оттенки красного цвета – 9 человек
- все оттенки синего цвета – 4 человека.
- все оттенки желтого цвета – 3 человек
- все оттенки зелёного цвета – 8 человек

Сопоставив данные, я сделала вывод, что тип темперамента влияет на цветовое предпочтение человека. Небольшое расхождение в цифрах можно объяснить негативным жизненным опытом.

Перед тем как вы начнете работу по декорированию интерьера, некоторое время поразмышляйте о том, какие эмоции вы хотели бы испытать в данном помещении. Проведите в нем некоторое время, а затем уже принимайтесь за работу по окончательной цветовой отделке.

Пастельные тона идеально подходят для создания расслабляющей атмосферы. Ванные комнаты, спальни и гостиные идеально подходят для использования нежного пастельного цветного текстиля. Высокая доля белого в пастельных цветах позволяет им зрительно расширять пространство. Такие тона помогают создать глубину при объединении их со смелыми цветами и узорами. Используйте их, или в качестве акцентирования других ваших доминирующих цветов, или чтобы, наоборот, сделать их своей фокусной точкой.

Отвергать красное — значит отвергать эмоции. Главный закон этого цвета: немного красного – это уже много красного. Даже небольшая красная поверхность очень сильно влияет на общее восприятие пространства. Красный просто приковывает к себе наши взгляды, именно из-за этой его особенности он идеально подходит для создания акцентов в интерьере. Красные стены делают помещение визуально меньше и ниже.

Гармония с природой: оттенки синего и зеленого. Поскольку зеленый и синий цвета постоянно окружают нас, они считаются самыми привычными для человеческого глаза, а потому — наиболее расслабляющими и успокаивающими. Заряжаться хорошим настроением с утра и отдыхать, и успокаиваться вечером вам помогут все оттенки салатного. Такие ассоциации, как тишина и спокойствие, сделали синий излюбленным цветом для оформления мест отдыха, релаксации. Темные оттенки синего способны создавать возбуждающую атмосферу, что подталкивает к использованию этого цвета в ночных клубах и спальнях, предназначенных далеко не только для сна. Голубой цвет в интерьере – расширяет объем, помещения кажется более просторными, синий – уменьшает, помещение визуально становится ниже.

Желтый цвет в интерьере:солнечное настроение у вас дома. Желтый цвет в интерьере бодрит, дает энергию, что неудивительно, учитывая главную ассоциацию с этим цветом – яркое солнце. Желтый активизирует, настраивает на креативность. Поэтому желтый цвет рекомендован для кабинетов творческих людей. Данный цвет делает помещение просторным.

Коричневый цвет: теплый — как дерево и вкусный — как шоколад. Коричневый цвет – сужает помещение, создаёт ощущение замкнутого пространства. Коричневый цвет дает ощущение безопасности, способствует преобладанию здравого смысла. Большое количество коричневого цвета в интерьере помогает принимать спокойные, взвешенные решения.

Цветом можно не только украсить, но и испортить интерьер квартиры. Можно расширить или уменьшить, «отзонировать» пространство, «охладить» солнечную комнату или «согреть» помещение с окнами на север. К примеру, темные или теплые цвета смыкают стены, а светлые или холодные – раздвигают. Потолок станет выше, если сделать его на тон светлее стен. А увеличить окна можно, покрасив рамы в цвет стен. Связь эмоций и цвета является многоуровневой, так как с одной стороны, цвет непосредственно вызывает определенные эмоции, а с другой, эмоциональное состояние влияет на цветовые предпочтения. Работать

с цветовой гаммой нужно очень осторожно и желательнее ознакомиться с природой цвета и законами построения цветовых композиций.

Литература

1. Цвет в интерьере [Электронный ресурс] URL: <http://mirsovetov.ru/a/housing/interior-design/color-interior.html>
2. Цвета, оттенки и их сочетания в дизайне интерьера квартир [Электронный ресурс] URL: http://www.ok-interiordesign.ru/interior_design.php
3. Стармер А. Цвет. Энциклопедия. Советы по цветовому оформлению интерьера вашего дома / А. Стармер. – М.: АРТ-РОДНИК, издание на русском языке, 2005 – 256с.
4. Архитектурная колористика. Цвет в интерьере: учебное пособие для студентов специальности 270301 «Архитектура» очной формы обуч./сост. В.Ю.Рыбникова, И.В.Кулага. – Кострома: КГСХА, 2007. –40с.

References

1. Cvet v inter'ere [Jelektronnyj resurs] URL: <http://mirsovetov.ru/a/housing/interior-design/color-interior.html>
2. Cveta, ottenki i ih sochetanija v dizajne inter'era kvartir [Jelektronnyj resurs] URL: http://www.ok-interiordesign.ru/interior_design.php
3. Starmer A. Cvet. JEnciklopedija. Sovety po cvetovomu oformleniju inter'era vashego doma / A. Starmer. – M.: ART-RODNIK, izdanie na russskom jazyke, 2005 – 256s.
4. Arhitekturnaja koloristika. Cvet v inter'ere: uchebnoe posobie dlja studentov special'nosti 270301 «Arhitektura» ochnoj formy obuch./sost. V.JU.Rybnikova, I.V.Kulaga. – Kostroma: KGSXA, 2007. –40s.

Юнусова А.Р.

Магистрант факультета архитектуры, Казанский государственный архитектурно-строительный университет
ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ НОВОЙ АРХИТЕКТУРНОЙ ТИПОЛОГИИ – ЦЕНТРОВ ДОСУГОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация

В статье рассмотрено - внедрение новой архитектурной культурно-просветительской типологии для раскрытия интеллектуального потенциала населения и реализации современных педагогических программ, а так же сформулированы ее универсальные принципы архитектурной организации.

Ключевые слова: архитектура, типология, принципы организации.

Yunusov AR

Master of the Faculty of Architecture, Kazan State University of Architecture and Engineering

**PRINCIPLES OF NEW ARCHITECTURAL TYPOLOGY –
Center of leisure education**

Abstract

In the article - the introduction of new architectural typology of cultural and educational for the disclosure of the intellectual potential of the population and the implementation of modern teaching programs, as well as its universal principles articulated architectural organization.

Keywords: architecture, typology, principles of organization.

Типология досуговых учреждений культурно-просветительского назначения не обновляется. Клубы, дома культуры и их разновидности, которые встречаются в структуре городов России, разработаны еще в 1920-1950-е года. Советские архитекторы создавали их как учреждения, обеспечивающие культурный, профессиональный, интеллектуальный рост и развитие творческого потенциала населения. Архитектурная организация клубов и домов культуры того периода зачастую даже опережала запросы общества.[1] Однако, функционируя сегодня в современном городе, в изменившихся социально-демографических, информационно-технологических, экономических условиях, они не справляются в полной мере с возложенной на них культурно-просветительской нагрузкой. В связи с вышеизложенной ситуацией и наметившегося в России курса на повышение уровня образованности населения, как залога гармоничного развития общества и государства, в рамках исследования «Архитектурная организация центров досугового образования» предложен объект нового типа – центр досугового образования.

Центр досугового образования (ЦДО) – новая типология в системе учреждений досуга, позволяющая реализовывать в городах России педагогическую концепцию непрерывного образования. Непрерывное образование – целенаправленный и определенным образом организованный интеллектуально-образовательный процесс, цель которого – всестороннее развитие и саморазвитие человека [2].

Определяя функции непрерывного образования и ЦДО в целом, можно говорить о заполнении пробелов основной системы образования, помощи человеку в приспособлении к быстроменяющемуся миру и реагировании на его запросы, обогащении творческого потенциала личности, предоставлении доступа к новым технологиям и ресурсам.

Термин «досуговый» в названии разрабатываемой типологии указывает на нерегламентированность и добровольный выбор различных форм интеллектуально-образовательной деятельности[3], и определяет основные признаки ЦДО:

- доступный в своем содержании (доступен для любых социальных групп, для посещения и внедрения новшеств);

- свободный в архитектурно-планировочном решении (свободный в планировочной структуре и объемном решении: форма зависит от функции).

Такое сочетание функции и признаков можно встретить в пространствах входящих в состав объектов современной архитектуры зарубежных стран следующих типов: библиотека, медиатека, конференц-конгресс центр, выставочный павильон, культурный центр, посетительский центр, учебный корпус, информационный центр, музей и центр искусств. Ознакомление с ними позволило сделать следующие выводы:

Во-первых, со второй половины XX века было создано множество интересных образцов архитектуры каждого типа. Но наиболее приближенными к новой типологии (ЦДО), предлагаемой в исследовании, являются современные библиотеки и медиатеки.

Появившись на Востоке (около 2500 г. до н. э.), и пройдя все исторические катаклизмы, библиотека остается ядром информационно-образовательного пространства. Но за последние двадцать лет понятие такой типологической архитектурной единицы как библиотека существенно изменилось и как следствие размылось.[4] Медиатека – тип учреждения, появившийся в результате трансформации библиотеки на рубеже XX-XXI веков, который включает в себя качественно разные информационные пространства, хотя первоначально медиатека - это электронный информационный центр, существующий только в виртуальном пространстве и на мультимедийных дисках.[5]

Следует отметить, что различия в функциональном насыщении таких объектов как современная библиотека и медиатека порой несущественны, что может вызвать затруднения у потенциальных посетителей. Появление нового образовательного пространства с отличающимся названием – Центр досугового образования – позволит получить людям четкое представление о характере услуг, которые они могут получить в стенах разрабатываемой типологии.

Во-вторых, во всех развитых странах уделяется большое внимание проектированию и строительству рассматриваемых типов учреждений, особенно в странах Европы и Северной Америки. Всем современным проектам независимо от места расположения характерна современная архитектурная пластика, динамичная структура, современные, инновационные конструктивные решения;

В-третьих, с 1995 года наблюдается тенденция к появлению новых типологий образовательного назначения. Что говорит о ключевой роли образования и образовательных пространств в жизни общества. Сеть образовательных площадок различного характера позволяет создать базы информации с быстрым доступом к ней, ускорить информационный обмен и создать условия максимально комфортные для работы и усвоения информации. Это факт очередной раз подтверждает актуальность проводимого исследования.

В процессе рассмотрения типологических прототипов ЦДО в современной зарубежной практики, были выявлены и сформулированы универсальные принципы архитектурной организации разрабатываемой типологии:

- интерактивность;
- гибкость;
- технологичность;
- экологичность.

1. *Принцип структурности пространства* основан на наборе структурных элементов и способах их взаимосвязи. Образовательная часть ЦДО состоит из следующих структурных элементов: группы учебных модулей, зальных помещений и форума, галерей и инфохранилищ с пространства для работы с информацией. Разноплановость этих структурных элементов обуславливает необходимость сочетать в здании всевозможные:

- планировочные структуры: линейную, кольцевую и блочную;
- планировочные сетки: прямоугольную, свободную.

Следует так же отметить, что такая типология как ЦДО является неформальной – форма зависит от содержания. Наполнять объект содержание предпочтительнее придерживаясь свободной разноуровневой структуры.

2. *Принцип гибкости пространства* в организации ЦДО находит отражение в функционально-планировочной гибкости здания. Это прежде всего возможность трансформировать внутреннее пространство под определенные сценарии использования, создание многофункциональных пространств и свободный доступ к ним, а так же возможность здания совершенствоваться параллельно запросам общества.

Как правило, здания и системы этого направления проектируются с заранее запланированным резервом для последующего динамического развития в условиях изменяющихся факторов среды и человека. Динамика развития и гибкость пространственных структур происходит по принципу прибавления к основному первичному объему дополнительных блоков, ярусов, модулей. Комбинаторика форм рождает новые неожиданные схемы планировочной и объемно-пространственной структуры динамических систем.[6]

3. *Принцип интерактивности пространства*. «Термин, обобщенно, можно определить так: интерактивность — это принцип организации системы, при котором цель достигается информационным обменом элементов этой системы.»[7] В ЦДО элементами такой системы являются человек/пользователь и здание.

Таким образом, информационные потоки, проносящие сквозь сознание посетителей, остановить практически невозможно, но с использованием в архитектурной среде интерактивных технологий позволяют увеличить степень участия людей в конфигурировании окружающего пространства.

Интерактивные свойства архитектурной среды могут придать многофункциональным сооружениям «живой» характер, а человеку – роль соавтора среды: с одной стороны, он преобразует состояние формы, а с другой – получает обратную реакцию. Обратная связь начинает работать благодаря механизмам, которые, учитывая поведение человека, позволяют ему:

- осуществлять процесс «разговора» со средой;
- изменять цвет, свет, текстуру, фактуру, прозрачность поверхностей;
- самому выбирать первичную позицию в конфигурации пространства.

Это особенно эффективно в обучении как детей так и взрослых (создавая разнообразные когнитивные карты и репрезентативные каналы) и в научных исследованиях и разработках (моделируя те или иные условия среды). [8]

4. *Принцип экологичности пространства*. ЦДО должен взять на себя нагрузку экоразвития населения и стать неким зданием-символом, вмещаю в себя всевозможные частные принципы экологизации пространства. Этот принцип может реализовываться путем грамотного взаимодействия объекта рассмотрения с окружающей средой, использованием альтернативных источников энергии, мониторинга внутреннего состояния среды, увеличения площади озеленения, организации водоемов и использование экологических материалов.

Выявленные принципы должны найти отражение и гармонично взаимодействовать в универсальной архитектурной модели ЦДО. Следование этим принципам при организации ЦДО позволит создавать уникальные современные архитектурные объекты, имеющие потенциал развития во времени.

Литература

1. История советской архитектуры: Учебник для архитектурных вузов / Н.П. Былинкин, В.Н. Калмыкова, А.В. Рябушкин, Г.В. Сергеева; Под. Ред. Н.П. Былинкина, А.В. Рябушкина. М.: Стройиздат, 1985. – 255с.: ил.
2. Чорная А. Д. Непрерывное образование как основоположное условие развития современного общества [Текст] / А. Д. Чорная // Проблемы и перспективы развития образования: материалы III междунар. науч. конф. (г. Пермь, январь 2013 г.). — Пермь: Меркурий, 2013. — С. 36-38.
3. Социальное проектирование в сфере культуры. Центры досуга: Сб. науч. Тр./НИИ культуры. – М., 1990, С. 22-91.
4. Кочнева М.А. Проблема трансформации библиотеки в центр культуры, образования и общения. // М.А.Кочнева. Архитектон: известия вузов. №14 (Приложение). 2006. Материалы студенческой научной конференции "Актуальные проблемы архитектуры и дизайна-2006".
5. Медиатека [Электронный ресурс]: Википедия свободная энциклопедия.–Режим доступа : <http://ru.wikipedia.org/wiki/Медиатека>
6. Акбаралиев Р.Ш. ФАКТОР ВРЕМЕНИ В ФОРМООБРАЗОВАНИИ ОБЪЕКТОВ ДИНАМИЧЕСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ [Электронный ресурс] / Р.Ш. Акбаралиев //Архитектон: известия вузов. – 2011. – № 34 Приложение.
7. Интерактивный[Электронный ресурс] : Википедия свободная энциклопедия. – Режим доступа : <http://ru.wikipedia.org/wiki/Интерактивный>
8. Керешун А.И. Возможности «Интерактивной» архитектуры. // А.И.Керешун. Архитектон: известия вузов. №14 (Приложение). 2006. Материалы студенческой научной конференции "Актуальные проблемы архитектуры и дизайна-2006".

References

1. Istorija sovetsoj arhitektury: Uchebnik dlja arhitekturnyh vuzov / N.P. Bylinkin, V.N. Kalmykova, A.V. Rjabushkin, G.V. Sergeeva; Pod. Red. N.P. Bylinkina, A.V. Rjabushkina. M.: Strojizdat, 1985. – 255s.: il.

2. Chornaja A. D. Nepreryvnoe obrazovanie kak osnovopolozhnoe uslovie razvitija sovremennogo obshhestva [Tekst] / A. D. Chornaja // Problemy i perspektivy razvitija obrazovaniya: materialy III mezhdunar. nauch. konf. (g. Perm', janvar' 2013 g.). — Perm': Merkurij, 2013. — S. 36-38.
3. Social'noe proektirovanie v sfere kul'tury. Centry dosuga: Sb. nauch. Tr./NII kul'tury. – M., 1990, S. 22-91.
4. Kochneva M.A. Problema transformacii biblioteki v centr kul'tury, obrazovaniya i obshheniya. // M.A.Kochneva. Arhitekton: izvestija vuzov. №14 (Prilozhenie). 2006. Materialy studencheskoj nauchnoj konferencii "Aktual'nye problemy arhitektury i dizajna-2006".
5. Mediateka [Elektronnyj resurs]: Vikipedija svobodnaja jenciklopedija.–Rezhim dostupa : <http://ru.wikipedia.org/wiki/Mediateka>
6. Akbaraliev R.Sh. FAKTOR VREMENI V FORMOOBRAZOVANII OB#EKTIV DINAMICHESKOJ ARHITEKTURY [Elektronnyj resurs] / R.Sh. Akbaraliev //Arhitekton: izvestija vuzov. – 2011. – № 34 Prilozhenie.
7. Interaktivnyj[Elektronnyj resurs] : Vikipedija svobodnaja jenciklopedija. – Rezhim dostupa : <http://ru.wikipedia.org/wiki/Interaktivnyj>
8. Kereshun A.I. Vozmozhnosti «Interaktivnoj» arhitektury. // A.I.Kereshun. Arhitekton: izvestija vuzov. №14 (Prilozhenie). 2006. Materialy studencheskoj nauchnoj konferencii "Aktual'nye problemy arhitektury i dizajna-2006".

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PSYCHOLOGY

Грызунов В. В.¹, Гришина А.М.²

¹Доктор медицинских наук, профессор, ²Аспирант Горный университет, ГБОУ ВПО ПСПбГМУ им. И.П. Павлова Минздрава России

СИСТЕМА МОНИТОРИНГА СПЕЦИАЛИСТОВ ОПЕРАТОРСКОГО ПРОФИЛЯ В ГОРНОДОБЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Аннотация

Аварии на объектах горной промышленности настоятельно требуют разработки дистанционных систем мониторинга надежности функционирования операторов на угольных шахтах и является приоритетной задачей обеспечения безопасности. На базе адаптивного модуля регистрации электрокардиосигналов разработан беспроводной вариант передачи данных, предназначенный для создания канала связи в подчиненном устройстве на основе UART-протокола.

Ключевые слова: мониторинг, риск, человеческий фактор, аварии, кардиоинтервалометрия.

Gryzunov V.V.¹, Grishina A.M.²

¹Doctor of medical sciences, professor, ²Postgraduate student, Mining university, First Pavlov State Medical University of St. Petersburg

MONITORING SYSTEM SPECIALIST- OPERATORS IN THE MINING INDUSTRY

Abstract

The accident at the facilities of the mining industry urgently require the development of remote monitoring systems reliability of the operators in the coal mines and is a priority of security. Based adaptive registration module electrocardiosignals developed wireless transmission embodiment for creating a communication channel to the slave UART-based protocol.

Keywords: monitoring, risk, human factors, accident, cardiointervalometry.

Внедрение интегрированных автоматизированных информационно-измерительных систем на угольных шахтах позволило снизить риск аварий. В угледобывающей отрасли активно используются различные по своим тактико-техническим характеристикам и возможностям как отечественные оперативного-диспетчерские («Микон IP», «Микон III»; «Granch SBGPS», «АналитПрибор», «ПромТех»), так и зарубежные («Emag», Польша; «Becker», Германия; «Davis Derby», Великобритания; «Baldwin&Francis», Великобритания) автоматизированные системы. Но несмотря на меры повышения безопасности, ситуация в горнодобывающей отрасли еще далека от совершенства. В России более 86% угольных шахт опасны по взрывам газа и угольной пыли. Несчастные случаи со смертельным исходом при взрывах со смертельным исходом составляют 85-90%, а вероятность остаться в живых в 100 раз меньше, чем при механических обрушениях [1]. В среднем на шахтах страны раз в год происходит взрыв метана и угольной пыли с человеческими жертвами, а добыча каждой 1 млн. тонн угля обходится в 1 человеческую жизнь. А тяжесть последствий аварий на высокопроизводительных газообильных угольных шахтах катастрофична [2]. Поэтому разработка автоматизированных систем мониторинга безопасности для угольной промышленности является приоритетной задачей.

Но для сложных технических систем, используемых в горнодобывающей промышленности, возрастает вероятность комбинации негативных событий [3], а причины отказов могут быть обусловлены не только конструктивными, технологическими, эксплуатационными дефектами, но и человеческим фактором [4]. Ведь вся разнообразная визуальная, аудиальная информация в виде числовых, графических, текстовых, звуковых данных передается на пульт диспетчера, обеспечивая формирование алгоритма действий в экстремальной ситуации. Поэтому специфика профессиональной деятельности оператора автоматизированной системы мониторинга технологических процессов на шахтах, требующая принятия ответственных решений в условиях риска, неопределенности, жесткого дефицита времени и информации, предъявляет высокие требования к личностным ресурсам и психофизиологическим возможностям человека и обуславливает необходимость не только профессионального отбора, подготовки, но и мониторинг надежности функционирования человека-оператора [5]. Ведь многие специалисты считают, что около 15 - 20% практически здоровых людей не в состоянии освоить целый ряд различных по сложности профессий из-за несоответствия психофизиологических параметров уровню сложности решаемых задач, особенностям трудового процесса. Чрезмерная напряженность в профессиональной деятельности ведет к повышенной тревожности, снижению самоконтроля, безответственности, агрессивности, формированию дезадаптивных форм поведения с чертами девиантности, аддиктивности и делинквентности. Поэтому в последние годы человеческому фактору придается важное значение при анализе причин несчастных случаев, трагедий, катастроф.

Для мониторинга безопасности на угольных шахтах особое значение приобретает оперативный контроль за состоянием трудоспособности оператора, профессионально связанного с выполнением ответственных задач в различных сферах управления, производства. Разрабатываемые автоматизированные мобильные системы мониторинга обеспечивают возможность оперативного контроля за параметрами кардиореспираторной системы человека в непрерывном режиме с последующей беспроводной передачей информации в условиях помех, формирование базы данных для расчета профессионального риска срыва адаптации, а также обладают высокими отказоустойчивыми характеристиками. Эффективность анализа колебательного контура кардиореспираторной системы для оценки напряженности регуляторных механизмов неоднократно подтверждена в различных исследованиях. Разрабатываемая модель мобильного комплекса отвечает следующим требованиям: низкий уровень энергопотребления; беспроводная передача информации в условиях помех в режиме непрерывной деятельности оператора; небольшие размеры и вес, не вызывающие негативных ощущений. Мониторинг состояния специалиста операторского профиля реализован на базе адаптивного модуля регистрации электрокардиосигналов. Для беспроводного варианта передачи данных использовали готовый модуль – Bluetooth-адаптер OR-BT20-115.2, предназначенный для создания беспроводного канала связи в подчиненном устройстве на основе UART-протокола и представляет собой законченное решение с интегрированным фильтром питания и планарной антенной. Адаптер OR-BT20-115.2 обеспечивает скорость обмена 115.2 Кбит/с (с микроконтроллером) и принадлежит ко второму классу bluetooth-передатчиков (гарантированная дальность действия – 10-15м). С учетом специфики

профессиональной деятельности оператора автоматизированной системы мониторинга технологических процессов на шахтах использовались следующие параметры, от которых зависит функциональность и удобство использования готового устройства:

- скорость передачи данных;
- дальность действия передатчика;
- потребляемая мощность – особо важный пункт для портативного варианта устройства, работающего от аккумуляторов;
- наличие приёмника сигнала в существующих приборах (ПК, ноутбуках, мобильных телефонах и т. д.);
- стоимость передатчика.

Основные блоки, входящие в автоматизированный комплекс: предварительный усилитель, частотно-селективный усилитель в полосе R-зубцов электрокардиосигнала, аппаратный выделитель R-зубцов электрокардиосигналов, частотно-селективный усилитель, аналого-цифровой преобразователь, микроконтроллер, гальваническая развязка, блоки формирования данных для персонального компьютера и индикации включения и питания. Информационная система, позволяющая формировать базу данных, развёрнута на основе SQL Server Compact Edition 4.0., что обеспечивает непрерывный контроль за состоянием оператора.

Таким образом, применение системы дистанционного функционального мониторинга состояния оператора автоматизированной системы в горнодобывающей промышленности позволит снизить риск развития дезадаптивной формы совладающего поведения и уменьшить вероятность развития аварии.

Литература

1. Шкундин С.З., Стучилин В.В. Методология построения современных информационно-измерительных систем обеспечения безопасности на угольных шахтах РФ // Горная техника, 2009. - С.24-32.
2. Матвиенко Н.Г., Забурдяев В.С. Обеспечение безопасности освоения газоносных месторождений твердых полезных ископаемых // Безопасность труда в промышленности. – 2014. - №1. – С.30-39.
3. Рябинин И.А. Надежность и безопасность структурно-сложных систем. – СПб.: Политехника, 2000. – 248 с.
4. Саркисов А.А. Феномен восприятия общественным сознанием опасности, связанной с ядерной энергетикой // Научно-технические ведомости СПбГПУ. -2012. – Т.2, Вып.3(154). – С.9-21.
5. Грызунов В.В. Надежность – интегративная характеристика живой системы // Научные исследования и инновационная деятельность: Материалы научно-практической конференции. - СПбГПУ, 2008. - С.147-152.
6. Грызунов В.В., Грызунова И.В. Уязвимость поведенческого паттерна личности при реализации копинг-стратегии // Высокие интеллектуальные технологии и инновации в образовании и науке. - СПб., 2014. – Т.3. - С.65-69.

References

1. Shkundin S.Z., Stuchilin V.V. Metodologija postroenija sovremennyh informacionno-izmeritel'nyh sistem obespechenija bezopasnosti na ugol'nyh shahtah RF // Gornaja tehnika, 2009. - S.24-32.
2. Matvienko N.G., Zaburdjaev V.S. Obespechenie bezopasnosti osvoenija gazonosnyh mestorozhdenij tverdyh poleznyh iskopaemyh // Bezopasnost' truda v promyshlennosti. – 2014. - №1. – S.30-39.
3. Rjabinin I.A. Nadezhnost' i bezopasnost' strukturno-slozhnyh sistem. – Spb.: Politehnika, 2000. – 248 s.
4. Sarkisov A.A. Fenomen vosprijatija obshhestvennym soznaniem opasnosti, svjazannoj s jadernoju jenergetikoj // Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. -2012. – T.2, Vyp.3(154). – S.9-21.
5. Gryzunov V.V. Nadezhnost' – integrativnaja harakteristika zhivoj sistemy // Nauchnye issledovanija i innovacionnaja dejatel'nost': Materialy nauchno-prakticheskoj konferencii. - SPbGPU, 2008. - S.147-152.
6. Gryzunov V.V., Gryzunova I.V. Ujazvimost' povedencheskogo patterna lichnosti pri realizacii koping-strategii // Vysokie intellektual'nye tehnologii i innovacii v obrazovanii i nauke. - SPb., 2014. – T.3. - S.65-69.

Динь Н.Т.

Аспирант, Астраханский государственный университет

ИЗУЧЕНИЕ РАЗЛИЧИЯ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ РОССИЙСКИХ И ВЬЕТНАМСКИХ СТУДЕНТОВ

Аннотация

Статья посвящена изучению различных особенностей творческих способностей российских и вьетнамских студентов. В исследовании использовался тест Е. Е. Туника.

Ключевые слова: творческая способность, вьетнамские студенты, тест Е. Е. Туника.

Dinh N.T.

Postgraduate, Astrakhan State University

EXAMINE THE DIFFERENCES CREATIVE ABILITIES RUSSIAN AND VIETNAMESE STUDENTS

Abstract

This paper examines the differences characteristics of creative abilities of Russian and Vietnamese students. The study used a test Tunik E. E.

Keywords: creative abilities, Vietnamese student, test Tunik E. E.

Развитие человеческого общества и его история часто связаны с творчеством. Особенно на сегодняшнем этапе развития общества, творчество играет важную роль в развитии науки, техники и технологии. Изобретения, инновации, достижения, методы управления обществом и др. во всех аспектах социальной жизни в целом и особенно в науке, всегда помогают человеческой цивилизации достигать более высокого уровня прогресса.

Анализируя литературу, можно найти различные тенденции понимания о способностях, которые могут быть разделены на два основных общие направления.

Первый подход, так называемый функционально-генетический, к определению способностей был провозглашен Л. С. Выготским и рассмотрен также в работах В. Д. Шадрикова, В. Н. Дружинина, Я.А. Пономарева и др. [1,2,6].

Этот второй подход, личностно - деятельностный, восходит к работам С.Л. Рубинштейна [4]. С. Л. Рубинштейн определяет способность как сложное синтетическое образование, включающее в себя особенности, без которых человек не был бы способен к какой-либо деятельности, и свойства, которые способны вырабатываться определенным образом только в процессе организованной деятельности.

Таким образом, способности в контексте рассмотренного выше подхода, выступают в качестве индивидуально-психологических свойств, необходимых для успешного выполнения деятельности (одного или нескольких ее видов). Именно этот подход и закрепился как наиболее всеупотребительный в отечественной психологии.

Дж. Гилфорд [2] выделяет ряд общих способностей в структуре креативности: оригинальность — способность продуцировать отдаленные ассоциации; семантическую гибкость — способность выделять функции объекта и предложить ему новое предназначение; образную адаптивную гибкость — способность изменить форму стимула так, чтобы увидеть в нем новые возможности; семантическую спонтанную гибкость — способность продуцировать разнообразные идеи, сравнительно не ограниченные ситуацией.

Эту же «когнитивную» линию продолжает Е. Торренс. Он считает ключевой составляющей креативных свойств общую способность преодоления внешне навязываемых ограничений и стандартов, способность к восприятию недостатков, пробелов в знании, недостающих элементов.

Е. Е. Туник видоизменил и создал методику «Самооценка творческих способностей». Этот тест позволяет определить четыре особенности творческой личности: 1) любознательность (Л); 2) воображение (В); 3) сложность (С) и 4) склонность к риску (Р) [5].

В данной работе для исследования различия творческих способностей российских и вьетнамских студентов использована методика «Самооценка творческих способностей» Е.Е. Туника.

Исследование проведено на 100 и 163 российских и вьетнамских студентов. Студентам предлагается ответить на 50 вопросов. Из 50 пунктов 12 утверждений относятся к любознательности, 12 — к воображению, 13 — к способности идти на риск, 13 утверждений к фактору сложность.

Результаты исследования творческих способностей Российских и Вьетнамских студентов представлены в таблице 1.

Таблица 1 - Средние значения показателей творческих способностей студентов, проживающих в Поволжье (России) и в долине реки Меконг (Вьетнам) (выражающие в баллах)

Субъекты		Творческие способности			
		Р(1)	Л(2)	С(3)	В(4)
Российские студенты	X1	17.11 ± 3,56	16.62 ± 3,38	15.94 ± 3,80	14.18 ± 3,78
Вьетнамские студенты	X2	17.29 ± 3.26	15.58 ± 3.39	14.57 ± 3.40	11.63 ± 3.79
<i>p</i>		0,005			
<i>t</i>		- 0.7911	4.4134	5.7219	10.2949

Данные в таблице 1 показывают, что: сравнивая данные российских и вьетнамских студентов по опроснику личностных характеристик можно говорить, что по всем факторам: Любознательность (Л), Сложность (С) и Воображение (В) средние показатели российские студентов выше вьетнамских студентов (($t(2)=4,4134$, $t(3)=5,7219$, $t(4)=10,2949$ (при $p=0,005$)), за исключением творческой способности за «Склонность к риску» (Р), где показатели российских и вьетнамских студентов одинаковы ($t(1)=-0,7911$ при $p=0,005$) (различия статистически значимы, *t*-критерий Стьюдента).

В результате анализа данных при повторной диагностике были отмечены изменения значений средних баллов в исследуемых показателях творчества, что отражено в таблице 2.

Таблица 2 - Уровни показателей творческих способностей Российских и Вьетнамских студентов (в баллах)

Уровни	Объект	Показатели творческих способностей							
		Р(1)		Л(2)		С(3)		В(4)	
		абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Низкий	Россия	0	0,0	0	0,0	1	1,0	2	2,0
	Вьетнам	1	0,61	0	0,0	1	0,61	6	3,67
Пониженный	Россия	4	4,0	3	3	7	7,0	9	9,0
	Вьетнам	6	3,67	7	4,3	32	19,62	46	28,22
Средний	Россия	32	32,0	16	16,0	41	41,0	40	40,0
	Вьетнам	52	31,9	52	31,9	87	53,4	71	43,56
Повышенный	Россия	58	58,0	62	62,0	46	46,0	41	41,0
	Вьетнам	95	58,3	87	53,4	41	25,15	40	24,55
Высокий	Россия	6	6,0	19	19,0	5	5,0	8	8,0
	Вьетнам	9	5,52	17	10,4	2	1,22	0	0,0

Данные в таблице 2 показывают, что:

- уровень творческой способности Р (склонность к риску) российских и вьетнамских студентов сосредоточился на среднем (32% и 31,9%) и повышенном показателях (58% и 58,3%), между ними нет существенного различия.

- уровень творческой способности Л (любознательность) у российских студентов закрепился на повышенном показателе (62%) и высоком (19%), в то время как у вьетнамских студентов – на среднем (31,9%) и повышенном (53,4%).

- уровень творческой способности С (сложность) у российских студентов твердо укрепился на среднем значении (41%) и повышенном (46%), а у вьетнамских студентов в основном сосредоточен на пониженном значении (53,4%) и среднем (19,62%).

- уровень творческой способности В (воображение) у российских студентов имеет среднее (40%), повышенные (41%) и высокие значения (8%), а у вьетнамских студентов – пониженные (28,22%), среднее (43,56%) и повышенные значения (24,55%).

Эти различия в уровнях и особенностях творческих способностей (Л, С и В) непосредственно влияют на творческие способности студентов и представлены в табл. 3.

Таблица 3 – Уровни творческих способностей российских и вьетнамских студентов по результатам методики «Самооценка творческих способностей» Е.Е. Туника.

Уровни Субъект	Низкий (%)	Пониженный (%)	Средний (%)	Повышенный (%)	Высокий (%)
Россия	0	4	36	51	9
Вьетнам	1,227	4,908	52,761	40,491	0,613

Из таблицы 3 видно, что уровень творческих способностей студентов, проживающих в России, сосредоточен на показателе выше среднего, у 9% российских студентов находится на высшем уровне, показателей низкого значения не наблюдается. Уровень общих творческих способностей студентов, проживающих во Вьетнаме, в основном сосредоточен на среднем показателе своего значения: нет вьетнамских студентов, имеющих высоким показателей, и 1,227 % студентов находится на низком уровне. Таким образом, уровень творчества у российских студентов выше, чем у вьетнамских.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что существует различия творческих способностей российских и вьетнамских студентов данные различия четко выражены на уровнях следующих творческих способностях: С (сложность), Л (любознательность) и В (воображение). Результаты сравнительной оценки показали, что уровни творческих способностей Л, С и В

российских студентов выше уровня этих же творческих способностей у вьетнамских студентов. Эти различия в уровни и особенностях творческих способностях (Л, С и В) являются основными внутренними причинами, влияющими на уровень творческих способностей студентов.

Литература

1. Выготский Л. С. Развитие высших психических функции // Собр. соч.: в 6 т. М: Педагогика, 1983. Т. I.
2. Гилфорд Дж. Структурная модель интеллекта и Психология мышления//Под ред. А. М. Матюшкина. М., 1965. -158с.
3. Дружинин В. Н. Психодиагностика общих способностей, М.: Академия, 1996. -224 с.
4. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер Ком, 1998. -688 с.
5. Туник Е. Е. Психодиагностика творческого мышления. Креативные тесты. СПб.: СПб УПМ, 1997. -206с.
6. Шадриков В. Д. Введение в психологию: способности человека, м.: Логос, 2002. -160 с.

References

1. Vygotskij L. s. Razvitie vysshih psichicheskikh funkci. [The development of higher psychological functions]. Sobr. Soch. M: Pedagogika [Moscow: pedagogy], 1983. T. I.
2. Gilford Dzh. Strukturnaja model' intellekta n Psihologija myshlenija [The structural model of intelligence and cognitive psychology]. Pod red. A. M. Matjushkina. M. [Moscow], 1965. -158p.
3. Druzhinin V. N. Psihodiagnostika obshhjih sposobnoststej [Psychodiagnostics general abilities]. M. Akademiya [Moscow Academy], 1996. -224 p.
4. [Rubinshtejn S. L. Osnovy obshhej psihologii [Fundamentals of General Psychology]. St. Petersburg: Piter Kom, 1998. -688 p.
5. Tunik E. E. *Modificirovannye kreativnye testy Vil'jamsa* [Modified creative tests of Williams]. St. Petersburg: Speech, 2003. -206p.
6. Shadrikov V. D. Vvedenie v psihologiju: sposobnosti cheloveka [Introduction to Psychology: a person's abilities]. M [Moscow]: Logos, 2002. -160 p.

Черкасова Н. Г.¹, Крылова О. К.²

¹Кандидат технических наук, ²Кандидат технических наук, Сибирский государственный технологический университет
ВЛИЯНИЕ САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ НА ЧАСТОТУ И ФОРМЫ ВОЗНИКАЮЩИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ

Аннотация

В статье рассмотрено влияние самосохранительного поведения студенческой молодежи на частоту и формы возникающих заболеваний. Отражено их отношение к жизни, называемое режимом ожидания. Сделаны выводы, основанные на исследованиях различных психотипов молодежи, о необходимости выработки сильной мотивационной установки, на сознательный выбор позитивного самосохранительного поведения.

Ключевые слова: здоровый образ жизни, студенческая молодежь, позитивное поведение.

Cherkasova N.G.¹, Krylova, O. K.²

¹Candidate of Technical Sciences, ²Candidate of Technical Sciences, Siberian State Technological University
THE INFLUENCE OF SELF-PRESERVATION BEHAVIOR OF THE STUDENT YOUTH ON THE FREQUENCY AND FORM OF EMERGING DISEASES

Abstract

In this paper, the influence of self-preservation behavior of the student youth on the frequency and form of emerging diseases. Reflected their attitude to life, called standby mode. Conclusions based on studies of various psycho-youth on the need to develop a strong motivational installation, on the conscious choice of positive samosohranitelnom behavior.

Keywords: healthy lifestyle, students, positive behavior.

Изучение самосохранительного поведения молодежи достаточно новая и мало разработанная область, которая практически не представлена в научных статьях, за исключением такого структурного компонента данного типа поведения, как здоровый образ жизни. Внимание к изучению самосохранительного поведения во многом обусловлено государственной социальной политикой страны, которая в качестве своей приоритетной цели ставит повышение уровня и качества жизни. Учитывая тот факт, что интерес к здоровью нации является необходимым слагаемым уровня и качества жизни, важно уже сейчас вести работу по формированию у студенческой молодежи, как носителей интеллектуального потенциала общества, позитивного типа самосохранительного поведения [1].

Самосохранительное поведение, традиционно рассматривается как система действий и отношений, опосредующих здоровье и продолжительность жизни индивида. Помимо здорового образа жизни, при изучении закономерностей возникновения и формирования индивидуальных моделей самосохранительного поведения, необходимо рассматривать и остальные составляющие его компоненты, к которым мы относим – желаемую продолжительность жизни, отношение к самоубийству, качество жизни [1].

Следует признать, что большая доля заболеваний приходится на те виды, которые определяются образом жизни людей и поведением в отношении к своему здоровью.

Курение, основной поведенческий фактор риска развития болезней органов дыхания, является привычкой 26 % опрошенных (38,7 % выкуривают 20 и более сигарет в день. Только 16 % курильщиков всерьез осознают риск заболеть тяжелыми бронхолегочными и хотели бы бросить курить, при этом больше половины желающих бросить курить уже испытывают серьезные проблемы со здоровьем (боль в грудной клетке, кашель по утрам, хронический бронхит).

Чрезмерное употребление алкоголя, вызывающее тяжелые болезни органов пищеварения, в первую очередь, печени, характерно приблизительно для 20 % опрошенных. 2 % молодых людей употребляют алкоголь каждый день, 17 % - несколько раз в неделю, 25 % - несколько раз в месяц. При этом четко прослеживается следующая тенденция: с увеличением частоты потребления алкоголя растет и крепость потребляемых напитков.

Страдают гиподинамией более трети работающей и обучающейся молодежи. 33% молодых людей проводят время на работе или учёбе сидя 6 и более часов. Только 10% опрошенных занимаются физическими упражнениями. Наиболее негативным моментом в сложившейся ситуации является то, что при очевидном вреде малоподвижного образа жизни более половины респондентов, не хотят увеличить свою физическую активность. При осознаваемом факте, что их питание не является правильным и наносит вред здоровью, 60% респондентов не хотят менять свои привычки питания.

В 2014г. авторами было проведено исследование по теме: «Самосохранительное поведение студенческой молодежи высших учебных заведений». Объектом данного исследования выступила студенческая молодежь. Для отбора респондентов использовалась квотная выборка, при построении которой соблюдались две квоты: образовательная ориентация и половая принадлежность. Это было обусловлено предположением, что самосохранительное поведение парней и девушек, а также студентов «техников» (представителей естественнонаучной ориентации) и «гуманитариев» может отличаться. Всего было опрошено 2000 студентов четырех красноярских вузов: Сибирский Государственный Технологический Университет, Красноярский Государственный Аграрный Университет, Сибирский Государственный Аэрокосмический Университет, Красноярский Государственный Педагогический Университет. Условно «техниками» мы назвали студентов технических специальностей, направлений и профилей,

а «гуманитариями» – студентов, гуманитарных специальностей, направлений и профилей. В качестве метода сбора информации был выбран анкетный опрос.

Анализ полученных результатов позволяет сделать следующие выводы.

1) Характерно половая принадлежность и специфика профиля образования, обуславливающие распределение студентов, не являются социальными детерминантами на пути формирования самосохранительного поведения. Поскольку студенчество, как специфическая социально-демографическая группа, выражает себя как единое целое. Подтверждением служит сходство поведенческих образцов в отношении к своему здоровью (невнимание к медицинским предписаниям), в установках на продолжительность жизни (абстрактное желание дожить до 100 лет), в отношении к самоубийству и т.д. Следует отметить, что все вышеперечисленные ориентиры включены в общий процесс социализации студенческой молодежи, которая проходит с учетом преимущественно внешних факторов. Нежелание себя ограничивать, вредные привычки, которые разделяют большая часть респондентов можно рассмотреть как результат влияния молодежных стереотипов поведения, специфического социокультурного окружения, негласных норм и не декларируемых ценностей в молодежной среде.

2) Главная отличительная черта самосохранительного поведения студенческой молодежи г. Красноярск это его существование в режиме ожидания. Принимая во внимание тот факт, что многие черты позитивного самосохранительного поведения (отказ от курения, от употребления спиртных напитков, соблюдение режима питания и т.д.) препятствуют успешной социализации в молодежной среде, молодой человек вынужден выстраивать свою жизнь с помощью актуальных моделей поведения (не самосохранительных). Однако, выстроенная логика ценностных ориентаций студенческой молодежи, знания о возможности и правилах ведения здорового образа жизни, потребность в определенных жизненных качествах говорит о том, что формирующийся позитивный тип отложенного самосохранительного поведения выстроен как идеальная модель, которая ждет своей реализации.

3) Результаты исследования показали, что реальное отношение студенческой молодежи к своему здоровью имеет противоречивый характер. Абсолютизация какого-нибудь компонента позитивного самосохранительного поведения влечет за собой игнорирование остальных. Например, регулярные физические упражнения сосуществуют с употреблением алкогольных напитков, или стремление питаться правильно с не соблюдением рекомендаций врачей. Это говорит о том, что этот компонент выбираются не для того, чтобы сохранить себя, свое здоровье, а для других целей, направленных на успешную социализацию в молодежной среде. Например, заниматься физическими упражнениями, питаться правильно, чтобы иметь красивое тело и нравиться другим. Стремление к подобным целям приводит к тому, что выбранный компонент здорового образа жизни может быть интровертирован в направлении к негативному самосохранительному поведению. Стремление иметь красивое тело ведет к ограничению употребления еды или к зависимости от медицинских препаратов, снижающих аппетит.

Для того чтобы вывести формирующий тип самосохранительного поведения из режима ожидания, минуя неизбежные трудности процесса молодежной социализации, нужна выработка сильной мотивационной установки, на сознательный выбор позитивного самосохранительного поведения.

Литература

1. Демография: Учебное пособие / под ред. В. Г. Глушковой. - М.: КНОРУС, 2004. - 304 с.

References

1. Demografija: Uchebnoe posobie / pod red. V. G. Glushkovej. - M.: KNORUS, 2004. - 304 s.

Шварева Л. В.¹, Рыженкова А. В.²

¹Кандидат педагогических наук, ²Студентка историко-филологического факультета, Пензенский государственный университет
ПСИХОЛИНГВИСТИКА: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Аннотация

В статье раскрывается перспективность психолингвистической науки в междисциплинарном пространстве. Рассматривается проблема освоения родного и неродного языков на междисциплинарной основе с использованием данных психолингвистики. Особое внимание уделяется способам формирования языковой способности в отечественных и зарубежных психолингвистических школах. Сделан вывод о необходимости освоения начинающими и уже практикующими педагогами основных положений психолингвистики для формирования у учащихся процессов производства и восприятия речи на неродном языке.

Ключевые слова: психолингвистика, междисциплинарный подход, обучение иностранному языку, формирование вторичной языковой личности.

Shvareva L. V.¹, Ryzhenkova A. V.²

¹Candidate of Pedagogical Sciences, ²Student of Philological and Historical Department, Penza State University
PSYCHOLINGUISTICS: INTERDISCIPLINARY APPROACH IN TRAINING FOREIGN LANGUAGES

Abstract

In article prospects the psycholinguistic science in interdisciplinary space reveal. The problem of development native and nonnative languages on an interdisciplinary basis with using psycholinguistics' data. The special attention is paid to ways of formation the language ability at domestic and foreign psycholinguistic schools. The conclusion is drawn on need of development by beginners and already practicing teachers of basic provisions of psycholinguistics for formation pupils' processes of production and perception of the speech in nonnative language.

Keywords: psycholinguistic, interdisciplinary approach, foreign language acquisition, forming of second language identity.

Психолингвистику никак нельзя назвать древней наукой. Первое упоминание о ней в статье «Язык и психолингвистика» в 1946 году сделано американским психологом Н. Пронко. Однако даже за такой небольшой срок существования она прочно утвердилась в системе научных знаний. За эти годы учёными было сделано большое число открытий, причём как в фундаментальной, так и в прикладной сферах. Знания, полученные психолингвистами, используются сегодня в судебной экспертизе, в рекламе и в сфере связей с общественностью, в политике. Безусловно, психолингвистические исследования важны для целого ряда прикладных областей психологии, а именно для педагогической (в основном это сфера логопедии, обучение родному языку, равно как и обучение иностранным языкам), медицинской, военной, для психологии труда, для патопсихологии, нейропсихологии и т. д. Психолингвисты также сотрудничают со специалистами в сфере IT-технологий, участвуя в создании систем автоматического распознавания текста, а также голоса. Вносят свой вклад они и в разработку аппаратных систем искусственного интеллекта. Не стоит забывать и о таких сферах приложения психолингвистики, как шифровка и дешифровка всевозможных текстов, определение истинности или ложности устных и письменных источников. Так первый в СССР детектор лжи был создан А. Р. Лурией, основателем нейропсихологии, внёсшим весомый вклад в изучении различных видов афазии. Принимая во внимание все перечисленные сферы приложения психолингвистики, легко сделать вывод об актуальности данной науки в современном информационном обществе.

Несмотря на стремительное прогрессивное развитие данной области научных знаний, однозначного определения до сих пор не существует. В отечественной школе мы наблюдаем настоящее научное разногласие. Между тем, учёные единогласны в том, что основным предметом психолингвистики является речевая деятельность. Так, по мнению А. А. Леонтьева «предметом

психолингвистики является речевая деятельность как целое и закономерности её комплексного моделирования» [1, С. 110]. Кстати, в отечественной науке психолингвистику также называют «теорией речевой деятельности» (термин А. А. Леонтьева). Основные исследования осуществляются в вопросах взаимосвязи речи и общения. Так, представители Московской психолингвистической школы изучают явления производства, понимания и интерпретации речи. Также анализируются различные аспекты языкового сознания (система образов действительности, получающих своё языковое овнешнение (термин Е. Ф. Тарасова)). Получается, что отечественная психолингвистика по большей мере ориентирована на изучение языковых и речевых процессов в обществе, а зарубежные школы делают акцент на индивидуальных речевых особенностях.

Психолингвистика во Франции – это наука, изучающая когнитивные процессы, используемые при создании речи, а также при лечении её нарушений. (La psycholinguistique est l'étude des processus cognitifs mis en œuvre dans le traitement et la production du langage). Важно отметить, что французских специалистов интересуют, прежде всего, речевые патологии, оказывающие влияние на способность к речи. Стоит отметить, что французская школа не существенно отличается от американской. Кстати, «родилась» психолингвистика непосредственно на территории США в городе Блумингтон, расположенном в штате Индиана. Именно там, в 1953 году проходил межуниверситетский семинар, организаторами которого выступили психологи Чарльз Осгуд и Джон Кэрролл, а также литературовед и этнограф Томас Сибек. В Америке, как и у нас, также существует второе название психолингвистики – психология языка. В наиболее распространенном определении обозначено, что данная наука изучает психологические нейробиологические факторы, позволяющие людям овладевать, использовать, понимать и создавать язык (речь). (Psycholinguistics or psychology of language is the study of the psychological and neurobiological factors that enable humans to acquire, use, comprehend and produce language). Таким образом, в круг научных интересов психолингвистов США в первую очередь входит стремление понять механизмы образования и овладения языком.

Очевидно, что психолингвистика в России, в США и во Франции это не совсем одно и то же. В каждой стране приняты свои определения, очерчены свои рамки исследований, сформулированы свои задачи и вопросы, ответы на которые необходимо получить. Логично предположить, что и методы исследований в каждой стране свои. В данной таблице собраны наиболее распространенные методы, применяемые психолингвистами.

Таблица 1 - Сравнительный анализ методов психолингвистических исследований

Россия	США	Франция
<p><i>Формирующий эксперимент:</i> цель – понять образование языковой способности. Основан на теории деятельности А. Н. Леонтьева, Д. Б. Эльконина. Ученые организуют способы формирования языковой способности, сопоставляют эти способы и выявляют наиболее эффективные.</p>	<p><i>Поведенческий эксперимент:</i> цель – выявить участки мозга, отвечающие за ту или иную речевую способность. При анализе выполнения испытуемым определённой лингвистической задачи специалисты учитывают время выполнения и количество правильных ответов. Для определения конкретных участков мозга, задействованных в момент решения задачи, используется специальное медицинское оборудование.</p>	
<p><i>Ассоциативный эксперимент:</i> цель – изучение субъективных семантических полей слов (и их связей) в сознании человека). Разработан американскими психологами Х. Г. Кентом и А. Дж. Розановым. Задача испытуемых быстро подобрать ассоциации к предложенному списку слов.</p>	<p><i>Нейровизуализация:</i> цель – выявление участков мозга, отвечающих за те или иные языковые и речевые процессы. Анализ функционирования конкретных участков мозга производится с помощью медицинских технологий (впервые применён в 1918 г. американским нейрохирургом У. Э. Денди). Основное внимание специалистов в области данного исследования уделяется изучению последствий хирургических операций на головном мозге в речевой деятельности индивидов.</p>	
<p><i>Лингвистический эксперимент:</i> цель – исследовать языковое чутьё носителя языка Разработчик – Л.В. Щерба. Существует 2 вида: а) <i>положительный</i> (задача испытуемого размышлять над истинным высказыванием); б) <i>отрицательный</i> (испытуемый должен найти и исправить ошибки в неправильно построенном высказывании).</p>	<p><i>Методика движения глаз</i> (eyetracking methodology): цель – изучение «онлайн» языковых процессов, т.е. изучение связи когнитивных процессов и разговорного языка. Основана на работах Л. Явала (США). Если предмет или его словесное описание представлен перед испытуемым, возможно изучить языковые процессы с помощью отслеживания движений глаз.</p>	
<p><i>Метод наблюдения:</i> цель – организованное восприятие и описание действий изучаемого объекта.</p>	<p><i>Методика исследования наиболее распространенных речевых ошибок</i> (США): цель – анализ различных ошибок, как устных, так и письменных, и выявление их причин.</p>	
<p><i>Метод интроспекции:</i> цель – наблюдение собственных действий и психических процессов. Разработан К. Вундтом.</p>	<p><i>Методика численного моделирования:</i> цель - моделирование когнитивных процессов в виде компьютерных программ. Предложена Максом Колхартом (Max Coltheart) и его коллегами (США) – двухпроцессорная каскадная модель чтения и распознавания слов (DRC(a dual route cascaded)-model).</p>	

Как видно из таблицы, несмотря на различие в сферах исследований, в методологии психолингвистики США и Франции прослеживаются общие черты. В России и за рубежом популярен экспериментальный метод, причём в России процент его использования выше, нежели во Франции и США. В то же время привлечение IT-технологий и медицинского оборудования в психолингвистические исследования широко распространено за рубежом. Следует подчеркнуть, что для решения сложных научных задач в настоящее время необходимо междисциплинарное осмысление явлений, а в дальнейшем и их интеграция в единые системы. К тому же использование медицинского оборудования и привлечение специалистов в области медицины расширяет междисциплинарность психолингвистики, поскольку связывает её с биологией и медициной. Данный аспект также делает психолингвистику более прикладной наукой, ведь знание связи языковых и речевых процессов с конкретными участками мозга, понимание связи этих процессов между собой, а также их зависимости от внутренних и внешних факторов может позволить предотвратить или же найти варианты лечения тех или иных болезней. Более того данный аспект открывает дополнительные возможности для применения знаний психолингвистики в педагогике, а именно в методике преподавания иностранных языков. Это особенно актуально сейчас, поскольку привлекательность, как, впрочем, и доступность изучения иностранных языков возрастает день ото дня, благодаря многочисленным школам и клубам. Как отмечают специалисты, если язык изучается с целью дальнейшего общения на нём, недостаточно просто знать материал языка в виде системы знаков, но необходимо владеть технологией

производства и восприятия речи на неродном языке. Многолетние исследования и опыт показывают, что выработать умения данного рода довольно сложно. Это непосредственно относится к раскрытию принципов процесса общения, в том числе и внутренних законов порождения и понимания речи. Более того, по мере изучения и освоения нового для человека языка параллельно происходит формирование вторичной языковой личности, что также довольно сложно, причем механизм усложняется по мере взросления. Так, по мнению ряда учёных, результатом любого языкового образования должна явиться сформированная языковая личность, а результатом образования в области иностранных языков – вторичная языковая личность как показатель способности человека принимать полноценное участие в межкультурной коммуникации [2, С.65]. Данный фактор требует применения верных стратегий обучения. Также не стоит забывать и об индивидуальных особенностях восприятия, в том числе и родной речи в момент обучения. И здесь большое внимание следует уделять накопленным в психолингвистике знаниям. Так французскими специалистами в результате проведения многочисленных поведенческих экспериментов было установлено, что фразы, построенные в активном залоге, воспринимаются людьми проще, нежели те же фразы, но построенные в пассивном залоге. Кроме того, часть людей не способна воспринимать фразы в пассивном залоге вообще.

Таким образом, проведённый анализ доказывает перспективность психолингвистической науки в междисциплинарном пространстве. Её существенное прикладное значение, подтверждающееся на практике, делает данную науку более значимой и полезной в глазах общества и позволяет решать трудные научные задачи. Огромная широта применения психолингвистических знаний ориентирует нас на область преподавания как родного, так и иностранных языков, учёт индивидуальных речевых и мыслительных особенностей учеников при формировании у них процессов производства и восприятия речи на неродном языке. А для этого начинающим и уже практикующим педагогам важно знать хотя бы основные положения психолингвистики.

Литература

1. Леонтьев А. А. «Основы психолингвистики». – М., 1997, 287 с.
2. Гальскова Н. Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика: Учеб. пособие для студ. Лингв. Ун-тов и фак. Ин.яз.высш.пед.учеб.заведений. - М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 336 с.
3. Википедия – свободная энциклопедия [Электронный ресурс] URL. - <https://en.wikipedia.org/wiki/Psycholinguistics> (дата обращения - 05.11. 2014)
4. Википедия – свободная энциклопедия [Электронный ресурс] URL. - <https://fr.wikipedia.org/wiki/Psycholinguistique> (дата обращения - 05.11. 2014)
5. Coltheart M., Rastle K., Perry C., Langdon R., Ziegler J. (2001). DRC: «A dual route cascaded of visual word recognition and reading aloud». *Psychological Review* 108: 204-256.doi:10.1037/0033-295X.108.1.204. PMID 11212628

References

1. Leont'ev A. A. «Osnovy psiholingvistiki». – М., 1997.
2. Gal'skova N. D., Gez N.I. Teorija obuchenija inostrannym jazykam: Lingvodidaktika i metodika: Ucheb. posobie dlja stud. Lingv. Un-tov i fak. In.jaz.vyssh.ped.ucheb.zavedenij. - М.: Izdatel'skij centr «Akademija», 2004. – 336 s.
3. Vikipedija – svobodnaja jenciklopedija [Jelektronnyj resurs] URL. - <https://en.wikipedia.org/wiki/Psycholinguistics> (data obrashhenija - 05.11. 2014)
4. Vikipedija – svobodnaja jenciklopedija [Jelektronnyj resurs] URL. - <https://fr.wikipedia.org/wiki/Psycholinguistique> (data obrashhenija - 05.11. 2014)
5. Coltheart M., Rastle K., Perry C., Langdon R., Ziegler J. (2001). DRC: «A dual route cascaded of visual word recognition and reading aloud». *Psychological Review* 108: 204-256.doi:10.1037/0033-295X.108.1.204. PMID 11212628

Lutovska R. M.¹, Belevska J.², Belevska D.³,

¹Master of neurology, psychologist, Centre for counseling and psychotherapy, Skopje, ²Master of clinical psychology, medical doctor, PHI “Dr. Lozankovski”, Skopje; ³Doctor of social science, clinical psychologist, Dean of Faculty of psychology at ISU “G.R. Derzavin”, R. of Macedonia;

LACK OF KNOWLEDGE AND ATTITUDES TOWARD PEOPLE WITH EPILEPSY AMONG HIGH SCHOOL STUDENTS AND THEACHERS IN R. OF MACEDONIA

Abstract

Quality of life of people with epilepsy (PWE), although primarily determined by the duration and course of the disease, and extend of seizures control, is additionally burden with psychosocial consequences due to social stigma that is deeply rooted around epilepsy as a disease, lack of knowledge, stereotypes, prejudices etc. Epilepsy affects 1% of the population worldwide, or 40-50 million persons, and at least 50% of cases begin in childhood or adolescence. Childhood and adolescence are marked with educational process, so knowledge and attitudes of teachers and classmates are an important component of the educational experiences of children with epilepsy.

The survey was design to provide insights into the knowledge and attitude toward PWE among high school teachers and students in the Republic of Macedonia. It is designed as qualitative transversal study with descriptive aims, using the technique of structured interview. Results confirm lack of knowledge and present negative attitudes. Applicative aim of the study is to confirm the need for informative campaigns and educative programs on this issue targeting high school students and teachers in the R. of Macedonia.

Keywords: epilepsy, knowledge, attitudes, students, teachers

Introduction

Epilepsy is one of the most prevalent neurological conditions and is universal, knows no age, racial, social class, geographic, or national boundaries [1,2]. Large psychological, social and economic burden imposes over person suffering, family system and public health care system [1,2,3]. These consequences severely compromised quality of life of people with epilepsy (PWE). Decreased quality of life may be due to the physical hazards of epilepsy resulting from the unpredictability of seizures; the social exclusion as a result of negative attitudes of others toward people with epilepsy; and the stigma. National studies conducted worldwide (USA^[4], UK^[5], Greece^[6], Hungary^[7]) shown lack of information concerning the disease and negative attitudes toward people with epilepsy. Differences in awareness, knowledge and attitudes toward PWE correlating with age, education and personal experience with the disease is shown trough studies conducted in Croatia^[8], Turkey^[9], Bosnia and Herzegovina^[10], New Zeland^[11] etc. Negative attitudes and stigma are important, they contribute to psychosocial burden as children with epilepsy may be banned from school, adults may be barred from marriage, and employment is often denied, even when seizures would not render the work unsuitable or unsafe.

Epilepsy affects 1% of the population worldwide, or 40-50 million persons, and at least 50% of cases begin in childhood or adolescence [1]. Childhood and adolescence are marked with educational process, so knowledge and attitudes of teachers and classmates are an important component of the educational experiences of children with epilepsy. Studies report that students with epilepsy due to several factors are under increased risk of educational difficulties, poor school performance, low self esteem and social isolation [12,13,14]. Teacher role is very important, because they have opportunity to affect school achievement and development of students social skills [12,13,15]. Classmates' knowledge and attitudes toward epilepsy reflect social inclusion, friendship, self esteem and self image of students with epilepsy.

Little research have been done in our country focusing on adolescents and teachers, but it is estimated that PWE experience problems with education, marriage, social relations and work. It is known that having irrational beliefs and lack of information regarding epilepsy is

one common pattern in resource-poor countries¹⁶. It is therefore important in studies of stigma to focus not only on the person who is stigmatized, but especially on those who do the stigmatizing.

Generally, knowledge and attitudes toward PWE are important component of the educational experiences of adolescences with epilepsy. The aim of this study is to examine knowledge and attitudes toward PWE among high school teachers and students in the R. of Macedonia.

Method

The survey was design to provide insights into the knowledge and attitude toward PWE among high school teachers and students in the Republic of Macedonia. It is designed as qualitative transversal study with descriptive aims, using the technique of structured interview. Because of the lack of standardized instrument that measures knowledge and attitudes toward epilepsy, as research instrument was used non standardized, structured questionnaire, designed for the needs of the study. Three psychometric steps are followed in the process of construction of the questionnaire: attribute analysis, elaboration of the instrument and pre-research application. It contains questions about the knowledge of epilepsy; attitudes toward epilepsy and readiness of examinees to be more informed in regards of epilepsy with yes/no/don't know offered answers. The questionnaire included questions about personal data (age, profession, sex) and several questions applied only to examinees who have personal experience with epilepsy (personal, family member, friend), since they referred to characteristic of the condition, such as type of seizures, medication etc.

Survey population included secondary school teachers and students in the R. of Macedonia from 2 schools with different type of specialization. Schools were randomly selected and included 2 secondary schools – gymnasia and electro as type of specialization, from 2 Macedonian cities – Prilep and Ohrid. In total 400 examinees were included, 35 teachers with mean age 43 years (SD=15) and 365 students from 3rd and 4th year of secondary education with mean age 17 years (SD=1). Survey participation was based on inform voluntary base. It was conducted in September - October, 2014 in the schools.

Descriptive statistical methods were used and intergroup differences were tested with χ^2 - test for independent samples.

Results

In regards of *knowledge of epilepsy*, from survey results were obtained following findings: 100% of the teachers and 98% of students have heard about epilepsy, mostly on television 57% of examinees, from friends/relatives 39.7%, internet 33.6% and only 14.4% have read about epilepsy in books or have been informed by educative campaign. 22.2% of the examinees have been witnessing epileptic seizure. That epilepsy is contagious consider 16% of the examinees and 5% have no answer. From those who consider that epilepsy is contagious 44% thinks that is transferred trough blood, 21% trough dirty hands, 18% through sexual contact etc. χ^2 - test shown significant differences among groups (teachers-students) on level $p < 0.05$, confirming that teachers are more informed of non contagious nature of epilepsy. Furthermore, 42% from examinees don't know whether PWE should be institutionalized, 43% don't know whether they have intellectual disabilities and 45,5% don't know does students with epilepsy should go to specialized schools. On the item PWE are dangerous to surrounding, having imperative hallucinations, 54% of the examinees are not informed, and choose "don't know" answer. Same "don't know" answer is chosen from 45% of examinees in regards of epilepsy as obstacles for marriage. Statistical significant difference ($p < 0.01$) is noticed between groups teachers – students, meaning that teachers are more informed than students. More than half of the respondents consider that epilepsy can be treat or controlled with medicaments, while 36% of them consider that epilepsy is untreatable and epileptic seizures cannot be controlled.

Attitudes toward PWE – 31% of the examinees wouldn't be roommates with PWE, 12% wouldn't be friends, 31% is possible to be ashamed if family member have epilepsy, and only 9% of the examinees will chose to marry with a partner if he had epilepsy. χ^2 - test for independent samples showed significant differences among groups in regards of the most items. In upper percentages, teachers are prepared to be associated and to be roommates with PWE, but not to get marry with a partner having epilepsy. Students are less prepared to be friends or roommates with PEW, but on the other hand in higher percentages are ready to be involved with a partner having epilepsy.

Personal experience with epilepsy – none of the examinees have epilepsy, and small percentage (5%) know someone with the diagnosis mostly friends and relatives.

High percentages of the examinees (92%) consider that they are not informed and would like to participate in informative campaigns or educational programs toward improved knowledge about epilepsy.

Discussion

Quality of life of PWE, although primarily determined by the duration and course of the disease, and extend of seizures control, is additionally burden with social stigma that is deeply rooted around epilepsy as a disease. Stigma concerning all PWE regardless of age, and even high school students with the disease are not spared from it. Stigma is determined not only by the actual characteristics of the disorder but also by social stereotypes concerning it, created by lack of information, misconceptions, and unfounded fears. In the case of epilepsy, stigma seems to be largely based on the public perception of epilepsy as a disease that is incurable and affects the patient's personality, mental abilities etc. To deal with these problems, systematic study of the public knowledge and attitude toward epilepsy is the necessary first step. Most of the studies concerning this issue are focused on general population, students and adolescents are less investigated population. Children and adolescents with epilepsy are in everyday contact with their classmates and teachers. Thus, knowledge and attitudes of students and teachers is important in the process of positive social and educational experience of students with epilepsy, as well as for their life quality. This insight motivated our study.

Among similar studies conducted on these issue [12- 14,17-22] is Italian research^[21] including 600 teachers from primary and secondary schools showing that 33% considered epilepsy a moderate-to-strong limitation for marriage, 24.6% for having children, 39.7% for regular employment, and 32.8% for sports and leisure activities. Among the teachers, 66.4% declared they were unable to manage a seizing child, 24.7% were convinced that epilepsy impairs learning, 26.0% believed that it carries mental/behavioral alterations, and 36.4% thought it requires support at school. In similar Czech study including 193 teachers from elementary schools was found that teachers with personal experience of epilepsy had greater knowledge of the illness, mostly in terms of their views on the self-realization and the integration of children with epilepsy into the school collective^[18].

Our study shown lack of information for medical aspects of the disease, (16% consider epilepsy for infectious disease, epilepsy is burden with mental disability 43%, people with epilepsy have imperative hallucinations) as well as social aspects of care (need for institutionalized care – 42%, 45,5% – special schools, 45%- obstacle for marriage). Teachers and students shown negative attitudes toward epilepsy (31% wouldn't be roommates with PWE, 12% wouldn't be friends).

Study confirm lack of informative campaigns or educative programs that will increase knowledge of epilepsy among high school students and teachers, that will help to overcome social stereotypes and prejudices and to correct attitudes toward students and classmates with epilepsy. The fact that 92% of the examinees are willing to participate in educative program and consider that there is a need for informative campaign is good motivation for further exploration of the issue among this target group.

References

1. Global campaign against epilepsy: Out of the shadows. World Health Organization. International Bureau for Epilepsy. International League Against Epilepsy. 2003;
2. Hanneke M., Marco M., Josemir W.S. The global burden and stigma of epilepsy. *Epilepsy and behavior*. 2008. (12): 540-546
3. Baker G.A. The psychosocial burden of epilepsy. *Epilepsia*, 2002;43(6):26–30.
4. Kobau R, Price P. Knowledge of epilepsy and familiarity with this disorder in the U.S. population: results from the 2002 Health Styles Survey. *Epilepsia* 2003;(44):1449–1454.

5. Jacoby A, Gory J, Gamble C, Baker GA: Public knowledge, private grief: A study of public attitudes to epilepsy in the United Kingdom and implications for stigma. *Epilepsia* 2004, (45):1405-1415.
6. Diamantopoulos N., Kaleyais j., Tzoufi j., Kostalis C. A survey of public awareness, understanding and attitudes toward epilepsy in Greece. *Epilepsia* 2006; 47 (12): 2154-2164.
7. Mirnics Z: Changes in Public Attitudes toward Epilepsy in Hungary. *Epilepsia* 2001; (42/1):86-93.
8. Bagić A, Bagić D, Zivković I. First population study of the general public awareness and perception of epilepsy in Croatia. *Epilepsy behav.* 2009; 15(2):170-8
9. Aydemir N. Familiarity with, knowledge of, and attitudes toward epilepsy in Turkey. *Epilepsy Behav.* 2011; 20(2):286-90
10. Bagić A, Bagić D, Zivković I. First population study of the general public awareness and perception of epilepsy in Bosnia and Herzegovina. *Epilepsy Behav.* 2009; 14(1):154-61
11. Hills M., MacKenzie H. New Zealand community attitude toward people with epilepsy. *Epilepsia*, 2002; 43(12) 1583-1589.
12. Bishop M., Boaq E.M. Teacher knowledge about epilepsy and attitudes toward students with epilepsy: results of a national survey. *Epilepsy behav.* 2006; 8(2):397-405
13. Bozkaya I.O et al. Knowledge of, perception of and attitudes toward epilepsy of schoolchildren in Ankara and the effect of an educational program. *Epilepsy behav.* 2010; 17(1):56-63
14. Bishop M., Slevin B. Teachers attitudes toward students with epilepsy: results of a survey of elementary and middle school teachers. *Epilepsy behav.* 2004; 5:308-315
15. Basnec A., Barisic N., Grubic M. *Dijete I epilepsija. Hrvatska udruga za epilepsiju.* Zagreb; 2008
16. Baker GA, Jacoby A, Buck D, Stalgis C, Monnet D. Quality of life of people with epilepsy: a European study. *Epilepsia* 1997; 38:353-362
17. Kaleyias J., Tzoufi M., Kotsalis c., Papavasiliou A., Diamantopoulos N. Knowledge and attitudes of the Greek educational community toward epilepsy and the epileptic student. *Epilepsy behav.* 2005; 6(2):179-86
18. Babacova D., Lovasova V., Kohout J., Zarubova J. Familiarity with and attitudes towards epilepsy among teachers at Czech elementary schools--the effect of personal experience and subspecialization. *Seizure.* 2012; 21(6):461-5
19. Lee S.A. et al. Factors contributing to Korean teachers' attitudes toward students with epilepsy. *Epilepsy Behav.* 2011 Feb; 20(2):378-81
20. Wodrich D.L., Jarrar R., Buchhalter J., Levy R., Gay C. Knowledge about epilepsy and confidence in instructing students with epilepsy: teachers' responses to a new scale. *Epilepsy Behav.* 2011 Feb; 20(2):360-5
21. Mecarelli O. et al. Knowledge and attitudes toward epilepsy among primary and secondary schoolteachers in Italy. *Epilepsy Behav.* 2011 Oct; 22(2):285-92
22. Bekrioglu n., Ozkan R., Gurses C., Arpacı B., Dervent A. A study on awareness and attitude of teachers on epilepsy in Istanbul. *Seizure.* 2004; 13(7):517-22

Belevska J.¹, Belevska D.², Lutovska R. M.³

¹Master of clinical psychology, medical doctor, PHI "Dr. Lozankovski", Skopje; ²Doctor of social science, clinical psychologist, Dean of Faculty of psychology at ISU "G.R. Derzavin", R. of Macedonia; ³Master of neurology, psychologist, Centre for counseling and psychotherapy, Skopje

PSYCHOLOGICAL COUNSELLING IN TREATMENT FOR IN VITRO FERTILIZATION

Abstract

Own family is the essence of person's life. Forming family is the most important life event, for the couples. Often, it's planned precisely in details, as education or career. Failure in this plan causes variety of negative psychological consequences. That's why infertility of one or both of the partners is a serious problem. In the treatment of biologically supported fertilization, negative emotions may affect the successfulness of the IVF treatment. Intending to overcome negative emotional reaction, this study aims to identify the efficiency of psychological counseling of candidates for IVF in stress, anxiety and depression decreasing, and the impact of counseling over the successfulness of the treatment. Method: Random sample of 64 candidates for IVF treatment in total are divided in two groups: control group without psychological counseling (32 candidates) and intervention group of 32 candidates included in psychological counseling. DASS scale is used to measure stress, anxiety and depression, semi structured interview is used to collect demographic and fertility data. Study results support the implementation of psychological counseling for candidates of IVF treatment.

Keywords: IVF treatment, stress, anxiety, depression, psychological counseling

Ключевые слова: IVF, стресс, депрессия, психологическое консультирование

Introduction

Own family is the essence of person's life. Forming family is the most important life event, for the couples. Often, it's planned precisely in details, as education or career. Failure in this plan causes variety of negative psychological consequences. That's why infertility of one or both of the partners is a serious problem that causes emotional reactions, in each of them, that have negative impact on the successfulness of IVF treatment.

There have been a number of clinical reports on the emotional impact of IVF treatment. Infertility reflects over personal self confidence and it correlates with emotional responses as stress, depression, anger, guilt, frustration and sadness. Treatment failure appears to be associated with these emotional reactions [1,2,3,4,5,6].

Psychological counseling is one way to attempt to neutralize these reactions, or to decrease their impact over successfulness of the IVF treatment. The following tasks of counseling can be distinguished in the context of infertility treatment: information gathering and analysis, implications and decision-making counseling, support counseling and therapeutic counseling. It can be used before, during and due to end of the IVF treatment, aiming to help partners to overcome psychological barriers, as a serious threat of IVF treatment successfulness [7,8].

Infertility is defined as inability of a sexually active, non-contracepting couple (woman and man) to achieve pregnancy in one year [9]. Infertility includes psychological suffering, trauma and initiated need of professional help. First stop for solution are infertility clinics. Looking for medical diagnosis, couple faces with doctors efforts basically direct toward medical anomalies. Doctors dealing with medical problem inevitably faces with couple psychological problems [10]. They must be prepared to handle emotional and psychological doubts, based on the importance of their role in couple's life in this period. At the beginning patients may respond to the doctor according to the relationship that they have mutually built. Furthermore, patients reactions may be predicted by early childhood and past life experiences that happened beyond doctor – patient relation [11,12].

Infertility can be painful and devastated experience for partners, man and woman, and their reactions are impacted by personal expectations. Strong wish for children and consecutive reactions toward infertility are defined by our culture trough complexity of personal, family, social and medical expectation that overcome sex, age, religion, ethnicity and socio-economic class [4].

Infertility is often secret life crisis, lived by the partners in isolation [1,2,3,4,5,6].

The aim of the study is to examine the impact of psychological counseling over decreasing of stress, anxiety and depression in candidates for IVF treatment, and to explore how counseling on the beginning of treatment affects on the successfulness of IVF treatment.

Method

The examined candidates were recruited from the Clinical hospital “Acibadem Sistina” Skopje. The sample comprised 64 randomly selected women, candidates for IVF treatment, divided in two groups: control group without psychological counseling (32 candidates) and intervention group of 32 candidates included in psychological counseling. An inclusion criterion for the study is infertility – primary or secondary. The psychometric instrument used for evaluation of stress, anxiety and depression was DASS scale.

DASS scale is multiple choices, self-reported inventory for measuring negative emotional reactions of depression, anxiety and stress. DASS is designed not only as a scale to measure conventionally defined emotional conditions, but also to lead the process of defining, understanding and measuring the omnipresent and clinically significant emotional states usually described as depression, anxiety and stress. Thus, the DASS should successfully meet the demands of researchers and professional clinicians.

DASS integrated 3 scales with 14 items by scale, divided in subscales of 4 to 5 items with similar content. The *Depression* scale evaluates dysphoria, hopelessness, impairment of life, self humiliation, lack of interest/involvement, lack of will and inertia. *Anxiety* scale evaluates autonomic arousal, skeletal muscles effects, situation anxiety and subjective feeling of unspecified nervousness – anxiety. *Stress* scale is sensitive on levels of chronic nonspecific reactivity. The scale evaluates difficulty in relaxing, nervousness, condition of light agitation, irritability, hipper reactivity and intolerance. Examinees rates all of the items on scale with 4 levels of frequency, depending on what extend they experienced the described condition in the last week. Total scores for depression, anxiety and stress are calculating by summing the scores from the relevant items [13]. Data of fertility were obtained with protocol of semi structured interview with patients, as well as demographic data that relates with relevant variables (year of birth, place of birth, education, occupation, marital status, nationality). Both instruments were applied in the beginning of the IVF treatment.

Results

Study results confirm that: Psychological counseling of candidates for IVF can reduce the impact of stress, anxiety and depression among candidates and contributes to a greater success of treatment with IVF.

The results show that intervention group that was included in psychological counseling has statistically significant lower scores on stress ($t=3,201, p<0,05$) and anxiety ($t=2,311, p<0,05$). The scale of depression do not show statistically significant differences in the two groups compared.

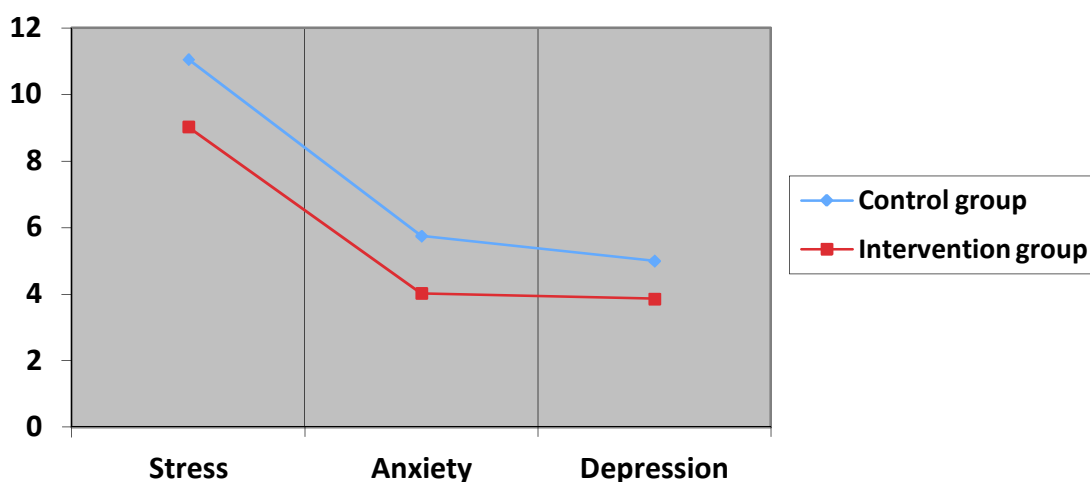

Fig. 1 - Scores on DASS for both groups

Using multiple tables and Chi square is found that the number of candidates from intervention group who are pregnant is statically significant bigger than the number of pregnant candidates from the control group.

Table 1 - Number of pregnant candidates from both groups

		Pregnant		Total
		Yes	No	
Psychological counseling	Yes	22	10	32
	NO	15	17	32
Total		37	27	64

$$\chi^2=4,625 \quad df=1, p<0,05$$

Study results confirm that psychological counseling used in the beginning of the treatment with IVF has positive impact. Success of the treatment with IVF is more common among candidates that were included in psychological counseling. It can be seen from the Table 1. in the intervention group of 32 candidates that have been included in psychological counseling, after the treatment with IVF, 22 are pregnant, and from the control group out of 32 candidates who have been exposed to treatment with IVF without psychological counseling, only 15 are pregnant.

In relation of level of stress, anxiety and depression, candidates from intervention group who were undergoing psychological counseling, have lower middle scores than the middle scores of the candidates from control group without psychological counseling. This confirms the impact of psychological counseling on reducing stress, anxiety and depression and improved successfulness of the treatment with IVF.

Conclusion

Treatment of IVF has no long tradition in the R. of Macedonia, so there are not enough studies on this issue. Especially, there is a lack of studies concerning the psychological condition of candidates for IVF treatment. In the countries where IVF has longer tradition, the need for psychological and psychosocial support of candidates is clearly defined. Our study results confirm the importance of psychological counseling in the process of IVF treatment. Psychological counseling in the beginning of the IVF treatment decreases level of stress, anxiety and depression in candidates and affect over the successfulness of the treatment. Meaning that, our study results support the implementation of psychological counseling for candidates of IVF treatment.

References

1. Menning B. E. The psychological impact of infertility. *Nursing Clinics of North America*. 1982; No. 17(1):155 -163.
2. Sandelowski M., Pollock C. Women’s experiences of infertility. *Journal of Nursing Scholarship*.1986; No. 18(2):140-144.
3. Pearson LH. *Nursing Times*.1992; No.88(3):36-38.

4. Whiteford LM, Gonzalez L. Stigma: The hidden burdens of infertility. *Social Science Medicine*. 1995; No. 40(4):27-36.
5. Schoener CJ, Krysa LW. The comfort and discomfort of infertility. *Journal of Gynecological Neonatal Nursing*. 1996; No.25 (5):167-172.
6. Greil AL. Infertility and psychological distress: A critical review of the literature. *Social Science Medicine*. 1997; No.45 (6):1679-1704.
7. Sharma V, Burt VK, Ritchie HL. Assessment and treatment of bipolar II postpartum depression: a review. *J. Affect Disord*. 2010; 1(7).
8. Sharma V, Burt VK, Ritchie HL. Bipolar II postpartum depression: Detection, diagnosis and treatment. *Am.J.Psychiatry*. 2009; 11.
9. World Health Organisation. Recent Advances in Medically Assisted Conception, WHO Technical Report Series, 820, World Health Organisation Publ. 1992
10. Бегра С. Л, Пери Б. Л, Кирановски Ц. М. Психијатријата и репродуктивната медицина. *Табернакул*. 2012; No. 2, (1):2293-2315
11. Lalos A. Breaking bad news concerning fertility. *Human Reproduction*. 1999; No.14: 581-585.
12. Kentenich H. Emotional Considerations within an Infertility Unit. *Advances in Research in Psychosomatic Obstetrics and Gynaecology Parthenon*. Carnforth. 1992; 551 – 556.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / SOCIOLOGY

Пак В. Д.

Студент, Национальный исследовательский Томский государственный университет

СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «КОМАНДА»

Аннотация

В данной статье рассмотрены наиболее распространенные определения такого понятия как «команда», выделены основные признаки команды, а также основные отличия команды от рабочей группы.

Ключевые слова: команда, признаки команды, рабочая группа.

Pak V. D.

Student, National research Tomsk state university

THE MAINTENANCE OF THE CONCEPT OF «TEAM»

Abstract

This article describes the most common definitions of such concepts as "team", identifies the main features of the team, as well as the main differences between the team and working group.

Keywords: team, features of the team, working group.

В русский язык слово «команда» перекочевало из английского довольно недавно [1]. До этого советские исследователи использовали вместо него слово «коллектив». Сегодня слово «команда» используется очень широко, и определить его границы зачастую бывает очень сложно – можно даже сказать, что на это слово появилась некоторая «мода» в последнее время, может быть, поэтому в деловой среде термин «команда» очень часто используют совершенно не по назначению. Современные бизнесмены не редко хвастаются, что у них очень хорошая и эффективная команда, хотя на самом деле обычно это всего лишь рабочая группа или и вовсе просто дружный коллектив.

Интуитивно каждый человек, конечно, имеет некоторые представления о том, что такое команда, но в менеджменте такими представлениями не обойтись. Строя команду без глубокого изучения этого понятия, ее создатель заранее обрекает себя и свою «команду» на провал. Обычно первое, что приходит к нам в голову при произнесении слова «команда» – это команда в спорте, в бизнес-мир это слово пришло именно оттуда. Но вот можно ли переносить опыт успешных спортивных команд в сферу управления – это большой вопрос. Одни авторы – за, другие – против, и, естественно, каждый из них имеет право на собственную точку зрения и каждый из них по-своему прав. «Но, к сожалению, эта упрощенная модель команды, – говорит Давид Шустерман, бизнес-консультант, о спортивных коллективах – в чистом виде не подходит для бизнеса по многим причинам» [1]. А вот Роберт Эвангелиста, например, будучи менеджером крупного производственного отделения фирмы «Дженерал моторс», не найдя в литературе по менеджменту решения для существующих проблем, обратился к своему богатому спортивному опыту, на основе которого и создал успешную команду.

Далее мы предлагаем провести понятийный анализ и выделить самые основные признаки команды. Ниже в виде таблицы представлены некоторые определения разных авторов.

Таблица 1 - Различные определения понятия "команда"

Автор / источник	Определение	Основные признаки, выделенные в определении
Академик (dic.academic.ru) Словарь бизнес-терминов.	Команда – временная или постоянная группа людей, нацеленная на выполнение определенной работы, задания.	1.) Цель
Современный экономический словарь	Команда – это группа людей, призванная выполнять определенную работу, задание. Обычно команда работает на лидера, который ставит задачу и распределяет работу между ее членами.	1.) Цель 2.) Наличие лидера 3.) Распределение полномочий
Академик (dic.academic.ru) Словарь терминов антикризисного управления.	Команда – это тщательно сформированный, хорошо управляемый, самоорганизующийся коллектив, быстро и эффективно реагирующий на любые изменения рыночной ситуации, решающий все задачи как единое целое.	1.) Специальное формирование команды 2.) Целостность 3.) Поддающийся управлению коллектив 4.) Самоорганизация 5.) Высокая эффективность

<p>Ян Р. Катценбах и Дуглас К. Смит</p>	<p>Команда — это небольшая группа людей, взаимодополняющих и взаимозаменяющих друг друга в ходе достижения поставленных целей. Организация команды строится на продуманном позиционировании участников, имеющих общее видение ситуации и стратегических целей и владеющих отработанными процедурами взаимодействия</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1.) Цель 2.) Общее видение целей и методов 3.) Взаимодополняющие навыки 4.) Отработанные схемы взаимодействия
<p>М. Армстронг</p>	<p>Команда — это небольшое число людей со взаимодополняющими навыками, людей, которые собраны для совместного решения задач в целях повышения производительности и в соответствии с подходами, посредством которых они поддерживают взаимную ответственность.</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1.) Цель 2.) Взаимодополняющие навыки 3.) Взаимная ответственность
<p>И. Салас, Р. Берд и С. Таненбаум</p>	<p>Команда — это небольшое количество человек (чаще всего 5-7, реже до 15-20), которые разделяют цели, ценности и общие подходы к реализации совместной деятельности и взаимопределяют принадлежность свою и партнеров к данной группе. Кроме того, члены команды имеют взаимодополняющие навыки, принимают ответственность за конечные результаты, способны исполнять любые внутригрупповые роли.</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1.) Общее видение цели, ценностей и методов 2.) Взаимоопределение принадлежности к группе 3.) Взаимодополняющие навыки 4.) Взаимная ответственность 5.) Внутригрупповые роли
<p>Сандстром, ДеМюсе и Фатрелл</p>	<p>Рабочая команда — это взаимозависимая группа людей, которые совместно отвечают перед организацией за конкретные результаты.</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1.) Взаимозависимость 2.) Взаимная ответственность
<p>Г. Паркер, Р. Кропп</p>	<p>Команда – это группа людей, характеризующаяся высокой степенью независимости и преследующая определенные цели. Группа определяет конкретную цель и способы ее достижения.</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1.) Независимость 2.) Цели 3.) Общее видение цели и методов
<p>Executive.ru</p>	<p>Команда — это группа из двух или более людей, которые регулярно взаимодействуют и координируют свою работу для достижения общей цели.</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1.) Цель 2.) Координация
	<p>Команда — это группа людей, работающих вместе над достижением конкретной бизнес-цели.</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1.) Цель
<p>Дистанционный бизнес-инкубатор – ВIKR.RU</p>	<p>Команда – это небольшое число людей с взаимодополняющими навыками, которые преданы общему направлению, целям и рабочему подходу, за который они чувствуют себя взаимно ответственными. Эти люди полностью определили процедуру и процесс совместной деятельности для достижения согласованных целей. Они осознают, что каждый из них важен для эффективного выполнения работы.</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1.) Взаимодополняющие навыки 2.) Общее видение целей и методов 3.) Взаимная ответственность 4.) Отработанные механизмы взаимодействия

Как видно из таблицы, во всех определениях есть что-то схожее и что-то различное. Каждый автор делает акцент на том признаке, который он считает главным. Наиболее частыми оказались такие признаки как: обязательное наличие цели; общее видение этой цели и тех способов, которыми она будет достигаться; взаимодополняющие навыки участников команды и взаимная ответственность. Реже авторы выделяют признаки: высокая эффективность; отработанные механизмы взаимодействия; наличие формальных отношений; целостность и др.

Еще одним важным моментом в данном вопросе является сравнение команды и рабочей группы (коллектива). Эти два понятия схожи, но грамотный менеджер должен знать их различия. Вот два определения рабочей группы:

«**Рабочая группа** — двое или более людей одинаковых или различных профессий, работающих совместно и согласованно для достижения целей по выполнению производственного задания, оказанию услуг и несущих общую ответственность за результаты работы» [2].

«**Рабочая группа** состоит из людей, которые учатся друг у друга и разделяют общие цели, но не являются взаимозависимыми по существу, и не работают над достижением общей цели» [3].

Бизнес-тренер Михаил Графский пишет в своей статье следующее: «Однако, в командах есть то, что делает их гораздо более эффективной формой трудовой организации, нежели рабочие группы. Это — **характер взаимодействия**, которое основано на **взаимной зависимости** членов команды друг от друга. Это то, что есть в команде и нет в рабочей группе. Взаимозависимость означает то, что результаты работы членов команды зависят от других членов команды. Хотя, в рабочей группе сотрудники так же могут находиться в одном пространстве, вместе использовать одну и ту же информацию, разделять ценности и взгляды друг друга, даже помогают друг другу. Но акцент в рабочей группе все равно делается не на общей цели, а на индивидуальных» [3]. Таково одно из основных различий рабочего коллектива и команды. На рис. 1 выделены также и некоторые другие различия этих двух образований.

Сходства	
Команда	Коллектив
Достижение совместных целей Функционирование в контексте более общей системы Общее видение («ценностно-ориентационное единство»)	
Целостность, организованность Владение отработанными процедурами взаимодействия Связанность, сплоченность Способность мотивировать	
Различия	
Команда	Коллектив
Активное овладение членами команды процедурами взаимодействия	Совместная деятельность сама по себе обеспечивает процесс коллективообразования
Гибкое распределение и перераспределение ответственности	Жесткое распределение ответственности
Определенная свобода в процессе принятия и реализации решения	Выполнение совместной деятельности подчиняется строгому порядку
Согласование целей, задач, представлений и т.д.	Совпадение, сближение, сходство, подобие целей, задач, представлений
Личность может проявлять себя по-разному	Личность проявляет свои лучшие стороны

Рис. 1 - Сходства и различия команды и рабочего коллектива [4].

Подведем итоги. Выше был рассмотрен объем понятия «команда». Данное понятие очень глубокое, и поэтому при создании команды необходимо тщательно его изучать. Если же говорить об определении, то самым полным, по нашему мнению, является определение И. Саласа, Р. Берда и С. Таненбаума: команда — это небольшое количество человек (чаще всего 5-7, реже до 15-20), которые разделяют цели, ценности и общие подходы к реализации совместной деятельности и взаимопределяют принадлежность свою и партнеров к данной группе; кроме того, члены команды имеют взаимодополняющие навыки, принимают ответственность за конечные результаты, способны исполнять любые внутригрупповые роли.

Литература

1. Шустерман Д. Управленческая команда. // «Управление компанией» №11 (30), 2003. – <http://www.treningoff.ru/article/163/19/> (дата обращения: 15.02.2015)
2. Электронный словарь «Глоссарий» — <http://glossariy.ru>
3. Графский М. Что такое команда? И при чем тут рабочая группа? // [Эл. ресурс] – <http://www.grafsky.ru/team/chto-takoe-komanda-i-pri-chem-tut-rabochaya-gruppa.htm> (дата обращения: 13.02.2015)
4. Филиндаш П. В. Социально-психологические детерминанты командообразования: автореф. дис. ... канд. психол. наук / П. В. Филиндаш. – М., 2009. – 24 с.

References

1. Shusterman D. Upravlencheskaja komanda. // «Upravlenie kompaniej» №11 (30), 2003. – <http://www.treningoff.ru/article/163/19/> (data obrashhenija: 15.02.2015)
2. Jelektronnyj slovar' «Glossarij» — <http://glossariy.ru>
3. Grafskij M. Chto takoe komanda? I pri chem tut rabochaja gruppa? // [Jel. resurs] – [http://www.grafsky.ru/team/chto-takoe-komanda-i-pri-chem-tut-rabochaja-gruppa.htm](http://www.grafsky.ru/team/chto-takoe-komanda-i-pri-chem-tut-rabochaya-gruppa.htm) (data obrashhenija: 13.02.2015)
4. Filindash P. V. Social'no psihologicheskie determinanty komandoobrazovanija: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk / P. V. Filindash. – M., 2009. – 24 s.

Пак В. Д.

Студент, Национальный исследовательский Томский государственный университет
ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СПОРТИВНОЙ ПРАКТИКИ В МЕНЕДЖМЕНТЕ

Аннотация

Статья посвящена анализу современных подходов к повышению эффективности персонала за счет ресурса командообразования.

Ключевые слова: команда, командообразование.

This article analyzes modern approaches to improve the efficiency of staff through teambuilding.

Keywords: team, teambuilding.

«Современные предприятия исчерпали лимит своей конкурентоспособности в области качества и цен на товары и услуги. Остался один ресурс — повышение квалификации персонала в области деловой эффективности, но он пока что находится в стадии освоения. И главным в этом ресурсе является управление предприятием, через командообразование» [2].

Тема командной работы в наши дни актуальна как никогда ранее. Реалии современного мира — это нестабильность, постоянно меняющиеся обстоятельства, информация и задачи; грамотно построенная и управляемая команда остается одним из самых эффективных способов осуществления деятельности компании в условиях этой реальности, ведь взаимодействие в команде налажено таким образом, чтобы наиболее быстро реагировать на любое изменение внешних обстоятельств. Создание команд актуально в разной степени для разных видов организаций. Наиболее актуальна эта тема будет в компаниях с гибкой, малоиерархичной оргструктурой, занимающихся преимущественно проектной деятельностью.

Наиболее частая ассоциация при упоминании команды — спортивная команда. Действительно, первые идеи о командах в менеджменте основывались на богатом спортивном опыте построения и управления командами. Однако с развитием менеджмента в нем тоже появилось и довольно быстро закрепилось понятие команды. Вопрос заключается в следующем: те же самые это команды, что и в спорте или все-таки в менеджменте под командами понимают что-то другое? Будет ли успешный спортивный тренер таким же успешным менеджером? Здесь необходимо сразу же отметить, что однозначного ответа нет. Каждый менеджер вправе самостоятельно решить для себя: будет он в своей деятельности по созданию и управлению командой проводить аналогию со спортом или нет. Цель данной статьи: показать на некоторых примерах возможность успешного взаимодействия спортивного и управленческого опыта.

Вопросами командообразования и возможностью применения спортивного опыта в менеджменте занимались такие исследователи как М. Белбин (ролевой подход), Т. Голви и Дж. Уитмор (от спортивного руководства к бизнес-коучингу), Г. Н. Сартан (личность тренера в формировании команды, технология SNED), Р. Эвангелиста (создание сплоченной производственной команды на основе опыта тренера хоккейной команды) и др.

Вот какие определения «команды» можно встретить в менеджменте:

- «Команда — это небольшое количество человек (чаще всего 5-7, реже до 15-20), которые разделяют цели ценности и общие подходы к реализации совместной деятельности и взаимопределяют принадлежность свою и партнеров к данной группе» (И. Салас, Р. Берд, С. Таненбаум).
- «Команда — это небольшая группа людей, взаимодополняющих и взаимозаменяющих друг друга в ходе достижения поставленных целей». (Ян Р. Катценбах и Дуглас К. Смит)
- «Команда — это группа людей, характеризующаяся высокой степенью независимости и преследующая определенные цели. Группа определяет конкретную цель и способы ее достижения». (Г. Паркер, Р. Кропп)

Рабочее определение возьмем следующее: команда — рабочий коллектив, при условии, что у этого коллектива есть общая, разделяемая всеми, цель и что все усилия членов этого коллектива направлены на достижение этой цели. Далее под словом «команда» мы будем подразумевать именно такое определение.

В современном менеджменте есть сторонники проведения аналогии между спортивными и бизнес-командами и случаи, когда спортсмены и тренеры благодаря своему спортивному опыту добивались успеха в роли менеджеров.

Мария Либо, научный сотрудник Стокгольмской школы экономики в Санкт-Петербурге: «...небесполезно рассмотреть команду в бизнесе сквозь призму организации и функционирования спортивной команды» [1].

«Спортивные термины "тренировка", "тренер", "команда", "победа" прочно вошли в словарь менеджера. Но такие основополагающие в спорте понятия, как "сплоченность команды", "психологическая совместимость", "оптимальное рабочее состояние", "психорегулирующие методы", "идеомоторная тренировка", "инструменты отдыха и расслабления", "биологическая обратная связь", являющиеся основой любой успешной командной деятельности, еще не нашли должного применения в бизнесе, в управлении людьми. Между тем их учет и применение таят в себе огромные резервы. Спорт — это удивительная сфера жизни, из которой можно извлечь много смелых нестандартных решений» [1].

В своей статье Марина Либо рассматривает некоторые атрибуты спортивной команды (а именно: мотивацию, роли и функции, механизмы коммуникации, совместимость, однородность, равенство, наличие тренера, специализацию и профессионализм, лидерство, обратную связь, систему тренировок, нормы и традиции) без которых ни один спортивный коллектив не придет к победе, поскольку будет не максимально эффективен. Например, если у команды нет отлаженных механизмов коммуникации, то эффективность ее взаимодействия заметно снижается, а за неэффективным взаимодействием, естественно не последует желаемого результата; или если в команде неправильно определены и распределены функции (в футболе — это роли защитников, нападающих, голкипера; в волейболе — принимающих и подающих), и под эти функции подобраны недостаточно профессиональные игроки или игроки другой специализации, то логично предположить, что игра этой команды тоже будет не слишком результативна. А что мешает перенести все эти простые принципы спортивных команд в командный менеджмент в бизнесе? Ведь все это необходимо любой команде. Мотивация нужна членам нашей команды так же, как и спортсменам; грамотно выстроенная система тренировок необходима, чтобы выявить и усилить слабые стороны до того как придется работать в реальных условиях; наличие опытного профессионального тренера тоже не помешало бы практически любой команде.

История Роберта Эвангелисты является одним из примеров того, как опыт спортивного тренера оказался очень полезным и даже спасительным в карьере менеджера. После назначения на должность менеджера по производству компании «Дженерал Моторс», Роберт Эвангелиста долго не мог сориентироваться в новой для него роли. В поиске нужных ему решений, он обращался к работам многих теоретиков и практиков менеджмента, но в итоге пришел к сравнению своей деятельности в качестве менеджера с тренерской работой. В своей книге «Бизнес победы: руководство для менеджера по созданию команды победителей на работе» он пишет: *«Стремясь исправить ситуацию, я начал применять методики из моего тренерского арсенала в своей работе как менеджера. Я искал все новые и новые возможности применять мои тренерские методы на работе в офисе с тем, чтобы после их адаптации к условиям организации предпринять специфические действия, которые соответствовали бы тому, как я действовал на хоккейной площадке. Количество таких возможностей бывало разным. И хотя выбранная мною стратегия была вполне осознанной, последовавший за нею успех стал для меня неожиданностью. Не более чем за 14 месяцев мой коллектив сотрудников в «Дженерал Моторс» добился экстраординарного успеха, проявившемся во впечатляющем росте производительности, экономичности и качества, а также в существенном снижении рисков. Мы далеко превзошли прежние достижения. Производительность поднялась на 52%, качество «с первого предъявления» выросло на 40%, расходы на ремонт и замены сократились вдвое, а операционные расходы на 25%; и все это при сокращении потребности в персонале на 33%» [4, с. 18-19].*

«Таким образом, задачи менеджера и тренера похожи: как создать для людей такие мотивации, чтобы они наилучшим образом выполняли свою часть работы, действуя так, чтобы в наибольшей степени способствовать достижению конечной командной цели» [4, с. 21].

В России идеи Эвангелисты (и некоторых других западных авторов: Дж. Уитмора, Т. Голви) развились в отечественной концепции спортинга, автором которой является Владимир Смирнов. Свои соображения по этому вопросу он изложил в своей книге «Спортинг – менеджмент побед!». В этой книге рассмотрены история и вопросы практического использования спортивных аналогий и принципов спорта в бизнесе, разработана целостная концепция теории современного менеджмента – спортивного направления в бизнесе «Школы спортивных аналогий» – спортинга.

Добавим тот факт, что сегодня спорт коммерциализирован. Играющая команда, конечно, остается основной «единицей» в спорте, но в ее полном названии присутствуют известные всем аббревиатуры ООО и ЗАО; сегодня спортивная команда это не просто команда, это целая компания с многомиллионным оборотом, с большим и сложным административным аппаратом, в котором работают профессиональные менеджеры. Спорт стал бизнесом, и в нем, как и в любом бизнесе есть своя специфика (другие цели, другие правила), но ведь все-таки бизнесом, а поэтому вопрос об использовании инструментов, используемых в спорте для создания и управления командой, в любом другом бизнесе имеет полное право на существование.

Подводя итог всему, что было сказано выше, повторим нашу первую мысль: однозначного, правильного ответа на вопрос о сравнении бизнес-команд и команд спортивных не существует; каждый сам для себя выбирает, откуда ему черпать необходимые знания и инструменты. Если вы были спортсменом, тренером какого-либо спортивного коллектива, то вам, скорее всего, будет трудно абстрагироваться от своего опыта, да и надо ли это делать? Вполне возможно, что именно он окажется вашим ценнейшим ресурсом, именно в нем вы и найдете ключи ко всем не открытым вами замкам так, как это получилось у Роберта Эвангелисты: *«...я всегда думал, что смогу найти основные решения вопросов менеджмента в разноцветных томах книг в местном книжном магазине. А теперь я узнал, что вместо этого самые важные уроки нашли меня на старенькой хоккейной площадке в западном Детройте» [4, с. 19].* И напротив, если вы никогда не занимались спортом, не были тренером, вы не знаете, что это такое изнутри, то вам вряд ли придется в голову обращаться к спортивным методикам, а если и придет, вы вряд ли их поймете; не потому что с вами что-то не так, а потому что спорт – совершенно особая и очень специфичная сфера нашей жизни, и понять методы спорта может только человек вхожий в эту сферу и искренне любящий спорт.

Литература

1. Либо М. Команда, без которой мне не жить. Команда в спорте и бизнесе [Электронный ресурс] / Марина Либо // Журнал «Персонал-микс». – 2002. – №3. – Электрон. версия печат. публ. – URL: http://194.87.12.70/issue2/s37_02_4.htm (дата обращения 28.10.12).
2. Сартан Г.Н. Тренинг командообразования / Г. Н. Сартан – СПб.: Речь, 2005. –187 с.
3. Смирнов В.Н. Спортинг – менеджмент побед! Теория и практика современного менеджмента: от тейлоризма до спортинга / В. Н. Смирнов – СПб.: Эрида-Бизнес, 2011. – 240 с.
4. Эвангелиста Р. Бизнес победы: руководство для менеджера по созданию команды победителей на работе / Р. Эвангелиста – М.: Финансы и статистика, 2005. – 248 с.

References

1. Libo M. Komanda, bez kotoroj mne ne zhit'. Komanda v sporte i biznese [Jelektronnyj resurs] / Marina Libo // Zhurnal «Personal-miks». – 2002. – №3. – Jelektron. versija pechat. publ. – URL: http://194.87.12.70/issue2/s37_02_4.htm (data obrashhenija 28.10.12).
2. Sartan G.N. Trening komandobrazovanija / G. N. Sartan – SPb.: Rech', 2005. –187 s.
3. Smirnov V.N. Sporting – menedzhment pobed! Teorija i praktika sovremennogo menedzhmenta: ot tejlorzisma do sportinga / V. N. Smirnov – SPb.: Jerida-Biznes, 2011. – 240 s.
4. Jevangelista R. Biznes pobedy: rukovodstvo dlja menedzhera po sozdaniju komandy pobeditelej na rabote / R. Jevangelista – M.: Finansy i statistika, 2005. – 248 s.

Садыков Р.М.¹

¹Кандидат социологических наук, доцент, Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН
ЗАЩИТА ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

Аннотация

Рассматривается проблема обеспеченности жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в Российской Федерации как фактор социальной устойчивости общества. Приводятся статистические показатели обеспеченности детей-сирот жильем помещениями по субъектам Российской Федерации. Определены технологии решения жилищных проблем детей-сирот. Рассматривается опыт Республики Башкортостан в обеспечении жильем помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Анализируется республиканская целевая программа «Обеспечение жильем помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей».

Ключевые слова: дети-сироты, жилищные проблемы детей-сирот, жилищные условия детей-сирот, обеспечение жильем детей-сирот.

Sadykov R.M.¹

¹Candidate of Sociological Sciences, Institute of social and economic researches of Ufa scientific centre of Russian academy of sciences
PROTECTION OF PROPERTY RIGHTS OF ORPHANS AND CHILDREN LEFT WITHOUT CARE PARENTS

Abstract

The author describes the problem of housing for orphans and children left without parental care in the Russian Federation as a factor of social cohesion. The article presents statistical indicators of security of orphans living quarters on the subjects of the Russian Federation. The technologies of solving housing problems of orphans are identified. The experience of the Republic of Bashkortostan in the provision of living accommodation for orphans and children left without parental care is shown in the article. The republican target program «Ensuring the living quarters of orphans and children left without parental care» is analyzed.

Keywords: orphans, housing problems of orphans, living conditions of orphans, providing housing for orphans.

Одной из основных проблем в области социализации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также защиты их имущественных прав, требующих первоочередного решения, остается обеспечение таких детей жильем помещениями [1,3]. Государственные гарантии жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, установлены статьями Федерального закона от 21 декабря 1996 г. «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» и Жилищного кодекса Российской Федерации.

В целях совершенствования деятельности по обеспечению детей-сирот жильем помещениями принят Федеральный закон от 29 февраля 2012 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения жильем помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», предусматривающий новый порядок предоставления жилья [6]. Федеральным законом уточняется порядок предоставления жилых помещений детям-сиротам, в том числе предусматривается создание на региональном уровне нового вида специализированного жилищного фонда, предназначенного только для обеспечения жильем детей-сирот, предоставление права на обеспечение жильем детям-сиротам, которые по тем или

иным причинам не могут вернуться в имеющиеся у них жилые помещения, а также сохранение за лицами из числа детей-сирот, достигшими возраста 23 лет, права на предоставление жилого помещения до их фактического обеспечения.

Наибольшее количество детей-сирот, обеспеченных жилыми помещениями в 2012 году (свыше 400 человек), проживает в 19 регионах, в том числе в Пермском крае (1 562 человека), в Краснодарском крае (1 107 человек), Республике Башкортостан (792 человека), Ставропольском крае (754 человека). Однако, несмотря на достигнутые результаты, проблема обеспечения жилыми помещениями детей-сирот не решена. Принимая во внимание стоящую перед многими регионами проблему своевременного обеспечения жильем детей-сирот и лиц из их числа, изменена методика распределения субсидий из федерального бюджета, в которой учитывается общая численность лиц из числа детей-сирот, достигших возраста 18 лет и старше, включенных в список на получение жилого помещения на конец отчетного финансового года по данным форм статистического наблюдения, а не только тех, у которых право на предоставление жилого помещения возникает в текущем году, как было ранее. Данные изменения позволяют увеличить финансовую помощь субъектам Российской Федерации, имеющим значительную задолженность по обеспечению жильем детей-сирот и лиц из их числа, и при формировании региональных бюджетов предусматривать в них средства, достаточные для выполнения условий софинансирования и исполнения расходных обязательств субъектов Российской Федерации.

В Российской Федерации с начала 2013 года в силу вступили новые дополнения к Федеральному закону №15, в соответствии с которым жилье предоставляется сиротам по срочным договорам найма, а после 5-ти лет использования – по договору социального найма. К тому же, новый закон исключает возможность приобретения квартир, комнат общежития или других жилых помещений в собственность [6]. Данная норма призвана оградить сирот от действий квартирных мошенников. Ведь известны неединичные случаи преступных действий по отношению к бывшим воспитанникам интернатов и детских домов. В соответствии с нормами законопроекта, запрещено вселять сирот в те квартиры, в которых проживают их родители, которые были лишены родительских прав, или люди с тяжелыми формами хронических заболеваний, поэтому следует ожидать, что количество нуждающихся значительно увеличится. Большое значение для детей-сирот, имеет и пункт, запрещающий выделять им комнаты в общежитиях или другое жилье, не соответствующее установленным санитарным и техническим нормам.

В Республике Башкортостан в 2013 году утверждена республиканская целевая программа «Обеспечение жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» на 2013–2015 годы [4]. Целью программы является выполнение государственных гарантий по обеспечению жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которые не являются нанимателями жилых помещений по договорам социального найма или членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма либо собственниками жилых помещений, а также детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которые являются нанимателями жилых помещений по договорам социального найма или членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма либо собственниками жилых помещений, в случае, если их проживание в ранее занимаемых жилых помещениях признается невозможным.

В Республике Башкортостан более четырех тысяч обездоленных детей не имеют жилья. Число сирот, нуждающихся в жилье, с каждым годом увеличивается примерно на 20%. Увеличение количества нуждающихся в жилье сирот связано с отсутствием должного контроля со стороны органов местного самоуправления за сохранностью закрепленного за детьми-сиротами жилья, в результате чего такие жилые помещения приходят в негодность и не могут быть использованы для дальнейшего проживания [5].

В 2011 году по республике на учет поставлено 871 лицо из числа детей-сирот, из них по причине непригодности закрепленных жилых помещений – 195 сирот.

Таблица 1 – Динамика численности детей сирот по обеспечению жилыми помещениями за 2011-2013 года в Республике Башкортостан

Показатель	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Общее количество детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, человек	19 300	18 638	18 336
Подлежат обеспечению жильем, человек	3 286	3 386	3 583
в % от общего числа	17	18,2	19,5
Имеют право на получение жилья, человек	1 211	1 170	1 759
в % от общего числа	6,27	6,28	9,6
в % из подлежащих обеспечению жильем	36,85	34,6	49,1
Получили жилье, человек	595	603	630
в % от общего числа	3	3,2	3,4
в % из подлежащих обеспечению жильем	18,1	17,8	17,5
в % от имеющих право на получение жилья	49	51,5	35,8

Судя по таблице 1 наблюдается ежегодный рост количества детей сирот и детей, оставшихся без попечительства родителей, подлежащих обеспечению жильем. На 2013 год их количество составляет практически 1/5 часть из общего количества сирот. Так же ежегодно увеличивается количество получивших право на получение жилья, то есть тех, кому уже исполнилось 23 года. К 2013 году их количество увеличилось на 33% и составило практически половину из имеющих право на получение жилья. Положительная тенденция роста наблюдается среди количества сирот получивших жилое помещение. Но ежегодно только около трех процентов детей сирот из общего количества получают жилье и всего лишь 17–18% из подлежащих на получение жилья, получают его. Таким образом, ежегодно нарушаются права на получение жилья половины детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, получивших право на имущество и жилое помещение.

В современных условиях жилищную проблему детей-сирот предлагается решать также с помощью предоставления социальных гостиных – специализированных учреждений, предназначенных для временного проживания выпускников учреждений для сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Такие гостиные создаются не только как место проживания сирот, они помогают их социальной адаптации, где бывшим воспитанникам детских домов оказывается психологическая поддержка, помощь в трудоустройстве, осуществляется их подготовка к самостоятельной жизни. Помимо всего прочего, в подобных социальных гостиных проживающим молодым людям оказывается поддержка в создании семьи и предоставляется помощь в воспитании детей. Кроме того, в таких учреждениях могут временно проживать не только выпускники интернатов, но и молодые люди, оказавшиеся в сложной жизненной ситуации, нуждающиеся в социальной-правовой и психологической поддержке и помощи.

Организация социальных гостиных является выходом из сложившейся ситуации, поскольку в таких учреждениях будет достаточное количество мест для временного проживания большей части нуждающихся в жилье сирот. Социальные гостиные

представляют собой временное общежитие, необходимое для того, чтобы сироты, лишённые жилплощади, имели право на временное проживание. Жилая площадь в предлагаемой гостинице, в первую очередь, будет предоставляться сиротам, которые уже обзавелись семьей и детьми; во-вторых, тем, кто несколько лет стоит в очереди на получение жилья; в-третьих, сиротам, заканчивающим учебные заведения и, следовательно, лишаящимся возможности проживания в предоставляемых общежитиях; и конечно, тем, кому абсолютно негде жить. К сожалению, на сегодняшний день число социальных гостиных в России невелико, поэтому вместить всех детей-сирот, закончивших интернаты, те не могут.

Помимо социальных гостиных, в большинстве случаев выпускникам детских домов предоставляются комнаты в общежитиях или коммунальных квартирах. Иногда могут быть выделены отдельные квартиры из специального муниципального жилищного фонда.

В современных условиях перспективы развития детей будут зависеть от того, насколько успешно проводится работа по их защите и поддержке семей, воспитывающих детей [2]. Следовательно, для осуществления позитивной государственной политики в отношении детей необходимо поставить перед обществом и государством ряд целей. Во-первых, политические решения нужно принимать в соответствии с правами детей, предусмотренными Конституцией РФ, необходимо упрочить основные гарантии прав и законных интересов детей, а также необходим механизм, восстанавливающий их права в случае нарушений. Во-вторых, следует формировать правовые основы гарантий прав ребёнка. В-третьих, политику в отношении детства необходимо проводить таким образом, чтобы содействовать физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию детей, воспитанию в них гражданственности, а также реализации личности ребенка в интересах общества.

Литература

1. Большакова Н.Л., Мигунова Ю.В., Садыков Р.М. Сиротство как социальная проблема современной России / Монография. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014г. – 200 с.
2. Мигунова Ю.В., Моисеева Т.П. Детская безнадзорность в России / Монография. – Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2010. – 156 с.
3. Мигунова Ю.В., Садыков Р.М. Современное положение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в условиях экономического кризиса // Региональная экономика: взгляд молодых. Труды молодых ученых и специалистов. – Выпуск 11. – Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2014. С. 174–182.
4. Республиканская целевая программа «Обеспечение жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» на 2013–2015 года.
5. Садыков Р.М. Технологии решения жилищных проблем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в Республике Башкортостан //Материалы VII Всероссийской научно-практической интернет-конференции «Проблемы функционирования и развития территориальных социально-экономических систем». – Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2013. С. 230–232.
6. Федеральный закон № 15-ФЗ от 29.02.2012 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей».

References

1. Bolshakova N.L., Migunova Ju.V., Sadykov R.M. Sirotstvo kak socialnaja problema sovremennoj Rossii / Monografija. – Ufa: RIC BashGU, 2014g. – 200 s.
2. Migunova Ju.V., Moiseeva T.P. Detskaja beznadzornost v Rossii / Monografija. – Ufa: ISJeI UNC RAN, 2010. – 156 s.
3. Migunova Ju.V., Sadykov R.M. Sovremennoe polozhenie detej-sirot i detej, ostavshihhsja bez popechenija roditelej v uslovijah jekonomicheskogo krizisa // Regionalnaja jekonomika: vzgljad molodyh. Trudy molodyh uchenyh i specialistov. – Vypusk 11. – Ufa: ISJeI UNC RAN, 2014. S. 174–182.
4. Respublikanskaja celevaja programma «Obespechenie zhilymi pomeshhenijami detej-sirot i detej, ostavshihhsja bez popechenija roditelej» na 2013–2015 goda.
5. Sadykov R.M. Tehnologii reshenija zhilishhnyh problem detej-sirot i detej, ostavshihhsja bez popechenija roditelej v Respublike Bashkortostan //Materialy VII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy internet-konferencii «Problemy funkcionirovanija i razvitija territorial'nyh social'no-jekonomicheskikh sistem». – Ufa: ISJeI UNC RAN, 2013. S. 230–232.
6. Federalnyj zakon № 15-FZ ot 29.02.2012 g. «O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatelnye акты Rossijskoj Federacii v chasti obespechenija zhilymi pomeshhenijami detej-sirot i detej, ostavshihhsja bez popechenija roditelej».